

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Вероника ИВАНОВА

УЗКИЕ УЛОЧКИ ЖИЗНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Annotation

Когда чтение мыслей перестаёт быть фантастикой, оно становится самой обычной работой. Утомительной, неблагодарной, зачастую презираемой, зато хорошо оплачиваемой. Чтецов боятся и ненавидят, хотя они столь же беззащитны перед насилием, как и другие люди, ведь прочитатъ можно только уже написанный текст. А если существуют читающие, почему бы рядом с ними во времени и пространстве не существовать и тем, кому черкнуть несколько строчек в человеческом сознании не труднее, чем сделать запись в дневнике? И когда жертвы и убийцы вдруг перепутают свои роли, на узких улочках старого города, где чудеса случаются так же часто, как встречи старых друзей, окажется, что для человека нет ничего невозможного.

В том числе и перестать быть человеком.

-
- [Вероника Иванова](#)
 -
 - [Вместо пролога](#)
 - [Поток первый](#)
 - [Поток второй](#)
 - [Поток третий](#)
 - [Вместо эпилога](#)
-

Вероника Иванова

Узкие улочки жизни

*Посвящается людям и обстоятельствам — всему,
что мне препятствовало*

*Я могу читать мысли людей, как открытую книгу,
но до сих пор не продвинулся дальше оглавления.*

Джек Стоун

Вместо пролога

— Ты чувствуешь?

Вопрос ввинчивается в уши, но не снаружи, как полагается благовоспитанным звукам. Нет, он рождается где-то внутри, в лабиринте

пустых коридоров, который я уже несколько минут ощущаю на месте своей головы. Крохотное торнадо закручивает кольца в центре пустоты, эхом отражается от стенок черепа и только потом добирается до ушей, встречаясь... Со своим братом-близнецом. А может, и сестрой, ведь вопросы могут быть мужскими и женскими, что гораздо предпочтительнее вопросов безразличных, бесстрастных и бессмысленных.

— Ты чувствуешь?

Надо что-то отвечать. Но что? Правду, только правду и ничего, кроме правды, как завещала нам подслеповатая Фемида? Согласен. Да я и не собирался ни врать, ни фантазировать. Смысла нет. Сам ввязался, сам расхлёбывай. И чем честнее окажусь, тем скорее всё закончится. По крайней мере, надеюсь на это.

— Ты чувствуешь?

Я очень хочу чувствовать. Хочу, хочу, хочу. И похоже, могу. Ну же, ещё одно, последнее сказанье...

Желание раскаляется всё сильнее и сильнее, чтобы в один прекрасный момент вспыхнуть порохом, бесшумно и неосяземо, но погружая путаницу мыслей в пронзительно-белую вспышку. А впрочем, глазами я сейчас ничего и не увидел бы. Чистота эксперимента, мать её!

Нет, никаких обид и разочарований, с чего бы? Всё дальнейшее зависит только от меня. Всё будущее. Каждое мгновение после намеренно задержанного вдоха станет моим. Провалом или триумфом? Сейчас узнаем! Какое неожиданно сладостное ощущение... словно судьбы мира плетёными поводьями запутались в моих пальцах.

— Ты чувствуешь?

Оно приходит неожиданно. Не спрашивая дозволения. Распахивает двери сознания мощным пинком, но, словно решив проверить на прочность моё терпение, не победно марширует, а крадучись семенит по скрипучему коридорному паркету, с каждым новым шажком становясь всё ощутимее и весомее, обрастает плотью формы, наполняется кровью содержания и наконец являет себя во всей красе. И всё же, не слишком ли много у тебя лиц, пришелец? Или, вернее будет сказать, душ?

Азарт и нетерпение.

«Ну же, скорее! Я так ждал этого момента, я принёс мольбы всем святым и демонам... Разве мои труды были напрасны? Нет! Всё должно получиться! Если не сейчас, то никогда больше. Но я это сделаю. Сделаю! И мой гений признают все эти потраченные молью старикашки. Каждый из них! В ножки падут как миленькие! Ещё очередь будут занимать на поклоны...»

Унылое ожидание неизбежного.

«Да когда же, Господи, когда же переведутся все эти молодые и ранние? И не надоедает им открывать Америку по сто раз на дню? Так добро бы только открывали и молчали по углам, а не кричали потом над ухом о своих гениальных проектах... Добьётся результата, не добьётся — какая, в сущности, разница? Станет старше на десяток-другой лет, сам будет смеяться над собой теперешним, а ещё пуще — над молодыми да рьяными. Грант ведь всё равно не получит, выскочка. Очередь на гранты расписана давно и надолго...»

Раздражение.

«А лак-то потрескался... Вот гадина эта маникюрша! Наверняка всучила мне остатки пробника из бракованной партии. И не проверить ведь никак... Ну ничего, она у меня ещё попрыгает! Высоко будет прыгать, старательно, по команде... Что они возятся? Заканчивали бы уже, мне ещё вздремнуть нужно успеть, а то билеты в клуб опять пропадут: не идти же с мятой физиономией! Не особо жалко, не в последний раз посчастливилось, и всё-таки... Но как меня вчера в стеллаж впечатали, не приведи господи повторения!..»

— Ты чувствуешь?

— Да...

Вопрос умирает, чтобы возродиться вставшим на крыло фениксом:

— ЧТО ты чувствуешь?

Я чувствую... Всё.

Правда, всё. Или, по крайней мере, больше, чем мне хотелось бы. Но можно ли назвать этот гомон именно «чувствами»?

Ошалелое, изъязвлённое надеждой и отравленное амбициями ожидание Макса. Стариковский скепсис доктора Петерсена. Праведный гнев Жюли. Я разделяю их. Но вместе с осознанием чуда приходит страх. Нет, даже ужас, который можно было бы назвать паническим, если бы... Если бы мне удалось в этот момент вспомнить, что значит паниковать.

Чужие ощущения, частично трансформировавшиеся в мысли и сложившиеся во фразы из доступных мне кубиков-слов. Их так много... Их слишком много! Они повсюду, но где же я сам?

ГДЕ Я?

— ЧТО ты чувствуешь?

Я гоню их прочь. Гоню изо всех сил.

Оставьте меня в покое! Уходите! Да, я позвал вас, но моё гостеприимство не безгранично, и больше всего на свете мне хочется пинками выпроводить вас вон. Вернуть домой.

— ЧТО ты чувствуешь?

Я могу ответить.

Я могу сказать, что Макс, мой внимательный, добрый друг Макс видит в окошке только один яркий свет: подтверждение своей теории, ради опытного доказательства которой он со спокойной совестью подписал бы мне и смертный приговор.

Я могу сказать, что Петерсен, эта плешивая академическая сволочь, заочно включил Макса в список благодарных аспирантов, ежегодно делающих любимому профессору дорожные рождественские подарки, но ничего большего молодому гению не позволит. Не собирается позволять.

Я могу сказать, что Жюли Денье, старший ассистент психоконсульта управления, предпочитает традиционной релаксационной практике душевспасительные беседы в тесном телесном контакте с оперативниками всех мастей.

Я могу. Но не хочу. Потому что за одним откровением потянется ниточка другого, потянется глубоко-глубоко, в те недра, куда я и в своей душе не пустил бы никого. Придётся поискать в тёмных закоулках что-то невинное, что-то ни к чему не обязывающее, что-то легковесное и легкомысленное, только бы улизнуть от прямых ответов на прямые вопросы.

Найду. Обязательно. Дело чести Макса, не спрашивая дозволения, стало делом и моей чести. Я справлюсь. Сейчас, ещё немножко...

— Я чувствую...

Торопливая скороговорка приносит именно тот результат, который мне нужнее всего: по игле, штык-ножом от «Арнетт-42» торчащей в вене, проносится жидкость, обжигающая ледяным прикосновением, и сознание начинает гаснуть. Медленно, но верно. А потом раздаётся голос Петерсена, одновременно пренебрежительно сухой и похрипывающий от волнения:

— Отбой. Эксперимент завершён удовлетворительно. Можно латать парня.

Поток первый

Есть души, подобные глади пруда, и хоть любое дуновение ветра покрывает их морщинами, в глубине всё остаётся неизменным, а вскоре и снаружи возвращается на круги своя. И есть души, подобные высоким горам. Они могут устоять перед самым сильным ураганом, но если лишь малый кусочек отколется и покатится вниз, неприступный склон горы покроется вечными шрамами...

Несвященное писание.

Откровения Иоанны, строфа 9

Ватные тампоны в носу — это сурово. Ватные тампоны, пропитанные мазью для лечения насморка, суровее во сто крат. Я не питаю любви к ментолу во всех его проявлениях, от леденцов до фармакологических изысков, но, если нет другого средства для высвобождения дыхания, приходится брать даже горячо ненавидимое.

Правильнее, разумеется, было бы не уныло лечить уже поселившуюся в носу хворь, а заранее заниматься профилактикой простуды. Я и стараюсь обычно так поступать. Вовсю стараюсь. Но вчерашний дождь, первый в наступившем сентябре, застал меня врасплох. В самом деле после двух совершенно чудесных недель, по-летнему тёплых и солнечных, трудно было бы предположить резкий перепад погодного настроения от улыбки к слезам, вот я и поверил, что называется, в призрака. Попался на уловку капризной кокетки невесты в какой раз за прожитые на одном и том же месте тридцать три года. Может быть, стоит задуматься о состоянии мыслительного аппарата и начать принимать нечто сосудоочищающее, расширяющее и вообще регулирующее? Стоит. Но рассеянность не позволит довести до победного финала ни один курс приёма лекарств, а вкупе с ленью и моим удивительным равнодушием к собственной персоне убьёт любое светлое намерение в зародыше.

Впрочем, простудился я не только из-за занятой смеси фамильных черт характера, с которыми меня способна разлучить лишь могила. Настоящими виновниками были туфли, стачанные то ли на кустарных

фабриках далёкой Поднебесной империи, то ли в одном из подвальных помещений Нового Амстрихта. Китайские, чтоб у их родителя глаза вылезли на лоб или заползли в череп до полного исчезновения! С «чайна мэйд» так всегда: или приобретёшь исключительно качественную поделку, которая прослужит верой и правдой много лет, или нарвёшься на то, что расползётся по швам в считанные дни. Туфли, впрочем, не развалились, но в дождь радостно принялись едва ли не всасывать в себя воду. Сворачивать с привычной дороги домой показалось мне занятием бесперспективным отчасти ещё и потому, что обувные лавки уже целых полчаса были закрыты в связи с окончанием рабочего дня, поэтому не оставалось ничего иного, как прислушиваться к чавканью воды под пятками и стараться избегать особенно глубоких луж.

Ну ничего, сегодня я не намерен повторять ошибок, приводящих к насморку. Судя по показаниям термометра и осторожному заявлению диктора в утренних новостях, к нам пришла настоящая ройменбургская осень. Дожди, утренние заморозки, вечерние туманы... Пора доставать сапоги. Зря я, что ли, их покупал? Натуральная кожа, чулком сающаяся по ступне и на четыре пальца поднимающаяся выше щиколоток. А фасон, какой фасон... Сказка! «Полдень в Палермо», мечта всей моей юности, расцвеченной в немалой степени и фильмами о суровых людях с юга Италии. Кому-то моя обновка покажется старомодной, кому-то, наоборот, предвестником очередного возвращения классики, но главное, она удобная. И уютная.

Всё, належался, намечтался! Пора завтракать. А что у нас на завтрак?

По законам жанра следовало бы жарить яичницу с беконом, ибо чем ещё может насыщать себя рано утром настоящий англичанин? Но топленый на сковороде подкопчённый свиной жир — не самая здоровая пища, а я англичанин только наполовину. Папину.

Генри Джеймс Стоун, высокий, плотный, отчаянно рыжеволосый и столь же отчаянно весёлый уроженец Альбиона, приехал в Ройменбург тридцать пять лет назад по долгу службы. В город, который я по праву считаю своей родиной, вообще приезжают только по делам. А остаются жить исключительно по любви. В папином случае любовь нашла своё земное воплощение в лице чистокровной немки, белокурой и строгой Дагмары Хоффманн, что забавно, также оказавшейся в упомянутой городской черте не из любопытства и праздности, а в процессе рабочей поездки. Но Гермес охотно уступил бразды правления судьбами своих подопечных Афродите, и не прошло и полугода, как в пригороде Ройменбурга Ноймеердорфе поселилась молодая семья. А ещё спустя

совсем небольшое время у четы Стоун-Хоффманн появился наследник, которого по настоянию мамы назвали Джеком.

Да, именно мама ратовала за то, чтобы я носил сугубо английское имя. Как она объясняла, из-за моей похожести на отца. На деле же грубоватые очертания подбородка и суровые брови я унаследовал скорее от Дагмары, в крови которой наверняка прятались следы не одного рода германских рыцарей. Светло-каштановые волосы и, если я когда-нибудь решусь их отпустить, рыжевато-пшеничного оттенка усы — вот это точно от отца, вне всякого сомнения. А глаза получились серединка на половинку: не голубые и не густо-серые, а что-то среднее. Впрочем, для Ройменбурга моя внешность была самой обыкновенной, и назвать меня можно было с тем же успехом и Джованни, и Михелем, и Роландом. Никто бы не удивился, потому что... Жители Ройменбурга никогда и ничему не удивляются, а если быть уж совсем точным, ни за что не покажут малознакомому человеку своего удивления, такова их сущность, старая, как сам город, хотя кому-то три века существования могут показаться каплей в море истории.

То было время ослепительных падений и взлётов. Рушился Ганзейский союз, укреплялась королевская власть европейских владык, открывались новые горизонты на западе и востоке, а в тихой северной провинции, которую миновали потрясения войн, как торговых, так и завоевательно-освободительных, три близлежащие деревеньки мало-помалу придвинулись друг к другу своими границами, а потом и вовсе слились воедино, благо регулярно пополнялись новыми обитателями, бежавшими то ли от мирской суеты, то ли от врагов, то ли от друзей. Тишь, гладь и божья благодать сопровождали бытие будущих ройменбуржцев почти полтора века, когда вдруг стало ясно, что поселение вполне заслуживает право носить гордое имя «город», и на общем сходе было решено обратиться к властям с полутребованием-полупросьбой об изменении статуса. Власти, как это ни странно звучит, согласились, даже без чрезмерной мзды, и в середине восемнадцатого века от Рождества Христова в Северной Европе возник новый город, свободный от предрассудков заносчивых долгожителей и принимающий в своих стенах любого, кто... Умеет любить.

Об истории Ройменбурга можно прочитать и в университетской библиотеке, но мне куда больше нравилось слушать рассказы соседа, который часто прогуливался вместе со мной по узким улочкам Ноймеердорфа во времена моего детства и отрочества, а потом составлял компанию за кружкой пива в заведении фрау Герты. Самое поразительное, что Би Олдмэн ничуть не менялся последние двадцать пять лет. Впрочем,

как может измениться высушенный жизнью маленький старичок с курносым носом, создающим впечатление, что переносицы на морщинистом лице отродясь не было? Разве что слегка поблекнуть красками, но... Учитывая нежную и всепоглощающую страсть, питаемую моим знакомцем к тёмному элю, можно было не бояться за то, что с пергаментных щёк пропадёт игривый румянец. Зато слушать мистера, или, как он сам произносил, «миста» Би можно было часами. Я и слушал, причём в юности едва ли не с большим увлечением, чем в детстве. Наверное, потому что ненайденные клады витальеров гораздо успешнее волновали воображение, уже имеющее представление и кучу фантазий о том, что можно сделать с этим самым кладом...

Половинка помидора и несколько колечек репчатого лука, спрыснутого кипятком. Хорошо бы ещё дольку чеснока отжать, но не хочется нервировать коллег на работе ароматным дыханием. Тосты делать не буду, и так вчера изделий из теста употребил сверх меры. Правда, пирожки с капустой первого урожая были слишком хороши, чтобы огорчать соседей отказом от снятия пробы. В конце концов, мы делим между собой один сад, и я иногда принимаю участие в поливе грядок и прочих садово-огородных работах, так что имею полное право вкушать плоды трудов своих. Обычно не в столь большом количестве, разумеется. Но под пиво, сваренное на молодом хмеле... Всё, пора закрыть воспоминания на замок, иначе и скромный завтрак в горло не полезет.

* * *

Плюх, бух, бам и не один десяток неприличных выражений, оставшихся невысказанными, — вот мои постоянные спутники в путешествии по ройменбургской подземке. Здесь всегда тесно и многолюдно, хотя, если рассуждать с применением таких средств, как логика, основной поток пассажиров должен наводнять метро лишь в утренние и вечерние часы. Однако жизнь редко подчиняется законам науки, зато свято следует закону подлости, и, в какое бы время дня и ночи я ни садился в поезд на Юго-Западной линии, кто-нибудь непременно норовил пройтись мне по ногам. Хорошо, если не топтался. А окажись я нерасторопен и невнимателен больше, чем обычно, то всякий раз недосчитывался бы пуговиц с пиджака. Собственно, по этой причине предпочитаю верхнюю одежду с застёжкой «молнией»: порвать труднее. Ненамного, но в некоторых вещах и малые шансы становятся

определяющими.

Ой, ай, упс, уфф-ф... Основная масса студентов вылетела из вагона на «Университетской», и у меня наконец-то появилась возможность раскрыть утренние газеты. О чём расскажет пресса? Порадует или огорчит?

Ритуал поедания глазами свежих печатных изданий возник у меня давным-давно, можно сказать, в самом начале трудовой деятельности, когда опытным путём выяснилось, что дорога от дома до работы занимает не меньше трёх четвертей часа, львиную долю которых нужно проводить в поезде подземки. Сначала я боролся со скукой испытанным средством — дремотой, но утренний транспортный сон приводил к тому, что на рабочее место водружался некто рассеянный и зевающий, а закрытые глаза в вечернем поезде — к пропуску родной остановки. Добро бы, она была конечной, тогда я мог бы с чистой совестью дожидаться недовольного похлопывания по плечу от дежурного по станции, а так... Спать, не смежая век до конца, ещё хуже, чем не спать вовсе. Но, слава господу, решение проблемы нашлось довольно быстро. Газеты и журналы — вот всё, что нужно зевающему молодому человеку, чтобы довольно долгое путешествие пролетело почти незаметно. У этого способа был только один существенный недостаток: горы макулатуры, которые раз в месяц выволакивались из дома для сдачи на приёмный пункт.

Поначалу чтение прессы воспринималось мной как некая терапия, но привычку оно вызывало не хуже наркотиков, и спустя год я уже и помыслить не мог утро и вечер без порции печатного слова. Чем пахнут новости? Нет, вовсе не жареным, как человечеству упорно внушают дельцы от рекламы. Новости пахнут типографской краской, ароматом мира, одновременно находящегося в двух разных реальностях: рядом с нами и на газетной странице.

Правда, события, нагло вторгнувшиеся несколько лет назад в мою жизнь, превратили ритуал в лотерею, потому что, открывая газету, я никогда не знаю, что ждёт меня в печатных колонках, но тем и интереснее становится игра. А как насчёт сегодняшней прессы? На этой неделе джекпот ещё не был разыгран, и у меня есть все шансы на очень крупный, хм... выигрыш.

«Президент Соединённых Штатов выступил в Конгрессе с заявлением о необходимости продления времени нахождения ограниченного контингента американских войск в Персидском заливе...» Интересно, а мог ли он заявить что-то другое? Пока нефтяные компании не распределили между собой сферы влияния, нового игрока на рынок никто не пустит. Все всё знают, но стараются сохранить лицо, прячась за красивыми и пустыми

словесами. Мир, любимый мир...

«Губернатор Вестфальских земель одобрил прошение ассоциации транспортных компаний о выделении новых квот на строительство платных магистралей...» Вот в общем и целом хорошая новость. Количество идеальных дорог увеличится, и это не может не радовать. С другой стороны, если перевозчики заполучат их в собственность, то для обычных смертных плата за проезд будет поднята выше действующей сейчас, стало быть, возрастёт нагрузка на старые дороги, они будут разрушаться стремительнее, и бюджетные дотации на реконструкцию потребуются раньше, чем в указанные в предварительных планах сроки. Любопытно, кто из аппарата губернатора был автором сей гениальной идеи? Не перевелись ещё талантливые люди в правительстве. Их бы таланты да на благое дело... М-да.

«Счастлирое воссоединение! Новая удача „Бюро поиска разлучённых судьбой“! Они встретились спустя почти полвека, но узнали друг друга с первого взгляда. Ещё в школьные годы Мария и Питер...» В нижней части колонки текста — фотография, запечатлевшая миг встречи. Старичок и старушка. Он, судя по выправке и прямой, несмотря на чуть перекошенные плечи, спине, бывший кадровый офицер. Она — дородная и совершенно седая фрау, а целый выводок детей рядом наверняка стайка внуков, уж больно все они похожи на женщину, чьи веки ощутимо дрожат даже на застывшем кадре.

«Господи, Господи, Господи, да он же совсем не изменился, всё такой же бравый красавец! А я-то... Расплылась как квашня, на люди выйти стыдно. А уж к нему и подавно. Не узнал бы, и хорошо бы было... Нет, узнал. По глазам вижу, глаза у него всегда как звёздочки были, светлые и ясные, а тёплые какие... И смотрит... По-прежнему смотрит. Как на том танцевальном вечере. Так смотрит, что хочется снова в вальсе закружиться... Да куда уж мне вальсировать! Внучат нянчить и правнуков — вот и всё, что мне теперь нужно. А ведь хочется... Как же хочется снова его ладонь на талии почувствовать! Хотя бы ещё один раз. Напоследок. А большего я у Господа просить не могу. Грех большего просить-то...»

«Венчание назначено на двадцать седьмое число в кирхе Святой Девы-заступницы, в этот день две семьи официально станут одной. Впрочем, по заявлению старшего сына госпожи Майер, церемония — лишь дань уважения гражданским законам, а истинное чувство единения все родственники с той и другой стороны почувствовали, увидев счастье своих стариков...»

Значит, вальс всё же состоялся. И слёзы, разумеется, были. Радостные

и тёплые. Например, как у меня. Правда, моё состояние более справедливо описывается как «сопли ручьём».

Сморкаюсь в бумажный платок и ловлю удивлённый и отчасти неодобрительный взгляд дамы, стоящей рядом. Да, вот такой я нежный и чувствительный. До чужих переживаний. Но с чтением душещипательных историй в общественном транспорте нужно быть поосторожнее. Потому что прослезившаяся девица юных лет выглядит вполне привычно, а когда глаза вытирает взрослый мужчина... Можно сослаться на аллергию или простуду, но не каждый же день! Нет, только новости, официальные политические заметки ни о чём, биржевые сводки, индекс инфляции и прочее. Хотя инфляция способна довести до слёз ничуть не менее успешно, чем воссоединение влюблённых.

Плата за электричество снова выросла. Ненамного, но по капельке, по капельке — и море наберётся, как любит приговаривать миста Би, поглаживая кружку с пенным напитком. Надо будет в следующее посещение пенсионной службы поинтересоваться, как скажется рост цен на выплате пособия. Хорошо, что моё дело проходит по местному ведомству, а не федеральному: наш мэр строго следит за благополучием горожан. Как гласит легенда, пристальное внимание к нуждам жителей Ройменбурга стало отличительной чертой для избираемых глав города с того самого дня, когда проштрафившегося градоначальника публично казнили на Ратушной площади, а королевские военачальники так и не отважились начать штурм, дабы покарать самодетельных смутьянов, справедливо полагая, что, пока город исправно платит в казну все подати, он волен жить в своих пределах, как сам того пожелает.

Повезло мне с городом. Крупно повезло.

* * *

Хоффнунгштрассе начинается в стеклянно-бетонном деловом центре, но истинное своё лицо и характер проявляет квартала через четыре, когда модернизированные старые постройки и ловко замаскировавшиеся под старину новые уступают место настоящим аборигенам.

Я прохожу этой дорогой каждый рабочий день вот уже почти пять лет, от станции подземки до дома, в котором расположился салон «Свидание», и каждый раз ощущаю себя так, будто путешествую во времени, впрочем, совсем недалеко в веках: на какие-то две сотни лет, не больше. Ройменбург — молодой город, юный побег в роще древних деревьев, но тем заметнее

разница между зданиями, помнящими дни бесчисленных графств и княжеств и возведёнными по настоящему требованию научно-технического и экономического прогресса. Доходные дома середины прошлого века и нынешние гостиницы, тщательно вписанные в существующий облик города, никогда не спутаешь между собой. А всё почему? Потому что у клочка земли, отведённого под фундамент, не было внятной истории, ему нечего было впитывать и запоминать, кроме надежд и чаяний архитекторов, строителей, а позже — людей, решивших провести свою жизнь в возведённом доме.

В любом старом городе сила памятников истории настолько велика, что новички гнутся под её напором и быстро дряхлеют душой, потакая страху отличаться от старожилов. А неподчинившиеся становятся выскочками, неуютными и неприкаянными. В таких домах невозможно жить: всё время чувствуешь себя словно на отшибе, за невесомой, но непреодолимой оградой. Словно находишься в тесной клетке. Я сам ухитрился побывать в такой ловушке, когда ездил в Венецию. Впрочем, города с женскими именами — это совсем отдельный разговор...

Выбеленная штукатурка стен, протравленный тёмной морилкой брус, массивные ставни с бронзовыми уголками и старчески поскрипывающими петлями. Да-да, именно ставни, а не практичные и современные рольшторы! Всё сохранено точно таким же, каким было полтора века назад. Хотя дом уже тогда строился лишь с намёком на типичные дома старой Европы, он вписался в отведённое место наилучшим образом. Стройный, вытянувшийся вверх на три этажа, с двух сторон поддерживаемый более старыми домами-братьями, легкомысленный и беспечный... Сразу и не скажешь, что внутри его скрывается одно из самых странных и таинственных частных предприятий Ройменбурга. Хотя таинственность имеет обыкновение возникать вовне, а вовсе не внутри какой-либо вещи или события. Любопытные вопросы рождаются от недостатка осведомлённости у непосвящённых наблюдателей, тогда как непосредственные участники не видят в своих занятиях ровным счётом ничего необыкновенного.

Откройте любую ройменбургскую газету на странице с рекламными объявлениями, только не задерживайте взгляд на пышных заголовках салонов гаданий и предсказателей судьбы, а сразу направляйтесь в левый нижний угол и ищите скромную рамку, сплетённую из листочков клевера. А потом прочитайте заключённый в неё текст, но не спешите смеяться или недоумённо поднимать брови, ведь всё написанное — правда. Чистая, как вода горных источников, на которой варится любимое пиво горожан.

«Мы не торгуем счастьем, мы устраиваем свидание с ним. Дальнейшее зависит только от вас».

Метеосводка обещала хмурый день, но это не повод оставлять ставни закрытыми. Порядок есть порядок, как любит приговаривать немецкая половина моей души, работа есть работа. В будни приём посетителей начинается чуть позже десяти часов утра, но персонал, разумеется, приходит заранее. Вернее, заранее приходим я и моя грубая мужская сила, потом начинается непродолжительное сражение со ставнями и дверным замком. Монстр, преграждающий путь в салон, по моему мнению, нуждался в замене вот уже лет семьдесят, но леди Оливия категорически запретила приглашать мастера и тем более самостоятельно копать в недрах бронзового чудовища, дабы «не посягать на неприкосновенность чужого жилища», и туманно обронила что-то вроде: «В решении любых проблем разумнее использовать переговоры, а не насилие». Доводы о том, что нежелательной прикосновенности может подвергнуться наше жилище, то бишь салон, успеха не возымели. Признать за дверным замком право на самоопределение вплоть до самоотделения я не хотел до тех пор, пока однажды не простоял битый час, прячась от дождя под узким козырьком подъезда и посылая проклятия на головы всех, кого мог припомнить, начиная от неизвестного мастера скобяных дел и заканчивая самим собой, не догадавшимся захватить маслёнку. В конце своей, как сейчас помню, искренней и проникновенной речи я отчаялся настолько, что обратился непосредственно к замку с предложением открыться, если он, конечно, желает, чтобы хоть один человек за сегодняшний день обрёл долгожданное счастье. То, что произошло дальше, не поддавалось ни малейшей, привычной каждому из нас с рождения, логике: я отчётливо услышал, как язычок замка щёлкнул без участия ключа, и дверь ушла из-под опиравшейся на неё моей спины...

Не нашедшее объяснения происшествие повлекло за собой два существенных изменения в материальном и нематериальном мире. Во-первых, я прекратил практику ежебудничных препирательств с замком, а во-вторых, заменил коврик в прихожей на более мягкий и не елозящий по полированному паркету, потому что, когда моя пятая точка познакомилась с приспособлением для очистки подошв уличной обуви, я имел честь прокатиться на нём до противоположной стены и прослушать бой напольных часов непосредственно над своей головой.

... — Доброе утро!

Ранний прохожий, решивший, что я обращаюсь к нему, рассеянно буркнул в ответ: «Доброе», и пришлось вежливо раскланяться, чтобы не

создавать впечатления сумасшедшего. Хотя опасаться нечего: даже если моё поведение покажется странным или неуместным, ни упрёка, ни более серьёзных последствий не будет. В Ройменбурге каждый имеет право на свободу быть таким, какой он есть, ни больше ни меньше. До тех пор, разумеется, пока не полезет со своей свободой на чужую территорию.

Замок щёлкнул приветливо, но слегка злорадно, словно подхихикивая надо моими злоключениями.

— Смейся-смейся, — равнодушно разрешил я. — Только когда нагрянут октябрьские туманы, не проси меня о свежей смазке.

Остаться на улице для продолжения односторонней беседы не хотелось: сентябрь тоже начинал показывать свою тёмную сторону, слезливую и сопливую, поэтому я вошёл в дом, захлопнул дверь и тщательно вытер подошвы сапог о коврик.

Замок помолчал примерно с минуту, потом издал звук, похожий на ворчливый скрежет. Мол, пошутил неудачно, но ничего страшного. Мол, мы же свои люди, всегда сочтёмся.

— Я подумаю.

Короткий вопросительный скрип.

— Подумаю, какую марку смазки выбрать. «Аккерсон», к примеру. Или больше подойдёт «Бауэр»?

Порыв уличного ветра пролетел через замочную скважину со свистом, больше всего напоминающим азартное удовлетворение.

Вот так почти каждое утро. Разговариваю с дверью. Это нормально? Для меня — вполне. Я вообще люблю поговорить. Правда, и одиночество люблю, но не одновременно, а порознь, когда устаю от общения. Собственно, поэтому и работа, выбравшая меня, не связана с толпами народа и намозоленным от бесконечной болтовни языком. Даже персонала в салоне количество весьма и весьма ограниченное. Собственно, всего лишь я и...

— Утро.

Вот кого-кого, а её дверь всегда пропускает бесшумно и галантно, и я очухиваюсь, только когда мне в спину втыкается то энергичное, а то вялое, как сегодня, приветствие.

Соглашаюсь:

— Утро.

Огромные сонно-голодные глаза на бледном личике моргнули, передавая движение всей голове, желтовато-серые кудряшки слегка взлохмаченных ветром волос всколыхнулись, а вельветовый берет цвета красного вина пополз вслед за зацепившими его пальчиками.

— Отвратительная погода.

Киваю, хотя и сомневаюсь, что Ева видела в своей жизни осень, отличную от местной. Как и я, фройляйн Цилинска родилась и выросла в Ройменбурге, а если и покидала пределы города, то на весьма непродолжительное время, чтобы успеть заметить вокруг существование иных миров.

— Вижу, ты к ней вполне подготовлена.

— А? Ага.

Присаживается на низкий пуфик, разгребает складки широченной цветастой юбки и начинает стаскивать ботинки. Стаскивает медленно и безучастно, словно не умом понимает, зачем это делает, а выполняет заложенную программу. Ботинки, кстати, того фасона, который называют туристским, с толстой подошвой, выглядящие комично громоздкими на тонких Евиных ногах, особенно в сочетании со всем остальным нарядом.

Сегодня мы играем в Кармен? Короткий жакет расстёгнут, выставляя на обозрение кроваво-алую блузку, явно сползающую с узеньких плечиков. Маки того же насыщенного цвета, рассыпанные по черноте юбки. Серьги-кольца настолько большого диаметра, что застряли намертво, зацепившись подвесками за петельки буклированной ткани воротника.

За ботинками на пол следуют носки. Толстенные, из настоящей овечьей шерсти, до умопомрачения деревенские. Под одним из носков обнаруживается свежая дырка на колготках, и мне даже не нужно напрягаться, чтобы...

«Опять сорок пять. И ногти, состриженные почти под корень, не помогают. Наверное, с пальцами что-то не так. Бе-э-э... Надо будет зайти в „Эверсон“ и взять ту упаковку по скидке: в конце концов, целых пять пар, и на неделю вполне может хватить...»

Если бы я собирался в ближайшее время жениться, то, не задумываясь, предложил бы руку и сердце Еве. Какая ещё девушка способна относиться к дырке на колготках как к преходящей суете, не стоящей сожаления? Только за сегодняшнее утро, пробираясь через толпу на площади Норденштерн, по меньшей мере у семи дам разного возраста и положения я *прочитал* душераздирающие стенания по поводу крошечных пятнышек на щиколотках, в считанные мгновения развившиеся до страшных проклятий в адрес уличных уборщиков, не осушивших все швы брусчатки. Причём некоторые из обиженных искренне полагали, что нерадивых работников нужно заставить изымать влагу из стыков между камнями мостовой с помощью носовых платков. М-да... Нет, после такого весёлого начала дня пессимистичный пофигизм Евы представляется поистине подарком небес!

— Тьфу на вас.

Ни капельки лишних эмоций, словно боится растратиться впустую. Хотя я прекрасно знаю почему. И она узнает. В своё время.

Поднимается, берётся за полы жакета, намереваясь освободиться от верхней одежды, и я, поймав взглядом металлический блик, запоздало вспоминаю о серьгах:

— Подожди!

Мягко останавливаю энергичное движение рук и осторожно разъединяю ткань и крюпочки узорчатых подвесок. Густо намазанные тушью, а в оригинале — пепельно-серые ресницы кокетливо смыкаются, а ярко-алые губы растягиваются в улыбке, делая девушку похожей на лягушонка, злоупотребляющего косметикой.

— Вы сегодня трогательно заботливы, Джаак.

Не знаю почему, но с самой первой встречи, с момента знакомства она называет меня именно так. Наверное, искажение звуков кажется ей чем-то великосветским и изысканным, иного объяснения найти не могу. Залезать же поглубже в её сознание не хочу. А может, и не могу. Не пробовал ещё совершать серьёзные погружения. Страшно. За себя в основном. А поскольку инстинкт самосохранения — самый полезный инстинкт для человека, стараюсь к нему прислушиваться как можно чаще и внимательнее.

Чувствуешь себя неотразимой, девочка? Замечательно, рад за тебя. Хотя эти жуткие чёрные линии на веках... Бррр! Кто тебе сказал, что они красивы? Очередной гляцевый журнал? Жаль, авторы модной статейки забыли упомянуть о необходимости наличия мастерства и твёрдой руки у того, кто собирается макнуть кисточку в тушь.

— Нужно внимательнее следить за аксессуарами.

— А... — Она беспечно махнула рукой. — Пусть.

— Мочки порвёшь.

— Заживут.

И возразить ведь нечего. Заживут конечно же. Ещё можно обратиться к пластическому хирургу, хорошему знакомому нашей хозяйки, и, буде после естественного заживления останутся шрамы, всё аккуратненько зашлифовать. Кстати о хирургии. Если чревоугодие пойдёт набранными темпами и дальше, мне самому светит проведение липосакции, потому что за последнюю четверть часа желание перестегнуть ремень на другую дырочку приходит всё чаще и чаще.

— Не фиг жрать перед сном. Особенно капусту.

Прочитала-таки. Браво. Хотя я и не прятался нарочно, на самом виду

воспоминания о сытном ужине тоже не лежали. Интересно, как она фильтрует чужие мысли? Осознанно или случайным образом? У меня свои методы *чтения*, возможно в корне неправильные, а возможно единственно верные для моих способностей, и хотелось бы избавиться от этого чувства неопределённости, по крайней мере, для того, чтобы спокойно исполнять свою работу. Но сейчас задавать любые вопросы бесполезно и бессмысленно, потому что, хотя Ева и медиум, но всё ещё латентный. И слава господу! Как только дар то ли небес, то ли преисподней окрепнет и наберёт силу достаточную, чтобы заявить о себе внешнему миру, девочке предстоит много обременительных занятий, начиная от посещения официальных инстанций и заканчивая внесением корректив в личную жизнь. Причём последними пренебречь будет попросту невозможно.

— Кстати о еде. — Я протянул Еве бумажный пакет, наполняющий пространство прихожей ванильно-коричным ароматом. — Фрау Ксана оказала нам любезность, поделившись вечерним кухонным рукоделием.

Девушка не преминула сунуть внутрь свёртка не только нос, но и любопытный взгляд.

— Мм, какая вкуснятина!

— Это называется «плюшки».

— Плу-у-ушки... — Исковеркав на любимый манер незнакомое слово, фройляйн Цилинска мечтательно облизнулась и тут же недоумённо сдвинула брови: — Ты ещё здесь? И даже чайник не поставил? Пресвятая Дева, ну почему мужчины такие... такие... такие...

Оправдания не были бы приняты в любом случае, а объяснения и подавно, поэтому я предпочёл аккуратно завершить ритуал собственного освобождения от верхней одежды, между делом прислушиваясь к доносящимся с кухни недовольным возгласам белокурой ворчуньи. Промедление грозило существенным сокращением предназначавшейся мне порции лакомства, но удовольствие наблюдать перепачканные сахарной пудрой губы и кончик остренького носика того стоило. В конце концов, если станет совсем невтерпёж, попрошусь к соседям на ужин ещё раз. Всё равно того количества еды, что ежедневно готовит фрау Ксана, с лихвой хватит и хозяевам, и гостям.

По документам, которые мне доводилось видеть, пышнотелая и на загляденье черноволосая для своих вполне уже взрослых лет домработница семьи Эйлер звалась Оксаной Олешко. Даже для Ройменбурга славянское имя — редкость, а история появления украинской девушки в сердце Европы хоть и не была невероятной, но и обыденностью также не отличалась.

Всё началось ещё в середине прошлого века, во время войны. Завоеватели, мнившие себя непобедимыми, уверенно шествовали от страны к стране, устанавливая свои порядки, пока не споткнулись о Россию. Чем всё завершилось, вам расскажет любой учебник истории. К счастью, хотя имена победителей каждая нация пишет на свой лад, имена побеждённых остаются неизменными, и это главное. Память. Можно забыть об одержанной победе, но нельзя стирать из воспоминаний собственное поражение, ведь печальный опыт всегда приносит больше пользы...

Мать фрау Ксаны попала в Германию на первом году войны. Тогда ещё на оккупированных территориях не зверствовали каратели, и эшелоны везли не узников в концлагеря, а рабочую силу. Правда, шестнадцатилетняя Марьяна в отличие от большинства своих соседей по вагону покидала родину едва ли не с радостью: иногда с кровными родственниками жить страшнее, чем с кровными врагами. На немецкой земле девушке повезло по распределению попасть к придерживающимся консервативных взглядов супругам Эйлер, которые не делали различий между национальностями и происхождением тех, кто честно отрабатывает свой хлеб. И не было ничего удивительного в том, что, когда война закончилась, Марьяна приняла решение не возвращаться домой. А дальше... Дальше всё было чинно, спокойно, истинно по-немецки: работающий муж, дети и старость в окружении всех полагающихся благ и искреннего уважения.

Фрау Ксана, как и её сёстры и братья, не без участия Эйлеров получила хорошее образование, но всему прочему предпочла заботу о семье, подарившей её матери шанс на новую жизнь. Можно сожалеть о загубленной карьере, но лично я радуюсь. Потому что иначе невозможно было бы близко познакомиться с сотнями вкуснейших блюд и историей со столь счастливым завершением, что многие считают её сказкой, выдуманной от начала и до конца.

В детстве мне очень нравились сказки. Помню, я был твёрдо убеждён, что и реальная жизнь подчиняется сказочным законам. Должна подчиняться. Конечно, по мере взросления иллюзии испарялись и растворялись в коптящем дыме разочарований, но и сейчас где-то в глубине моей души живёт наивная вера в чудо. А не умерла она именно благодаря доброй женщине, сохранившей в своей речи смешной материнский акцент и однажды поделившейся со мной своей простой, но почти волшебной историей. До сих пор не могу понять, почему фрау Ксана вдруг разоткровенничалась с юношей, никогда не проявлявшим повышенного интереса к жизни соседской семьи. Я и слушать-то не особенно хотел...

Пришлось. Воспитание сказало: «Надо! К тебе обратились, так будь любезен ответить вежливым вниманием». И я не пожалел. Ни о потраченном времени, ни о чём другом. Потому что рядом с садовой тропинкой, по которой я возвращался домой, мне мерещился шелест крохотных крылышек и подмигивающие из цветочных бутонов огоньки лукавых глаз, словно подтверждающие: чудеса случаются, нужно только не отказывать им в праве на существование.

— Канцлер принял делегацию... Наша футбольная сборная в очередной раз... В субботу состоится мировая премьера нового блокбастера...

Ой-ййй! Ева включила телевизор и начала прыгать по каналам. Давно надо было бы выбросить пульт дистанционного управления, но если бы я набрался решимости поступить подобным образом, меня ожидали бы две недели истерик и годы холодной войны. Воевать любому гражданскому лицу нравится ещё меньше, чем слушать визг рассерженной женщины, поэтому и я терплю, благо быстрая смена программ не позволяет сосредоточиться ни на одной новости. Если понадобится узнать подробности, читаю газеты. А смотреть, к примеру, сводку криминальных событий, да ещё, не приведи господи, интервью с потерпевшими... Нет уж. Фотографий мне вполне достаточно. Даже чересчур.

Девчонке хорошо, она пока может работать только вживую, только с тёплым и дышащим объектом, поэтому все мерзости телетрансляций проходят мимо. Нет, я не завидую. Я с ужасом жду того момента, когда её судьба доползёт до поворота, за которым всё изменится. Хотя...

Как мне рассказывали, кое-кто ухитряется получать от таких изменений удовольствие. Буду надеяться, что и Еве повезёт.

— Рабочий день уже начался, не так ли, господа?

Хозяйка всегда появляется неожиданно. И для меня, и для фройляйн Цилински. Вначале мне становилось здорово не по себе от сваливания начальства снегом на голову подчинённых, но уверившись, что и моя напарница, гораздо тоньше и яснее чувствующая чужое присутствие, остаётся в неведении до момента, как прозвучат слова приветствия, я перестал обращать внимание на сумятицу собственных ощущений.

— Да, миледи. Ещё минуточку, и мы будем готовы.

— Учтите, больше двух минут у вас в распоряжении нет: клиент скоро постучит в дверь.

Откуда она знает? Пожалуй, загадочная осведомлённость Оливии ван дер Хаазен о событиях ближайшего будущего — несказанно более

удивительное качество, нежели способность своим появлением заставить окружающих врасплох. И накоплению оставшихся без ответа вопросов помогает несколько причин.

Во-первых, клиенты салона никогда не записываются на приём заблаговременно, такова уж специфика нашей работы: человек ведь не предполагает заранее, когда ему понадобится встреча со счастьем. Стало быть, узнавать о новом визите из обычных источников, к примеру из записной книжки, хозяйка не может.

Во-вторых, я не заметил на протяжении всего квартала ни одной камеры видеонаблюдения. Да, был грешок, думал, что всему виной примитивная слежка за изображением на мониторах. Но меж тем не подтвердилось наличия соответствующей техники ни снаружи, ни внутри дома, а кроме того, несколько раз Оливия намекала на скорый визит, сидя вместе с нами на кухне и наслаждаясь свежесваренным чаем, и уж в данном случае никакой речи о мониторах быть не могло. Если только за ними не сидел кто-то неизвестный и не шептал на ухо нашей хозяйке о результате своих наблюдений.

В-третьих... Да, это мерзопакостное и вездесущее «в-третьих»! Даже упёршись взглядом в изображение с видеокамеры, не всегда можно понять, что на уме у прохожего. Если он остановился у двери салона с намерением постучать, то, разумеется, вопросы отпадают. Но тогда между предупреждением Оливии и собственно гулом потревоженной бронзы должно проходить несколько секунд, а она милостиво разрешила нам дожевать надкусанные плюшки. Как, чёрт побери? Как можно узнавать будущее? Смотреть в хрустальный шар? Сомневаюсь, что он предоставляет надёжные сведения.

Впрочем, времени на размышления нет. Пора готовиться к встрече гостя, тем более...

Донн-донн-донн.

Стучат. Иду открывать.

* * *

— Это салон «Свидание»?

Подобный вопрос задаётся каждым клиентом и тревожит мой слух в лучшем случае один раз в неделю, в худшем — по сотне раз на дню. Он надоедлив, но неизбежен, поскольку в газете публикуется только адрес, а на стене дома нет никакой вывески. И я привык отвечать:

— Да. Прошу вас.

Когда Ева раздражается от очередной неудачной шутки с моей стороны, она любит позлословить, что меня взяли на работу в салон именно из-за умения встречать посетителей. А я обычно не спорю, поскольку вынужден жить по закону: если сам не могу заняться любимой работой, пусть работа занимается мной. Притворяться швейцаром — не предел моих мечтаний, но если требуется... Причём требуется вовсе не мне, а тому, кто переступает порог «Свидания». Требуется всегда и настоятельно.

Нужно улыбнуться. Вежливо, с непременным соблюдением правильной пропорции искреннего участия и холодного профессионализма, показывая пришедшему: ваши секреты останутся при вас ровно столько времени, сколько вы пожелаете. Например, целую вечность.

Нужно коротким движением руки, указывающей предлагаемое направление движения, не испугать, а внушить уверенность пополам с надеждой.

Нужно... Любить людей, решившихся на посещение салона. Потому что им необходима защита, помощь и поддержка.

Три простых правила, установленные мне почти пять лет назад, с тех пор поняты целиком и полностью, а потому без колебаний принятые к исполнению. Правила, без которых не будет заработка, они ведь самые главные, верно? А любая отсебятина способна испугнуть клиента, развеяв и без того зыбкую решимость. Просить — вообще довольно сложное дело, а просить о помощи — значит признавать собственную несостоятельность в жизненных ситуациях. Кстати, именно в силу указанной причины мужчин среди наших клиентов намного меньше половины. Поэтому каждого, кто переступает порог салона, я встречаю как императора. Или в данном случае как императрицу.

Принимаю нервно скинутое мне на руки короткое пальто из нежно-сиреневого кашемира и провожаю женщину к дверям рабочего кабинета леди Оливии, не пытаясь даже настроиться на *чтение*. Не сейчас. Рано. Прежде нужно поставить подписи под договором. Конечно, росчерк пера какой-то особенной погоды не сделает, но зато клиент обретёт своего рода якорь, помогающий удержаться от излишней паники, а следовательно, и строчки в книге мыслей будут спутаны намного меньше.

Не молодая, но и не старая. Следит за собой, потому, возможно, выглядит чуть моложе паспортных лет. Принято считать, что стоит лишь взглянуть человеку в глаза, и можно с большой точностью угадать его истинный возраст. Не знаю, не пробовал, тем более в наши времена

повального увлечения солнцезащитными и просто очками с цветными стёклами иногда нет никакого смысла стараться поймать чей-то взгляд. Но движения тела никуда не спрячешь, а они говорят о человеке ничуть не меньше, чем взгляд. Молодишься или нет, с каждым годом от момента рождения ты учишься двигаться. А постоянное повторение уроков приводит к чему? Правильно, к закреплению результата обучения! И как профессионального спортсмена всегда можно на стадионе отличить от любителя, так и юность, страдающую избытком сил, а потому не особенно следящую за их растратой, всегда можно отличить от расчётливой зрелости. Так что пластические операции успешно скрывают ваш возраст ровно до того момента, как вы начинаете двигаться.

Идеально ровное каре тёмно-каштановых волос. Брючный костюм в так называемом деловом стиле. М-да... Ей явно требуется поддержка и защита, иначе она не выбрала бы для себя подобную одежду. Не люблю женщин, носящих брюки. С одной стороны, заявление о силе и самоуверенности, но с другой — всё наоборот: своего рода доспехи, попытка поставить стену между собой и окружающими, утверждение независимости и самостоятельности, истоки которых кроются в отчаянном страхе показаться хоть кому-нибудь нежной и беззащитной. Когда я буду выбирать себе жену, позабочусь о том, чтобы моя избранница предпочитала всем прочим видам одежды юбки и платья. Хотя, как показывает многовековой опыт отношений между мужчиной и женщиной, до сих пор доподлинно неизвестно, кто из нас кого выбирает.

— Проходите, вас ожидают.

— Я... — Она попыталась удивлённо возмутиться, но, вспомнив, в какое заведение наносит визит, вовремя осеклась и кивнула, переступая порог кабинета.

Опытная бизнес-леди, ничего не скажешь, но это и хорошо: будет меньше проблем при обсуждении предмета договора. Гораздо хуже, когда приходит человек, понятия не имеющий ни о стандартной процедуре, ни о возможных вариантах выполнения обязательств.

— Присаживайтесь, вот сюда, прошу вас.

Та, что чуть повелительно предлагает нашей возможной клиентке занять один из стульев у массивного письменного стола, сама вот уже несколько минут как расположилась в кресле, выдвинутом в угол кабинета, поближе к растопленному камину. Принадлежность Оливии ван дер Хаазен к женскому полу позволяет ей всегда встречать посетителей сидя, но она поступает так не из каприза или желания показать своё превосходство. Дело в том, что рост под два метра и плечевой пояс профессионального

пловца смутят кого угодно, не обладающего подобными достоинствами, а со смущённым человеком разговаривать ещё сложнее, нежели с испуганным. Даже я, не слишком страдающий от недостатка габаритов, до сих пор чувствую себя неуютно в присутствии дамы, больше напоминающей рыцаря. Поэтому простое платье прямого покроя и кружевная накидка на плечах — вечные атрибуты внешнего облика леди Оливии, лишь в зависимости от времени года материал платья и вязаного кружева меняется на шёлк, хлопок или шерсть. В комплекте, разумеется, всегда полагается кресло. Плед — по желанию и погоде за окнами.

Ослушаться предложения-приказа хозяйки салона невозможно, и посетительница опускается на кожаную подушку стула, заявляя:

— Я хотела бы...

Леди Оливия строго поднимает ладонь:

— Мы выслушаем всё, что вы сочтёте нужным и возможным сказать, но прежде позвольте и мне кое о чём упомянуть. Мы не волшебники, и по мановению руки ничего не произойдёт. Если у вас есть вопросы, на которые вы самостоятельно не можете найти ответы, мы попробуем вам помочь. Попробуем подсказать и направить. Но всё будет происходить лишь в соответствии с вашими желаниями. Кто лучше вас самой может знать, что вам нужно? Никто. Да, вам может не хватать слов, чтобы выразить то, что вы чувствуете, но, если копилка ваших надежд и устремлений пуста, ни один чародей мира не в силах её наполнить. Не требуйте от нас невозможного, и получите желаемое — таково правило салона. Главное и единственное. И если вы с ним согласны... Прошу ознакомиться с бумагами, которые необходимо подписать.

Женщина с облегчением расслабляет плечи. Бумаги — предмет хорошо знакомый и понятный. Якорь брошен. Первый, но, вполне вероятно, не последний.

Договор коротенький, всего несколько абзацев текста, крупного и хорошо читаемого, потому что прятать за сносками нам нечего.

«...Заказчик поручает, а Исполнитель обязуется оказать консультационные услуги по вопросу, тему которого Заказчик вправе выбирать без любых ограничений. По желанию Заказчика и при отсутствии обоснованных возражений у Исполнителя результат консультаций может быть выражен в устном, письменном и/или предметном виде. Обоснованными считаются только возражения, подкреплённые ссылками на возможное нарушение Исполнителем действующего законодательства...»

К примеру, порнографию мы не распространяем. Физически устранять

живое препятствие на пути счастья клиента тоже не станем. Насчёт морального уничтожения врать не буду: за мою практику не случилось ни разу, но в список договорных запретов подобное действие не входит, а значит, подразумевается, пусть и лишь в исключительных случаях. Зато всё остальное — пожалуйста, исполним. В наилучшем виде.

«...Заказчик обязуется выплатить Исполнителю за оказание консультационных услуг оговорённую сумму и погасить сопутствующие выполнению предмета договора расходы. Погашение производится по представлению Исполнителем соответствующих подтверждающих документов и обоснования произведённых расходов...»

Проездные билеты, скажем. Или счёт из ресторанчика, где мы коротали время в ожидании чего-то или кого-то.

«...Заказчик вправе отказаться от принятия и оплаты конечного результата, если к моменту выполнения предмета договора цель, преследуемая Заказчиком, потеряла свою актуальность...»

Проще говоря, если человек передумал, мы не возьмём с него лишних денег. Поэтому за время выполнения договора стараемся наесться вдоволь! Шучу. Правда, в моей шутке, не буду лукавить, прячется немалая толика правды. Случалось такое. Нечасто за время моей работы в салоне — в конце концов, всего несколько лет прошло, как я познакомился с леди Оливией, — но случалось. Иногда человек честно говорит: передумал, извините за беспокойство. Иногда отказывается от итога нашей работы из скупости и сквалыжности. Но самая распространённая причина отказа — страх. Да-да, именно он. Ведь чтобы встретиться с собственным счастьем, нужно набраться изрядной смелости.

«...Исполнитель не несёт ответственности за использование Заказчиком результата выполнения договора после подписания Акта сдачи-приёмки...»

Что пожелаете, то и творите. Можете выкинуть, можете продать, можете... Сделать всё, что фантазия подскажет. Но мы к вашим действиям уже не имеем ни малейшего отношения. Ни-ни. Жалобы и угрозы не принимаются.

«...Исполнитель обязуется сохранять конфиденциальность полученных от Заказчика сведений, необходимых для выполнения предмета договора, до окончания календарного срока жизни Заказчика...»

Звучит жутковато, но пункт очень важный. Пока клиент не отойдёт в мир иной, ни одна живая душа не узнает, зачем он приходил в салон «Свидание» и с чем ушёл от нас: с исполненными желаниями, а может плача или задыхаясь от бессильной ярости. Нам не нужны чужие тайны.

Своих хватает. Но делиться вашим сокровенным мы ни с кем не станем. Ни под каким предлогом. Все узлы и печати разрубает лишь смерть. Амен.

«...Реквизиты Заказчика... Реквизиты Исполнителя...»

А вот это обязательное условие, потому что мы — честные налогоплательщики и, если получаем за свою работу денежные средства или иное вознаграждение, отчитываемся за него перед налоговыми службами без утайки.

Поскольку текст договора не содержал ничего предосудительного и заковыристого, женщина, прочтя предложенные бумаги ровно два раза: первый раз бегло, второй — более внимательно, слегка приподняв брови и задержавшись на пункте о «праве отказаться», поставила под обоими экземплярами свою подпись и обратилась ко мне:

— Могу я попросить вас заполнить последний пункт? У меня мало времени и...

— Разумеется, как пожелаете.

Мне не составит никакого труда переписать номера страховых свидетельств и паспортные данные из любезно раскрытого и развёрнутого в мою сторону ежедневника. А заодно поможет не слишком внимательно прислушиваться к разговору, благо Ева уже настроилась на работу.

— Мы вас слушаем, — приглашающе кивнула леди Оливия.

Женщина, носящая имя Кларисса Нейман, как следовало из предоставленных документов, глубоко вдохнула, задержала воздух в груди на время, необходимое, чтобы собраться с духом, и приступила к описанию проблемы:

— В ближайшее время я собираюсь сделать очень важный шаг в своей жизни. И я хотела бы быть уверенной, что он не принесёт мне бед больших, чем можно ожидать.

— Ваше желание понятно и заслуживает уважения. Позвольте уточнить: насколько ближайшее время?

— В течение недели.

— Вы можете сказать, что именно собираетесь сделать?

Кларисса сжала губы, и сеточка морщинок вокруг рта подтвердила зрелый возраст клиентки.

— Я собираюсь выйти замуж.

— Надеюсь, по исполнению договора вас можно будет поздравить. Но если вы пришли сюда, имеются некоторые сомнения, верно?

— Имеются, — еле заметно качнулась строгая линия каштанового каре.

— Вы не уверены в своём выборе?

— Неловко признаваться, но... У меня мало опыта в отношениях.

Хммммм. В идеале, наверное, следовало бы использовать традиционное «омммм», но индийские мотивы на деловых переговорах в центре Европы — непозволительная экзотика, а сосредотачиваться нужно, что называется, в предельно сжатые сроки.

«Я боюсь. Просто-напросто боюсь. До одури, до дрожи в коленках. Если не получится, лучше будет навсегда оставить любые надежды. Я просто не выдержу. Я устала быть одной, мне нужно так мало... Но даже ничтожную часть этого „мало“ невозможно купить за деньги. Если бы всё было так просто! Эти люди... Говорят, что они умеют делать своё дело, и нет причин не верить, тем более бумаги составлены грамотно. И всё же... Нет, решено. Доведу дело до завершения. Хотя бы для того, чтобы убедиться...»

Мало опыта? Скорее его было много и сплошь неудачный. Не люблю спонтанно *читать* клиентов, но в девяноста процентах случаев не могу себя контролировать, если мысли лежат на поверхности и настолько ясны и отчётливы. Женщина волнуется, очень сильно, не без причины, следовательно, душеспасительная беседа не поможет. Нужно будет заниматься её случаем всерьёз. Впрочем, решает хозяйка, а я всего лишь претворяю в жизнь её решение.

— Что именно вы хотите получить от нас?

— Говорят, вы можете сделать... нечто вроде амулета.

— Вам необходимо именно предметное воплощение?

— Если это возможно.

Леди Оливия кивнула:

— Никаких трудностей. Итак, если я правильно понимаю, в наши обязанности входит сделать всё возможное, чтобы ваша жизнь в браке проходила без лишних... осложнений?

— Да, вы верно поняли.

— Необходимость свадьбы окончательна и бесповоротна?

Плечи Клариссы вздрогнули. Ответ последовал не мгновенно, но прозвучал на редкость твёрдо:

— Да.

— Свадьбы именно с тем человеком, которого вы выбрали?

— Да.

Второе подтверждение оказалось ещё увереннее первого, что меня совсем не удивило. Судя по настроению женщины, она или по уши влюблена, или не видит для себя другого будущего. Страсть ли, холодный расчёт — иногда между ними нет никакой разницы. И первая, и второй

жизненно нуждаются в достижении поставленной цели.

— Моим коллегам нужно будет взглянуть на вашего избранника. Никаких разговоров с ним, намеренных или случайных, вестись не будет, только наблюдение со стороны. Вмешательства в его или вашу личную жизнь также не будет проводиться. Но для более успешного выполнения договора, сами понимаете...

— Разумеется! — не дослушав, согласилась фройляйн Нейман.

— Где и в какое время мы могли бы осуществить наблюдение? И в ваших и в наших интересах, чтобы это было людное место. Во избежание напряжённости.

— Сегодня вы сможете подойти? Мы будем обедать в «Кофейной роще», это ресторан на третьем этаже «Сентрисс».

Переговорный центр, излюбленное место как личных встреч, так и проведения всевозможных конференций, семинаров и прочих болтательных мероприятий. Люднее не придумаешь.

— В котором часу?

— В половине второго.

— Если вас не затруднит, закажите на тринадцать двадцать столик неподалёку от вашего... Неважно, с какой стороны. На имя Джека Стоуна. Две персоны. Единственное пожелание, чтобы места были не на самом проходе. Это возможно?

— Конечно, я свяжусь с метрдотелем, как только вернусь в офис. Что-то ещё?

— Если понадобится нечто большее, мы поставим вас в известность, — успокоительно улыбнулась леди Оливия.

— Тогда, если позволите... — Кларисса встала.

— Всего доброго.

Я проводил клиентку в прихожую, подал пальто, с удовлетворением отметив, что в рукава она попала с первого раза, а значит, волнение оставило женщину, пусть и ненадолго.

— Джек Стоун — это вы? — рассеянно спросила фройляйн Нейман, когда моя рука коснулась дверной ручки.

— Да.

— Приятно познакомиться.

Она вышла на улицу и торопливо направилась в сторону центра, занятая размышлениями уже не о личной жизни, а о бизнесе, но на самом краешке чужих мыслей я уловил обнадеживающее: «Он, конечно, не слишком солиден, но выглядит и ведёт себя вполне доверительно. И похоже, дело своё знает...»

Свое? Я тихо фыркнул, закрывая дверь и возвращаясь в кабинет. Чужие дела, как правило, мне известны гораздо лучше.

Фыркание получилось насморчным, не прошло незамеченным и вызвало закономерный вопрос:

— Мистер Стоун, вы простыли?

— Немного, миледи.

Хозяйка покачала головой, и пепельно-седые пряди, спускающиеся с висков до подбородка, напомнили своим движением маятники часов, отсчитывающих мгновения вечности.

— Вам следует уделять себе больше внимания.

— Да, миледи.

— Учтите, упрямство можно рассматривать как достоинство только с одной стороны.

Она поднялась из кресла, прошла по кабинету, задумчиво скрестив руки на груди, и переключила своё внимание с сотрудника на сотрудницу:

— Что скажете, моя дорогая?

Ева скучно зевнула:

— Ещё одна засидевшаяся в девках тётка.

— Это не повод для осуждения, — заметила хозяйка. — Что скажете относительно её намерения?

— Глупость.

— Вы излишне категоричны в суждениях. Впрочем, для вашего возраста это нормально.

Девушка фыркнула, и с куда большим успехом, чем чуть ранее это сделал я. Но факт оставался фактом: фройляйн Цилинске совсем недавно исполнилось всего лишь двадцать два года, и понять нужды женщины «далеко за тридцать» ей пока трудновато. Как и мне понимать своего отца. Разница в возрасте, к сожалению, всегда имеет значение.

— Всё же изложите ваше впечатление.

Ева пожевала губами, но признала:

— Ей нужна помощь.

— Отлично. Тогда отправитесь пообедать за счёт клиента.

Девушка заметно оживилась:

— И много можно будет заказать?

— В разумных пределах, следить за соблюдением которых будет ваш коллега.

Собственно, другого варианта не существовало по определению: в салоне, кроме меня и фройляйн Цилински, работников больше не было. Но даже очевидное отсутствие альтернативы не могло повлиять на мнение Евы

обо мне.

— Я не хочу с ним идти, он зануда!

— Вы тоже не рождественский подарок, моя дорогая. У вас, мистер Стоун, надеюсь, нет возражений?

— Ни в коем случае, миледи. У меня есть всего лишь одно требование.

— Какое? — слаженным дуэтом спросили дамы.

— Пусть Ева смоет свои ужасные «стрелки».

— Ужасные? — Светло-голубые глаза девушки гневно сузились. — Да что ты понимаешь!

— Я не слежу за веяниями моды, но отчётливо понимаю одно: если явлюсь в ресторан под ручку с нелепо размалёванной девицей, то привлеку ненужное внимание. В том числе и со стороны объекта.

— Нелепо размалёванной?!

Леди Оливия решила проявить благосклонность и защитить меня от девичьего гнева:

— Моя дорогая, мистер Стоун отчасти прав. Ресторан, в котором назначен обед, очень редко посещается представителями так называемой богемы, среди которых ваш макияж пришёлся бы к месту и ко времени.

— Ещё неплохо было бы поменять одежду, — осторожно заикнулся я, чтобы огрести на свою голову очередной ворох проклятий, но доводы разума из уст хозяйки и зарплатодательницы одержали верх над самоуверенностью юности, и Ева отправилась приводить свой вид к надлежащему для появления в приличном обществе, пообещав мне, правда, отсутствие лёгкой жизни на ближайшие лет сто пятьдесят.

Можно было бы добить девчонку, громко порадовавшись, что мне сулят столь долгую и интересную жизнь, но победа над слабым противником никогда не доставляет удовольствия, поэтому я предпочёл промолчать и всего лишь улыбнуться.

— А что скажете вы, мистер Стоун?

За всё время знакомства леди Оливия ни разу не обращалась ко мне по имени, и иногда казалось, что она поступает так из опасения сократить дистанцию, отказавшись от двух ни к чему не обязывающих слов.

— Она была на грани истерики.

— Ева? Больше играет, нежели страдает.

— Я говорю о фройляйн Нейман.

Хозяйка подумала и кивнула:

— Соглашусь. Но почему вы сказали «была»?

— Выходя из салона, она чувствовала себя спокойнее. Намного.

— Это хорошо. — Леди Оливия взяла со стола наш экземпляр

договора. — А ведь в самом начале волнения было столько, что она даже не решилась собственноручно заполнить бумаги... Будьте внимательны в работе, мистер Стоун. Хотя мы и не сапёры, нам тоже не следует ошибаться слишком часто.

* * *

Всю дорогу до «Сентрисс» Ева молчала, оскорблённо поджав губы, а я не горел желанием разговаривать, потому что на сыром воздухе в дополнение к насморку начало ощущимо покалывать горло. Неужели так сильно простудился? Быть не может. Вечером наглотаюсь аспирина или чего-нибудь новомодного растворимого с непередаваемым вкусом искусственных фруктов. С другой стороны, нет худа без добра: ограниченное обоняние позволит меньше рассеивать внимание и упростит мою задачу. Не знаю, помогают ли подобные ограничения медиумам, но мне они определённо приносят пользу.

— Тебе очень идёт это платье.

Девушка, пристраивающая жакет на спинке стула, замерла, недоверчиво на меня поглядывая.

— Я похожа в нём на школьницу.

— На очень милую школьницу.

Сказать по правде, с такой худобой фройляйн Цилинска и не может производить впечатление взрослой женщины, разве только больной и измождённой. А от юношеского стиля, кстати, невероятно ей подходящего, отказывается что есть силы. Глупая. Потом ещё будет жалеть, что не наносилась вдоволь.

«Подлизывается? Точно, подлизывается! А всё почему? Потому что без меня ничего не может. Стоило бы его проучить, и жестоко... Или лучше пожалеть? Мм... Всё-таки доброе у меня сердце. Пожалее. Но если снова будет нарываться, поставлю перед хозяйкой условие: или он, или я!..»

Можешь ставить любые условия, девочка. Я не против. Только леди Оливия не из тех людей, что охотно делают выбор. О нет, насколько мне известно, наша хозяйка всегда действует по принципу: если можно заполучить всё, грех довольствоваться половиной. Впрочем, могу уйти сам. Когда пойму, что дольше оставаться нельзя. Но моя голова всегда соображала с жутким скрипом, а потому... На понимание могут понадобиться годы. Много-много долгих лет.

О, к нам направляется официант. Не хочу углубляться в лес строчек

заковыристого меню. Нет настроения. Зато знаю, кто всегда готов отставить в сторону мизинец и притвориться утончённой и изысканной дамой. В меру своей осведомлённости о нравах высшего света, разумеется.

Вешаю куртку на стул.

— Займёшься заказом? Я сейчас вернусь.

— Ты куда? — с плохо скрытым испугом в голосе торопливо спросила Ева.

Несмотря на тщательно взращиваемую самоуверенность, девчонка прекрасно понимает: чем больше народа участвует в деле, тем меньше ответственности сваливается на плечи каждого участника. Правило обратной пропорции работает безотказно. Хотя народная мудрость утверждает немного иное, связывая некомплектность органов зрения наблюдаемого объекта с количеством наблюдателей, но нас только двое, стало быть, можно надеяться, что глаза фройляйн Нейман останутся при ней.

— В аптечный киоск. Здесь рядом. Мы проходили мимо, помнишь?

— А...

— Думаю, успею до прихода наших голубков. Ланч закажи на свой вкус.

Ева лукаво смежила веки:

— Сумма?

— Ни в чём себе не отказывай. Только не перестарайся: заставлю съесть всё, что закажешь.

— Бука!

Она уткнулась носом в меню, а я поспешил отойти от столика прежде, чем работник ресторана окажется в пределах моей досягаемости. Ненавижу *читать* тех, кто находится при исполнении служебных обязанностей. Всё равно что стараться понять контроллер автомата по продаже напитков. То есть разобраться, что к чему, вполне реально, особенно для выпускника Ройменбургского технологического, но спустя минут пять твои собственные мозги начинают работать в чуждом их природе алгоритме.

За то время, пока мы осваивали столик в «Кофейной роще», у киоска успела скопиться небольшая очередь. Оно и понятно, наступила осень, каждый второй ухитрился промочить ноги или посидеть на сквозняке, и спрос на средства от простуды резко вырос. А что начнётся недели через две... Настоящая жуть! Но к середине декабря эпидемии насморчных носов и надрывного кашля сами собой исчезнут, и те, кто ещё месяц назад закутывал горло в тёплый шарф, будут выбираться за город, поближе к

природе, чтобы покидаться друг в друга снежками.

Я пристроился за женщиной, одетой в слегка помятый костюм из серо-зелёного твида. Вернее, мятой была только юбка, слишком широкая, такие, насколько могу судить по многократным мысленным переживаниям озабоченных своим внешним видом женщин, мнутя во всех возможных и невозможных местах. Впереди ещё три человека. Хорошо это или плохо? Вернуться в ресторан до того, как Кларисса Нейман приступит к обеду, или позже? Что предпочтительнее? И первый и второй вариант обладает своими достоинствами. Если прийти раньше, вызовешь меньше настороженных взглядов, если прийти позже, можно невзначай оказаться совсем рядом с объектом и... Положусь на волю Провидения. В конце концов, ему наверняка виднее, ведь оно смотрит сверху.

— Вы стоите? — Громкий вопрос почти в самое ухо заставил меня недовольно мотнуть головой.

— Да, конечно, — ответил я и сделал шаг, чтобы сократить расстояние между собой и существенно продвинувшейся за время моих размышлений очередью. Вернее, между собой и буйством волос.

В первое мгновение мне показалось, что глянцево блестящие тёмные пряди живут своей жизнью, как змеи на голове небезызвестной героини древнегреческих мифов, но призрак странного впечатления быстро рассеялся. Двигаются? Почему бы и нет? Во всём виноваты восходящие потоки воздуха. Да, точно! Кончики локонов подрагивают даже от долетающего до них дыхания. Моего дыхания.

Чувствуя себя малолетним проказником, чуть наклоняюсь, оказываясь совсем близко к голове незнакомки, и тихонько дую, стараясь пошевелить волоски. Прядь, свисающая из узла, заколотого костяной шпилькой, и в самом деле приподнимается, но не подчиняясь моему желанию, а чтобы... Хлестнуть меня по носу.

Сама собой? Невозможно! Выдох не мог быть настолько силён. Или я ничего не понимаю, или...

— Что вам угодно?

Это спрашивают из окошка киоска. Машинально собираюсь ответить, но вовремя вспоминаю, что моя очередь ещё не подошла. Незнакомка с шаловливыми волосами, которой, собственно, и адресован вопрос, молчит. Десять секунд. Полминуты. Минуту. Аптекарь торопиться некуда, а вот мне не стоит задерживаться дольше необходимого. Если молчание затянется, придётся тронуть женщину за плечо, хрупкое, но отчётливо округлое даже под плотным твидом. Положить пальцы тихонечно-тихонечко, словно поглаживая...

— Бумажные платки, пожалуйста. Пять пакетиков.

Так много? Или про большой запас, или для большого плача. Она собирается на похороны?

Стук монеток по пластику. Шуршание целлофана. Рассеянно скользнувший по моему лицу взгляд тёмных глаз с чуть припухшими веками.

«Время слёз всегда приходит без приглашения...»

Она? Да, это её мысли, вне всякого сомнения. Но какое странное сочетание равнодушия и глубокого горя: словно женщина одновременно скорбит и скучно зевает над собственной скорбью. Впрочем, мне некогда разбираться в случайных проблемах, когда оплаченные заждались.

* * *

Разумеется, голубки уже сидели за своим столиком: я добрался до покупки шалфейных пастилок примерно в тринадцать тридцать пять. Ева, заметив меня в дверях ресторана, укоризненно поджала губы, но предпочла заняться чизкейком, пока я лавировал между обедающими офисными работниками и участниками конгресса садоводов Южной Саксонии, а заодно разглядывал избранника фройляйн Нейман.

Выглядит обыкновенно. В том смысле, что не плейбой и не замученный наукой очкарик. Скорее всего человек хорошо образованный и обеспеченный. Одет со вкусом, хотя эти жуткие галстуки красно-бордовых оттенков в сочетании с розовыми рубашками... Брр! Последнее слово моды, к которому, хочешь не хочешь, но приходится прислушиваться. Если от рождения не настолько туг на ухо, как я.

Черты лица словно немного размыты. Легко поддаётся влиянию? Для мужа не самое плохое качество. Правда, существует вероятность, что и помимо законной супруги найдутся желающие покомандовать, но это уже её трудности. На первый взгляд ничего опасного или тревожного не наблюдается. Попытаемся заняться *чтением*?

— Вкусно? — спрашиваю у Евы, придвигающей к себе вторую порцию десерта.

— Очень!

— А как насчёт дела?

— Фыфас, — отвечают испачканные коричной пудрой губы.

Так, а что заказали на мою долю? Чашечку кофе и стакан минеральной воды без газа. Bravo! Больше не буду приносить на работу подарки фрау

Ксаны.

— Я пошутила. Извини.

Светло-голубые глаза смотрят на меня не особенно виновато, но с выражением, вполне заслуживающим прощения.

— Ладно, проехали.

— Позвать официанта?

— Не нужно. Потом перекушу. По дороге.

Знала, мерзавка, что делает! Знала на двести процентов. Я не люблю кофе. Пить могу, ничего похожего на аллергию у меня не возникает, но... В тёмно-шоколадном напитке мне всегда чудился привкус лекарства. Поэтому можно считать, что сегодня разгрузочный день. Вернее, разгрузочный обед, поскольку вечером всё-таки захочется покушать. Я свой организм изучил хорошо: если за завтраком поленюсь, ближе к ночи желудок потребует двойных усилий на кухне.

Не слышно, о чём разговаривают наши объекты? И не надо. Мысли, превратившиеся в звуки, обычно сохраняют в себе лишь часть изначально вкладываемого смысла, потому люди очень редко понимают друг друга. Стоило бы вводить специальные курсы, начиная ещё со школы, тогда в человеческих отношениях возникало бы меньше ссор и обид. Возможно, в будущем так и произойдёт, ведь научно-технический прогресс не стоит на месте. И лет через десять — пятнадцать супруги, влюблённые или просто друзья, придя на приём к врачу, смогут узнать, о чём и как думает их вторая половинка, а заодно и сами поделятся тем, что рождается в сознании и умирает на губах...

Улыбается, вежливо и смущённо. Ковыряет ложечкой шоколадный пудинг, но никак не донесёт до рта ни кусочка.

Хммммм.

«Это невыносимо. Ну когда же? Я больше не могу ждать. Устал как собака. Да, я тоже не против игр и недомолвок, но рано или поздно наступает время, когда... Пора решать. И решаться. Если ожидание затянется, я не выдержу и скажу прямо. Скажу так жёстко, как только умею...»

«Хрум-хрум. Чмок-чмок. Аппетитненько, жирненько, вкусненько. Хочу-хочу-хочу! Мерзкая женщина всё никак не закроет свой рот и не даст мне насладиться этим роскошненьким, этим сладеньким, этим долгожданненьким... Ку-у-у-ушать! Скорее-скорее-скорее заканчивай болтать, старая метёлка! Мой животик пуст, а когда я голоден, я... М-ням!...»

Судорожно сделанный глоток воды едва не заставил меня

поперхнуться.

Что за ерунда? Это его мысли? В самом деле? Странно и непонятно. Настроение очень похоже, и всё-таки... Да, нетерпение — главная тема. Но воплощение... Не понимаю. Они слиты вместе так плотно, что их почти не разделить. Но потоков два. Точно, два!

Первый — вполне привычный, с небольшим оттенком усталости и негодования, но в целом спокойный, сдержанный, даже чопорный. Второй... Со вторым сложнее. Кажется, его хозяин — существо без воспитания и каких-либо представлений о правилах приличия. Очень сильный поток, едва ли не перекрывающий своего родного брата. Или я ошибаюсь?

Ева положила ложку с таким громким стуком, что на него обернулись люди, сидящие за соседним столиком.

— Больше не хочешь?

— Нет, — процедила сквозь зубы девушка.

— Что случилось?

— Ни-че-го.

А выставленный вперёд подбородок говорит мне совсем о другом. Фройляйн Цилинска встревожена и обеспокоена. А ещё — разозлена. Интересно, какова причина резкой смены настроения моей напарницы?

Мужчина встаёт, наклоняет голову, словно прося прощения. Кларисса кивает в ответ. Должно быть, понадобилось выйти в туалет или ещё куда-нибудь. Обычное дело. Но как только спина в сером пиджаке исчезает за дверями ресторана в толпе прочих посетителей «Сентрисс», стул, на котором сидела Ева, жалобно царапая паркет, выдвигается из-за стола.

— Мм?

Девушка встаёт, решительным шагом подходит к Клариссе Нейман, удивлённо, но приветственно улыбающейся ей навстречу. Узкие ладошки моей коллеги опираются о стол, над которым она склоняется, чтобы... Посекретничать? О нет, наоборот, даже мне слышно её горестно-гневное:

— Он не любит вас. Ни капельки. Одна только жратва на уме, и всё. А вы для него не больше чем... Как это?.. Старая... старая... а, швабра!

Выпалив столь грубое откровение, фройляйн Цилинска гордо удаляется прочь, оставляя на мою долю оплату счёта и сбор верхней одежды, сиротливо повисшей на спинке стула. Расплачиваюсь, краем глаза следя за лицом нашей клиентки. Хотя следить не за чем: более застывшей может быть только посмертная гипсовая маска. И в мыслях всё так же. Мёртво. Ни единого проблеска. Может, это и к лучшему, но Еве не следовало брать инициативу в свои руки. Я понимаю её возмущение,

только оправдать не могу. Нужно быть, если хотите, немного циничнее. Работа есть работа, и переживать за каждого из ищущих счастье — значит, самому сгореть дотла раньше срока. А свои нервы ближе к телу, как бы то ни было. Особенно такие дорогие, как у Евы и у меня.

— Не делай так больше.

Девушка стоит у огромного окна галереи, глядя на кипящую жизнью площадь. Третий этаж — небольшая высота, и ты ещё не чувствуешь себя оторванным от людской реки достаточно, чтобы смотреть на происходящее сверху вниз. Отчётливо видны лица, слышны чувства, почти осязаемы прикосновения.

— Оденься. — Протягиваю жакет.

Ева задумчиво накидывает его на плечи:

— Так всегда бывает, да?

Догадываюсь, о чём меня хотят спросить, но на всякий случай уточняю:

— Как именно?

— Грустно.

— Очень часто, не буду врать.

Она поворачивается ко мне, но не поднимает взгляда.

— Я не могла не сказать.

— Знаю.

— Ну да, ты же всегда и всё знаешь...

Я проходил через те же двери, девочка. Переступал те же пороги. Единственная разница между нами состоит в возрасте. Я давно научился держать язык за зубами, а тебе учёба только предстоит. Ничего, со временем ты станешь гораздо рассудительнее и больше не будешь позволять собственным чувствам вырываться наружу в тех случаях, когда речь идёт о судьбах других людей. Хотя бы потому, что твои страдания посторонним несколько не интересны.

— Надеюсь, она найдёт своё счастье.

— Я тоже надеюсь. Пойдём?

Из-за угла коридора доносятся странные звуки. Как будто кто-то тихо, но пронзительно воет. Или это всего лишь скрип плохо настроенной уборочной машины? Точно! Навстречу нам как раз появляется представитель службы клининга, толкающий перед собой громоздкий агрегат. И когда утробное урчание машины удаляется, затихает и вой, закончившись чем-то вроде всхлипа. А у лестницы я снова прохожу мимо незнакомки, той самой, из очереди в аптечный киоск. Но теперь глаза буйноволосой женщины красны от недавно пролитых слёз, а урна, стоящая

рядом, припорошена влажными носовыми платками.

* * *

Для одинокого мужчины поздним вечером после трудного рабочего дня нет лучших собеседников, чем бокал старого доброго портвейна и приветливо потрескивающие поленья в камине. В довесок полагается ещё трубка, набитая ароматным табаком, или сигара, но я терпеть не могу курево и курящих. Как мне удалось избежать всеобщего соблазна молодости, не понимаю до сих пор, но курить не пробовал ни единого раза. Не хотелось, несмотря на уговоры приятелей и уверения, что сигареты в зубах — признак невероятной крутости и взрослости...

После ресторана мы вернулись в салон, где Ева изложила свои впечатления от избранника фройляйн Нейман. Говорила уверенно и страстно, не стесняясь в выражениях. Леди Оливия слушала с интересом, не перебивая, только изредка поглядывала на меня, словно спрашивая, подтверждаю ли я слова своей напарницы. Я предпочёл отмолчаться, а когда Ева отправилась домой и мы остались с хозяйкой наедине, осторожно попросил время «на подумать».

— Вас что-то смущает, мистер Стоун?

— Да, миледи.

— Можете объяснить, что именно?

Я взглянул в зеркала свинцово-серых, как грозовые тучи, глаз и покачал головой:

— Не сейчас, миледи. Если можно.

Хозяйка погладила подушечками пальцев трещины на кожаном подлокотнике кресла.

— Иногда ваша вежливость, мистер Стоун, вызывает у меня определённое напряжение. Вы прекрасно знаете, что вправе делать всё, что посчитаете нужным, и возражения могут возникнуть только в единственном случае, когда...

— Когда мои действия явятся угрозой для человеческой жизни, — заученно закончил я.

— У вас хорошая память, — улыбнулась леди Оливия, — но очень ограниченное воображение. Вы ведь тоже человек, не так ли? Значит, речь идёт и о вашей жизни. Не делайте того, что может повредить вам, и я не скажу ни слова против.

Предупреждение прозвучало угрожающе и вызвало невольное

покалывание прямо под рёбрами. Хозяйка умеет *читать*? Не удивлюсь. Но ощущения не согласились с доводами разума, встали на дыбы и отчаянно замотали головами.

До момента, пока не закончилась фраза, я не чувствовал опасений. Ни малейших. Недоумение, удивление, рассеянное недовольство самим собой и невозможностью определиться с решением — это было. Только не испуг. А звуки голоса леди Оливии, стихая, словно забирались мне под кожу всё глубже и глубже, растворялись в крови, проникали в святая святых человека — сознание, чтобы... Создать в нём нечто новое. Чувство, которого прежде не было. Так внезапный страх был порождён попыткой вмешательства извне? Или вмешательство само по себе намеревалось меня напугать?

Уже не раз и не два я ловил себя на мысли, что отдельные служебные приказы выполняю без колебаний и раздумий, не сомневаясь ни перед началом действий, ни по их завершении. Гипноз? Всё может быть. Способов заставить человека подчиняться слишком много, чтобы быть готовым успешно противостоять им в любую минуту и в любой ситуации. Леди ван дер Хаазен не устраивает моё рвение, и она желает большего? Неужели я дал для этого повод?

Вот бы взять и *прочитать* её. Внимательно-внимательно. Заманчиво, но... Не могу. Запрещено. Она сама же и запретила в первую нашу встречу, когда я невольно потянул пальцы к первой странице.

«В моей голове ты не будешь *читать* никогда. А ну, брысь отсюда!..»

Прогнали, как вредного кота. Следовало бы возмутиться, озлобиться и продолжать настойчивые попытки добраться до спрятанного сокровища, но не получилось. Как отрезало. В сознании словно возник жёсткий блок, не позволяющий послушаться. Со временем он становился всё прозрачнее, пока не растворился совсем, но желание прикоснуться к чужим тайнам так и не восстановилось. Где-то в глубине души я лениво признавал, что могу в любой момент вернуться к осуществлению отложенного плана, но, пожалуй, именно это осознание и останавливало. Когда пределы возможностей ясны, нет смысла лишний раз их проверять, лучше потратить силы и время на что-то более приятное.

Например, с расстановкой и удовольствием употребить несколько глотков терпкого вина. Но подлое и проказливое Провидение не пощадило меня и на этот раз: со столика тихо, но настырно затрещал «Иварссон».

Помню, по молодости лет и отсутствию здоровой наглости я долго не мог выбрать модель мобильного телефона, которая подходила бы мне больше всего, и помог только разговор по душам с инспектором Бергом,

счастливым обладателем так называемой раскладушки. В тот день я как раз хорошо погрел уши, задержавшись неподалёку от женской комнаты отдыха и став свидетелем необычайно увлекательной беседы, касающейся телефонов и тех, кто их выбирает. В частности, по авторитетному мнению какого-то женского журнала, выходило, что мужчина, отдающий предпочтение раскладывающимся моделям, мягко говоря, слаб по мужской части. Причём слаб в прямом смысле слова, поскольку в качестве интимного партнёра предпочитает лиц своего пола. Неудивительно, что мои глаза полезли на лоб, когда статный, вдвое больше меня по званию и годам, а также по общим размерам тела инспектор выудил из кармана пиджака пресловутую раскладушку. Уж кого-кого, а Йоакима Берга заподозрить во влечении, недостойном мужчины, я не мог.

Разумеется, моё удивление не осталось тайной для моего собеседника, и во избежание проблем пришлось объясняться. К чести инспектора, он не стал смеяться на весь коридор своим оглушительным басом, а положил ладонь мне на плечо и сказал:

— Если женщина хихикает, глядя на твой телефон, пригласи её в спальню и докажи, что она ошибалась. А те, с кем ты не собираешься кувыркаться в постели, вольны думать о тебе всё, что хотят. Согласен?

Со столь убедительным доводом не согласиться было попросту невозможно. А за годы работы под началом инспектора Берга, а потом и самостоятельно я на своём опыте убедился в исключительном удобстве телефона, который по окончании разговора достаточно просто закрыть, не думая, нажал ли кнопку «отбой», и не подсчитывая в уме сумму платы за неразорванное соединение.

На внешнем дисплее высветилось лаконичное «ма». Давненько родители не баловали меня своей заботой...

— Привет.

— Как поживает мой мальчик? Что нового?

Несколько сотен километров по земле и гораздо больше — от передающих до принимающих станций через спутник не внесли в мамин голос ни малейшего искажения: те же чуть напряжённые нотки, та же лёгкая хрипотца, очаровавшая моего отца больше трети века назад.

— Всё точно так же, как и в прошлую встречу. Ты же знаешь, у меня крайне размеренная жизнь.

— А ты знаешь, как я этому рада.

Слово «рада» было тщательно подчёркнуто. Как обычно. Наверное, ей никогда не надоест вспоминать...

Скандалы длились целую неделю, в течение которой отец старался

появляться дома только по необходимости. Я укрыться от маминого гнева не мог, потому что мне сразу заявили: «От сражения бегут только трусы!» И хотя моё мнение на сей счёт было не столь уж однозначным и непреклонным, оно совершенно не интересовало Дагмару, и играть приходилось по её правилам.

Думаю, ни одна мать мира не захочет, чтобы её ребёнок избрал для себя работу, связанную с риском для жизни, поэтому у меня не хватало сил даже для того, чтобы по-настоящему разозлиться. Но упрямство оставалось непоколебимым: я хотел служить в полиции. Как отец. «Дурной пример заразителен!» — восклицала мама, и Генри Стоун тут же спешил убраться восвояси, пока его не заставили в сотый или тысячный раз демонстрировать шрам на спине под левой лопаткой, заставивший карьеру отца сделать резкий поворот, меняя прямое участие в расследованиях на косвенное. Говоря проще, бывший инспектор полиции перешёл в консультанты, с блеском освоив специальность «психология преступлений».

«Всё хорошо, что хорошо заканчивается», — неизменно слышал я в ответ, когда пытался привести пример отца в свою защиту. В полиции служить страшно, там в любой момент можешь оказаться на волоске от смерти... Разумеется. Но точно так же можно попасть под машину, просто выйдя утром из дома. И кстати, в дорожных авариях людей гибнет больше, чем полицейских при исполнении. Но разумные доводы не действовали. Собственно говоря, не действовало ничего, пока я не вздохнул и не сказал: «Мама, ты же знаешь, я всё равно поступлю так, как решил, и даже если через месяц прибегу жаловаться, сейчас передумать всё равно не смогу». Странно и загадочно, но честное признание оказалось сильнее всего прочего. Мне разрешили жить так, как я хочу. Вернее, пообещали не вмешиваться в мои решения.

И не вмешиваются до сих пор. А после события, изменившего мою карьеру с не меньшим эффектом, чем ранение — отцовскую, со мной вообще предпочитают общаться на расстоянии. Очень далёком.

— Чем живут и дышат фермеры Йоркшира?

Вздых, раздавшийся в трубке, был наполнен гордым сожалением:

— Какое фермерство, о чём ты... Ты же знаешь своего отца! То тут, то там, но ни дня без работы.

— В Англии так много преступников?

— Скорее много преступлений, а шалят одни и те же персоны... Надеюсь, у вас потише?

Хорошая тема для разговора. И что мне по ней известно?

— Ма, о буднях и праздниках доблестных полицейских служб я узнаю только из газет и телевизионных новостей.

— И по-прежнему не считаешь это единственно правильным.

На незаданный вопрос нет необходимости отвечать, но я всё-таки согласился с предъявленным обвинением:

— По-прежнему.

Беседа разбавилась слегка удручённым, но недолгим молчанием с маминой стороны.

— Ты же знаешь, мне так спокойнее.

— Знаю. И понимаю.

— Но не одобряешь.

Как можно не одобрять действия, приносящие любимому человеку необходимое спокойствие и удовлетворение?

— Ма...

— Не обращай внимания, — со вздохом посоветовала она. — С годами я становлюсь всё ворчливее и ворчливее... Скоро стану настоящей старой каргой!

Я промолчал, хотя другой человек на моём месте непременно рассыпался бы в цветистых комплиментах, уверяющих Дагмару в обратном. Во-первых, мной уже не меньше миллиона раз было сказано, что колебания маминого настроения неспособны повлиять на моё к ней отношение. А во-вторых...

Это чистая правда, с возрастом люди не становятся очаровательнее характером. Зато приобретают массу иных полезных и уважаемых качеств. Наверное, в таком положении дел есть некая высшая справедливость, ведь даже вино, чтобы достичь богатства вкуса, должно провести в бочке немалое количество лет. Можно ломать копыя в споре о достоинствах и недостатках зрелости, но в любом случае истинным остаётся одно: прожитая жизнь оставляет на нас отпечаток. Нужно только не забывать о наличии двух сторон этого отпечатка, внешней и внутренней.

Шрамы, морщины, седина, изношенный ливер и измотанные нервы... Всё это видно либо невооружённым глазом, либо по результатам медицинских обследований. А заусеницы и зазубрины характера — качества, хорошо умеющие играть в прятки. Их тоже можно попытаться вытащить на свет, но разложить по полочкам и повесить бирки не удастся, слишком хитра и изворотлива внутренняя природа людей. Главная же причина её непобедимости кроется в трусости. Нашей. Человеческой.

Не то чтобы мы любим врать. Иногда даже ненавидим, и лишь немногие делают ложь смыслом жизни и единственным инструментом для

достижения целей. Но при удобном случае соврёт каждый. Потому что ложь — это щит. Сиюминутный и отбивающий атаку только по одному направлению, зато несколько мгновений мы чувствуем себя в безопасности, а за такое ощущение можно отдать многое. Почти всё. Пройдёт минута, день, месяц, в самом лучшем случае несколько десятилетий, и щит рассыплется прахом, ведь не даром с незапамятных времён в народе бродит поговорка: «Всё тайное становится явным». Как правило, кстати, разоблачение лжи оказывается крайне болезненным событием, куда более страшным и вредоносным, чем...

Нужно всего лишь набраться смелости и бросить щит на землю. А потом принять удар, неважно, насколько сильным и опасным он окажется. Разумеется, будет больно, и весьма, но такая боль сродни эффекту от применения сильнодействующего лекарства: если не умрёшь сразу, будешь жить долго и счастливо. Риск велик, зато приз в случае победы замечателен и бесценен. Нужно только осмелеть и попробовать. Правда, иногда роль смелости успешно выполняет невзрачный и на редкость туповатый дублёр. Ослиное упрямство.

— Ты тут? — спросила мама, отметив моё долгое молчание.

— Да, конечно.

— Тебя что-то отвлекло?

Несвоевременные размышления. Болтливость сознания. Но это единственное средство, которое способно помочь мне оставаться самим собой.

— Всё хорошо, ма.

— Догадываешься, как звучат твои слова?

О, мы немножко ехидничаем? Хороший знак. Сожаления о возрасте ушли в тень, уступив место почти что юношеской дерзости.

— А как они звучат?

— Мантрой. Только непонятно, кого ты закликаешь, меня или себя.

На самом деле я всего лишь констатирую факт, не более. Если бы всё было «плохо», промолчал бы или честно признался в посетивших меня неприятностях, одно из двух. Но врать... Зачем? Не люблю таинственность и предпочитаю честно рассказывать о своих достоинствах и недостатках, если хочу продолжить знакомство, а не разбежаться по разным сторонам света.

Хотя вполне возможно, что в моей жизни просто не появилось пока человека, перед которым я хотел бы предстать в наилучшем, а не реальном свете.

Сентябрьский воздух пронзителен и невыносимо прозрачен. Ни одно время года не может в этом поспорить с осенью: зима ослепительна, весна туманна, лето наполнено знойным маревом, застилающим глаза. И только пора подведения итогов кристально чиста, начиная от листовяного ковра под ногами и заканчивая видимой нам стороной небесного купола.

Клёны Ноймеердорфа все как один начали менять зелёные плащи на золотые. Пройдёт пара недель, и в роскошных кронах не останется ни единого напоминания о прошедшем лете, а ещё через месяц дворники сгребут в небольшие кучки последние остатки некогда пышных нарядов. Да, осень всю уже орудует в предместьях Ройменбурга, день за днём захватывая всё новые и новые территории. Позже всего она ступит на мостовые центральной части города, да и то совсем ненадолго, до первого снега, а потом передаст бразды правления зиме. Но даже в каменном лесу подпирающих друг друга домов можно точно сказать, какой сезон на дворе, если поднять голову и посмотреть вверх, в небо, невозможно высокое и ослепительно чистое. Вот только люди чаще предпочитают смотреть под ноги. Потому что не хотят поскользнуться на покрытых испариной конденсата камнях...

К романтично-философскому антуражу чудесно подходит ненавязчивый аромат любой чайной смеси, гордо именуемой «Эрл Грей», поэтому я, привычно повоевав с дверным замком, первым делом отправился на кухню, чтобы в тишине пустого салона подкрепить лирическое настроение чашечкой горячего чая. Хотя «чашечкой» моего фарфорового монстра назвать трудно, и леди Оливия каждый раз, оказавшись за кухонным столом вместе со мной, трагически приподнимает брови и скорбно поджимает губы, поскольку искренне не понимает, как можно выпить столько жидкости за один присест.

Щелчок отключившегося чайника прозвучал одновременно с хлопком входной двери, а ещё через минуту на кухню ввалилась Ева, как обычно растрёпанная и голодная. Не в кобылу корм, сказали бы супруги Эйлер, став свидетелями повседневной трапезы моей напарницы, но меня давно уже не удивляла прожорливость фройляйн Цилински, никоим образом не отражавшаяся на объёмах худощавого тела.

Типичный признак медиума — способность уничтожать всю еду в пределах досягаемости путём принятия внутрь и не набирать ни грамма лишнего жира. Вообще ни одного лишнего грамма. Собственно, если бы

меня, скажем, отправили на поиски потенциальных чтецов чужих мыслей, я бы руководствовался именно упомянутым признаком. Раньше. Лет шесть назад. Теперь всё стало гораздо проще и гораздо скучнее.

— Случаем, сегодня гостинцев нет? — жадно облизнулась Ева, обшаривая взглядом кухонные шкафы.

— Зачем спрашивать, если в вопросе уже содержится ответ?

— Значит, перекусить нечего...

— Совершенно.

Фройляйн Цилинска печально взгромоздилась на высокий стул и протянула:

— Жа-а-аль.

— Каждый день есть сладости вредно.

— Тебе — конечно, вредно! А мне... У меня без сладкого мозги не работают!

Если верить изысканиям учёных, мозговая деятельность каждого человека без исключения осуществляется примерно по одним и тем же правилам и законам, стало быть, слова моей напарницы можно принять либо за оскорбление, либо за наивную простоту. Но делать выбор и принимать решение — слишком трудоёмкий процесс. Лучше продолжить легкомысленную болтовню.

— Ты собираешься работать головой прямо сейчас?

— Нет. А что? — насторожилась Ева.

Я помахал в воздухе выуженным из кармана пиджака кульком леденцов:

— Вот когда соберёшься, тогда и...

— Да-а-ай!

— Только одну.

— Жадина!

Она засунула конфету за щеку, но всё равно скорчила недовольную физиономию и, чтобы у меня не оставалось ни малейших сомнений относительно глубины нанесённой обиды, нажала кнопку дистанционного пульта, впуская на кухню новости из всех уголков мира. Но в этот раз беготни по каналам не состоялось, потому что...

— Мы ведём прямо йрепортаж с места события, — доверительно, напористо и слегка взволнованно сообщила молоденькая журналистка, тискающая в руках микрофон. — Полиция прибудет с минуты на минуту, а пока мы имеем возможность показать вам... Убедительная просьба к родителям: выключите телевизор или уведите детей подальше от экрана!

Дурацкая дань цензуре. Детская психика всё равно пострадает, не от

ужасного зрелища, так от самого запрета, а телевизионная братия ни за что не откажется от широкого показа «кровавых» новостей. Это же рейтинги, приток рекламодателей, процветание телеканала... Деньги, деньги, деньги, ничего, кроме денег. Жестокие времена, жестокий мир. Но горячо и страстно осуждать не могу, поскольку и сам не бесребреник.

«Какая удача! Наконец-то и нам досталось хоть что-то вкусненькое. С барского стола объедки, но всё же... Хелен с ума сойдёт от зависти! Ну и поделом ей: не хотела работать с утра пораньше, вот и пролетела мимо славы...»

Лучше бы вы, фройляйн, хоть на мгновение задумались о том, что показываете с экрана. Слава, желание утереть нос друзьям и врагам... А где сочувствие? Где сопереживание? Где хоть немного жалости к пострадавшим? Надеюсь, это не очередная авария на перекрёстке Нойбау и кольцевой? Лично мне с лихвой хватило прошлого раза. Воскрешать в памяти тогдашние впечатления не хочу.

Камера, выдержав лицемерно вежливую паузу, переключилась, вместо оживлённо тараторящей женщины показав... Другую женщину, но словно по заранее задуманному и воплощённому неизвестным режиссёром контрасту молчаливую. Вернее, умолкшую навсегда.

После падения с высоты человек почти всегда выглядит ломаной куклой, но сейчас нам демонстрировали явное исключение, которое язык, впрочем, не поворачивался назвать «счастливым». Женщина, лежащая у входа в «Сентрисс», казалась жертвой обморока. Словно шла через площадь, почувствовала себя дурно и тихо опустилась на мостовую. Если бы не кровь, ручейками разбегающаяся от тела по швам каменной плитки, трудно было бы поверить в произошедшее несчастье. А руки... Пожалуй, впервые вижу, чтобы кто-то, самостоятельно или с чужой помощью бросившийся вниз, крепко обхватывал себя руками. Да, точно, впервые. Так не бывает. Не должно быть.

«Всё кончено... Надежды больше нет...»

Печальная боль или болезненная печаль. Они останутся, пока тело не остынет, и смогут быть прочитаны любым медиумом, отважившимся на подобное сумасшествие. Да, всё действительно завершено. За порогом смерти нас ничего не ждёт.

Камера оторвалась от созерцания бездыханного тела и скользнула по лицам зевак. Любопытствующие находятся всегда, даже в самом укромном и безлюдном уголке города, а уж на одной из главных площадей количество народа, особенно в начале рабочего дня, зашкаливает все мыслимые пределы.

«Бедняжка... За что же её так?..»

«Слава господу, на меня не свалилась!..»

«Неужели кто-то выкинул из окна? Вот потеха...»

«Обкуренная наверняка! Развелось их тут... Куда смотрит магистрат, интересно?..»

«Ну вот, сейчас опять прискачет полиция, всё оцепят, всю торговлю псу под хвост пустят...»

Сколько людей, столько мнений. Я и сам не знаю, какие чувства испытывал бы, оказавшись на площади в эти минуты. Раздражение, скорее всего, присутствовало бы. Неудовольствие от непременной задержки. Сожаление о случившемся. А ещё обязательный вопрос «почему?» и болезненный охотничий азарт, который так и не удалось изжить.

— Это произошло менее четверти часа назад, — продолжала уже за кадром тараторить журналистка, чуть ли не захлёбываясь от восторга. — Как нам сообщили очевидцы события, женщина выбросилась с седьмого этажа. В этой части здания расположены помещения делового центра, поэтому можно предположить, что погибшая работала... Минуточку! К нам только что поступила новая информация. Да, всё верно! Эта женщина — некая Кларисса Нейман, сотрудница...

Дальше я уже не слушал, но вовсе не потому, что домыслы репортёров были малоинтересны. Меня оглушил взрыв в поле мыслей.

«Не-э-э-эт!..»

Ева смотрела в экран не отрываясь, и это позволило мне заметить, что её зрачки быстро расширяются, закрывая радужку. Пальцы девушки, держащие кружку, сжались, ломая тонкий фарфор, как подтаявшую льдинку, чай брызнул во все стороны, хорошо ещё, успел чуть остыть, иначе ко всем неприятностям добавились бы ещё и ожоги.

Телевизор продолжал безудержно лопотать, и следовало бы потянуться за пультом, чтобы заставить мерзкий ящик замолчать, но время и обстоятельства потребовали совсем иных действий.

Фройляйн Цилинска поднялась со стула, как столетняя старуха: тяжело, пошатываясь, судорожно ища опору в крае стола. Выпрямилась. Медленно моргнула. Обвела невидящим взглядом кухню.

«Умерла... Она умерла... Это всё из-за меня? Это я виновата? На моих руках кровь? Кровь... Кровь?!..»

Конечно. Ты же только что раздавила чашку. Порезов немного, но они сочатся алым, пачкая твою ладошку.

«Нет... Нет... Нет... Это не я... Я не могла... Это не мои руки! Они не могут быть моими... Не могут... Не будут...»

Медиумам запрещено владеть огнестрельным оружием, и вовсе не зря. Колюще-режущие предметы тоже необходимо прятать подальше от наших чувствительных натур. Пренебрежение простыми до глупости правилами всегда ведёт к неприятным последствиям — эту истину я благополучно забыл, убаюканный мирной жизнью, но наработанные рефлексy прошлого не подвели.

Сползти со стула как можно плавнее, потому что резкие движения могут напугать. Оказаться чуть дальше, чем расстояние удара, чтобы противник чувствовал себя в относительной безопасности, выдержать паузу для закрепления психологической реакции и только потом сделать бросок. Поймать запястье, крутануть, заставить пальцы отпустить нож, а спину — выгнуться дугой. Прижать к стене, ладонью левой руки фиксируя голову, чтобы не запрокинулась и не мотнулась, куда не надо. Потом останется ссадина или небольшой синяк на щеке, но это можно пережить. Всё можно пережить, кроме смерти.

«Нет! Нет! Нет!.. Это я убила её... Я убийца... Не хочу! Не могу!..»

Ты не виновата, девочка. Просто прими как данность: не виновата. Потом я всё тебе объясню, всё-всё, что только захочешь, но сейчас... Сейчас тебе нужно знать и верить только в одно:

— Ты-не-виновата-ты-не-виновата-ты-не-виновата...

Наверное, ещё минут пять такого напряжённого речитатива, и я охрипну. Впрочем, плевать. Ты должна знать, девочка: никакой вины. Ни перед кем.

Ты самое невинное и нежное существо на свете. Ты настоящее чудо, естественное и прекрасное. Ты не можешь уйти и лишитъ мир лучика света, изливающегося из твоей души. Не сейчас, прошу тебя. Останься. Всем будет плохо, если ты уйдёшь. Всем, кому ты могла бы помочь... Срок нашей жизни отмеряют на небесах, помнишь об этом? Ангелы будут недовольны. Конечно, они ничего не скажут, но прольют слёзы. По тебе. Каждая слезинка крылатых плакальчиков станет каплей воды, соберутся тучи, разразится гроза. А я, когда увижу, что начинается дождь, непременно выйду на улицу и буду спрашивать у каждой дождинки: зачем, Ева? Зачем ты ушла? Ты же знаешь, у меня много терпения и ещё больше упрямства. И я буду спрашивать, пока... Пока ты не вернёшься. Или не ответишь.

Зачем, Ева? Зачем?

На какое-то мгновение мне показалось, что её сознание замолчало. Совсем. Но пускать страх в собственное сердце — слишком большая роскошь для меня теперь. А вот ярость... Она будет к месту и ко времени.

Зачем, Ева?!

«Я... не знаю... Я ничего не знаю... Наверное, так надо? Так будет правильно?..»

Она всё же ответила. Очень тихо, на пределе восприятия, но ответила. А я не умолкал:

— Ты-не-виновата-ты-не-виновата-ты-не-виновата...

«Я... не знаю... Я ничего теперь не знаю!..»

Тихий вечер на закате лета. Качели в тених яблоневого сада. Пушистая шаль, накинутая на плечи. Ты всё решишь, девочка. И поступишь, как считаешь нужным, но не сейчас. Чуть позже. Дверь в осень непременно откроется, но не торопись браться за позеленевшую бронзу ручки. Задержись ещё ненадолго в лете. В моём лете. Каким я его помню и никогда не забуду...

Из соседского дома в сад выплывает аромат только что снятого с огня яблочного пирога. Солнце играет в прятки с кучевыми облаками. Хочешь, я покачаю качели, пока нас не позовут на ужин? Знаю, ты устала, поэтому сегодня ты — королева на уютном троне, а я буду твоим верным рыцарем. И ни один дракон не посмеет тревожить наш покой: ни страх, ни боль, ни сомнение, ни раскаяние. Не нужно думать ни о чём, девочка. Есть только тёплый ветер, ласково высушивающий слезы на твоём личике, и есть будущее. Но оно подождёт, пока мы немного задержимся в настоящем...

Ритм дыхания становится реже и заметно ровнее, но я загоняю подальше все бесстрастные мысли, оставляя на поверхности спокойную и уверенную нежность. Это трудно. Очень. Но для меня всё-таки неизмеримо легче, чем говорить то же самое вслух.

Ты мне очень дорога, девочка. Но себе ты должна быть ещё дороже. Не забывай об этом.

«Не буду...»

Веки опускаются, как занавес, и сознание Евы, отыграв предписанную роль, уходит со сцены. Полусон, полуобморок. Что ж, пожалуй, наилучший вариант: в таких случаях пользоваться медикаментами довольно опасно. Теперь нужно устроить девочку поудобнее, например, где-нибудь...

— На втором этаже, — подсказывает леди Оливия, с которой я, повернув голову, встречаюсь взглядом. — И не забудьте повесить на входную дверь табличку. Сегодня салон работать не будет.

* * *

— И как скоро нам следует ожидать визита полиции?

Дайте-ка подумать. Новость прошла по всем местным каналам четверть часа назад. Примерно в это же время или чуть раньше в полицию поступило сообщение о происшедшем, стало быть...

— Вам не помешало бы взять несколько уроков актёрского мастерства, мистер Стоун. Если хотите, я порекомендую опытного наставника.

Актёрское мастерство? О чём она говорит?

Леди ван дер Хаазен укоризненно качнула головой:

— Не хмурьтесь так сильно, а то морщины на лбу станут ещё глубже. Я ценю вашу искренность и открытость, но, право, их могло бы быть поменьше.

— Простите, миледи, я не совсем понимаю, о чём идёт речь.

Хозяйка строго улыбнулась уголками губ и подошла к окну, занимая в окружении тюлевых складок позицию, весьма удобную для незаметного наблюдения за происходящим на улице.

— Вы не умеете или не желаете скрывать свои чувства. В ответ на мой вопрос следовало или удивиться, или в крайнем случае поинтересоваться, почему я упомянула полицию. А что сделали вы?

Хм. Я...

— Вы начали считать. В уме. Но не потрудились попытаться скрыть внезапно возникшую сосредоточенность. Какой вывод следует из ситуации? Вы наследили достаточно, чтобы привлечь интерес властей. А теперь всё же расскажите, что именно произошло вчера в ресторане.

Разумеется, она права. Во всём. Почти. Забыла только одну несущественную с её точки зрения деталь. Я не хочу скрывать свои чувства. Зачем? Таинственность так плотно прилегает к откровенной лжи, что временами их невозможно разделить. А лгать мне не интересно. Если я не врал даже в детстве, чтобы избежать наказания или получить незаслуженное поощрение, то, став взрослее, окончательно отказался от напряжения фантазии с целью ввода окружающих в заблуждение. Единственное, что себе могу позволить, так это промолчать. Но получается, что моё молчание оказывается едва ли не красноречивее любых слов, как верно подметила леди Оливия.

— Ничего особенного.

Длинные пальцы поймали пушистую кисть шали.

— Позвольте вам не поверить.

— Это ваше право, миледи. Фройляйн Цилинска вела себя в полном соответствии со своим темпераментом и взглядом на жизнь. Если бы я попытался предотвратить её прилюдное обращение к заказчице, могли бы возникнуть другие проблемы, не менее неприятные.

Больших подробностей хозяйке не потребовалось, потому что заданный вслед вопрос нуждался только в коротком подтверждении.

— Девочка не сдержалась?

— Да.

Со стороны окна раздался печальный вздох.

— Я мог силой удержать её на месте, но это привлекло бы внимание и вызвало вопросы со стороны посетителей и администрации заведения.

— Пожалуй. Ева необычайно импульсивна во время работы, — согласилась леди Оливия. — А публичный скандал нам не нужен. Итак, она... Что именно она сделала?

— Подошла к фройляйн Нейман и в нескольких словах изложила свои впечатления по поводу спутника заказчицы.

— Впечатления были верны?

Хороший вопрос. Откуда я знаю, что именно прочитала Ева? У меня возникли сомнения, но вполне возможно, что природный медиум чувствует мысли намного тоньше и правильнее, чем искусственно созданный, потому нет весомого повода ставить моё мнение выше мнения напарницы. Тем более что прочитанное очень во многом совпало.

— Не могу ни подтвердить, ни опровергнуть правильность выводов фройляйн Цилински.

Леди Оливия недовольно фыркнула:

— Но этот ваш ответ, мистер Стоун, только больше запутывает дело. Отказываясь принимать окончательное решение, вы тем самым словно утверждаете: имеются обстоятельства, не согласившиеся занять своё место в логической цепочке.

И почему я не умею так красиво говорить? Наверное, потому, что и думаю несколько коряво.

— Да, миледи. Вы совершенно правы. Обстоятельства имеются. И я не готов назначить им какое бы то ни было место.

— Вам нужно время?

Для размышлений всегда требуется время, это бесспорно. Но не только оно, а в моём случае и не столько.

— И да и нет, миледи. Мне необходима дополнительная информация.

— Какого рода?

— Трудно сказать. Но как только она будет получена, я пойму: это то, что нужно.

Хозяйка усмехнулась, не поворачиваясь в мою сторону и оставляя для меня загадкой выражение лица и истинное настроение взгляда, устремлённого в окно:

— И всё же, как скоро нам ожидать неприятный визит?

Она так и не забыла о самом первом вопросе? А у меня завязка разговора уже вылетела из головы...

Выпуск новостей вышел в девять пятнадцать. Оцепление на площади было выставлено самое позднее в девять тридцать пять, потому что полицейский участок находится неподалёку от «Сентрисс». Не позднее девяти тридцати был отправлен вызов в управление, в отдел по расследованию убийств: туда идут звонки по поводу любого трупа, обнаруженного на территории Ройменбурга. Не больше четверти часа обычно уходит на отфутболивание свежего покойничка к самому неудачливому или самому свободному инспектору отдела. Потом нужно найти машину, получить «добро» от комиссара, прибыть на место, немного помедитировать над трупом и заняться опросом свидетелей. На всё про всё будет затрачено не менее трёх часов, по окончании которых потребуются ещё выработка официальных направлений расследования.

— Думаю, сразу после обеденного перерыва.

— Почему не до?

Кто же променяет сытный обед на беседу со свидетелями?

— Такова полицейская практика, миледи.

— Поверю вам на слово, мистер Стоун. Итак, до обеда мы свободны в своих передвижениях и намерениях?

— Вполне.

— Тогда не смею более вас задерживать.

— Миледи?

— Возвращайтесь к фройляйн Цилинске. Или вы не считаете, что ей сейчас ваше общество необходимо чуть больше, чем мне?

Намёк понятен. Иду. Сам напакостил, сам и буду отвечать. По всей строгости, потому что спрашивать с себя тоже буду сам.

* * *

Пух невесомых локонов на подушке. Тёмно-синие, бордовые и кремовые линии клеток на пледе, укрывающем хрупкое тело. Несмотря на худобу и измождённость, Ева не фарфоровая ваза, не упадёт и не разобьётся от случайного прикосновения, но что сейчас творится внутри сознания, погружённого в сон?

Думаю, что знаю. Нет, почти уверен, ведь со мной тоже произошло нечто подобное. Чуть мягче, пройдя стороной, но переживаний хватило с

избытком.

Мы вели наблюдение за свидетелем, проходящим по очередному делу. Рутинная работа, многочасовое сидение на пятой точке, невероятная скучища, и при всём при этом невозможность отвлечься на что-то ещё. А тут ещё сменщик выбыл из строя, и пришлось дежурить не двенадцать часов, а двадцать три... Положено было двадцать четыре, но старший офицер смены, прибывшей на час раньше, посмотрел на моё лицо и сказал: иди-ка отоспись, парень. И я пошёл. Потому что слишком устал. Пришёл домой, рухнул в постель, проспал часов десять кряду, а на следующий день в участке узнал, что примерно за полчаса до официального окончания моей смены свидетеля убили.

Разумеется, мне было проще, чем Еве. Но это теперь я могу так говорить, а в те дни...

Никакие уговоры не действовали. Чувство вины не желало уходить, настойчиво, каждую минуту бодрствования и сна долбя моё сознание безыскусной и неопровержимой мыслью: человек умер из-за меня. Умер, потому что я ушёл. Остался бы до конца положенной смены, всё наверняка сложилось бы иначе. В конце концов, если бы убийство произошло всего на три четверти часа позже, я с полным правом мог бы считать себя всего лишь наблюдателем и...

Вот такая дребедень меня мучила. Мучила довольно долго, с месяц или больше, иногда обманчиво затихая, чтобы в следующий момент обрушиться на мою голову с новыми силами. И логика не помогала. Да, я имел полное право уйти. Да, меня официально отпустили. Да, моё физическое состояние скорее всего не позволило бы предотвратить совершение преступления. Но что толку в логике, когда прямо перед глазами непристойно оголился факт: я ушёл — человек умер?

Выкарабкиваться было трудно. Помню, полицейский психолог пыталась мне помочь, но своими беседами только злила и действовала на нервы. Ох, сколько всяких гадостей я тогда наговорил бедной женщине... До сих пор стыдно встречаться. Она всё делала правильно, но не учла главного. Мне нужно было найти ответы внутри себя, а не снаружи. Так уж я устроен.

Во-первых, следовало перестать спорить с независящими от моих желаний обстоятельствами. А во-вторых, нужно было раз и навсегда признаться самому себе: я не всемогущ. Просто? Да, на первый взгляд и то и другое легко выполнимо. Но попробуйте проделать это в молодом и полном сил возрасте, когда кажется, что можешь свернуть горы, стоит только поднатужиться и...

Наверное, я справился с душевными терзаниями только потому, что устал. Вымотался морально и физически. Иссяк настолько, что в одно прекрасное утро понял: больше не могу переживать. Не получается. Перегорел. После всего случившегося знакомые стали замечать, что я стал суше и холоднее в общении, но, поскольку личностные изменения удачно совпадали со значением моей фамилии, дальше рассеянного удивления и шуток дело не зашло. Правда, примерно полгода спустя выяснилось, что проблемы вернулись или, что будет точнее, и в первый раз не думали меня покидать. Именно тогда на грани отчаяния и надежды я познакомился с Максом, доктором Максом Лювигом, который... Обучил меня многим интересным штукам.

Увидеть собственное ничтожество со стороны не так уж сложно: отставьте чувства в сторону, поднимитесь на ступеньку вверх и пошире откройте глаза. Всего делов-то.

«Открыть глаза... Нужно открыть глаза... Нужно?..»

Конечно, девочка. А то я уже заждался.

Она шевельнулась. Перевернулась на бок, оказавшись ко мне лицом. Глубоко вздохнула и распахнула веки.

Светло-голубой взгляд из зарослей бахромы пледа, натянутого на голову, — картина, достойная кисти сюрреалиста.

— Почему ты здесь?

— Потому что сейчас не могу быть нигде больше.

А ещё потому, что наша суровая хозяйка строго-настрого велела мне скрасить твоё одиночество.

— Ты всё время выполняешь только приказы? И никогда-никогда не хотел сделать что-то сам? Что-то своё собственное?

— Исполнять чужую волю всегда безопаснее: не несёшь ответственности за сделанное или несделанное. И не чувствуешь угрызений совести... Думаю, ты понимаешь, о чём я говорю.

Жмурится. Сжимает веки упрямо, сильно и совершенно бессмысленно. Потому что в следующее мгновение снова открывает глаза, виноватые и расстроенные:

— Я не могла иначе.

— Знаю.

— Почему ты не остановил меня?

— А разве нужно было?

— Но тогда бы...

Всё верно. Если бы я схватил тебя за руку и вернул на место, получил бы пощёчину и истерику на весь ресторан, зато фройляйн Нейман не

лежала бы сегодня на мостовой под деловым центром. Скорее всего не лежала бы. Конечно, остаётся возможность умышленного убийства, инсценированного под суицид, но... В таком раскладе я сомневаюсь ещё больше, чем в выводах относительно того прожорливого парня.

— Женщина осталась бы жива? Да. Возможно.

— Так почему же...

Ты и правда не понимаешь? Или притворяешься? А-а-а, ты просто не хочешь! Все кусочки головоломки у тебя есть, правила, по которым нужно сложить картинку, тоже известны, но ты знаешь, что, как только последний цветной кусочек картона займёт своё место, отступать будет некуда. И всё же, зачем пятиться назад, когда можно шагнуть вперёд?

— Потому что каждый из нас вправе сам выбирать свою дорогу.

— Но это... жестоко.

— Это жизнь.

Мы не можем знать, чем отзовутся наши слова в чужих душах. Не можем, пойми. Собрать информацию, прописать методики и алгоритмы, построить модель, замкнуть цепь... И попасть впросак, потому что не учёл насморка или вспышки гнева по поводу плаща, испачканного брызгами из лужи. Казалось бы, мелочи, но они могут перевернуть всё с ног на голову, и человек поступит не так, как поступал во всех предыдущих похожих ситуациях, а совсем иначе. Добро бы, ровно наоборот, но в реальности вектор действия может направиться куда угодно.

«Но ведь можно... узнать мысли... Мы же делаем это!...»

О да! И много тебе помогали полученные из чужих голов знания? К сожалению, связь между мыслями и поступками настолько призрачна, что её нет смысла учитывать. Лишь в половине случаев, *прочитав* намерения человека, можно быть уверенным в его действиях в следующий момент. Но только в следующий! Дай небольшую передышку, отвлеки внимание, позволь расслабиться или заставь напрячься, снова загляни в книгу чужого сознания и... Ужаснись от увиденного. Всё будет не так, как прежде. И вовсе не так, как тебе думалось.

— Ты пробовал, да?

— Ради интереса. Несколько раз. Новизна ощущений и всё такое.

— Это помогло тебе... стать чёрствым?

Ага, а ещё — покрыться хрустящей корочкой. Что в том плохого? Я лично люблю сухарики. Особенно с пивом.

— А если серьёзно?

— Я понял, что от меня почти ничего не зависит.

— Неправда! Если бы ты не позволил мне сказать те слова...

— Рано или поздно фройляйн Нейман услышала бы их. Может быть, не в сопровождении столь сильных эмоций, но поверь, сухое изложение фактов способно причинить не меньшую боль, чем напряжение чувств.

— Но можно было смягчить...

— И солгать? Любое искажение правды — это ложь. Даже комплимент, сделанный неискренне, из простой вежливости, является преступлением, потому что вводит в заблуждение, заставляя обманываться. Да, чаще всего никаких серьёзных последствий не возникает, но и ты сама прекрасно знаешь, сколько вокруг примеров трагедий, произошедших из-за того, что маленьких девочек всё детство называют принцессами, а маленьким мальчикам запрещают плакать, потому что слёзы унижают мужчину.

Молчание.

Не хочешь спорить? Уже хорошо. Тебе сейчас важнее спрятаться за стеной чужих «умных» мыслей, чем думать самой. Пройдёт время, придёт спокойствие, вот тогда и вернёшься к отложенным задачам.

— Ей было больно. Ей всё ещё было больно.

Знаю. Ты *читаешь* эмоции лучше меня, но даже я почувствовал...

Стоп. Экран телевизора донёс до тебя ту же информацию, что и до меня? Уфф...

— Позвольте поздравить вас, фройляйн Цилинска.

— Поздравить? С чем?

— С началом долгого пути. В ближайшее время тебе нужно будет посетить Коллегию.

Затравленный взгляд из бахромы.

— Зачем?

— Внести своё имя в списки и получить удостоверение.

— Но...

— Думаю, ты вполне успешно сдашь экзамен на сьюпа.

Ещё более глубокое молчание, заполнившее сознание Евы целиком.

— Не бойся. Всё получится.

— А если... Если я не хочу?

Эх, девочка, девочка... Твоё желание уже не имеет ни малейшего значения. Так решила природа, возражения и протесты не принимаются. Вот в чём не смогу тебе помочь, так это в осознании, потому что в своё время выбирал сам. Хотел и сделал, не думая о последствиях, а потом винить оказалось некого, жаловаться некому, и мало-помалу всё утряслось, улеглось и устаканилось. А стаканов было много, как сейчас помню.

— И ничего нельзя сделать?

— Можно.

Светло-голубые глаза заинтересованно моргнули.

— Пойдёшь к доброму дяде врачу, который выпишет тебе десятка два лекарств. Будешь принимать их без перерыва всю оставшуюся жизнь... Лёгкая заторможенность, вечная сонливость, зато никаких лишних ощущений. Счастье и покой.

— Откуда ты знаешь?

Хм. Оттуда же. Пробовал. Вернее, заставили попробовать, чтобы убедиться, доступна ли мне после всех изменений нормальная жизнь. Оказалось, вполне доступна. Только для меня она больше не была «нормальной».

Оказалось, что любое, даже незначительное подавление приобретённых способностей вызывает не только психологический, но и физический дискомфорт со всеми прелестями типа скачков давления, болей в сердце, мышечных судорог, спазмов головного мозга и прочая. То есть помимо специальных лекарств мне нужно было бы возить за собой тележку таблеток и микстур, которые обычно прописывают людям преклонного возраста. Правда, врачи туманно намекали: «Всё ещё может наладиться естественным путём», но не уточняли, как скоро и с какими усилиями. В конце концов, даже мама высказалась в том смысле, что пусть всё остаётся, как получилось, лишь бы мальчик не страдал. Высказалась и сбежала, что называется, от греха подальше.

— Давай договоримся: сначала по возможности исследуешь открывающиеся перспективы, а потом решишь, стоит ли их реализовывать.

Ева вздохнула, откинула плед и села на кровати:

— Тебе бы подошло быть коммивояжёром, уговаривающим обывателей приобрести то, что им не нужно. Или вербовщиком на призывном пункте.

— Почему?

— Умеешь убеждать.

— Вовсе нет.

— Вовсе да! — уверенно заявила девушка. — Мелкий интриган... Хотя по твоей комплекции скорее крупный.

— Я всего лишь не хочу, чтобы ты отказывалась от изысканного блюда, не попробовав ни кусочка.

— Почему же тогда ничего не сказал о важности и нужности? О долге перед обществом? Об ответственности избранных и...

— Прочей ерунде?

— Угу.

— Потому что ты никому и ничего не должна. Разве только самой себе. Поддрагивающие пальцы потянулись за пледом, сграбастали бахромчатый край, потащили вверх.

— Мёрзнешь?

— Немного.

Я позволил креслу отдохнуть от моего присутствия и помог Еве укутаться.

— Пройдёт.

— Если ты это говоришь, значит, так и будет.

Слово «ты» оказалось выделено, намеренно или непроизвольно, но весьма и весьма заметно.

— Не считай меня истиной в последней инстанции.

— Почему бы и нет? — Она улыбнулась впервые за всё время разговора. — У меня есть для этого серьёзное основание.

О, что-то новенькое.

— Какое?

— Ты всегда говоришь то, что думаешь.

Разве этого достаточно для непоколебимого доверия? Нет, не так. Для слепой веры. Нужно срочно что-то предпринять. Или хотя бы отшутиться.

— Привычка.

— Привычка?

— Вот подольше покрутишься среди сьюпов и поймёшь, что врать бессмысленно. Только силы зря расходуешь.

Хотя и обыденное общение со средненьким медиумом — занятие весьма утомительное в моральном плане. Сосуществовать с человеком, которому в любой момент могут стать известны твои самые сокровенные желания и намерения? Легче повеситься или застрелиться. Тем, кто живёт вместе с *чтецом* мыслей, нужно или смириться, или принять меры предосторожности, трудоёмкие и эффективные далеко не всегда.

Есть методики, позволяющие скрывать мысли от *чтения*, но каждая из них подразумевает свою жертву. В основе всего лежит разделение на потоки: поверхностный, основной и глубинный. Соответственно, чаще всего необходимо утаить от собеседника мысли третьего потока, а также, по возможности, большую часть второго. Но для этого нужно сначала научиться делить своё сознание на кусочки.

— Правда?

— Правда. Можешь мне поверить: я пробовал.

— Ты работал со сьюпами?

Она произнесла это слово ровно с той же интонацией, что и все

остальные мои знакомые. С восторгом и страхом, смешанными в причудливый и мгновенно туманящий голову коктейль. А между тем ничего загадочного или сверхъестественного в существовании организации, предоставляющей услуги по *чтению* мыслей, не было.

В чём крылась причина бурного роста количества психочувствительных людей, неизвестно. Парадоксы эволюции, масштабные эксперименты военных, влияние космического излучения, подарок пришельцев... Любой вариант имел право на существование и не мог быть уверенно опровергнут. Отчаявшись докопаться до истоков свершившегося чуда, наука бросила все имеющиеся силы на его изучение. И, надо сказать, немало преуспела в своих изысканиях.

Было официально установлено, что почти каждый пятый человек на планете потенциально способен *читать* мысли окружающих. Но одного потенциала недостаточно. Условия жизни, определённые стрессовые ситуации, в конце концов, даже режим питания способен как развить медиума, так и уничтожить его. Казалось бы, точно зная, как, что и когда, можно растить *чтецов* мыслей пачками? Увы, реальность гораздо сложнее и капризнее. Выяснилось, что практически у каждого латентного медиума цепочка стрессов, необходимых для кристаллизации способностей, индивидуальна. Более того, стоит нарушить последовательность «звеньев», и вся работа пойдёт насмарку. Поэтому лишь наиболее упорные исследовательские лаборатории продолжали проводить эксперименты, сжирая государственное и частное финансирование, лишь время от времени добиваясь мелких успехов, а правительственные чиновники взялись за дело со своей стороны. Со стороны выгоды.

Как только количество подтверждённых и признанных наукой медиумов перевалило за несколько тысяч, Организация Объединённых Наций выступила с предложением придать некогда паранормальным способностям официальный статус. Дебатов было много, в том числе весьма яростных, с переходом на личности и отстрелом недовольных, но в конце концов сильные мира сего сошлись на мысли, что намного безопаснее переписать всех медиумов поголовно и ввести их в рыночные отношения как полноправных участников процесса оказания услуг, нежели вынудить навсегда уйти в тень. Соответствующую хартию подписали все страны без исключения, и вскоре, не прошло и полугода, появились те самые сьюты, о которых обыватели говорят полушёпотом и с опасливо-восторженным придыханием.

Слегка презрительное «сьют» родилось из «super» точно так же, как рождаются обозначения размеров, поскольку «медиум» помимо всего

прочего означает «средний», а люди, получившие право *читать* открыто, оказались на ступеньку выше кустарных специалистов. Причём не только на бумаге.

Удостоверение съюпа выдаётся далеко не всем медиумам, даже с окончательно проснувшимся даром. Конечно, и в Коллегии ведутся подковёрные игры, но большинство людей, получивших угольно-чёрную с серебристой каймой пластиковую карту, заслужили быть «сверху». Природный *чтец*, как правило, способен уловить только общий фон настроения собеседника, а чтобы более точно указать содержание мыслей, нужно... Нет, не тренироваться. Необходимо всё то же клятое стечение обстоятельств.

Хотя и тренировка не помешает. Например, фройляйн Цилинска, участвуя во встречах с клиентами, как раз подсознательно училась разбираться в мыслях и чувствах собеседника. Собственно, мой поверхностный поток она уже с месяц читала великолепно, и я морально был готов к последнему рывку перед финишем, но... Не мог предположить, что он окажется столь трагичным.

— Работал. Не очень долго.

— В полиции, да?

— Именно.

— А они... Они в самом деле могут сказать о человеке всё-всё-всё?

Подмигиваю:

— И немножко больше.

Ева судорожно вжимает голову в плечи.

Так вот чего ты боишься, девочка: открытия тайн. Детских и наивных либо страшных и кровавых — неважно. Но тебе становится жутко, когда представляешь, как кто-то забирается в твою голову и начинает копать, копать, копать...

— Не бойся.

— Тебе легко говорить. Ты же мужчина.

— Открою тебе самый тщательно скрываемый с начала времён секрет: мужчины тоже испытывают страх. И даже чаще, чем женщины.

Она недоверчиво щурится:

— Врёшь.

— Нисколечко. Просто когда рядом находится тот, кому ещё страшнее, нам приходится быть храбрыми. Или хотя бы делать вид.

— Ничего-то ты не делаешь. Ты не боишься. Совсем.

— Неправда, я очень сильно испугался. Сегодня, на кухне.

Ева подумала и отрицательно качнула головой:

— Не было в тебе страха. Было что-то другое. Сильное, почти яростное.

Эх, тяжело же находиться рядом с медиумом! Простите, оговорился: с без пяти минут сьупом.

Именно ярость и ничто иное. Злобная, рассерженная, искренняя ярость обиженного ребёнка. Я не мог допустить, чтобы с моей коллегой случилось что-то нехорошее, но при этом не мог сделать что-то большее, чем делал. Собственно, от могущества, загнанного в строгие рамки, и бесился.

— А ещё... Ты был недоволен. Словно я хотела сделать что-то плохое, что-то неприличное. И кажется, собирался меня отругать. Совсем как отец. Как настоящий отец.

Ну вот и умерла моя невинная мечта стать для девочки кем-то большим в плане нежных чувств, нежели друг. Но я рад. Быть отцом — не самое плохое занятие на свете. Хотя бы и всего лишь названным.

* * *

Стук дверного кольца звучал решительно и бесцеремонно, целиком соответствуя статусу посетителя. Я ошибся всего на полчаса: полиция нагрянула в салон не сразу после обеда, а чуть погодя, ровно с той задержкой, что требовалась для неспешной прогулки по Хоффнунгштрассе после сытного перекуса.

— Сегодня салон не работает, — сообщил я, открыв дверь.

— Не имеет значения. — Перед моим носом махнули удостоверением младшего полицейского инспектора. — Мне нужен герр Стоун.

— Это я.

Полицейский достал блокнот с замусоленным корешком, неторопливо перелистнул несколько страниц и начал зачитывать, после каждой фразы сверяя свидетельские показания с внешним видом объекта. То есть с моим видом.

— Рост выше среднего, можно сказать, высокий... Телосложение пропорциональное, плотное, но на профессионального спортсмена не похож... Лицо овальное, с высокими скулами, глаза светлые, нос прямой, подбородок крупный... Волосы каштановые, светлые, стрижка обычная... Описание подходит.

Он захлопнул блокнот и, сурово глядя мне в глаза, задал последний вопрос:

— Вы посещали вчера ресторан под названием «Кофейная роща»?

— Да. Какие-то проблемы, инспектор?

— Прошу вас пройти со мной для дачи показаний. Это не займёт много времени.

— Одну минуту, только возьму куртку.

Я вернулся в прихожую, но даже расстояние в несколько метров не смогло заглушить напряжённые мысли полицейского.

«Он не спросил, по поводу чего будет давать показания... Догадывается или знает наверняка? Подозрительный малый. Надо будет его проработать повнимательнее...»

Вот так, любое невзначай сказанное или тем паче несказанное слово сразу вызывает у нашей доблестной полиции жутчайшие подозрения. Впрочем, я был точно таким же, как этот молодой человек, только-только получивший звание инспектора и, вполне может быть, назначенный на первое в жизни расследование. А видеть во всех врагов — не так уж и бесполезно. В крайнем случае испортишь личные отношения, но ведь истинный слуга закона всегда готов пожертвовать собой ради...

ТЬфу. На практике жертву допускает лишь один из сотни, и все вокруг вешают на него ярлык «блаженный» или «фанатик». Самое смешное, неизвестно, что обиднее, быть презируемым за искреннее рвение или видеть в глазах собеседника жалость и непонимание. Я в начале своей полицейской карьеры избежал необходимости подвергаться подобному сравнению по случайности, которую не могу назвать ни счастливой, ни трагической. Просто так получилось.

Всю дорогу до «Сентрисс» инспектор старался держаться рядом со мной, только вынужден был перемещаться то вправо, то влево, потому что по мере приближения к площади количество прохожих возрастало в геометрической прогрессии и начинало походить на штормовое море. Одна из «волн» разбила-таки нашу дружную парочку, но мне повезло гораздо больше, чем полицейскому: отталкиваясь от обрывков мыслей людей, на встречных ко мне курсах спешащих по своим делам, я, устроив нечто похожее на сёрфинг, добрался до главного вестибюля делового центра первым. А спустя пять минут с трудом удержался от довольной улыбки, наблюдая лёгкую панику на лице инспектора, вообразившего, что он потерял свидетеля, а следовательно, провалил порученное задание и теперь получит нагоняй. Или, что ещё забавнее, если за мной он отправился самовольно, никого не поставив в известность, то моё «исчезновение» повлечёт за собой ещё более неприятные последствия.

Приветственно поднимаю руку:

— Я здесь, инспектор!

Он облегчённо выдыхает, но предательский румянец всё же добирается до щёк, показывая, что их хозяин был взволнован и немного испуган.

— Вас что-то задержало?

— Да, кое-какие дела. — Полицейский хватается за предложенную соломинку спасения. — Спасибо, что дождались.

— Помогать полиции — долг каждого гражданина, — с небольшой долей наигранного пафоса заявляю я, направляясь вслед за своим провожатым и его постепенно приходящими в порядок мыслями.

«Ну да, конечно, помогать! Небось только и думал, как бы удрать, но не успел...»

Ресторан «Кофейная роща» уподобился салону «Свидание» и вывесил на входной двери табличку «Закрыто», содержание которой отчаянно противоречило десятку с лишним людей, расположившихся за столиками или снующих вокруг с целью создания впечатления деловой активности.

Молодцы парни. Я бы тоже первым делом нашёл самое ближайшее к месту преступления питейно-едальное заведение, чтобы обеспечить бесперебойную поставку кофе для следственной бригады. И судя по островкам грязной посуды, бодрящего напитка уже было употреблено немало. Впрочем, ресторан не разорится: спишет расходы по статье «помощь сотрудникам государственной службы при исполнении», а незапланированная реклама в прессе как возможного места преступления принесёт немало прибыли уже в ближайшие дни.

— Присаживайтесь. — Мне указали на стул рядом с наименее захламлённым грязными чашками столиком.

Пока я снимал куртку и устраивался поудобнее, из недр служебного помещения возник официант, скорее всего тот самый, который обслуживал нас с Евой.

— Вы говорили об этом человеке? — строго спросил инспектор.

Парень обрадованно закивал:

— Да, да, именно о нём. Я могу идти?

— Идите. Если что-то потребуется дополнительно, вам сообщат.

Точно, его первое дело. Тонны важности и напускной уверенности. Со стороны выглядит довольно убедительно, но только не для тех, кто уже имел опыт встреч с полицией. Как правило, азарт новичка быстро сходит на нет, уступая место скуке повседневной рутины. Неискушённый наблюдатель возразит, что в отделе по расследованию убийств скучать некогда, но если раз за разом видишь одно и то же: нездоровую психику,

искалеченные судьбы или результаты действий, вдохновлённых моментом, — привыкаешь быстро. А трупы... Трупы похожи друг на друга молчанием и неподвижностью. И причина смерти всегда кроется в прошлом, а не в настоящем бездыханного тела.

— Это предварительная беседа, а не официальная, но в ваших интересах ничего не скрывать от следствия.

Ошибаетесь. В моих интересах не открыть вам больше, чем вы сможете понять. Потому что избыточная информация хороша для аналитиков, а не для рядовых ищущих: слишком успешно сбивает нюх.

— Разумеется, инспектор.

— Итак, начнём. — Он щёлкнул кнопкой диктофона. — Ваши имя и фамилия?

— Джек Стоун.

— Давно живёте в Ройменбурге?

Закономерный вопрос, его мне торопятся задать все, узнающие, как меня зовут.

— С рождения. Уже более тридцати трёх лет.

— Вы родились здесь?

— Да, и являюсь полноправным гражданином города.

Инспектор заметно погрузстнел. Ну ещё бы! Одно дело беседовать с приезжим, находящимся в городе «на птичьих правах», и совсем другое — нарваться на «гражданина».

С момента образования Ройменбург получил статус вольного города, и, хотя тогда в просвещённой и уже вовсю вступающей в капиталистическую ипостась существования Европе приветствовалось объединение, а не самоопределение по мелочам, тени позднефеодальных отношений ещё сохранялись. Впрочем, уверен, в сводах законов любого европейского государства непременно найдётся немало следов старины, или не замеченных модернизаторами, или нарочно оставленных на добрую память или в назидание потомкам. Так и мой родной город, находящийся в стороне от основных торговых и финансовых путей и тщательно поддерживающий нейтралитет по любому вопросу, а потому не заинтересовавший никого из властей предрежащих, получил возможность обзавестись всеми доступными и недоступными регалиями. Конечно, «вольница» на ту пору практически не имела смысла для мира за пределами городских стен, но зато внутри их...

Я не углублялся в изучение всех благ и льгот, предоставляемых статусом гражданина, но одну вещь во время службы в полиции заучил наизусть. Гражданин Ройменбурга, даже будучи обвинённым в убийстве, не

подлежит задержанию. Стоит сделать шаг вон из Ройменбурга, и тебя ждёт федеральный розыск, но, пока остаёшься в городе, ты совершенно свободен в своих поступках. Хотя ещё с десятков раз нарушь закон, до суда никто и слова не скажет.

Как намекают хроники, столь странная поблажка в отношении граждан и закона возникла по причине того, что у руля управления новорождённым Ройменбургом встали люди, за которыми тянулся шлейф всевозможных проступков, и подобная мера была попыткой обезопасить себя. Сейчас историческую правду установить уже невозможно, зато доподлинно известно другое: среди всех осуждённых за последние три столетия преступников граждан города можно пересчитать по пальцам, причём одной руки. А причина весьма проста.

Чтобы стать гражданином Ройменбурга, необходимо не только родиться здесь, вырасти, но и отметить совершеннолетие: именно по исполнению двадцати одного года на пышной церемонии ты получаешь пергамент с массивной магистратской печатью. Конечно, это требование вовсе не означает невозможность кратковременной отлучки. Появились дела или необходимость уехать? Пожалуйста. Но не более чем на полгода подряд. Превысишь срок — потеряешь все шансы на гражданство. Несправедливо? Да как сказать...

Маленький город, родившийся независимым, больше всего на свете желал таковым и оставаться, а для этого необходимо было удерживать жителей в родных стенах, создавая условия привлекательные и привлекающие. Что может быть милее полной свободы, пусть только и в одном отдельно взятом городе? А если ещё при этом получаешь право голоса в Законодательной коллегии и долю в городском имуществе... И совершать преступления не хочется, и уезжать прочь тоже. Тайны Ройменбурга хранятся свято, во внешний мир просачиваются лишь слухи о невероятных привилегиях граждан, но и туманных намёков хватает, чтобы год за годом в город приезжали всё новые и новые люди, надеющиеся обеспечить своим детям более завидную жизнь, чем собственная.

Я не собирался становиться гражданином нарочно, так уж получилось: отец задерживался в Ройменбурге по делам службы, а мне не захотелось уезжать на учёбу в Англию, потому что... У меня в городе были друзья. Или мне лишь казалось, что были, неважно. Каприз судьбы сделал своё коварное дело, и Джек Стоун неожиданно для самого себя стал гражданином вольного города, после чего мысли об отъезде уже не возникало.

Вполне возможно, в процедуру присвоения гражданства вмешалась

самая настоящая магия, чёрная или белая, но когда хрусткий пергаментный свиток, перевязанный тёмно-лиловой шёлковой лентой, лёг в мои ладони, я отчётливо понял: мы с городом соединены навсегда. С тех пор вот уже больше дюжины лет, изредка покидая Ройменбург для совершения деловых поездок или чтобы навестить родителей, я начинаю тосковать, едва последние ивовые рощи предместий скрываются из виду. Тоска — не лучшая спутница в путешествиях, но она тоже часть контракта, заключённого с городом. Неотъемлемая, болезненная, зато позволяющая ещё дороже ценить то, чем владеешь.

— Сколько времени вы знакомы с фройляйн Нейман?

— Вторые сутки.

Инспектор недоверчиво дёрнул бровью, но вслух высказывать своих сомнений не стал, продолжив допрос на прежней бесстрастной ноте:

— Какие отношения вас связывали?

— Исключительно деловые.

Он откинулся на спинку стула и примерно с минуту изучал меня хитрым взглядом, а я прилагал все возможные усилия, чтобы не *читать* мысли, роящиеся в голове полицейского.

— Тогда как вы объясните вчерашнее происшествие в ресторане?

— Происшествие?

Прикидываться удивлённым не могу, да и не считаю необходимым. Во-первых, всё равно правдоподобно не получится. Во-вторых, я прекрасно знаю, о чём идёт речь, но только со своей стороны. Вполне возможно, выяснились новые подробности или обстоятельства, а мне хоть и не положено участвовать в расследовании, но любопытство — мучительнейшая штука в мире.

— Вчера, примерно между половиной второго и двумя часами дня, вы обедали в «Кофейной роще», не так ли?

— Совершенно верно.

— И конечно же вы совершенно случайно выбрали именно этот ресторан?

— Нет, не случайно.

Взгляд инспектора начал наполняться торжеством.

— Позволю предположить, что ваш визит сюда был связан с фройляйн Нейман. Что скажете? Мои предположения верны?

— Да.

— Но вы были не один, как, впрочем, и покойная.

— Разве предосудительно обедать в компании с друзьями?

— Разумеется, нет! Хотя вернее было бы сказать, с подругами. То есть

с одной подругой.

Понятно, имеется в виду Ева, произведшая своей истерикой неизгладимое впечатление на обслуживающий персонал и посетителей «Роши». Но к чему клонит инспектор?

— С женщинами следует быть осторожнее.

— Осторожнее?

— Ну, скажем, не сводить вместе невесту и любовницу.

Ставлю локти на стол и подпираю подбородок сплетёнными в замок пальцами.

— Невесту?

— Если свидетельства о заключении брака между вами и какой-либо женщиной нет, стало быть... Мне продолжать, или вы сами что-нибудь скажете?

— Продолжайте, продолжайте.

Он слегка смутился от столь щедрого предложения и поощрения дальнейшего полёта своей фантазии, но сойти со следа уже не мог:

— Вы пришли в ресторан со своей юной невестой, которая, по всей видимости, догадывалась, что между вами и фройляйн Нейман существуют определённые отношения, и, раздосадованная чем-то или кем-то, девушка высказала сопернице всё, что думает...

— Обо мне конечно же?

Инспектор кивнул:

— Именно о вас.

— А могу я узнать, почему вы соотнесли слова... хм... моей невесты именно с моей персоной?

— А о ком же ещё она могла так горячо говорить?

О да, горячности в той реплике хватало. Но помимо эмоций присутствовал и смысл. Очень конкретный смысл.

— Я могу попросить вас процитировать? Или это тайна следствия?

— Пожалуйста. — Полицейский порылся в блокноте, нашёл нужную страницу и прочитал: — «Он вас не любит. У него только одна жратва на уме. А вас он считает старой шваброй».

Что ж, в целом верно. Вроде бы Ева выражалась несколько иначе, но общее содержание передано близко к тексту. И честно говоря, моё положение было бы плачевным, если бы... Если бы не счастливое стечение обстоятельств, порождённое склочным характером моей напарницы и желанием отомстить.

— Вы уверены, что речь шла обо мне?

— У меня нет причин сомневаться.

— Тогда у меня будет к вам маленькое предложение... Пообщаемся с народом? Любезный! — окликнул я официанта, уже переодевшегося и намеревавшегося покинуть ресторан. — Подойдите к нам, пожалуйста!

Прелесть вежливого приглашения состоит в том, что от него невозможно отказаться, и спустя несколько секунд бледный от волнения паренёк уже стоял рядом с нашим столиком.

— Вы помните мой вчерашний заказ?

После короткой паузы последовало вполне уверенное:

— Да.

— Пожалуйста, сообщите его инспектору.

Официант на мгновение замялся, не понимая, каким образом связаны выбросившаяся из окна женщина и несколько строчек меню, но охотно посвятил полицию в навязанные мне пищевые предпочтения:

— Кофе и минеральная вода. Девушка, пришедшая вместе с господином, заказывала две порции десерта, но только для себя.

— Спасибо, не смею более вас задерживать.

Официант пожал плечами и поспешно убрался вон из «Кофейной рощи», пока не появились новые вопросы, а я обратился к инспектору:

— Не считаете, что существует некое несоответствие между словами девушки и реальностью? Если бы меня занимала вкусная еда, я не преминул бы пообедать, по меньшей мере, с тремя переменами блюд.

— Может быть, вы соблюдаете предписания врача и...

Он осёкся, но вовсе не потому, что понял нелепость собственных рассуждений: на плечо обладателя не слишком завидного полицейского чина легла широкая ладонь начальства.

— Как продвигается осмотр места происшествия, Дитер?

— Разрешите доложить? — Младший инспектор вскочил на ноги и вытянулся в струнку перед старшим.

— Чуть позже. Вижу, вы разговариваете со свидетелем?

— Подозреваемым, герр инспектор!

— Вот даже как... — Мой старый знакомый, за те годы, что мы не виделись, ставший, казалось, ещё массивнее, снял потемневшее от капель дождя пальто и, величественно препоручив свою верхнюю одежду заботам подчинённого, сел на освободившийся стул. — И каковы успехи?

— Э-э-э...

— Передохните несколько минут, я сам займусь этим господином.

Молодой инспектор не горел желанием выпускать бразды правления расследованием из своих рук, но вынужден был смириться с приказом старшего по званию и удалиться на почтительное расстояние. Йоаким Берг

не глядя щёлкнул пальцами в сторону барной стойки, незамедлительно получил чашечку дымящегося напитка, сделал глоток и довольно прищурился:

— В сырую и промозглую погоду нет ничего лучше обжигающего кофе. С добавлением коньяка было бы ещё приятнее, но эти шалости ждут меня после работы, а пока... Как живёшь, Джек?

— Недурно. Жаловаться не приходится.

— С лица выглядишь так, что завидки берут. И не подумаешь, что был комиссован.

— Стараюсь следить за здоровьем.

Йоаким усмехнулся в густые, чуть тронутые сединой и кофейной пеной усы:

— Хорошее дело. Мне врачи тоже всё советуют умерить пыл.

— Признаться, удивлён, увидев тебя здесь. Это же не твой участок, или я ошибаюсь?

— Не мой, — согласился герр старший инспектор. — Но местные специалисты спасовали и передали дело нам.

— Что-то серьёзное?

И послужившее ответом на мой вопрос молчание, и мысли Берга были отчётливо осторожны. Но если первое свидетельствовало всего лишь о том, что посвятить меня в детали следствия хочется, но колется, то вторые слегка трусовато жались по углам сознания моего бывшего наставника и сослуживца.

Давно знакомое, но никак не желающее перейти в разряд забытых ощущение: страх, заставляющий людей при встрече со сьупом замирать не только снаружи, но и внутри. Кристаллики инея, покрывающие дебри мыслей. Для самого затаившегося они неощутимы и незаметны, а мне мгновенно становится холодно и неудобно, потому что... В моей жизни молчание вовсе не означает согласие. Для меня молчание — признак недоверия, оказываемого мне не как чужому человеку, а как невидимому врагу, собирающемуся вторгнуться на суверенную территорию.

Можно сколько угодно уверять собеседника, что его мысли мне неинтересны, что я не собираюсь его *читать*, а если случайно и ухвачу пару каких-то обрывков, то тут же постараюсь забыть их содержание. Можно клясться всеми святыми и демонами, что чужие мысли доставляют мне гораздо больше неприятностей, чем их хозяевам. Можно доставать удостоверение сьупа, тыкать его сомневающемуся в нос и напоминать, что мне строжайше запрещено давать ход сведениям, полученным из сознания людей. Можно...

Многое можно делать, но ещё большее делать нельзя.

Первый раз столкнувшись с попыткой отгородиться, я удивился. Потом обижался, негодовал, ругался, переживал, оскорблялся. Всего хватало. Но в конце концов вынужден был смириться со своей судьбой. Единственное, что помогало мне не потерять собственное здоровое сознание, это детская вера в чудо. Вера в то, что когда-нибудь я встречу человека, который не будет бояться открыться передо мной, не будет бояться распахнуть свои мысли настежь. И он вовсе не окажется ангелом, в этом я уверен на двести процентов! Потому что чистота помыслов и откровенность — совсем разные вещи.

«В конце концов, я ничего не потеряю. А может, что-то и приобрету...»

Вот так-то. Корысть всегда перевешивает. Но в данном случае стремление к выгоде обоюдно, и нет причин лицемерно осуждать инспектора Берга за разглашение служебных тайн.

— Дело слишком подозрительное, Джек.

— Основания?

Йоаким отправил в рот последние капли кофе и с видимым сожалением поставил чашку на блюде.

— Что тебе известно о покойной?

— Мне должно быть что-то известно? — Пробую удивиться, но, видимо, леди Оливия в очередной раз оказалась права, потому что инспектор укоризненно дёргает подбородком.

Есть на свете люди, ненавидящие игру в кошки-мышки, я сам принадлежу к их числу, но, на моё счастье, и мой старый знакомый не терпит долгие допросные прелюдии, особенно, если у него на руках имеются весомые улики.

Вместо того чтобы по примеру младшего инспектора принять загадочный вид и начать задавать так называемые наводящие вопросы, Берг вытащил из внутреннего кармана пиджака сложенную пополам прозрачную папку с листом бумаги, хорошо знакомым мне хотя бы потому, что я сам заказывал в типографии мелкооптовую партию бланков договоров для салона.

Папка легла на стол передо мной.

— Не видишь ничего странного?

Мог бы и не спрашивать. Конечно, вижу, и увиденное удивляет меня не меньше, чем моего собеседника.

Бесцеремонный мазок ядовито-голубого маркера проходит по одной из строчек договора, выделяя слова: «...до окончания календарного срока

жизни...»

— Что это может означать, по-твоему?

Забавно, но мне хочется задать тот же вопрос, только некому.

— С ходу не отвечу.

— А если не торопиться? Если подумать?

В некоторых делах что думай, что не думай, результат один.

— Этот листок побывал в руках у многих человек?

— Обижаешь! — усмехнулся Берг. — Только в моих. К счастью, мы с криминалистами прибыли на место одновременно, и я успел урвать этот десерт прямо у них из-под носа. Конечно, придётся вернуть на предмет снятия отпечатков и прочего, но... Я ведь всё правильно понял?

О да! Вообще, мыслительному процессу герра старшего инспектора можно только позавидовать. Я бы, к примеру, сообразил, что делать, минут через десять, если бы вообще сообразил.

— Мои отпечатки на нём обязательно будут. В конце концов, я собственноручно вписывал реквизиты Заказчика.

Берг автоматически кивнул, отмечая в памяти предложенное объяснение, но голову моего собеседника занимали совсем другие мысли, торопящиеся выйти наружу.

— Есть шанс, что получится?

Не надо было быть сьупом, чтобы почувствовать нарастающий в полицейском азарт. Я и сам страдал, а может, наслаждался подобным увлечением и упорством, но жизнь перемалывает характер вернее, чем самые тяжёлые мельничные жернова.

— Шанс всегда есть.

— Попробуешь?

Растерянно поднимаю взгляд:

— Я?

Берг посмотрел мне прямо в глаза, впервые за всё время беседы:

— Да.

— Это несколько... незаконно.

— Ты всё ещё сьуп.

— И похоже, умру им, но всё равно... Йоаким, вмешательство медиума оформляется официально. Нужен запрос в соответствующие инстанции и прочее в том же духе. Можно оформить задним числом, разумеется, но зачем рисковать? Бухгалтерия тебя не погладит по шёрстке за такое своеволие.

Он хитро подмигнул:

— У меня свои подходы к бухгалтерам. Особенно к одной... Но это

так, к слову. Попробуешь?

Никогда не любил торопиться ни с выводами, ни с активными действиями, предпочитая прежде немножко подумать. Герр старший инспектор настаивает? Странно. Спешка в экспертизе вещественных доказательств обычно вызывается либо высокой степенью угрозы для жизни, либо... Конкуренцией между разными бригадами криминалистов. Эх, присмотреться бы повнимательнее к сознанию Берга, чтобы убедиться в том или другом варианте развития событий, но это будет нечестно по отношению к старому знакомому, да и совершенно не интересно. Лучше попробую сделать то, о чём меня просят.

Дешёвая офисная папка из прозрачной плёнки — прекрасная защита результатов деятельности человеческого сознания. Да-да, мысли тоже оставляют следы, и ещё какие! В большинстве случаев даже не нужно прилагать усилий, чтобы прочесть письмо, что называется, «с того света». Правда, бывает, и никакие увеличивающие линзы не помогают.

Маркером выделена строчка, в которой упоминается окончание срока хранения нашей коммерческой тайны, стало быть, рука фройляйн Нейман касалась бумаги чуть ниже, примерно в этом месте...

«Окончания срока жизни... Срока жизни... Срока жизни? Но разве я живу? Сколько ещё лет пройдёт прежде, чем... Не хочешь жить, так возьми и умри? Я хочу жить? Нет. Значит, мне нужно умереть?»

Ничего не понимаю. Одни вопросы без ответов. Обычно человек, обдумывая важное решение, на каждое сомнение нанизывает по меньшей мере с десяток доводов «за» и «против», спорит с самим собой, зачастую срываясь на ругань, но в данном случае ситуация совсем другая. Женщина не была уверена, и всё же нисколько не сомневалась. Более того, я не почувствовал присутствия заднего плана мыслей, и это довольно странно.

Каждое мгновение бодрствования человек переполнен мыслями, подавляющую часть которых он не осознаёт и осознавать не собирается, но тем не менее гул и гомон словесно не оформленных размышлений присутствует всегда, и с определённой периодичностью во все потоки просачиваются обрывки обитательниц подпотокового пространства. Конечно, если имеешь дело не с живым объектом, а только со следами его мыслей, шанс внятно разобрать содержание непрошенных пришлиц крайне мал, но само присутствие определяется без проблем. Почему же «предсмертная записка», оставленная фройляйн Нейман, кажется мне поддельной?

— Что скажешь, Джек?

Ох, я чуть было не забыл, где и с какой целью нахожусь, настолько

увлёкся.

— Ничего утешительного.

— А конкретнее?

Кстати, если вспомнить прошлое, можно чуточку подтрунить над герром старшим инспектором, до поры до времени не верившим в возможности сьюпов и утверждавшим, что «все эти новомодные штучки никогда не заменят нормальной полицейской процедуры». Не заменят, это верно. Зато смогут существенно облегчить её проведение, в чём Берг однажды и убедился. Жаль, без меня как участника событий, но здравый смысл, являющийся одной из главных добродетелей моего старого знакомого, распространил результаты единичного опыта на всё исследуемое множество. С определёнными допущениями и долей недоверия конечно же, но хоть полное отрицание исчезло, и то хорошо.

— Она думала о смерти.

— Уверен?

Я подвинул папку обратно к собеседнику.

— Да. Но её мысли сами по себе несколько... Неправильные.

— То есть? — насторожился герр старший инспектор.

— Это сугубо технический вопрос, вполне возможно, я просто не владею всей необходимой информацией, и всё же... Женщина собиралась умереть. Но одновременно не хотела этого. Или, точнее, не испытывала настоящей потребности.

— Подожди, подожди... — Берг помял пальцами складку кожи на переносице. — Как это не хотела?

Размышления без отрыва от разговора — моё любимое занятие. Присутствие рядом активного собеседника, время от времени нарушающего своим вмешательством плавную дремоту моего сознания, не только подхлёстывает мыслительный процесс, но и вытаскивает на свет божий самые неожиданные варианты.

— А вот так. Её мысли похожи на обдумывание совета или приказа, а не на принятие самостоятельного решения. Словно кто-то велел ей умереть, да она и сама в общем-то не против, потому не возникает ни малейшего внутреннего сопротивления.

В любом случае психическое состояние женщины не было и не могло быть нормальным после представления, устроенного Евой в ресторане, однако следов намеренного насильственного подавления воли в сознании фройляйн Нейман также не наблюдается. Хотя, что можно сказать, когда под рукой только одна-единственная, и весьма невнятная, улика?

— Приказ, говоришь? Такое возможно? Что, если мы имеем дело с

гипнозом?

Качаю головой:

— Нет, в случае гипноза всё выглядит иначе. Мне трудно объяснить, но... Уж обдумывания точно не происходит! Человек, которому посредством гипнотического внушения приказали что-то сделать, не задумывается. Он делает, и всё, проговаривая про себя в лучшем случае лишь необходимую последовательность действий. А фройляйн Нейман занималась вполне обычной мыслительной деятельностью, по крайней мере в тот момент, когда пользовалась маркером и ещё некоторое время спустя.

— Она не хотела умирать, но и не сопротивлялась мыслям о смерти, — задумчиво обобщил Берг. — Полная пассивность?

— Такое бывает. Собственно говоря, когда я уходил из ресторана вчера, женщина находилась в состоянии своеобразной искусственно стимулированной апатии. Но о смерти она не думала, в этом я совершенно уверен.

— Значит, кто-то подсунул ей эту мысль позже. Осталось узнать кто.

Хороший вывод. И, наверное, чертовски правильный, однако не облегчающий работу полиции.

— В любом случае промежуток времени довольно большой: с обеда и до возвращения фройляйн Нейман домой. Экземпляр договора был обнаружен в её квартире, верно?

Берг кивнул:

— Да, на письменном столе, прямо посередине.

— А маркер? Возможно, с его помощью удалось бы чуточку точнее...

— Извини. — Герр старший инспектор сокрушённо вздохнул. — Его я ухватить уже не успел.

— Что ж, ничего не поделаешь.

Пластиковая трубочка рассказала бы что-то более внятное? Вряд ли. В лучшем случае позволила бы сделать уточнения. Впрочем, теперь, побывав в руках криминалистов, она всё равно ни на что уже не годна.

— Точно не гипноз? — Полицейского не оставляла мысль о преднамеренном убийстве.

— Точно, не сомневайся. Случившееся можно сравнить... Ну, скажем, с тем, что влияние извне, как зерно, попало в подготовленную почву и очень быстро проросло.

— Но что могло стать источником такого влияния?

Сама жизнь, что же ещё? Мы же существуем не в безвоздушном пространстве, не в вакууме дальнего космоса, отделённые друг от друга

сотнями световых лет. И даже высокие ограды с бахромой острых пик враждебности не помогают нам оставаться в одиночестве.

— Если бы я знал... В принципе, всё что угодно. Даже нелестный комментарий от соседа по вагону метро.

— Нейман пользовалась личным автомобилем, — уточнил Берг.

— Могли быть неприятности на стоянке или во время её пути домой. Но не думаю, что можно проверить все возможности.

— Это наша работа, Джек. И мы её выполним.

Я улыбнулся в ответ бурному потоку мыслей герра старшего инспектора, вовсе планирующего занятость своих подчинённых на вечер и завтрашний день. М-да, парням предстоит оббегать если не весь город, то его половину наверняка! И описание выявленной причины вряд ли можно будет приложить к материалам следствия.

* * *

— Герр инспектор, ну сколько ещё ждать?!

Берг, не оборачиваясь, небрежно махнул рукой:

— Сколько понадобится.

— Учтите, я подам жалобу вашему начальству, если...

— Подавайте. Только сначала внимательно прочтите третий пункт подписанной вами заявки.

Нервная краснота кожи лица, неприятно контрастируя с лиловым атласом галстука, совсем не украшала благообразного седовласого мужчину, гневно взирающего на Йоакима Берга... Хотелось бы сказать, «свысока», но неумолимая реальность состояла в том, что незнакомец был ниже моего старого знакомого больше чем на голову.

Сухощавый коротышка лет пятидесяти, а может, и старше: у такого живчика обязательно нужно узнавать паспортные данные, чтобы не ошибиться. Лишённый даже намёка на следы влаги костюм-тройка и отсутствие плаща-дождевика как на плечах, так и в руках новоприбывшего позволяют предположить, что это один из завсегдатаев деловой части «Сентрисс». Но какие претензии у него могут быть к инспектору полиции?

— Вспомнили? — со скучным спокойствием, по-прежнему глядя в мою сторону, поинтересовался Берг. — Или мне процитировать? С момента подачи заявки на привлечение сторонних специалистов к расследованию может пройти не более суток. Сутки. Вам понятно определение этого промежутка времени? Двадцать четыре часа. А прошло всего-навсего около

пяти... Наберитесь терпения, герр Краус. Или вы считаете, что все сьюпы ещё вчера выстроились в очередь в ожидании именно вашей заявки? Они ведь нарасхват, знаете ли.

Хм. Однако... Запрос в Коллегию всё же был отправлен? Так вот почему Йоаким торопился! Хотел успеть получить консультацию независимого эксперта до прибытия официально оплаченного специалиста. Ну и гад!

Впрочем, прекрасно понимаю мотивы герра старшего инспектора. Меня он знает намного лучше, чем всех прочих медиумов Ройменбурга, вместе взятых, и кроме того...

— Эй, посмотрите-ка! — присвистнул один из стоящих у окна полицейских. — Ничего себе машинка!

Желающих отвлечься от порядком уже наскучившего кофепития и копания в протоколах опроса свидетелей оказалось немало. Собственно говоря, все люди, находившиеся в ресторане, покинули свои места и, что называется, прильнули к окнам. Я тоже решил не становиться странным исключением из всеобщего помешательства и занял место рядом с Бергом, дабы насладиться поистине замечательным зрелищем.

На площади перед «Сентрисс» парковался лимузин.

Нет, не так. На площади перед зданием делового центра парковалось чудовище цвета розовой лаванды, поблёскивающее хромированными деталями внешней отделки даже под хмурым осенним небом. Впрочем, источников яркого света и помимо солнца было предостаточно: фоторепортёры, очевидно пронюхавшие о том, что ожидается пришествие сьюпа, осыпали лимузин молниями фотовспышек ещё до того, как его колёса остановились, а уж когда шофёр открыл дверь, чтобы помочь пассажиру выбраться из машины, стало светло, как в самый погожий день.

— Ого-о-о! — полурастерянно, полувосхищенно протянул кто-то рядом со мной, но не Берг: герр старший инспектор остался равнодушен к происходящему внешне, а вот внутренне...

«Позы и позёры, мать их! Ещё бы время не тянули зря...»

Я хотел было возмутиться и возразить, что в большинстве своём медиумы — вполне обычные и довольно пунктуальные люди, ничем не выделяющиеся в любой произвольно взятой толпе, но прикусил язык, как только получше разглядел объект, вызвавший бурю эмоций.

Из лимузина вышел... вернее, вышло Нечто. С большей или меньшей точностью можно было определить только рост человека, делая скидку на каблуки, но все остальные параметры фигуры и признаки половой принадлежности прятались в просторах тёмно-лиловой бархатной накидки,

отороченной длинноворсным мехом. На голове пассажира лимузина громоздилась широкополая шляпа, задрапированная густой вуалью. В общем и целом при взгляде на творящееся под окнами ресторана безобразие в моём сознании возникала лишь одна ассоциация: явление дивы эпохи немого кино. О чём думали другие зрители, я узнавать не собирался и, пока не оглох от эха повторяющихся мыслей, решил вернуться за столик. Берг, также не являющийся любителем звёзд, звёздочек и звезданутых, насмешливо предложил коротышке:

— Желаете проводить даму на место преступления?

Герр Краус, стряхивая оцепенение, вздрогнул и отрицательно мотнул головой, прежде чем сообразил, что означает подобный жест в возникшей ситуации.

Всё верно. По доброй воле ни один нормальный человек не подойдёт к сьюпу на расстояние ближе чем десяток метров. Особенно если человеку есть что скрывать.

— Тогда этим придётся заняться мне, — хмыкнул герр старший инспектор. — Вынужден откланяться. Джек, поговорим позже?

— Разумеется. Без проблем.

Седовласый бизнесмен, отметив приятельскую интонацию обмена репликами, видимо, принял меня за одного из сотрудников полиции, потому что, стоило Бергу отойти, кашлянул и обратился ко мне:

— Это поможет?

— Что именно?

— Этот... медиум, который только что приехал.

Хочет поговорить? Пожалуйста. Но не под внимательно-настороженным взглядом молодого и рьяного Дитера.

— Если вас не затруднит, давайте пройдем в коридор: здесь стало совсем душно.

— О, конечно, как скажете!

Точно, записал меня в полицейские. И ведь ни тени сомнения не испытывает... Смешно и грустно одновременно. Самые страшные государственные и личные тайны именно таким образом и становятся достоянием общественности, из-за простейшей человеческой ошибки, основанной на доверии. Правда, что бы мы делали, если бы разучились доверять? Скорее всего вымерли бы в считанные месяцы, потому что спасти свою собственную жизнь в большинстве случаев можно, лишь целиком и полностью поручив её другому человеку.

— Простите за малопрятный вопрос, кем вы приходились покойной?

Герр Краус нервно сглотнул:

— Начальником. Консалтинговая фирма «Краус и партнёры», кстати, весьма известная в определённых кругах. Не слышали?

И слава господу, что не слышал. Делать мне нечего, кроме как изучать биржевые новости и толстенные аналитические издания для воротил финансовых рынков!

— К сожалению, нет. Профиль моей работы не слишком соотносится с...

— Да, конечно. Извините.

А вот извиняется он неискренне: заученно и равнодушно. Хорошо ещё, без заметно выраженного чувства превосходства, иначе это было бы уже обидным.

— Ещё один вопрос, скорее из личного любопытства, а не по делу. Вы подали заявку на сьюпа. Почему?

— Потому что я хочу знать причину смерти. Это вызывает у вас удивление?

О да. Вызывает, и немалое. Обычно к услугам членов Коллегии медиумов прибегают редко.

Во-первых, цена за участие сьюпа в расследовании довольно высока, и оплатить подобную роскошь в состоянии далеко не каждый. Иногда, если преступление или происшествие имеет федеральное значение, финансовое обеспечение поступает непосредственно из бюджетных фондов полицейского управления, кроме того, каждый гражданин Ройменбурга имеет право вызвать сьюпа за счёт городской казны, но во всех прочих случаях платит частное лицо. Если оно кровно заинтересовано в результатах следствия, но тут вступает в игру коварное «во-вторых».

Сьюп не делает различий между личным и общественным, когда работает. Хотите узнать, о чём думал покойный перед смертью? Пожалуйста. Но будьте готовы к тому, что на свет божий могут быть вытащены сведения, которые вы предпочли бы видеть навечно похороненными в небытии. И как правило, больше всего людей пугает именно «человеческая» составляющая чужих мыслей. Пусть коммерческая тайна перестанет быть таковой, но, не приведи господь, сослуживцы узнают, что, скажем, умершая секретарша во время оргий в кабинете ласково называла директора «любимым плешивым ковриком». Мы стесняемся самих себя. Стыдимся. Даже боимся. И этот страх, родившийся задолго до нас, неистребим, однако вполне преодолеваем. В определённых случаях.

Герр Краус, судя по его поступку, либо набрался смелости, либо... Искренне горюет о погибшей женщине. Впрочем, и тот и другой вариант

заслуживает уважения. Но если верно второе предположение, то копать нужно в направлении чувств, а не разума.

— Какую должность занимала фройляйн Нейман в вашей фирме? Была младшим партнёром?

— Это имеет значение? Почему вы спрашиваете?

— Потому что хочу понять, устраивали ли её условия работы, заработная плата и прочие будничные, но важные для счастливой жизни вещи. Итак?

На лицо коротышки снова вернулся нервный румянец.

— Мы солидная фирма, и у наших сотрудников, а тем более партнёров нет причин жаловаться.

— То есть фройляйн Нейман была всем довольна?

— Лично я не слышал, чтобы она каким-то образом выказывала своё недовольство условиями работы и всем прочим.

Осторожничает. После рекламного выпада о солидности фирмы последовал резкий уход на заранее подготовленные позиции. Впрочем, коротышка действует правильно.

— А другие сотрудники? Возможно, с ними покойная была несколько более откровенна?

«Другие? При чём тут другие? Она никогда ничего от меня не скрывала! Она просто не могла! Ведь мы были друг другу ближе, чем отец и дочь, и если бы хоть что-то случилось...»

Всё-таки легче быть простым полицейским: нет возможности слышать то, что прячется за звуками устной речи, и нет необходимости сомневаться. Между начальником и подчинённой существовали доверительные отношения? Или это только убеждение герра Крауса, а не реальное положение дел?

— Вы можете их допросить.

— Непременно. Но вы, как глава фирмы, наверняка видели всю картину целиком, с высоты, так сказать, вашего опыта и положения. Не так ли?

Капелька лести никогда и никому не вредила: бизнесмен немного успокоился.

— Я не отмечал ничегостораживающего. Но почему вы спрашиваете именно о таких вещах?

— Потому что есть основания считать произошедшее самоубийством.

— Нет, позвольте! — Он едва не подавился очередным вдохом. — Хотите сказать, она сама?..

— Очень вероятно.

— Нет... Не может быть...

А мужчина и в самом деле потрясён. Интересно почему? Сотни людей ежедневно во всём мире шагают вниз с крыш и мостов, бросаются под машины, повисают в петле, ловят виском пули... Мы живём и умираем, как захотим того сами. Если боги всех времён и народов вынуждены были пугать свою паству муками загробного мира, дабы отвратить от мысли о собственноручном сведении счетов с жизнью, но не добились особого успеха, есть ли смысл удивляться?

«Почему? Это неправда! Она не могла... У Клари не было никаких причин... Ни малейших!»

— Как у фройляйн Нейман обстояли дела с личной жизнью?

— У Клариссы на первом месте всегда стояла работа! — гордо сообщил герр Краус.

— Значит, она была одинока?

— Одинока? Э-э-э...

Запинается? А мысли настолько ясны, что я вновь не могу закрыться и не *читать*.

«Она не была одинока! У Клари всегда был я, с самого детства! И у меня всегда была только она... Никого, кроме Клари...»

— У неё был возлюбленный? Или, может, возлюбленная?

— Нет! Что вы такое говорите?!

Я улыбнулся, пожимая плечами:

— Прогресс не стоит на месте. Пора бы всем нам, даже самым упрямым консерваторам, признать право людей любить свободно.

— Ничего такого у Клариссы не было!

«Клари — самое чистое и невинное создание на свете! Как можно говорить о ней такие мерзкие вещи? Ах да, он же полицейский, а все полицейские — ско...»

— Вы утверждаете, что фройляйн Нейман не имела интимных отношений?

— А... хм... Как я могу это утверждать?

«Я всегда мог только надеяться, что её прекрасный цветок останется закрытым бутоном, пока... Пока я не решусь... Пока у меня не накопится достаточно...»

— Извините, это был не слишком корректный вопрос. Но ваш на него ответ отчасти подтверждает версию о самоубийстве.

— Каким образом? — Голос коротышки захрипел возмущением.

— Люди, занимающиеся только работой и не имеющие того, что называется «личной жизнью», очень часто выбирают именно этот способ

ухода из жизни. Вполне возможно, фройляйн Нейман больше не могла выносить одиночество, отчаялась встретить свою любовь и...

«Если бы она хоть словом... хоть взглядом... Мне хватило бы и самого крошечного намёка, чтобы... Но откуда я мог знать? Клари всегда была так уверенна и спокойна, так любезна, что трудно было заподозрить... Неужели? Я был слепее крота?! Но предложить ей... Она бы не приняла и не поняла... Старик, годящийся в отцы, как я мог сделать её счастливой? Ведь Клари и так была счастлива... Или только притворялась? Я должен знать правду! Правду, какой бы она ни была!»

Я хочу того же, герр Краус. Хотя бы потому, что женщина умерла частично и по нашей вине. По вине беспечности и неудовлетворительной работы персонала салона «Свидание».

Нет, огульно приписывать Еве преступную несдержанность, а себе халатную медлительность не буду. Фройляйн Нейман, когда я покидал ресторан, находилась в состоянии, вполне совместимом с продолжением жизни, именно в той катарсической пустоте сознания, которое является предвестником нового этапа существования, а вовсе не гибели. Но во второй половине того дня случилось что-то, отрезавшее Клариссе пути к будущему. Возможно, Бергу удастся выяснить подробности, а возможно, причины смерти так и останутся тайной. По крайней мере, участие сьюпа однозначно установит используемую терминологию: убийство или самоубийство. А большего, наверное, и не нужно.

— Она могла выброситься из окна только потому, что...

Сейчас он выглядел стариком, разбитым, немощным, дряхлым. Резко углубившиеся морщины, сеточка кровеносных сосудов, поменявшая цвет на холодно-сиреневый, муть, поднявшаяся со дна взгляда: передо мной стоял уже не солидный бизнесмен, а его блеклая тень.

— Ещё рано говорить об истинных причинах происшедшего, герр Краус. Я всего лишь предположил. Извините, если мои слова оказались неуместными.

— Вы так легко всё это сказали... — Кожа на лбу коротышки собралась рассеянными складочками. — Вас такому учат?

Не нужно присматриваться к его мыслям, чтобы прочувствовать боль и горечь ситуации. Я и не буду. Тем более в нашу сторону направляется герр старший инспектор.

— Нет, специального курса обучения не существует. Сами до всего доходим.

Хотелось добавить: вместе с вами, вместе с потерпевшими, свидетелями, родственниками и просто знакомыми. Если каждый раз

пускать чужое горе в сердце, скоро в нём не остаётся места для тебя самого. С одной стороны, так легче жить. Полностью растворяешься в окружении, чувствуешь необыкновенное единение со всем миром сразу... Но есть одна загвоздка. Пойдя по этому пути, со временем ты не сможешь ни минуты находиться в одиночестве, каждое мгновение наедине с самим собой станет смертельно опасным, потому что тебе нечего будет «разделять». Зато в компании ты, что называется, душа, солнце, звезда и всё прочее. Если умеешь одновременно с поглощением чувств обеспечивать выход их же, только чуть обработанных и видоизменённых, наружу. Лично я подобным талантом не наделён, поэтому в какой-то момент перестал наполняться чужими чувствами. Попросту захлебнулся, и много сил ушло на то, чтобы откашляться, отплеваться и выгнать из лёгких души воду не принадлежащих мне переживаний. Означенный процесс не доставил ровным счётом никакого удовольствия, скорее наоборот, и теперь я никогда не открываю калитку настежь. Так, оставляю небольшую щёлочку для незваных гостей. Но и засов опускать не собираюсь.

— Беседуете? — поинтересовался Берг, хитро прищурившись.

— Немного, — поспешил ответить я, чтобы у герра Крауса не возникло желания задать вопрос о моём имени и звании. — Сьюп уже закончил?

— Да.

— И каков результат?

Герр старший инспектор сделал многозначительную паузу, для меня послужившую намёком типа «и сам всё знаешь», а потом сообщил, подпуская в голос соболезнующих ноток:

— Фройляйн Нейман покончила с собой, по всей видимости, находясь в состоянии глубокого отчаяния.

Коротышка, у которого до оглашения вердикта ещё оставалась надежда на другую версию событий, судорожно задержал дыхание, чтобы потом отрывисто переспросить:

— Отчаяния?

— Полный отчёт будет предоставлен вам чуть позже, если позволите.

— Да-да, разумеется...

Он повернулся и тихо побрёл по галерее в сторону лифтов. Сознание герра Крауса, в отличие от его бывшей подчинённой, не было пустым, а скорее наоборот, стремительно наполнялось под завязку бессодержательными эмоциями, повторяющимися вопросами и горестными стенаниями.

— Ему не помешало бы внимание психотерапевта.

— Думаешь? — Берг посмотрел вслед заметно пошатывающейся на каждом шаге низенькой фигуре. — Я позвоню в службу реабилитации. Но ты и сам мог бы...

— Нет уж, спасибо. Он не оценит и не поймёт, а потом ещё и обвинит во вмешательстве в частную жизнь.

— Это точно! Обвинит обязательно. Кстати, если он узнает, что ты вовсе не принимаешь участия в расследовании и, кроме того, сам являешься сьупом...

— Не приведи Господь!

Герр старший инспектор приглашающе подмигнул:

— Накопал что-то? Расскажешь?

— Я могу отказаться?

— Можешь, конечно. Но это будет...

— Не по-дружески. Знаю. В принципе ничего необычного или криминального. Старик относился к погибшей очень тепло, практически как отец, но при этом в мыслях держал несколько иные чувства, которые, правда, так и не стали реальностью. Соответственно, сейчас он убит горем, и участие со стороны только приветствуется. Но ты помнишь? Всё это не для протокола.

— А жаль, — вздохнул Берг.

Конечно, жаль. Было бы много проще, если бы сьупам официально разрешали *читать* мысли живых людей. Но та же знаменитая «Хартия свободы сознания» строжайше запретила всем, кто обладает подтверждёнными и официально признанными медиумическими способностями, делать информационное содержимое ментального поля индивидуума достоянием общественности. С одной только поправкой: при жизни данного индивидуума. После смерти — пожалуйста, и на этом, собственно, и основывалось широкое привлечение сьупов к полицейским расследованиям. Ещё одно исключение делалось для пропавших без вести, поскольку вмешательство медиума могло помочь установить возможное местонахождение потерявшегося или хотя бы причины, побудившие или вынудившие человека исчезнуть. На всё прочее был наложен запрет.

Разумеется, государственные службы, как рассказывали многочисленные слухи, ограничениями пренебрегали, но действовали всё же больше на свой страх и риск, поскольку, если бы в прессу просочились малейшие доказательства нарушения хартии, скандал смёл бы с лица земли всех и вся. Но мне всегда казалось, что сплетни о бесцеремонности всевозможных разведывательных управлений и служб безопасности всё-таки именно выдумка, а не реальность. Ну кто, скажите, будет по доброй

воле и в твёрдом разуме иметь дело с медиумом? Да, ты можешь заставить его *прочитать* мысли твоих врагов, но при этом он *прочитает* и твои мысли тоже! Риск слишком велик и малооправдан. Держать подле себя человека, который будет знать о тебе ВСЁ... Нужно или всецело доверять, или безрассудно любить, третьего не дано.

К тому же запрет облегчил жизнь не только обычным людям. Медиумы благодаря ему тоже получили самую настоящую свободу, ведь иначе их не стали бы пускать ни в одно людное место, а так... Ну да, *прочитает*. И что? Всё равно никому ничего не вправе рассказать. Своего рода тайна исповеди, не менее свято и строго соблюдающаяся. Другое дело, что собственную личную жизнь мало кто пожелает связать с медиумом. Но это уже проблемы самих *читающих*. Мои проблемы, в частности.

— Я тебе ещё нужен?

— А? — оторвался от собственных размышлений Берг. — Пожалуй, нет. У меня сейчас куча работы с оформлением свидетельских показаний, результатов экспертизы и всей прочей дребеденью.

— Закроете дело?

— Скорее всего. Но пока решение не принято, я погоняю парней, вдруг что-то найдут?

— Зачем? Хочешь доказать «доведение до самоубийства»? Тогда записывай в главные виновники меня. И вредоносные поползновения коллеги не предотвратил, и потерпевшей помощи не оказал. Думаю, достаточно для обвинения.

Герр старший инспектор зло фыркнул:

— Не шути так, Джек. Я понимаю, ничего не получится, но мне нужно узнать всё возможное. Чтобы быть готовым.

— К чему?

— К действиям, если увижу похожую ситуацию или в неё попадут мои близкие и друзья. Довольно одного лишь резкого слова, да? Косого взгляда? Толчка плечом?

Иногда и ещё меньшего. Смены направления ветра, к примеру.

— Да, Йоаким.

— Так вот. — Он прямо и серьёзно посмотрел мне в глаза. — Если я буду знать, как распознавать такие орудия убийства, очень возможно, несколько человек останутся живы. Даже один и тот станет моей победой. Понимаешь?

Как бы я хотел сказать то же самое, герр старший инспектор! Хранить жизни. Это ли не мечта настоящего полицейского? Неудержимое желание взять всё в свои руки, защитить, оградить, спасти...

И *прочитать* в сознании спасённого отчаянно ненавидящее: «ЗАЧЕМ ТЫ ЭТО СДЕЛАЛ?!» Я всего несколько раз слышал такой крик, и пусть он был адресован не мне, оглохли именно мои уши. Вместе с душой.

Каждый человек — своего рода крепость. Или дом, двери и окна которого обычно наглухо закрыты. Можно до самой смерти нежно и взаимно любить одну-единственную женщину. Можно положить всего себя на алтарь помощи другим людям, занимаясь благотворительностью. Можно даже стать святым при жизни, но твой личный домишко как был предназначенным для одного жильца, так и останется. Мир людей похож на палаточный лагерь. Мы разговариваем, работаем, готовим пищу, развлекаемся, очень многие вещи делаем вместе, но всё равно наступает момент, когда полог палатки опускается за спиной каждого из нас и о недавнем единении напоминают лишь гаснущие костры. Это не хорошо и не плохо. Это особенность зверя, некогда наречённого «человеком».

Сьюпы могут заглядывать в чужие палатки, а многие люди получают удовольствие как от запретного зрелища, так и от осознания, что за ними наблюдают исподтишка. Но переступить порог... Ни-ни. Даже не думайте. Покушение на неприкосновенность частной собственности — самое страшное преступление. Страшнее убийства. Потому что, умирая, перестаёшь чувствовать, а оставаясь жить, долгие годы мучаешься от боли утраты и ненавидишь. Грабителя? Отнюдь. Ты начинаешь подозревать весь мир в дурных намерениях, ведь один раз тебя уже обокрали. Где гарантия, что ещё кто-то из людей вокруг не протянет руки к твоему имуществу? Её нет. И ты старательно запираешь двери своей души, чтобы... В один прекрасный день кто-то распахнул их пинком и вывел тебя из горящего дома за миг до того, как начали рушиться перекрытия. Казалось бы, нужно быть благодарным спасителю. Как бы не так! Ведь оказавшись на улице, хоть и живым, ты потерял всё, что у тебя было. И вот тогда рождается крик, в котором неизвестно, чего больше, злобы или обиды: «ЗАЧЕМ МЕНЯ СПАСЛИ?»

Очень многие остаются на этих пепелищах. Почти всё. Поэтому, стараясь сохранить чужую жизнь, нужно всегда быть готовым к смерти души. Хорошо ещё, наши личные дома горят слишком редко, чтобы мир ослеп от зарева невидимых пожаров.

Я завидую вам, герр старший инспектор. Всеми имеющимися силами. И я мог бы многое рассказать о своей зависти и чужой ненависти. Но бури, начинающиеся в сознании и заканчивающиеся бег своих вихрей рядом с сердцем, не интересны никому вне меня. Поэтому остаётся только спокойно кивнуть и ответить, чуть приподнимая уголки губ в дежурной

улыбке:

— Понимаю.

* * *

Толпа зевак, собравшихся посмотреть на лимузин, рассосалась только с отбытием лавандового монстра в неизвестном направлении. Я вышел из дверей «Сентрисс» как раз в тот момент, когда двигатель машины грозно рыкнул на мешающих проезду людей и те недовольно расступились. Водружение дивы под вуалью в недра грандиозного экипажа прошло без меня, но жалеть о прошедшем мимо моего внимания зрелище не хотелось.

Что всё это вообще означало? Сьюпы никогда не славились любовью к эпатированию общественности, наоборот, тщательно скрывали своё присутствие от случайных свидетелей. А сегодня перед моими глазами развернулось красочное, но невероятно нелепое представление. Что происходит? Резкая смена имиджа хороша для эстрадных звёзд и политиков, но не для тех, чьё призвание — оставаться в тени.

Я остановился неподалёку от места парковки лимузина, застёгивая куртку и перебирая в уме бусины фактов, упрямо нанизывающиеся на нить логики в единственно возможном порядке. Лучшая защита — это нападение. Выставление сьюпа напоказ вполне можно сравнить с отчаянной контратакой. Но если так оно и было... Требуется защита? От кого и от чего?

«Как жизнь молодая, пенсионер?»

Лично для меня мысли не имеют вкуса, цвета и запаха. Даже эмоции не всегда могу *прочитать* уверенно, как бы ни пытался: затачивали меня вовсе не для этого, да и с глубиной заточки перемудрили по неопытности и неосведомлённости. Я *читаю* преимущественно словесное содержимое чужих голов. Но иногда и по небрежно обронённой фразе можно безошибочно определить её автора.

— Спасибо, не жалуюсь. Какими судьбами здесь, До?

Я никогда не называю её полным именем, потому что ей не нравится подаренное родителями «Дора», о чём было заявлено хоть и мысленно, но сразу и непреклонно, а мне дважды повторять не нужно.

— А то ты не догадываешься?

Я постарался добавить немного улыбки в мысленное: «Догадкам я предпочитаю факты, ты же знаешь», и мои старания не прошли незамеченными. Впрочем, кто-кто, а Дора, насколько я её знаю, всегда

очень тонко различала именно оттенки эмоций.

— Хватит засорять эфир. Я устала. Хочешь поговорить, воспользуйся языком.

— Как пожелаете, фройляйн.

Поворачиваюсь лицом к окликнувшей меня старой знакомой. Да, всё течёт, всё изменяется, но только не наши привычки.

Тёмные от падающей с неба воды пряди неравномерно постриженных волос. Бледное лицо, на котором ярче всех прочих черт выделяется прилипшая к губе и почти потухшая сигарета. Свитер крупной вязки, бесформенный и необъятный, балахоном висящий на узкой, как щепка, фигуре. Широленные брюки с накладными карманами, приляпанными к месту и не к месту, массивные ботинки со стальными накладками на носках, ядовито-жёлтый платок с набивными чёрными черепами, повязанный на левое запястье. В целом получается нечто среднее между нонконформистствующим подростком и вечным студентом, лишённое внешних половых признаков. Разрешите представить: госпожа Дора Лойфель, практикующий сьют.

— Работала?

— Я же не могу позволить себе нежиться на пенсии, — привычно ссызвила она, но тут же посерьёзнела: — Да. Только что.

— По делу Нейман?

Сигарета перекочевала в другой уголок рта.

— Понятия не имею. Имена меня не интересуют.

— Кларисса Нейман. Женщина, выбросившаяся из окна.

— А... Да, она.

— И каков вердикт?

Дора нахохлилась, как мёрзнувший воробей, и посмотрела на меня снизу вверх:

— Тебе-то что?

— Хочу получить подтверждение собственным выводам. Или опровержение, тут уж как кости лягут.

— Верно говорят: полицейским родился, полицейским и умрёшь, — с высоты прожитых тридцати пяти лет глубокомысленно заключила госпожа Лойфель. — Задело за живое?

— Скорее за мёртвое.

— Нарочно интригуешь?

Рассказывать всю подоплёку заинтересованности я не стал бы и самому близкому другу, а уж для давней соперницы хватит и намёка.

— Я прохожу свидетелем.

— Выброса, что ли? — хихикнула Дора.

— Обстоятельств, предшествующих самоубийству.

— Ага! — Она ткнула указательным пальцем мне в грудь. — Читал уже?

— Только косвенные улики. Но поскольку твоё мастерство, несомненно, выше моего, я...

— Лстить ты не умеешь. А не умеешь — не берись.

Можно было бы пуститься в долгие и утомительные объяснения, что я действительно не умею лстить, поэтому озвучиваю свои настоящие ощущения, но зачем тратить время, если результат известен заранее? Дора отнюдь не кристально чиста и светла, и это ни для кого не секрет, а других мы меряем по себе, потому что иначе просто не получается. Человек, у которого рыльце в пуху, никогда не поверит в искренность собеседника. Обидно? Нет, прекрасно! Что может быть желаннее, чем спрятать свои истинные намерения от окружающих и тем самым сохранить крепость своей души в неприкосновенности? Только осознание бесконечной свободы. Я разучился скрывать свои мысли, именно когда понял: они не нужны никому, кроме меня. Да и мне не особенно.

— До, я не лщу. Я обращаюсь к тебе как к высокочеловеческому специалисту. За консультацией.

— Консультации никто не проводит бесплатно, Джек.

— Какова цена?

Она перестала жевать кончик сигареты и взглянула на меня глубокими омутами болезненно блестящих глаз:

— Есть кое-что, от чего я бы не отказалась.

Обычно когда женщина произносит подобную фразу, речь идёт только об одной возможной услуге, на которую способен мужчина. Но в случае госпожи Лойфель глупо было бы предполагать требование интимной близости. Хотя бы потому, что в постели Дора всегда предпочитала партнёров своего пола.

И всё же её голос подрагивает именно так, будто нам предстоит быть вместе. Или очень-очень близко друг к другу.

— Мм?

Дора тряхнула мокрыми волосами:

— Так что ты хочешь знать?

— Касательно платы.

— Позже.

— Хорошо. — Внезапный уход от темы показался мне странным, но с желаниями женщины невозможно, а главное, бессмысленно спорить. — О

чём думала фройляйн Нейман в последние минуты своей жизни? И главное, как думала?

Госпожа Лойфель разочарованно посмотрела на окончательно пришедшую в негодность сигарету и щелчком пальцев отправила поникшее табачное изделие на булыжники мостовой.

— Что мне всегда нравилось в тебе, так это твоя тяга к копанию в дерьме. Уж вроде бы всё ясно, а ты не останавливаешься, роешь пяточком своим, роешь... И ведь находишь то, что искал. Это очень полезное качество, Джек.

— Для кого?

— Для всех нас, — туманно ответила Дора, передёрнув плечами и спрятав ладони в рукава свитера. — Итак, о чём она думала...

На несведущий взгляд наиболее удобным способом передачи ощущений было бы мысленное общение, но сьюпы считают иначе. Строить в сознании фразы, способные донести до собеседника закладываемый смысл без искажения, — большое искусство. И бóльшая работа, чем обычный мысленный трёп с самим собой. Гораздо проще облекать образы словами уже за пределами сознания, в обычной устной речи. Тем более сразу после завершения обследования места происшествия, когда всё ещё остаётся в голове, а твоё личное и наносное смешиваются в единое варево.

— Мысли оригинальностью не отличались. Она сожалела, правда, очень вяло. Вообще, по силе оставленных следов можно подумать, что женщина очень устала. Знаешь, бывают такие периоды, когда кажется — не можешь пошевелить ни рукой, ни ногой... Вот и покойная была в похожем состоянии. Всё делала на полном автомате.

— Хочешь сказать, она без тени сомнения утром вошла в офис, подошла к окну, повернула ручку и...

— Примерно так. По крайней мере, ни на одном месте в комнате она подолгу не задерживалась, за рабочий стол не садилась, словом, времени зря не теряла.

— Шла на работу уже с оформившейся мыслью о самоубийстве?

— Похоже на то, — кивнула Дора.

Хм, хм, хм. Значит, событие, подтолкнувшее фройляйн Нейман к радикальному решению проблем, произошло вчера вечером, задолго до того, как женщина заснула. Если она вообще спала этой ночью.

— Она думала о причинах? Кого-то проклинала? О ком —нибудь вспоминала?

— Очень отрывочно. Слишком отрывочно, чтобы установить

личности. Промелькнула тень вины перед кем-то, видимо, старшим по возрасту родственником или другом, были крохотные и крайне тусклые вспышки злости на кого-то ещё, но общий фон оставался спокойным и целеустремлённым.

Герр Краус и несостоявшийся жених вспоминались скорее всего. Но почему так мало чувств?

— Повторялись какие-то определённые мысли?

Дора задумалась, уткнувшись подбородком в толстый валик воротника.

— Да, была одна, довольно забавная.

— Как звучала?

— «Не хочешь жить? Умри».

Она даже голосом разделила фразу пополам, на две смысловые части.

— Столь категорично?

— Удивлён?

Не особенно. Я *прочёл* на договоре примерно то же самое, но окрашенное несколько иначе. Вернее, по ритму вечерних мыслей можно было предположить другое эмоциональное состояние женщины: вчера Кларисса ещё не была готова выполнить полученный приказ. Стало быть, за ночь желание умереть прочно вросло в сознание фройляйн Нейман... Странно. Обычно хороший крепкий сон стирает следы обид и разочарований почти начисто, оставляя только горьковатый осадок в сердце. Она так и не заснула? И бессонная ночь превратила женщину в зомби, одержимого одной лишь мыслью? Жаль, я не спросил Берга, уж он-то точно по показаниям свидетелей должен знать, как выглядела умершая сегодня утром! Была ли она свежа или, напротив, казалась усталой, с синевой под глазами и всеми прочими признаками отсутствия сна... Стоп. Что я успел углядеть за время телевизионной трансляции? Что меня поразило больше всего в позе самоубийцы? Руки, обхватывающие... Кстати, что у нас на руках? Ногти, разумеется. И ногти были блестящими. Точно! Определённо на них был свежий маникюр, и это означает...

Кларисса Нейман спала этой ночью, не мучавшись размышлениями об уходе из жизни. Иначе она не стала бы обновлять лак на ногтях: в сознании попросту не осталось бы места на подобные мысли. Итак, сон был. Если ей удалось заснуть, спала она наверняка крепко и долго, до звонка будильника по меньшей мере. Стало быть, намерение умереть оформилось ночью? Да, такое бывает, но лишь в одном случае. Если мысль, которую действительно нужно обдумать, принадлежит нам самим, а не навязана извне.

Вечером женщина ещё проговаривала в сознании что-то вроде: «Не

хочешь жить? Так возьми и умри...», чуточку удивляясь и сомневаясь, а утром теоретическое предположение стало программой действий. Но внушения не было, мысль ощущалась собственной. Родной. Ничего не понимаю. Объяснить бы всё гипнотическим воздействием или прочей дребеденью! Как было бы просто и приятно... А что получается на самом деле? Фройляйн Нейман восприняла любовное поражение почти спокойно, повода волноваться за неё не было, однако в конце прошедшего дня случилось нечто, перевернувшее мироощущение Клариссы с ног на голову быстро, эффективно и бесцеремонно. Уравнение с одним неизвестным? Похоже. Но пока его никак не решить. Ладно, подожду итогов бурной деятельности герра старшего инспектора, вдруг ему улыбнётся удача?

— О чём задумался? — Дора вытащила из пачки новую сигарету и прикурила от потрёпанной пластиковой зажигалки.

— О превратностях судьбы. Ещё вчера фройляйн Нейман была успешной бизнес-леди, а сегодня утром разбилась о булыжный ковер площади.

— Такова жизнь. Никто не знает, что ждёт его на закате. Не знает даже, встретит ли рассвет.

В голосе моей собеседницы отчётливо прозвучала печаль, приправленная нетерпением, словно госпожа Лойфель собирается кого-то похоронить, но гроб с телом задерживается в дороге.

— Спасибо, До.

— За что? Судя по твоему лицу, мои слова ничего не прояснили.

— Ну почему же. Благодаря тебе от некоторых версий можно отказаться. Хотя и жаль.

— Жаль? — Она выдохнула дым, на несколько секунд липким облаком повисший в воздухе между нами.

— Присутствие злого умысла исключается.

— Это плохо?

— Нет. Но... непривычно.

— Полицейский! — фыркнула Дора. — Ты что, в любой смерти видишь чьё-то дурное влияние?

— Э-э-э...

Вообще-то она попала не в бровь, а в глаз. Роковое стечение обстоятельств в качестве виновника человеческой смерти меня никогда не устраивало. Что-то осязаемое, живое и разумное чудилось на изнанке любого самоубийства или несчастного случая, хотя вокруг все в один голос уверяли: так случилось, Джек, никто не виноват.

Никто. О, этот могущественный и неуловимый господин! Он прячется

между строк криминальной хроники и хроники катастроф, в пыльных томах бракоразводных процессов, в прогнозах изменения климата и росте цен на энергоносители. Мы старательно жмуримся и отворачиваемся, только бы краешком глаза не увидеть довольную улыбку господина Никто на губах друг у друга. Мы боимся признать, что каждое событие кем-то если и не нарочно подготовлено, то случайно претворено в жизнь. У кого повернётся язык обвинить ребёнка в автомобильной аварии, хотя водитель круто вывернул руль именно потому, что пытался уйти от столкновения, пытался не навредить малолетке, выбежавшему на середину дороги? Да и в чём он виноват? Тогда уж впору судить родителей, не научивших своё чадо соблюдать правила дорожного движения. И куда мы придём такими темпами? В тупик. Со всего маху. Лбом прямо в каменную стену. Расшибёмся? И ещё как! Но даже страшась подобного исхода, я не могу отказаться от желания знать: *кто, когда, как и почему*.

— В отчёте ты укажешь то же, что рассказала мне?

Дора закатила глаза к небу:

— Нет конечно! Ваш брат не поймёт и половины, да полиции это и не нужно. Они хотят услышать только «да» или «нет». Убийство или саморукоприкладство.

— Но полицейские психологи могли бы заинтересоваться и...

— Ты сам-то в это веришь?

Не очень. Госпожа Лойфель чертовски права, как это часто с ней бывает. Но один вопрос всё же остался невыясненным.

— Так что насчёт платы?

— Мне нужно твоё согласие.

— В чём?

Дора опустила ресницы и затянулась сигаретой:

— В одном деле. Очень личном.

— Слушаю.

— Я хочу, чтобы в случае моей смерти *чтением* занимался ты.

Необычное желание. Более того, несколько несуразное, потому что настоятельно рекомендуется, чтобы медиум *читал* мысли у лиц своего пола, а не противоположного, иначе может возникнуть фатальное несовпадение базисов и искажение результата. Строгого запрета, разумеется, нет, и в принципе Лойфель вправе требовать моего участия, однако...

На язык так и просится недоумённое:

— Но зачем?

— Ты очень внимательный *чтец*, Джек. И настырный. Если чего-то не

поймёшь, не остановишься, пока не разберёшься до конца, а это мне и надо.

— Но почему?

Она жёстко улыбнулась, по-прежнему не поднимая взгляда:

— Потому что я, неважно, с небес или из бездны ада, но хочу видеть, как мой убийца понесёт наказание.

— Какой убийца? О чём ты?

Дора придвинулась поближе, так, чтобы слова, слетающие с её губ, становились достоянием только моих ушей.

— Видел ряженую куклу в лимузине? Думаешь, зачем всё это было нужно?

Я не ответил, но не потому, что не догадывался. Теперь, после странного желания, высказанного молодой и вполне здоровой женщиной, многое если и не становилось понятно, то наполнялось опасным смыслом. Я промолчал, потому что мой ответ Доре не требовался. Ей нужно было лишь моё безоговорочное согласие.

— Если меня убьют... Обещай, что попробуешь *прочесть!*

— Обещаю, До. Я *прочту*. Обязательно.

— Вот и славно. — Она поднялась на цыпочки и коснулась моего лба странно сухими и горячими посреди осенней прохлады губами, прошептав: — Спасибо, Джек.

А потом поток пешеходов, не иссякающий перед входом в «Сентрисс» с утра до ночи, подхватил Дору Лойфель и унёс прочь. В будущее, которое, судя по дымке, накрывшей мысли женщины, виделось ей мрачным и безрадостным.

* * *

Я очень легко заболеваю, но инкубационный период моей любимой заразы обычно проходит практически незаметно и длится ровно столько времени, чтобы невозможно было засечь его отправную точку: миг, взгляд или слово, которые нашли щёлочку в душевном щите. Я очень часто болею переживаниями.

События сегодняшнего дня усугубили моё состояние, но начало новому витку лихорадки размышлений было положено чем-то другим. Может быть, вчерашними впечатлениями? Или событиями недельной давности? Если бы можно было отчётливо выделять угрозу среди всей массы проносящихся мимо или увлекающих в свой водоворот бесед,

мыслей и образов, я бы давно научился избегать ловушки. Пусть Берг верит, что в конце концов научится распознавать опасность в невинных повседневных вещах, а мне остаётся лишь вздохнуть и развести руками. Моё личное «невозможное» не хочет становиться реальностью.

Две женщины и две судьбы с одинаковым финалом. Каким? Смертью конечно же, причём смертью неурочной и нелепой. Кларисса Нейман уже мертва, Дора Лойфель одержима мыслями о скорой кончине. И никакой очевидной связи, кроме... Ну да, меня.

Нет смысла думать о том, что Клариссу можно было спасти. Только если оставаться при ней денно и ночью, тщательно следя за её сознанием и сознаниями окружающих, дабы те неосторожными словами или жестами не столкнули с горы страданий снежный ком отчаяния. Кто отважится на подобный подвиг? Кто принесёт всего себя в жертву другому человеку? Уж точно не я. Потому что становиться надсмотрщиком не собираюсь. И потому что слишком жаден. Да, я скупец, и ещё какой. Я трясусь над каждой каплей собственной свободы и просто так не поделюсь ни одной. Только при соблюдении ряда непеременимых условий, одним из которых является... Любовь конечно же.

Любовь. Это смертоносное оружие, как выясняется. Кларисса умерла из-за того, что один человек не любил её, а второй не смог выпустить любовь на свет божий. Вряд ли взрослая женщина всерьёз рассчитывала на нежные чувства человека младше себя, но вот откровение герра Крауса вполне могло бы... Хм, а что случилось бы, если бы он признался в любви? Ситуация вполне могла бы усугубиться, хотя... Главное в другом. Женщина почувствовала бы себя женщиной. Да, пусть с лёгким привкусом горечи, потому что кавалер незавиден. Да, она вряд ли ответила бы взаимностью, хотя чем чёрт не шутит? В любом случае у Клариссы появилась бы в активе одна маленькая, но очень необходимая победа, воспоминания о которой могли бы скрасить все будущие поражения.

Итак, я снова возвращаюсь туда, откуда ушёл: виновник смерти имеется, и вполне реальный, только обвинить и осудить его невозможно. Нет таких законов в царстве людей, а царство Божие... Пусть Господь решает сам, кого казнить, а кого миловать. Я бы не смог вынести приговор, а потому трусливо прячусь в тени. Ты ведь не обидишься, Господи?

Морось дождя, подхваченная порывом ветра, наткнулась на моё лицо и скатилась по щекам, как слёзы. Небеса тоже плачут время от времени, правда не солёной водой. Плачут над нами, живущими и умершими, потому что видели и наши рождения, и наши смерти. Видели и ничего не могли изменить. Или не хотели? Ответом всегда будет молчание, только оно. И

когда Дора Лойфель умрёт, небо снова промолчит... Но почему она должна умереть? Вернее, почему она так уверена в возможности, почти неотвратимости скорой смерти?

Ряженая кукла в лимузине, говорите? Хороший отвлекающий манёвр, спору нет. Стало быть, Дора всерьёз опасалась за свою жизнь. Кто-то преследует мою знакомую? Но почему она не сказала об этом прямо? Почему не обратилась в полицию, не попросила защитить? Потому что не верит? Хотя чего греха таить: очень редко полицейские успевают обезвредить преступника прежде, чем он претворит своё намерение в жизнь. Если взять серийных убийц, к примеру, то редко дело ограничивается парой-тройкой жертв. Пока эксперты и следователи пытаются найти кончик нити, чтобы размотать клубок преступления, проходит много дней, а то и лет. В любом деле нужна удача, и полицейское расследование не исключение.

Очень похоже, что речь идёт о серийности, иначе Дора не стала бы так настаивать на *чтении*. Значит, были и другие смерти. Смерти сьюпов. И почему мне об этом ничего не известно? Хотя из каких источников я мог бы узнать? Если убийства происходили в Ройменбурге, ещё есть шанс услышать о них, но если где-то в других городах... Надо бы наведаться в Коллегию и поспрашивать там. У меня хоть и приостановленное членство, но непрекращенное, а значит, все права остаются при мне, кроме одного. Права работать без поручительства. А я и не рвусь возвращать себе это право, потому что работа медиума — штука нервная и неблагодарная. Как и жизнь вообще. Настолько нервная, что...

— Штайни! Ты ли это?

Искренняя радость в громком голосе и медвежьих объятиях, из которых невозможно вырваться, пока они сами тебя не отпустят.

Я довольно крупный мужчина, по любым оценкам выше средних параметров, но рядом с Гельмутом Кёне выгляжу хрупкой статуэткой из антикварной коллекции, хотя ростом мы с моим старым знакомым примерно одинаковые. Наверное, всё дело в том, как он двигается: значимо, солидно, удерживаясь на тонкой грани между тяжеловесностью и уверенностью. У меня с самого начала нашего знакомства возникло позднее подтвердившееся рядом событий подозрение, что этот рыжеватый блондин не умеет сомневаться. В принципе не умеет. Не дано это было Гельмуту ни при рождении, ни посредством воспитания, ни стараниями учителя по имени Жизнь. И честно говоря, я ему завидую. Немножко. Совсем чуточку.

— А ты как думаешь?

Он отодвигается на расстояние вытянутых рук, но по-прежнему не отпускает мои плечи. Вглядывается повнимательнее мне в лицо, смешно хмурится, щурится, задумчиво цокает языком и наконец выносит вердикт:

— Думаю, ты.

И мы смеёмся. Вместе. Я — чуть смущённо, Гельмут — заливисто, как говорится, во всю глотку. С одной стороны, стесняться мне нечего, потому что неприкосновенность личной жизни в Ройменбурге чтится свято, но с другой...

Гельмут всегда был бунтарём, наверное, этого требовала кровь, доставшаяся ему в наследство. Кем были предки Кёне, история и сама семья умалчивают, но вряд ли они занимались мирным фермерством или ремёслами, скорее грабили торговые обозы на море и на суше или нанимались во все европейские армии по очереди, чтобы дезертировать при первой же задержке жалованья. Но если последние поколения этой семьи нашли в себе смирение жить, не выделяясь на фоне сонного общества предместий, то Гельмут, словно в противовес, начудил больше необходимого, в частности, отказавшись стать гражданином Ройменбурга. Нарочно сбежал подальше и, несмотря на отчаянные поиски и уговоры родных, вернулся в город ровно через час после истечения установленного срока. Но на этом бунтарство не закончилось, к унынию родственников и головной боли магистрата, потому что Кёне стал ярым правозащитником. Защищал всех от всех, что называется, только свистни. К чести Гельмута можно было сказать только одно, но очень весомое: он никогда не продавался. Любое участие в митингах, шествиях, противостояниях и прочих общественных возмущениях проходило у него спонтанно и искренне, от всей души. Собственно, за это его и любили многочисленные революционно настроенные девушки и их матери. И даже странно было сознавать, что в свои тридцать Кёне всё ещё оставался ни разу не женатым и совершенно бездетным.

Я познакомился с Гельмутом случайно, по долгу службы, а не по собственному желанию. В тот год эпидемия студенческих волнений докатилась до Ройменбурга. Хотя наш технологический всегда был неповоротлив и консервативен в смысле политики и социальной активности, но и его абитуриентов задело за живое очередное решение канцлера то ли о снижении расходов на образование, то ли о понижении статуса дипломов высших учебных заведений. Моя память не сохранила истинную причину начала противостояния властей и студенчества по очень простой причине: меня в те дни волновала вовсе не подоплёка исторических событий, а безопасность. Своя и общественная.

Моя карьера в полиции началась почти сразу же по окончании обучения в университете, на чём настояла мама. В смысле Дагмара настаивала на обязательном получении диплома по «гражданской» специальности. Выпускников техноложки, впрочем, в полицию брали охотно, потому что обязательный процент инспекторов с высшим образованием никто не отменял, хотя, скажу честно, к недавним студентам матёрые полицейские, добившиеся своих званий потом и кровью, относились пренебрежительно. Нет, открыто не задирали и не унижали, но взгляд «сверху вниз» чувствовался. Даже у самых либерально настроенных, вроде того же Берга. Но мне повезло быстро заслужить право быть принятым в полицейскую семью, хотя... Везение было то ещё.

Как человека, хорошо знакомого с планировкой территории университета и вообще с тамошними порядками, меня назначили в оцепление в разгар студенческих волнений. Низших чинов не хватало, а обращаться за помощью к федеральной армии магистрат решил бы в последнюю очередь, поэтому большая часть инспекторов облачилась в бронежилеты, шлемы, щитки, а также прочую дребедень, призванную защитить брэнную плоть от камней и бутылочных осколков, и, опустив забрала, вышла на борьбу... Вернее, вышла делать всё возможное, чтобы не допустить начала этой самой борьбы.

Было страшно. И первые часы, и последние, хотя должно было возникнуть привыкание. Не возникало. Никак. Наверное, мешал заряжённый и полностью подготовленный к стрельбе короткоствольный «химмлер». Да, нам было разрешено применять боевое оружие. Даже больше, нам это было настоятельно рекомендовано, с одной лишь оговоркой: «В случае возникновения угрозы жизни». Беда только в том, что подобную угрозу каждый понимает исключительно по-своему. И когда одна из студенток швырнула в голову стоящего рядом со мной в оцеплении патрульного пластиковую бутылку с лимонадом или чем-то другим питейным, мир повис на тоненьком волоске, не оборвавшемся только потому, что... Одновременно прогремели два удара. Да, именно прогремели, потому что гомон негодующей толпы в этот момент оказался разорван внезапно возникшей тишиной. Удар дубинкой по шлему и звонкая пощёчина. Дубинка была в моей руке, а к щеке девушки приложился ладонью как раз Гельмут.

Я был готов отдать свою жизнь, защищая полицейских, стоящих рядом со мной, но допустить первый выстрел с нашей стороны... Нет, что угодно, только не это! Кстати, тот полицейский хоть и жутко разозлился на меня, но, когда противостояние прекратилось, пробурчал: «Спасибо, а то я

сорвался бы». И такая благодарность оказалась одной из двух самых дорогих для меня за все годы жизни. А вторая прозвучала из уст здорового парня, напротив которого я стоял всё время оцепления. «Ты здорово держался. И раз уж всё закончилось... Пойдём, выпьем по кружечке?»

— Ну что, по кружечке?

Кожаная куртка с заклёпками, разрисованная лозунгом: «Люди, давайте жить!» на разных языках, ярко-алая бейсболка, брюки и свитер явно армейского образца, правда, угадать, в каком уголке мира военные носят такую форму, затруднился бы даже самый опытный эксперт федеральной разведки, и ковбойские сапоги, но не модная подделка, а именно те самые, из далёких прерий Северной Америки. Всё течёт по реке времени и изменяется, поплёвывая на наши желания. Всё, но только не упрямо выставленный вперёд подбородок и мальчишеский задор пополам с проникновенной серьёзностью в карих глазах.

— А одной хватит?

Гельмут напускает на лицо философскую задумчивость:

— Задать вопрос? Вполне. Но мне-то нужен ответ, значит... Одной кружкой дело явно не обойдётся!

* * *

«Пивной уголок» фрау Герты Брюкнер особенно хорош во второй половине дня, но не ближе к вечеру, а часов эдак в пять, пока рабочий день ещё не закончился и уставшие от переключивания бумаг с места на место офисные работники вперемежку с владельцами окрестных лавок не приняли решение завершить трудовые будни маленьким праздником распития пенной влаги. До семи вечера в декорированном под старину зале свободны почти все столики, свет не приглушён, кружки не стучат, розовощёкая Эльга не снуёт взад и вперёд, игриво задевая любителей пива пышной складчатой юбкой, и никто не тревожит двух старых знакомых, затеявших разговор после долгой разлуки.

В самом деле ведь долгой. В последний раз я видел Гельмута почти год назад, как раз перед его отъездом в... Не помню куда. Наверное, не спрашивал и не пробовал *читать*. Собственно, вопросы ни о чём перестали быть моим любимым занятием, когда ответы стали назначать встречу по собственному желанию и разумению.

— Тёмное или светлое?

— Если у тебя серьёзное дело, давай для начала возьмём что-нибудь полегче.

Кёне подумал, согласно кивнул и не поленился сходить к стойке за двумя кружками прозрачно-золотого «Хохенхофа», сваренного на воде с ледников, а потому обещающего ясность мысли на протяжении всего питья и, что самое главное, исправно выполняющего свои обещания.

— Так что за вопрос ты хотел задать?

Гельмут слизнул пену с края кружки:

— Как у тебя с семейной жизнью?

Я чуть не поперхнулся первым же глотком:

— То есть?

— Женился за то время, пока меня не было в городе?

Что характерно, в мыслях Кёне не было и тени намёка на что-то связанное с матримониальными планами, поэтому он успешно застал меня врасплох.

— Не понимаю твоего интереса.

— Так женился или нет?

На прямые вопросы я стараюсь отвечать прямо. Даже если не знаю целей вопрошающего.

— Нет.

Короткое слово вроде бы должно было поставить точку в импровизированном допросе, но Гельмут продолжил с не меньшим рвением:

— Встречаешься с кем-нибудь?

Ещё любопытнее. И хотя признаваться несколько неловко, но... Скрывать тоже глупо.

— Нет.

Карие глаза довольно сощурились.

— Так, кубковых трансляций на завтра не намечено, Мото ДжиПи только на выходных... Отлично! То, что нужно!

Осторожно спрашиваю:

— Нужно кому?

— Нам обоим. Ну, в первую очередь, конечно, мне... Но и ты можешь получить удовольствие.

— От чего?

Гельмут отпил треть кружки, сделал торжественную паузу и сообщил:

— Хочу организовать твой культурный досуг на завтрашний вечер.

Звучит трогательно, но, учитывая, что мы встречаемся слишком редко, чтобы поддерживать беспечно-дружеские отношения, не могу поверить в

искренность неожиданно проявленной заботы.

— С чего бы это вдруг?

— Да подвернулась одна возможность... Приятное совпало с полезным.

— И кому будет приятно?

— Тебе, — проникновенно улыбнулся Кёне.

Я никогда не был против стороннего участия в своей жизни. Более того, и сейчас довольно часто отчаянно желаю, чтобы кто-то пришёл, переступил порог моего дома и сказал: «Теперь будем играть в эту игру вместе». Но, как показывает практика прожитых лет, чужие фантазии на мой счёт воплощаются в реальность недоразвитыми уродцами, за которыми нужно ухаживать, слава господу, всего лишь до того момента, пока они не умрут. А умрут обязательно, и очень быстро, поскольку несовместимы со мной ни одной гранью. Я стараюсь исправить положение, но пока не преуспел, и недоношенные бедняги продолжают гибнуть.

— Уверен?

— Всё в твоих руках!

Хитрое подмигивание меня окончательно озадачило и подвигло на сердитое:

— Скажи прямо, что к чему, иначе...

— Иначе? — Хитрость в карих глазах начала зашкаливать.

А и правда, что «иначе»? Встану и уйду, хлопнув дверью? Конечно нет. Я рад встрече и разговору, пусть даже такому странному. С Гельмутом мне всегда было общаться легче, чем со многими другими людьми, потому что обычно он думает и говорит примерно одно и то же, не заставляя меня выстраивать в сознании очередной волнорез.

Лично я слишком ценю спокойный комфорт, чтобы отказываться от его бытовых прелестей в порыве недовольства и разочарования. Во мне нет ни капли бунтарской крови. Может быть, это печально и дурно, но другим мне не стать. Зато я умею взывать к голосу разума.

— У меня много времени. А у тебя? Никуда не торопишься?

Кёне фыркнул:

— Так и знал, найдёшь, чем уколоть... Правда, тороплюсь. И встреча с тобой — настоящий подарок Святой Девы!

В Гельмуте трудно заподозрить истово верующего, и тем не менее он чтит Господа, Деву Марию, сонм святых и всё прочее. Как неколебимая вера уживается с желанием крушить существующие устои общества, непонятно, но факт остаётся фактом: в череде революционных воззваний и шествий у моего знакомого всегда найдутся место и время для мирных

МОЛИТВ.

— Что-то случилось?

— Случится. Завтра. И я хочу, чтобы ты принял участие в этом событии. Вернее... Прошу. Для меня это очень важно.

Я вздохнул и отставил кружку в сторону:

— А теперь с самого начала и подробно.

Видимо, Кёне не лукавил, говоря о важности пока неизвестного мне дела, потому что оставил мою последнюю фразу без обычной шутки типа: «Полицейские остаются полицейскими даже в аду и в раю».

— Помнишь мою младшую сестрёнку?

Пухлое рыжекосое создание, застенчивое и молчаливое?

— Помню, конечно. Кстати, как у неё дела?

— Замечательно! Весной заканчивает школу. Совсем взрослая стала и самостоятельная. Но одной самостоятельности в этом мире мало.

— Событие связано с ней?

Гельмут кивнул:

— Ага. Агата — председатель школьного совета.

— Поздравляю!

— Представляешь, сама всего добилась, — мечтательно и гордо улыбнулся Гельмут. — Умница! И красавица, кстати.

Не люблю, когда в разговоре всплывает это опасное словечко. «Кстати» всегда оказывается калиткой, ведущей не в гостеприимный сад, а на минное поле, по которому очень редко удаётся пройти без потерь.

— Ближе к делу.

— К делу, к телу... Завтра вечером намечается собрание школьных благотворителей, и сестрёнка должна там присутствовать как представитель школы. Большая честь, верно?

— Но не только честь. Или я ошибаюсь?

Гельмут потёр мизинцем краешек рта и ответил уклончиво:

— Там будет много людей.

— Ещё бы!

— Много мужчин, Штайни.

— Почему бы и нет?

— Много старых похотливых богачей.

Ну наконец-то, мгла недоговорок рассеялась под лучами солнца откровенности!

— Боишься, кто-то потянет лапки к Агате?

— Боюсь.

Интересно, почему мы всегда стыдимся первыми честно признаться в

своих страхах? Городим чушь, дерзим, лжём, всё что угодно, только бы не сказать прямо: мне нужна помощь в том-то и в том-то. И спросить: «Поможешь?»

— А теперь, может, избавишь меня от догадок и расскажешь всё сам? Но прежде... У меня тоже созрел к тебе вопрос. Важный. Ответишь?

— Хм... Попробую.

— Почему ты ходил вокруг да около, вместо того чтобы сразу попросить составить Агате компанию?

Гельмут сжал кружку в широких ладонях:

— Потому что у тебя могли быть другие планы на завтрашний вечер, а я хотел быть уверен. Только и всего.

— Вообще-то за вопросы про жён и любовниц можно и по морде схлопотать.

— Ну это не страшно! Морда у меня большая и крепкая, выдержит.

— Смотря кто бить будет...

— Я тебя разозлил?

Такие вопросы всегда вызывали у меня ощущение собственной острой неполноценности. Кто из нас двоих сьют, спрашивается? Как Кёне догадывается о нюансах состояния моего сознания, не обладая ни малейшими способностями медиума? По взглядам, жестам и словам? Так на кой чёрт тогда нужно умение *читать* мысли? И на кой чёрт нужны такие, как я, если всё кажущееся тайным отчётливо заявляет о себе в самых обыденных внешних проявлениях?

— Немного. Но не ты, а вообще. Неважно. Не обращай внимания.

— Нет, если не хочешь, не надо. Не буду просить.

Хочу — не хочу... Какая разница? Вечер всё равно свободен, а девушке может понадобиться защита, пусть и от придуманной угрозы, а не от реального положения дел.

— Я схожу с Агатой. Галантным кавалером быть не обещаю, но богатых старичков постараюсь держать на расстоянии от твоей сестры.

Он почти целую минуту вглядывался мне в глаза, словно стараясь понять, искренен я или сдаюсь под натиском обстоятельств, а потом просто сказал:

— Спасибо.

Но полицейские и в самом деле остаются собой даже за гробовой доской. В просьбе Гельмута нет ничего непристойного и странного, это верно. Ничего, кроме одного: причины возникновения.

— А почему ты сам не хочешь составить компанию сестре?

— Э... — Второе признание далось Кёне ещё труднее первого. —

Меня туда и на порог не пустят.

«Лицемерные снобы... Сами небось по молодости наделали кучу ошибок, только теперь тщательно это скрывают и морщат носы, когда видят того, кто может догадываться или знать... Нет, мне туда нельзя даже показываться».

— Из-за твоей... деятельности?

— Угу.

«Жаль, что я тогда не остановился, ведь ещё можно было всё вернуть, всё сделать чинным и благородным... И не пришлось бы сейчас просить чужого человека позаботиться о сестрёнке. Если бы он знал, как это унижительно... Не для него, для меня. И ведь наверняка думает сейчас: вот дурень, сам виноват в собственных трудностях. Да, виноват. Но я не мог поступить иначе ни тогда, ни сейчас! Потому что я такой, какой есть. И буду оставаться собой, неважно, сколько это может мне стоить...»

А вот сейчас мне следовало бы встать и съездить Гельмуту по лицу. Нет, не так. Провести серию несмертельных, но болезненных и обидных ударов, сломать нос, разбить губы, рассечь брови. У меня получилось бы, уроки бокса всё ещё не забыты. Но я остаюсь сидеть на месте, поглаживая прохладный бок пивной кружки.

Почему?

Потому что Гельмут имеет право так думать. И что самое трагичное, он имеет право поступать в полном соответствии с собственными мыслями.

— Хорошо. Значит, завтра?

— Ты не сменил номер?

— Нет, номер прежний.

— Агата созвонится с тобой где-нибудь после обеда, идёт?

— Буду ждать звонка.

Он почувствовал холод, накрывший мои мысли. Не знаю как, но почувствовал и сморозил ещё большую глупость, чем можно было предположить:

— Этот долг останется за мной, Штайни. На всю жизнь. И знаешь...

Я уже догадывался, чем закончится эта логическая цепочка. Но чтобы облегчить участь Гельмута, спросил:

— Что?

— Если Агата тебе понравится, а ты понравишься ей, я ничего не буду иметь против... В общем, ты понял.

— Спасибо.

А что ещё можно сказать? Как бы то ни было, мне оказана честь:

старший брат дал своё благословение нашему возможному совместному будущему. И я даже могу радоваться, потому что троица «Киндер. Кюхе. Кирхе» свято чтится женщинами рода Кёне, а стало быть, супруга из Агаты получится замечательная. Но во мне упрямства не меньше, чем в моём знакомом, и предлагаемый «династический брак» вызывает отторжение самой мыслью о своём осуществлении. Хотя... Сначала всё-таки надо взглянуть на девушку, как советуют мне мои немецкие гены.

Пока я переваривал всё услышанное и *прочитанное*, Гельмут счёл свою миссию выполненной:

— Извини, я и правда тороплюсь. Куча дел.

— Конечно.

— Останешься здесь?

— Да, допью пиво: жаль бросать на половине.

Он встал из-за стола, дёрнул губами, словно собирался напоследок сказать что-то важное, но передумал и ограничился привычным:

— До встречи!

— До встречи. — Я отсалютовал кружкой вслед Гельмуту, пробирающемуся к стойке через плотную группу невест откуда взявшихся любителей выпить и закусить.

Сейчас он положит перед фрау Гертой несколько купюр, общий номинал которых значительно превышает стоимость выпитого нами «Хохенхофа» и, наклонившись поближе к уху хозяйки, тихо попросит выставить мне «за счёт заведения» ещё пару-тройку кружек чего-нибудь забористого. А фрау Герта непременно согласится и добавит к чужой просьбе своего душевного расположения, отправившись в погреб к самым дальним бочонкам...

Да, так и будет. Мне даже не нужно *вчитываться* в чужие мысли, чтобы это знать. Но я хочу знать совсем другое!

— Ай-яй-яй, молодой человек! Ещё так рано, а вы уже погрузились в сумерки размышлений. Нехорошо нарушать каноны мироздания: для принятия решения отведено утро, для действий — день, вечером подводятся итоги, а ночью... Ночь служит отдохновением и душе, и телу. Хотя многие из нас не прочь заставить тело немного потрудиться и после захода солнца!

Дребезжащий расшатавшимся в раме стеклом и одновременно шуршащий сухими осенними листьями голосок миста Олдмэна был знаком мне так давно, что иногда в голову приходила совершенно шальная мысль о присутствии старичка в моей жизни с самого мига зачатия. Но я совсем не ожидал встретить его в заведении фрау Герты, потому что время, как верно

было подмечено, слишком раннее.

— Доброго вечера.

— И вам, молодой человек, и вам! Только судя по строгой складке бровей, вы полагаете наступающее время суток вовсе не добрым, а обладающим противоположными свойствами характера.

Он подсел за мой столик, совершив вечно удивлявшее меня телодвижение: то ли подпрыгнул, то ли взлетел, чтобы примоститься на лавке, и аккуратно расстелил перед собой салфетку ровно за мгновение, как Эльга опустила на это же место тарелку с сырным печеньем. Тугие завитки седых кудрей, шлемом облегающие голову, пуговики глаз, выглядывающие из складок чуть набрякших век, как чёрные жемчужины из раковин, и, разумеется, традиционные, как подъём государственного флага, румянец во всё лицо и клетчатый костюм, явно пошитый на заказ, потому что в детском ателье вряд ли нашлось бы что-то столь элегантное. Миста Би Олдмэн, бодрый, всезнающий, всепонимающий и, что самое главное, не имеющий дурной привычки ни осуждать, ни судить.

— Я невольно стал свидетелем вашего разговора с другим достойным молодым человеком, уж прошу извинить старика. И мне показалось, что с вами обоими произошла одна пренеприятнейшая вещь, а неприятности нельзя оставлять без внимания, иначе они превратятся в беды. Развеете мои опасения?

— Могу попробовать. Но честно говоря, ничего особенного вроде бы...

— Ай-яй-яй! — Миста Олдмэн грозно покачал кривым пальцем у меня перед носом. — Хотите быть честным, будьте таковым, но не юлите, используя древнюю клятву как фигуру речи. Клятвы, знаете ли, этого не любят.

На него никогда невозможно было рассердиться по-настоящему. Даже если хотелось, вот как мне сейчас. Я слушал старческий голосок, произносящий слова непонятные, но несомненно мудрые и правильные, и хотя не мог вникнуть в их суть, раздражение уходило. Плавное, неотвратимое, как отлив обнажает береговую полосу. Но на песке оставалась...

Горечь.

— Почему люди... Почему они такие?

— Потому что они — люди, — улыбнулся миста Олдмэн.

— И это весь ответ?

— Вы хотите большего?

Большого ли? Не знаю. Для меня желанное знание дороже жизни.

Дороже всего мира. Может быть, потому, что если я его заполучу, то и весь мир...

Станет моим?

— Я хочу понять.

— А зачем, миста Стоун? Посмотрите вокруг. Видите этих людей? Они просто живут, не стараясь понимать. И вполне счастливо живут.

О да, вот уж в этом я совершенно уверен! Счастливы. И каждый из них бьётся за автономию собственной личности, не считая расходов и не стесняясь в средствах и методах. Но я так и не смог до сих пор постичь науку беззаботности. Где бы найти хорошего учителя?

— И думать друг о друге не нужно? И не нужно следить за тем, чтобы не затоптать того, кто рядом?

— Но он ведь может позаботиться о себе сам, — возразил миста Олдмэн. — Кто-то, живущий в странном месте, которое вы, молодой человек, называете «рядом».

— Почему странном?

— Потому что, если вы действительно думаете о ближнем своём, он находится внутри вас. В ваших владениях. Неужели не ясно?

Внутри? Когда я читаю чужие мысли, то невольно отдаю им часть своего сознания, чтобы произвести перевод с внутреннего языка другого человека на свой язык. Допускаю другую личность в пределы своей. Делю с ней одно и то же пространство, как эфемерно-призрачное, так и материальное.

Значит, всё настолько просто? Насколько очевидно? Но почему же тогда все вокруг остаются слепы?

Загадочным образом сгустившийся до предела воздух сдавил грудь, вызывая настоятельную потребность выйти. То ли из пивной, то ли из себя.

— Э, да вы, миста Стоун, собираетесь нас покинуть. А чтобы дорога была лёгкой и приятной... Душа моя, не сочти за труд, принеси молодому человеку кружечку «Штернерегена». Да-да, из тех самых запасов!

«Штернереген»? «Звездопад»? Никогда не слышал об этом сорте пива. И когда Эльга бережно поставила передо мной на стол кружку, явно прошедшую обжиг ещё в позапрошлом веке, я не поверил своим глазам. Под тонкой паутинкой пены в тёмной, даже на взгляд густой, как патока, жидкости мерцали звёзды. Крохотные искорки. И это был вовсе не обман зрения: они вспыхивали, гасли, кружились хороводами, выстраивались в странные узоры, похожие на письма, вот только язык был мне незнаком. Наверное, миста Олдмэн понял, о чём я думаю, потому что усмехнулся и посоветовал:

— Попробуйте не стараться понимать, хотя бы сегодня вечером. Просто сделайте глоток, и знание войдёт в вас само. Вместе с этим волшебным напитком. Только глотайте на совесть!

Меня научили немногим вещам, но подтверждение одной из них я встречаю в жизни чаще, чем хотел бы. Старики очень часто оказываются правы. Потому что говорят о том, что знают. Да, перешагнув определённый возрастной порог, все мы постепенно скатываемся в прямую противоположность мудрости, но пока время терпит... А оно терпит всегда. Вот прямо сейчас сидит рядом с нами за столиком и покорно ждёт, пока я сделаю глоток. Хотя бы один. Нужно только решиться.

Сладость цветочного мёда и горечь молодой зелени, кружащие друг друга в причудливом танце, а посреди этого моря... Бусинки звёзд. Они прокатились по языку, подпрыгнули к небу, оттолкнулись, скользнули дальше и осветили свой путь короткими вспышками. Глоток эля давно провалился внутрь, а звёзды всё падали, падали, падали...

— Душа моя, кликни своего брата, будь так добра: нужно помочь молодому человеку добраться до дома. Вы же знаете, где он живёт? Чудесно! А я ещё посижу, пожалуй. Уж больно хороший вечер выдался! И ночь будет ясная. А за ясной ночью приходит что? Верно, солнечное утро!

Солнце? Да, оно взойдёт, и скорее, чем может показаться. Но зачем оно мне, если сейчас я нахожусь во власти звёзд? Прав миста Олдмэн: не нужно стараться понять. Нужно просто потряхнуть головой, улыбнуться и заказать новую порцию эля.

Я очень часто болею переживаниями. Но очень недолго.

Поток второй

Непостижимы пути, начертанные для нас Господом, потому что проложены они не по земле, воде или воздуху, а по людским сердцам. Невозможно видеть, куда ведёт дорога, но каждый шаг по ней отмечается встречей и остаётся в памяти нашей чьим-то ликом, ненавистным или благостным. И однажды оглянувшись, ты сочтёшь всю свою жизнь не летами и милями, но человеческими душами, запомнившими тебя так же, как ты запомнил их...

Несвященное писание.

Откровения Иоанны, строфа 15

Целебная доза алкоголя, принятая накануне трудового дня, наутро столь благословенно освобождает голову, что можно не читать в метро свежую прессу. Можно свернуть купленные газеты трубочкой, засунуть под мышку, прислониться к стенке вагона и дремать, краем уха прислушиваясь к голосу, объявляющему названия остановок. Если бы выпивка не приносила вреда при частом употреблении, можно было бы пользоваться ею вместо таблеток и жить припеваючи. Недолго, зато весело и приятно.

Чужие мысли повсюду. Они всё так же знакомо корчат рожицы со всех сторон, бесцеремонно и назойливо торопясь ворваться в моё сознание, но вместо щитов и блоков встречаются... Нет, употреблять слово «пустота» было бы неверно, лучше провести другое сравнение. В обычном своём состоянии мозг ведёт себя активно, генерируя большое количество почти-мыслей, полу-мыслей и недо-мыслей, словно выращивая лес, через который трудно пробираться даже тому, кто знает потайные тропки. Все эти стволы — прямые, кривые, завязанные узлом, низкие, высокие, похожие на пеньки или убегающие в небеса корабельными мачтами — оказываются чем-то вроде изгороди, с одной стороны защищающей моё сознание от пришельцев, а с другой — именно она помогает реагировать на вторжение и распознавать его. Сейчас же то, что находится у меня в голове, больше всего напоминает луг. Каждая мысль, пришедшая извне, оказывается сродни ветерку, танцующему на кончиках травинки: проходит волной, но

лишь по самой поверхности, соскальзывая с неё, как с гладкого шёлкового платка, и не принося ни вреда, ни пользы, а внизу, у корней и истоков, покой остаётся нерушимым.

Препараты, которыми меня пробовали отвадить от чтения, действовали примерно так же, с одним только отличием. Сознание становилось не цветущим лугом, а выжженной пустыней, и каждая мысль извне поднимала вверх клубы пепла, горького и душного, пепла моих собственных переживаний. А всё время дышать болью — занятие, подходящее творческим личностям или мазохистам, но только не человеку обыденной середины. Поэтому недоеденные лекарства сразу после окончания срока наблюдения были выброшены в мусорный контейнер, стоящий во дворе неврологической клиники. Выброшены и забыты. Для кратковременных передышек всегда к моим услугам кружка хорошего эля. И хорошая компания...

К которой крайне трудно причислить леди Оливию.

— Вы сегодня на редкость умиротворённо выглядите, мистер Стоун.

Пожалуй. А ещё я спокоен и добродушен, и ничто не способно заставить меня нервничать. По крайней мере, искренне и горячо надеюсь на это.

Раз уж хозяйка спустилась вниз, невежливо одному продолжать прихлёбывать разведённый молоком бодрящий напиток, не предлагая разделить удовольствие.

— Утренний чай, миледи?

— Будьте так любезны.

Она с достоинством королевы приняла из моих рук чашку, но не присела на свободный стул, а, задевая кистями пуховой шали край стола, начала мерить кухню неторопливыми шагами.

— Как я уже сказала, ваше сегодняшнее состояние, мистер Стоун, вызывает лёгкую зависть у людей, обременённых заботами.

Зависть? По-моему, это слово редко произносится вслух, стало быть, меня почтили честью узнать сокровенные мысли. Но зачем? Наверняка в качестве не поощрения, а наказания. Я в чём-то провинился. И когда только успел?

— Миледи?

— Вы уже ознакомились с содержанием сегодняшних выпусков газет?

— Не успел.

А если быть совсем уж честным, то и не хотел ни с чем знакомиться. Политика и экономика меня всегда интересовали только как приложение к жизни, а не как её главный смысл.

— Что ж... Надеюсь, отсутствие срочных поручений на первую половину дня даст вам возможность восполнить утренний пробел.

Ну почему не сказать просто: открой газету и прочти? Уж слишком витиеватый намёк. Значит, я не просто виноват, а грешен, и в чём-то пострашнее всех семи смертных грехов, вместе взятых.

Беру первую газету из стопки и раскрываю под аккомпанемент снисходительной подсказки:

— Третья страница, мистер Стоун.

Третья так третья... Ага, нашёл. Чем же нас порадовали журналисты? Э-э-э... У-у-у... М-да.

«По сведениям из источников, близких к полиции, вчерашнее происшествие, повлёкшее за собой смерть некой Клариссы Нейман, является доказанным самоубийством, и следствие по нему вскоре будет закрыто. Однако полиция не учитывает или не хочет учитывать то странное обстоятельство, что накануне своей гибели упомянутая фройляйн Нейман посетила одно любопытное заведение, все сведения о котором больше похожи на творчество небезызвестных господ Гримм, а не на достоверную информацию о реальном положении дел. Возможно, именно самоубийство несчастной женщины, если оно, разумеется, не канет в бездну полицейских архивов, могло бы пролить свет на деятельность так называемого салона „Свидание“ — закрытой частной лавочки, торгующей, как теперь можно предположить, вовсе не заявленным в рекламных объявлениях счастьем, а иными вещами. Впрочем, для кого-то и смерть может стать счастьем...»

— На развороте опубликовано любопытное интервью. Взглянете?

Почему бы не взглянуть?

«Наш корреспондент задал несколько вопросов непосредственному свидетелю предшествующих самоубийству событий — официанту ресторана „Кофейная роща“, в котором погибшая обедала в последний день своей жизни.

— Фройляйн Нейман была в угнетённом расположении духа, когда пришла в ресторан?

— Нет, во вполне обычном. С ней был мужчина, и она выглядела даже счастливой, хотя...

— Вы не уверены?

— Она нервничала, делая заказ.

— У неё были видимые причины для беспокойства?

— Поначалу нет, но когда та девушка...

— Девушка?

— Да, совсем молоденькая, но нахальная. Вдруг вскочила со своего

места, подлетела к той женщине, выкрикнула что-то вроде „он вас не любит“ и убежала.

— Девушка была одна?

— Нет, с молодым человеком.

— И он не сделал попытки её остановить?

— Нет, сидел и смотрел, как будто ему было интересно, чем всё закончится, а потом спокойно вышел следом.

— Вам известно что-нибудь об этом человеке?

— Да, столик был заказан на имя Джека Стоуна.

Как видите, то, что полиция объявляет тривиальным самоубийством, вполне может оказаться и кое-чем большим, особенно если учесть, что упомянутый Джек Стоун работает в салоне „Свидание“, с которым у погибшей был заключён контракт на оказание неких услуг. Остаётся только получить ответ на вопрос: какие услуги требовались фройляйн Нейман?»

Следовало ожидать, что информация растечётся во все стороны. Эх, жаль, Кларисса решилась обратиться к нам в сентябре, а не до конца августа: ближайшую пару месяцев идёт формирование бюджетов у основных спонсоров и рекламодателей жёлтой прессы, поэтому журналисты будут стараться всеми правдами и неправдами поднимать рейтинг своих изданий. А ведь ещё недели две назад почти незамеченными проходили даже такие громкие события, как забастовки шахтёров и транспортников... Да уж, не везёт так не везёт. Но ничего непоправимого пока не случилось, кроме мелких грязных брызг на репутации. Впрочем, испорчена репутация исключительно моя, потому что Еве злой умысел приписывать не стали. И слава господу! Ей сейчас нельзя тратить силы на чужие глупости, а мне будет даже любопытно примерить на себя роль «плохого мальчика».

— У этой темы есть закономерное развитие. Откройте «Городские истории», страница четыре.

Не особенно хочется, но если хозяйка настаивает, куда мне деться? Открываю.

«Информация о жизненном пути владелицы салона „Свидание“, по-видимому, скрывается тщательнее, чем государственная тайна, но зато нашим корреспондентам удалось узнать некоторые подробности об одном из сотрудников госпожи ван дер Хаазен. Джек Стоун, тридцать три года, родился и вырос в Ройменбурге, гражданин города, получил высшее образование в местном университете, работал в полиции. Казалось бы, ничем не примечательная биография, но дальнейшие её факты вызывают огромное количество вопросов, на которые нам пока не удалось ответить.

Проработав в полиции почти шесть лет, получив звание инспектора и перспективу дальнейшего роста по службе, Стоун внезапно увольняется, причём не по собственному желанию или иным обстоятельствам, а комиссуется по состоянию здоровья, которое, как следует из медицинских освидетельствований, проведённых всего за несколько месяцев перед увольнением, является если и не великолепным, то далёким от подходящего для признания негодности к службе. К сожалению, подписавший резолюцию врач отказался от комментариев по этому поводу, вызвав тем самым ещё больше сомнений. В течение следующего после комиссования года Джек Стоун находился вне пределов Ройменбурга, в закрытом лечебном заведении, персонал которого также отказался каким-либо образом отвечать на вопросы наших корреспондентов, а потом, вернувшись в город, устроился на работу в салон „Свидание“, находящийся под негласным покровительством магистрата. Послужной список и личностные качества Стоуна не настолько примечательны, чтобы объяснить, как обыкновенный молодой человек, не обладающий выдающимися талантами в какой-либо области знаний и умений, получил таинственную и высокооплачиваемую работу, задавать вопросы о сути которой настоятельно не рекомендовано ни полицией, ни городскими властями. Что это? Везение? Или же за всем произошедшим кроется нечто большее? Мы обещаем нашим читателям приподнять завесу этой тайны и...»

— Как вам это нравится, мистер Стоун?

То, что меня обозвали бесталанным? Не очень. Но спорить с журналистами нет смысла: я и правда никогда ничем не блистал. Учился неплохо, но вот выучился ли? Впрочем, не мне об этом судить, а тому, кто имеет право. И перед кем мне немного стыдно. Хм... Или не немного.

— Как скоро я должен подать прошение об увольнении?

Леди Оливия, всё время, пока я знакомился с измышлениями прессы, цедившая чай крошечными глотками, с резким стуком, заставившим меня невольно обеспокоиться целостью фарфора, поставила чашку на стол.

— Мистер Стоун, вы идиот.

Жаль, что она закончила свою фразу непоколебимой точкой. Знак вопроса был бы более уместен и... менее обиден.

— Кроме того, ваше поведение могло бы быть охарактеризовано мной как трусость, если бы я не знала вас чуточку лучше и не понимала, что ваше намерение состоит не в том, чтобы сбежать с поля боя, а в том, чтобы принять основной удар на себя.

Ну хоть что-то положительное во мне есть, и на том спасибо!

Большого снисхождения от леди ван дер Хаазен ожидать попросту невозможно, а значит, не стоит продолжать испытывать её терпение.

— С завтрашнего числа вас устроит? Или поставить сегодняшнее?

В сине-серой туче взгляда хозяйки салона явственно сверкнула молния.

— Вы хорошо помните нашу первую беседу, мистер Стоун? В тот день, когда были приняты на работу?

Не особенно помню, потому что больше думал о том, как бы *прочитать* мысли суровой дамы, ставшей моим начальником, а не прислушивался к её словам.

— Нет, миледи.

— Жаль. Но вы хотя бы честны... Что ж, напомним. Я сказала следующее: отношения между наёмным работником и работодателем — это те же отношения вассала и сюзерена. Вы — мой вассал и поменяете статус только в одном из двух случаев. Если найдёте себе другого сюзерена или дорастёте до того, чтобы самому стать таковым, вот тогда я отпущу вас с лёгким сердцем. А до тех пор извольте подчиняться моим приказам, а не велениям собственной дурости.

Вроде бы тон и смысл тирады оскорбительны, почти уничижительны, но мне почему-то не только не обидно, но и... Я чувствую гордость? Быть того не может! Сумасшествие какое-то. Удивительное и приятное. И всё же желание подержать осталось.

— Хотите сказать, моё прошение останется неудовлетворённым?

— Неудовлетворённым останетесь вы, мистер Стоун, потому что прошение — всего лишь бумага, которая всё терпит и ничего не чувствует.

Да, но зато она сохраняет в себе чувства людей, пусть даже и недолго и не слишком точно. Хотя, плохому танцору мешают части его собственного организма, а не что-то со стороны, и вполне может статься, я напрасно грешу на рыхлость бумаги, когда не бываю уверен в результате своей работы.

— Как скажете, миледи.

Моё согласие со сложившимся положением вещей было незамедлительно одобрено:

— Вот это уже лучше, намного лучше.

Но одобрение, похожее на поощрительное похлопывание по загривку, не уничтожило желание потребовать:

— Объясните, почему я не должен поступать так, как хотел поступить.

Леди Оливия устало выдохнула накопившееся раздражение:

— Если вам это необходимо, объясню. Только сначала вы обоснуете

своеё недалёковидное решение.

Хм. Мне оно кажется совершенно очевидным. Но если сюзерен требует... Подчиняюсь.

— Пресса всерьёз заинтересовалась салоном, и основная часть вины за эту оплошность лежит именно на мне. А учитывая последнюю статью...

— В которой вас уязвила констатация факта отсутствия талантов?

— Уязвила? Вовсе нет. Не скажу, что я целиком и полностью согласен с выводами автора статьи, но и ожесточённо спорить не буду. Мои способности очень скромны.

— Скромны вы, а не ваши способности, — проворчала леди Оливия. — Впрочем, достаточно. Можете не продолжать.

— Я всё объяснил?

— Да. Предпосылки выбраны правильно и логично, но результат...

Многозначительное молчание вынудило с покаянной покорностью признать ещё раз:

— Я доставил вам неприятности.

Тёмно-серые глаза леди-хозяйки взглянули на меня с лукавым сожалением.

— Вы заставили газеты заговорить о салоне. Сделали рекламу, можно сказать, и весьма недурственную.

Неожиданный поворот. Правда, неожиданный. Может, если бы я лучше разбирался в теории бизнеса, и сам бы понял, что натворил, а так требуется разъяснение:

— Рекламу?

Хозяйка торжествующе улыбнулась:

— Именно! Запретное и таинственное всегда влекло людей сильнее, чем праведное и благостное. Так что ваше усердие заслуживает вознаграждения. В каком виде желаете его получить? Премия или что-то другое?

Мне чертовски повезло с сюзереном: другой на месте леди Оливии сурово наказал бы и заставил компенсировать упущенную выгоду. Впрочем, хозяйка права. О салоне давно уже так громко и так воодушевлённо не заговаривали в средствах массовой информации. Кроме того, газетные статьи отряхнули пыль с моих собственных подозрений и сомнений пятилетней давности.

Салон «Свидание» всегда был отгорожен от любопытства общества невидимой, но непреодолимой стеной покровительства власть имущих. Я впервые узнал о его существовании, прочитав приглашение явиться на собеседование, приложенное к записке старшего инспектора Берга. Или,

наоборот, записка была приложена к приглашению? В любом случае я не мог не прислушаться к совету уважаемого мной человека, тем более изнывая от вынужденной скуки в пустом доме. Наверное, в тот момент любая авантюра, позволявшая рассеять сумерки сознания, была бы принята мной с азартной радостью, а благопристойная возможность устроиться на работу и вовсе оказалась пределом мечтаний, поэтому долгих размышлений не состоялось. Правда, туманный намёк на участие магистрата в моём трудоустройстве несказанно смущал, но я, так и не получив официального ответа на возникшие вопросы, решил оправдать происшедшее тем, что, поскольку пенсия оплачивается мне из городской казны, власти желают получить хоть какую-нибудь отдачу, а если удастся, и пользу.

Сомнительным и тревожащим оставался только один нюанс: доходы салона были несколько меньше, чем общая сумма жалованья его сотрудников, а это означало, что финансирование идёт со стороны. С некой тёмной или теневой стороны. В первые месяцы работы меня очень часто подмывало спросить, кто даёт деньги на существование «Свидания», но поначалу я стеснялся задавать хозяйке подобные вопросы, а потом согласился с тем, что это не моё дело. Платят? Отлично. Не заставляют преступать законы? Превосходно. Чего ещё можно желать?

Небольшого внеочередного денежного поступления, раз уж предлагают.

— Если вы считаете меня достойным поощрения... От премии не откажусь.

Леди Оливия кивнула и полупредложила-полуприказала:

— Пройдёмте в кабинет.

А так ли мне нужна премия? Может быть, следовало попросить отгул или день к отпуску? Нет, всё равно не на что тратить свободное время, а деньги всегда придутся кстати. Например, можно зайти в книжную лавку к герру Штрауху и купить тот альбом с гравюрами, иллюстрирующими средневековое судопроизводство, или прижизненное издание Гёте. А ещё полезнее было бы приобрести что-нибудь энциклопедического характера или самоучитель иностранного языка, неважно, какого именно. До сих пор вспоминаю, как погорел на плохом знании итальянского, и скриплю зубами. Если бы можно было предположить экзаменационные злоключения заранее... Но зато благодаря им я нашёл другое место приложения своих усилий, не менее интересное и, надеюсь, кому-то полезное.

— Возьмите.

Жиденькая стопка купюр, придвинутая ко мне по полированной

столешнице. На вид — совсем немного, если не присматриваться к номиналу каждой из них. Десять бумажек. Десять тысяч евро. Не слишком ли дорого стоит моя рабочая халатность? Я рассчитывал на более скромную сумму. Вернее, надеялся, что сумма будет скромна. Чтобы не чувствовать себя обязанным.

— Миледи?

— Есть возражения?

Гордо повернуться и выйти вон? Изобразить потрясённое непонимание? Отбить поклоны по числу купюр? Меня только что называли вассалом, а ни один из перечисленных вариантов поведения настоящему вассалу не подходит.

— Нет, никаких возражений. Благодарю вас.

— Это не подачка, мистер Стоун, а признание ваших заслуг. И небольшой аванс в счёт грядущих треволнений.

— Их будет много?

Хозяйка задумчиво провела ладонью по пушистому кружеву шали:

— Не много и не мало. Ровно столько, сколько должно быть и сколько вы допустите в свою жизнь.

Разумеется, она права. С моими возможностями я в идеале могу избегать большинства неприятностей ещё в момент их зарождения, стало быть, если постараюсь, буду жить мирно и спокойно на зависть всем вокруг. Но жажду ли я покоя стоячей воды? В глубине моей души давно уже установился мир, и никакие волны извне не способны надолго меня растревожить: поштормит немного и стихнет, как стихало уже не раз и не два. Предопределённость — штука скучная, но всё же безопаснее установить с ней дружеские отношения, а не воевать. Всё вернётся на круги своя, и в этом есть некая...

Динамик, передающий в кабинет гулкий стук дверного кольца, засвидетельствовал присутствие у входа в салон первого клиента, но мысли не торопились возвращаться к реальности, пока леди Оливия, заметив моё промедление, насмешливо не приподняла бровь и не поинтересовалась:

— Надеюсь, вы не решили, что выплата премии означает освобождение от служебных обязанностей?

* * *

Она решительно перешагнула порог, целеустремлённо дошла до середины прихожей и только потом остановилась, но вместо того, чтобы

обернуться или что-то спросить, стояла, уткнувшись взглядом в луну циферблата напольных часов, до тех пор, пока молчание не нарушил я. Наверное, сегодняшней гостье салона ещё в детстве внушили, что мужчина всегда и везде должен заговаривать с дамой первым.

— Чем могу служить?

Видимо, с моего языка сорвалось что-то неподходящее, а может, и непотребное, потому что женщина выдержала слишком большую, почти тревожную паузу, заставившую меня напрячься. А когда ответила, обращаясь по-прежнему к часам, а не к лицам одушевлённым, настал мой черёд недоумённо приподнять бровь.

— О да, служить... Какое верное слово! Но вот так сразу? Нельзя было бы ожидать, если бы... Значит, я не ошиблась!

Разворот выглядел слегка замедленным, при этом ясно чувствовалось, что незнакомка хотела произвести впечатление эффектности, то бишь наилучшим образом продемонстрировать свои достоинства. Попытка, не учитывавшая особенности моего вкуса по части женщин, провалилась, но сообщать об этом вслух я не собирался, поскольку наконец-то получил возможность рассмотреть прищелицу и хотел получить от просмотра если не удовольствие, то хотя бы пользу, пополнив галерею примечательных образов. Или образин.

Нет, женщина вовсе не была уродиной, но чертами лица настораживала, если не пугала, а деталями одежды только усугубляла общую картину.

Тщательно затонированная кожа, какая бывает только у моделей на глянцевых журнальных страницах. Но застывшим в художественно отснятой фотографической композиции красоткам позволительно выглядеть чуточку безжизненными, а для дамы во плоти носить вместо лица нарисованную маску — не самое подходящее занятие. Ярко-красные губы настойчиво отвлекали внимание от глаз за счёт аккуратных до отвращения линий: сам по себе цвет помады напоминал о свежей ране, но чётко очерченные края вызвали устойчивую ассоциацию с цирком. С клоунами, если быть совсем уж точным. Нарочито чёрные, крупно завитые локоны париком не были, но и естественности облику не добавляли, оттеняя косметическую штукатурку. Можно было бы предположить, что небезызвестная звезда эпатажа — один из кумиров женщины, и лакированные сапоги на высоком каблуке вполне вписывались в теорию истоков происхождения внешнего вида незнакомки, но фигура без намёка на талию, спрятанная под чёрным пальто, судя по всему, никогда не водила знакомство с корсетом.

— Служить — разве это не замечательно?

Она хотела казаться томной вопреки тому, что хрипотца в голосе больше походила на последствия увлечения сигаретами, а не на готовность организма к некоему страстному времяпрепровождению.

Сумасшедшая? Может быть. Но выпроводить её вон не могу, потому что на протяжении нового витка своей карьеры усердно учился быть внимательным и вежливым. Научился на свою голову... Хотя кто знает? Вдруг и этой даме необходима встреча со счастьем?

Что она сказала? Высказала восхищение службой как процессом. Однако остался вопрос, какая цель упомянутого процесса имелась в виду.

— Служить и защищать?

Девиз заокеанских полицейских вызвал у женщины явное непонимание, но она продолжила свою речь в прежнем интригующем тоне, немного увеличив нажим:

— Служить, только служить и быть этим довольным.

Плавное движение алых пятен вводило в транс ничуть не хуже, чем моя излюбленная мантра.

«Что-то он слишком медлит. Туповат от рождения? А по виду можно подумать совсем другое... Ну же, проснись, малыш! У меня найдётся что тебе показать...»

Я примерно догадывался, какие вещи и действия могут входить в арсенал роковой соблазнительницы, невесть за каким чёртом явившейся в салон, но мои мысли всё больше занимало другое. Цель. В чём она заключается? Соблазнить меня нетрудно, вот только зачем это делать? Попробую дать отпор:

— Простите мою дерзость и, возможно, грубость, но я не понимаю, о чём вы говорите.

С количеством строгости не угадал: кажущаяся мне самому суровой отповедь только раззадорила пришельцу.

— Дерзость? Это совсем-совсем неплохо... Это просто великолепно! Да и грубость может оказаться кстати.

— Кстати?

Она взялась за верх лацканов своего пальто и медленно повела кисти рук вниз, словно лаская блестящую кожу. Когда до первой пуговицы оставалось опасное расстояние в пару сантиметров, я скрестил руки на груди и изобразил настолько ярко, насколько смог, интерес, но не тот, которого жаждала женщина. Проще говоря, посмотрел на неё глазами энтомолога, достающего из сачка сотую по счёту капустницу.

Взгляд удался: дама в чёрном остановила движение своих пальцев. Не

растерялась ни в коем случае, потому что взрослым женщинам несвойственно впадать в ступор при первой же неудаче, но, пожалуй, удивилась.

— Не место и не время, фройляйн: сюда приходят за делом, а не развлечением. А мы с вами — деловые люди, не так ли?

Моя маленькая лесть относительно возраста доставила даме удовольствие и смягчила эффект основного смысла фразы, не дав повод обидеться или рассердиться. Можно было, конечно, сразу ответить жёстко и прямо, но я не люблю расстраивать собеседников. Предпочитаю, чтобы человек самостоятельно делал выводы и принимал решения. Наверное, это своего рода трусость, только лишнюю ответственность нести тоже не хочется.

— Да, разумеется, деловые... И мой визит — исключительно деловой, — нехотя согласилась женщина, отодвигая попытки соблазнения на задний план своих намерений.

— Тогда извольте изложить цель визита.

— Цель... Да, конечно, цель.

Она снова помедлила, но на сей раз уже потому, что попала в ловушку собственной привычки вынуждать мужчину первым делать шаг: потеряла инициативу в разговоре и теперь чувствовала себя не слишком уверенно.

Сбить человека с его личного ритма — самый простой способ одержать победу как в словесном споре, так и в более серьёзном поединке, и профессионалы очень часто применяют его в повседневной жизни. А все остальные, не зная основ и техник, с успехом прибегают к этому способу интуитивно. Желая победить? Конечно. Разве есть хоть какой-нибудь смысл в жизни без побед?

Вот и я не знаю. Вернее, не вижу сейчас особого смысла в своём существовании. Плыву по течению лет, забывая берега прошлого. Только одно буду помнить всегда. Старое, как мир, правило. Инициатива наказуема в той же мере, что и благие намерения.

Нужно быть активным, пробивным, энергичным, целеустремлённым — это нам внушают игры, книги и учителя с самого раннего детства. Будешь ленивым и вялым, ничего не добьёшься в жизни. Правильно, конечно: неизвестно, в какую сторону развивалась бы цивилизация, если бы один шустрый и беспокойный малый не сообразил, что круглое перемещать по земле легче, потому что оно катится. Жаль, история не донесла до нас рассказа о жизни этого изобретателя после знаменательного внедрения колёса в человеческий быт. Вполне возможно, парень не раз

пожалел о содеянном, как, например, жалел я, хотя мой поступок вряд ли окажет заметное влияние на судьбы мира.

Но худа без добра не бывает: затухание страстей неожиданно позволило мне стать менее уязвимым. Мой внутренний ритм довольно трудно нарушить извне, в этом я успел убедиться неоднократно. Но причина стойкости не в твёрдости духа, а скорее в её отсутствии. Когда убираешь камень, лежащий на пути ручейка, вода сразу же заполняет освободившуюся ямку, но пока преграда находится на месте, водяные струи обтекают её, не вступая в сражение. Таков и мой принцип: беседую в заданном ритме, но, если представится возможность использовать чужую слабину, не упущу шанс. Почти в любом случае, за исключением тех, когда мне просто лень пытаться выиграть, а странная пришелица не из тех, кому я согласен уступить.

— Итак?

Знаю, невежливо теребить собирающегося с мыслями человека, но дальнейшее ожидание может кинуть решающую исход разговора гирьку отнюдь не на мою чашу весов. А *читать* не хочу, потому что на поверхности сознания пришелицы нет ничего интересного и нужно залезать глубже, пробиваясь через путаницу «Что? Как? Почему он юлит?..».

— Мы с вами служим одному хозяину, — заявила женщина. — Вы же не будете это отрицать?

Хозяин, значит? Да ещё принимающий именно службу, а не работу? Любопытно.

— Не припомню, чтобы мы когда-нибудь работали вместе.

— Но разве это помешает нам соединить наши усилия теперь? С сегодняшнего дня?

И объединиться в небольшой, но дружный холдинг. Предлагает сотрудничество? Отлично. В принципе я не против, намекните только на размеры прибыли.

— И несомненно, ради достижения достойной цели?

— Служение само по себе цель, и цель великая, а не просто достойная, — сообщили мне с вдохновенным благоговением, позволившим наконец-то собрать все разрозненные признаки воедино и заподозрить, что незнакомка явилась из общественной организации, благотворительного фонда или...

Секты, что тоже весьма вероятный вариант.

Нет, красotka, так дело не пойдёт, к одержимым сборщикам милостыни, равно как и к сектантам, я не испытываю нежных чувств, и ты

не сможешь меня переубедить. Даже телесными доводами. Но изучить потенциального противника необходимо.

— Великая? Зависит от того, чему служишь. Или кому.

— Кто усомнится в величии нашего господина? — Риторический вопрос прозвучал самодовольно-презрительно, словно женщина не допускала мысли о сомнениях не только у себя, но и у всего человечества в целом.

— Служащий кому-то более... великому.

Невинная гипотетическая шутка стала катализатором беседы, расставив всё по местам.

— Но... Как такое может быть? Ведь Князь — наш общий...

Ясно. Князь, значит? Насколько помню, упомянутого титула удостоен только один потусторонний персонаж христианской религии. Рогатокопытный. Эта зараза доползла и до Ройменбурга? Очень плохо. Надо будет поговорить с Бергом, а пока... Попробовать выяснить имена, пароли и явки.

Жаль, с сатанистами я дела раньше не имел, подробностей, атрибутики и терминологии толком не знаю, поэтому сойти за «своего» вряд ли смогу. Остаётся попробовать показаться «чужим». По крайней мере, стоящим на другой ступеньке.

— Общий? Это верно. Но кто принимал твою клятву, женщина?

Ярко-алые губы растерянно приоткрылись.

— Кто же мог принимать её, кроме...

Я усилил нажим:

— Перед кем ты произносила слова клятвы?

Она могла бы перевести всё в шутку, но почему-то поверила мне. Поверила и сдалась:

— Мастер... Мастер Карл свидетельствовал мою верность и преданность.

Понятия не имею, кто это такой, ну и господь с ним. Вернее, дьявол. Или оба сразу.

— Разве наш господин так слаб, что нуждается в посредниках между собой и сердцами своих слуг?

Извечный вопрос, приводящий в бешенство любых служителей культа. В самом деле, нужны ли Господу колокола, чтобы достучаться до душ паствы?

— Но... Таковы правила... Ритуал...

— Ритуал нужен лишь тому, кто колеблется и никак не может решиться. С истинно преданными Князь беседует сам.

Ну и чушь я несу. Жутчайшую, богохульную и нелепую. Ты простишь меня, Господи? Ты простишь меня, мой господин?

— Вы... говорили с ним?

Или я в считанные часы научился играть любые роли, или сознание женщины было готово склониться перед любым, кто окажется чуточку увереннее, чем она сама.

— Так же, как разговариваю с тобой.

— Он... Он снизошёл до вас? — Взволнованная хрипотца в голосе моей собеседницы стала похожа на карканье, словно её горло пересохло, как южный рукав Штевера жарким летом.

«Нет, этого не может быть! Князь не мог выбрать этого мужчину, он не особенно красив и вряд ли чем-то знаменит... Но я тоже пока не могу предложить в дар Ему ничего замечательного, кроме... А ведь я слышала, точно, слышала! И мне вовсе не показалось, но тогда моя преданность не была ещё так сильна, чтобы поверить. Но Он говорил со мной... Он говорил!»

Вот мы и ударились в иную крайность. Радует одно: моя личность окончательно перестала занимать в мыслях женщины сколько-нибудь значимое и заметное место, стало быть, можно заняться делом.

— Зачем ты пришла сюда?

Она не сразу выбралась из пожара страстных мыслей о будущей близости с Князем, духовной и не только, но ждать ответа мне пришлось недолго.

— Мастер ничего не говорил о вас, но он мог и не знать, а я... Если бы я свела вас вместе...

«Моя преданность была бы вознаграждена...»

— Наши ряды стали бы ещё сильнее, и власть хозяина распространилась бы дальше.

— Под руководством мастера Карла?

В не понимающем мою нерешительность взгляде возник невинный вопрос: «Почему бы и нет?»

Оставить женщину жить безмятежно или заронить сомнения? Пожалуй, выберу второй вариант, потому что заставлять людей сомневаться — природное призвание Князя. Да и внести небольшой раскол в «наши сильные ряды» не помешает: маленькая трещинка в нужный момент может стать ущемлем. Но сначала нужно заставить стекло уверенности треснуть.

— Вне всякого сомнения, мастер Карл — достойнейший слуга нашего общего господина, и всё же... У многих ли он принял клятву?

В сознании любого человека после подобного вопроса начинается

непроизвольный подсчёт баранов, как это называла психоконсульт управления фрау Хедерсхоф. И действительно, удержаться трудно: едва речь заходит о количествах, у нас возникает непреодолимое желание считать. Хотя бы в уме.

Незнакомка не стала исключением из правил, но её мысли оказались слишком спутанными, к тому же она вспоминала клички, а не настоящие имена сектантов. Впрочем, точное число мне всё равно не было необходимо.

— У многих?

Повторение вопроса заставило женщину насторожиться и сухо заявить:

— Я не имею права об этом говорить.

— Разумеется. Так же как и я не имею права показать тебе список наших клиентов. Но ты легко сможешь представить, сколько их было и остаётся, если справишься в магистрате о годе открытия нашего предприятия.

Главное в успехе намеренного обмана — предоставлять собеседнику исключительно достоверные факты, но под нужным соусом. Не скажу, что салон «Свидание» всё время своего существования был проходным двором с огромной клиентурой, но, если верить регистрационным записям, он был основан ещё в девятнадцатом веке, а за такой долгий срок его могли посетить никак не меньше полста тысяч человек. По самым скромным подсчётам.

— Что вы хотите этим сказать?

Вопрос был задан из вежливости и в попытке взять небольшой тайм-аут на обдумывание следующего хода, потому что было видно: женщина верно оценила предложенные масштабы.

— Всего две вещи. Первое. Не каждый может быть полководцем. И второе... Верность и преданность лучше всего доказываются не словами, а делами. Или обращёнными душами.

С последним утверждением спорить не стал бы и более упёртый фанатик, а незнакомка, судя по всему, в вопросах веры больше полагалась на разум, а не на капризы сердца.

— Вы правы.

— Рад это слышать.

— Прошу простить за беспокойство.

— Никаких проблем.

— Но сотрудничество...

— Может быть начато в любой момент, как только все мы вместе

решим...

— Решим? Что?

— Кто из нас укажет самую короткую дорогу к цели.

Да, она была вовсе не дурой, потому что на прощание подарила мне две дорогие, можно сказать, бесценные вещи. Долгий внимательный взгляд, в глубине которого зрели серьёзные вопросы, и кивок не равного, но и не стоящего много ниже. Кивок младшего компаньона.

* * *

Чудно начался день, ничего не скажешь! А утро подавало надежды на умиротворение и прочие удовольствия духа в ожидании... Бурного вечера. Правда, предполагаю, что собрание школьных благотворителей — вещь скучная и несовместимая с хорошим настроением, но для сохранения душевного равновесия переменить обстановку и круг общения иногда бывает очень и очень полезно.

Не успел я черкнуть на страничке блокнота для непредвиденных заметок, всегда лежащего на столике в прихожей: «Мастер Карл. Князь. Расширение влияния?», покой дверного кольца снова был потревожен. Стук показался мне нерешительно-робким, особенно в сравнении с творчеством предыдущей визитёрши, заставившей бронзу гудеть гулко и внушительно. Наверняка клиент: так обычно стучат те, кто приходит в салон, чётко не осознавая, зачем это делают. Что ж, иду открывать.

Второй по счёту сегодняшний посетитель также не пожелал начинать разговор с порога, правда, и до середины прихожей не дошёл, словно хотел остаться в ажурных тенях входной зоны. Но их глубины оказалось недостаточно, чтобы спрятать от моего взгляда нового гостя салона.

Невысокий, довольно хрупкий, в мешковатом плаще поверх явно немодного костюма: я не слишком часто посещаю магазины одежды, но лацканы такого покроя видел, пожалуй, только на снимках из архивных газет. Ранние залысины, слегка измождённое лицо. Вряд ли он намного старше сорока лет, и всё же выглядит так, будто не следит за собой, вернее, соблюдает только общие правила гигиены, не утруждаясь большим. Проще говоря, вполне опрятный, но неприятный. Так, к примеру, выглядят воспитанники приютов или пациенты неврологических клиник, умытые, причёсанные и одетые сторонней волей, а не по собственному желанию и разумению.

Интересно, почему я вдруг подумал о лечебных заведениях? Не

потому ли, что блёклые глаза незнакомца смотрят на меня с крайним подозрением и необъяснимой недоброжелательностью?

— Что вам угодно?

И, как и в первый раз, ни к чему не обязывающая фраза приветствия вызвала взрыв эмоций. Хорошо, что я не собираюсь стать сапёром: представляю, сколько бед мог бы натворить руками, если словами добиваюсь ничуть не меньшего эффекта.

Мужчина выпрямился, став чуточку выше ростом, и едва ли не выплюнул мне в лицо:

— «Угодно»... Вот всё, что вам нужно: угождать. Начиная с себя, приходите к Нему!

Ещё одно существо, именуемое с большой буквы? Или то же самое, о котором уже шла речь сегодня?

— Простите?

— Тебе нет прощения! — возопил пришелец. — Нет и никогда не будет!

Любопытно. И немного жутковато. Но справлюсь. Только бы он меня слюной не забрызгал.

— Или вы поясните, с какой целью сюда пришли, или мне придётся попросить вас покинуть...

— Нет, это я призван изгонять скверну, а не ты!

Настоящие безумцы опасны тем, что их движения мало подчиняются привычным правилам. Всем известно, что люди с отклонениями психики обычно отличаются большей физической силой, чем их условно здоровые духом собратья, но это далеко не все особенности. Гораздо хуже другое: психи и владеют своим телом несколько иначе. Гибкость связок и подвижность суставов находится за пределами нормы, а потому угадать, в какой точке окажется та или иная конечность сумасшедшего в следующий момент времени, прямо скажем, затруднительно.

Учитывая опыт, полученный ещё в давние полицейские времена, я предпочёл не заниматься отражением возможной атаки, а сделать очень большой шаг назад, когда незнакомец резким жестом выставил в мою сторону правую руку, кулак которой... Сжимал распятие.

— Именем Господним, изыди!

Мать Божья! Зарыдать или засмеяться? Крестом прогоняют нечисть, насколько я помню. Чертей и демонов. Если говорить совсем уж обобщённо, приспешников дьявола, а сегодня меня уже второй раз записывают в таковые.

— Изыди!

Простенькое распятие, даже не серебряное, такие продают в сувенирных лавках при кирхах, наверное, освящённое, но этим его ценность и исчерпывается. Обычная фабричная штамповка. Нет чтобы пригрозить мне чем-то раритетно-антикварным, цельнорезанным из кипариса или инкрустированным слоновой костью... Обидно, чёрт подери!

— Изыди!

Видя, что я не собираюсь оказывать отпор или переходить к нападению, мужчина начал наступать на меня, правда, медленно, словно побаивался собственной смелости. Однако получать распятием по лбу или другой части лица, а может, и тела не входило в мои скромные планы хотя бы потому, что свежий синяк — не самый пристойный аксессуар для пребывания в светском обществе.

— Вы плохо расслышали? Я предлагаю вам покинуть этот дом.

Доводы разума остались незамеченными. Что ж, настала пора переходить к силовым приёмам.

Когда распятие оказалось в опасной близости от моего носа, я накрыл кулак с предметом религиозного культа своей ладонью и легонько сжал пальцы. Мужчина немигающе уставился на соединение наших рук, несколько секунд потратил на осмысление случившегося, а когда очевидное стало осознанным, шатнулся назад, стараясь вырваться из моей хватки. Я усилил нажатие, чувствуя, как концы распятия вдавливаются в кожу, и почему-то прикосновение к дешёвой святыньке вызвало у меня брезгливость, словно мои пальцы коснулись чего-то скверного. Или правильнее было бы сказать, осквернённого?

— Мне повторить?

— Отпусти! — взвизгнул борец с нечистью.

— Как пожелаете.

Он едва не упал, когда я разжал пальцы, потому что всё это время безуспешно пытался к выходу.

— За вашей спиной находится дверь. Будьте так любезны, повернитесь, толкните её и выйдите вон самостоятельно. В противном случае вас ожидает пинок под зад, хотя, Господь свидетель, мне не хотелось бы мारать копыта.

Мужчина поперхнулся то ли проклятием, то ли словами молитвы. Так и не повернувшись ко мне спиной, видимо из боязни получить упомянутый пинок, добрался до двери. Посмотрел на потерпевшую поражение в борьбе с нечистью святыньку, всё ещё зажатую в кулаке, скривился, нашарил дверную ручку и вывалился на улицу, напоследок запуская в меня распятием. Не попал. Наверное, следовало бы отправиться за буяном или

сообщить в полицию, но захлопнувшаяся дверь завершила разыгранный спектакль не хуже занавеса.

Я подошёл к тускло поблёскивающей фигурке, поднял и провёл пальцами по гладким изгибам распятого на кривоватом кресте тела.

«Я сделаю это! Я буду приближать царствие Твоё всем, чем смогу! Моя жизнь принадлежит Тебе, только Тебе одному... Дай мне узнать Твою милость! Прими моё смиренное служение всё без остатка!»

Ты доволен своими детьми, Господи? Не думаю. Но ты любишь их, от первого и до последнего. Любишь без снисхождения, наказывая и награждая за свершённые земные дела. А как насчёт мыслей? Ведь этот человек согрешил в своём сознании намного раньше, чем перенёс свой грех в реальность. И возможно, намного сильнее. Он пришёл изгонять демона, совершив два смертных греха: в гордыне своей счёл себя достойным судить чужую душу и в гневе своём попытался исполнить приговор.

Он верит в Тебя, Господи. Наверняка иначе не взывал бы к Твоему имени. И в то же время он осквернил Твой Знак намерениями и действиями. Да, распятие может стать оружием, но можно ли нести с его помощью смерть, когда человеку было завещано: не убий?

За короткие часы утра мне были явлены и порок, и добродетель, но, право, я бы не решился сейчас сказать, кто из них привлекательнее. Честно говоря, они до омерзения похожи. Чем? Своим стремлением к благам, причём стремлением искренним и бескорыстным. И женщина, и мужчина хотели одного: доказать своим кумирам преданность, совершить во имя их нечто грандиозное, заслужить похвалу и уютное местечко в будущей жизни.

Так есть ли разница между адом и раем? И может быть, истинно правы те, кто считает Бога и дьявола всего лишь разными масками единого существа, которое в мудрости и величии своём даёт каждому человеку выбор между добром и злом, забывая наметнуть, что радуга, несмотря на своё разноцветье, всего лишь белый свет, показанный с другой точки зрения...

— Донн, — долгая пауза, переходящая в новое тихое: — Донн.

Сегодня в салоне настоящий наплыв посетителей. Жаль только, клиентами они не желают становиться. Если так пойдёт и дальше, леди Оливия может затребовать выплаченную мне премию назад, а расставаться с деньгами уже не хочется.

— Прошу вас, входите.

Я постарался вложить в приглашение всю возможную вежливость и доброжелательность, но старушка, постучавшая в дверь салона, медлила

гораздо дольше предыдущих посетителей, хотя строчки её мыслей были не в пример упорядоченнее и разборчивее.

— Это ведь тот самый салон, о котором пишут в газетах?

— Да, любезная фрау.

— Я плохо вижу, могла не заметить вывески и ошибиться...

— Вы не могли заметить то, чего нет. Салон «Свидание» к вашим услугам.

— Надеюсь, вы можете их оказать, — со странной печалью в голосе пробормотала старушка, тщательно вытирая о половичок подошвы до блеска начищенных туфель.

— Вы желаете сделать заказ?

— Я... я только хочу спросить. Если можно, — робко добавила она.

— Конечно, спрашивайте.

— Вы поможете мне умереть?

* * *

Если бы не два утренних урока, я бы определённо впал в ступор, услышав из уст милой старой женщины столь странную просьбу. Но после знакомства с солдатами армий, воюющих за людские души, сказал только:

— Хм.

— Вы поможете? — повторила свой вопрос посетительница.

— Самое быстрое, что я могу сделать, это напоить вас чаем. Не откажетесь продолжить разговор за чашечкой?

Она немного смущённо улыбнулась:

— Кофе, если позволите. Я с юности привыкла к крепкому чёрному чаю, знаете, был такой, «Золото колонии», стоил совсем недорого, но брал за душу крепко-крепко... А нынешние сорта слишком изысканны для меня.

— Кофе? Никаких проблем! Пойдёмте-ка на кухню.

К счастью, Ева не успела уничтожить остатки запаса молотых кофейных зёрен, и спустя несколько минут старушка, с грацией настоящей леди присевшая на краешек стула, уже с удовольствием вдыхала аромат дымящейся жидкости, сотворённой мной при помощи бытовой техники.

— Хорошо пахнет. Даже очень хорошо. Я бы сказала, что вы умеете варить кофе, если бы не этот чудовищный агрегат... Он же всё делает сам, верно?

— Сам. Но каждый раз по-разному.

Я не стал рассказывать, какие кошмарные отвары удаются фройляйн

Цилинске, но старушка поняла всё без слов и усмехнулась:

— Конечно, руки-то никуда не денутся... А где руки, там и душа неподалёку.

Самый удобный тайм-аут, какой только можно придумать, это налить и себе чашку чая: можно неторопливо катать на языке глоток за глотком, тратя выигранное невинной уловкой время на возвращение равновесия духа и тела.

Старушка не была похожа на предыдущих визитёров прежде всего полным отсутствием страстей, внешних и внутренних. Её мысли ощущались как стоячая вода в пруду, забытом и заброшенном в самом дальнем уголке парка, вот только ряска ещё не полностью затянула тёмную гладь и в оставшихся просветах отражается небо. Светлое-светлое небо раннего зимнего утра, постепенно наливающееся прозрачно-белым сиянием, хотя солнце ещё не показалось из-за линии горизонта. А под небом мне вдруг почудилась бесконечная равнина, припорошенная снежной пылью и замершая в ожидании порыва ветра или шагов, которые нарушат девственность чистого листа несколькими строчками... Эпилога или новой главы?

Следующий глоток обжигающе горячего чая подействовал на меня, как укол обезболивающего в кабинете у дантиста: челюсти онемели, хорошо хоть, что на считанные секунды, а не до окончания рабочего дня.

Я редко читал такие книги мыслей. Если быть честным, то самостоятельно и вовсе ни разу, но куратор, назначенный Коллегией, однажды обмолвился о чём-то подобном и, подкрепляя слова делом, продемонстрировал мне «чистое» сознание. Именно чистое, а не очищенное или, как брезгливо говорят профи, зачищенное.

При всём внешнем сходстве разница между ними огромна: зачищенное поле мыслей похоже на тщательно выметенный пол, иногда даже с содраным паркетом. Такое сознание можно обиходить, настелить ламинат, захламить столиками, стульчиками, шкафами и кроватями, но уюта в нём будет не больше, чем в меблированной комнате. Наёмное жильё, оно и есть наёмное. Передышка на пути, не более. Чистое сознание — лист бумаги, на котором можно написать что угодно и без малейших усилий, поскольку человек готов к восприятию любой информации, готов поверить всему услышанному и принять без вопросов и возражений. Готов сделать своим. Родным.

Сидящая передо мной пожилая женщина, сама того не сознавая, доверила мне свою дальнейшую судьбу. Скажи я сейчас, что воздух — твёрдый, а камень — невесомый, она затвердила бы и это не хуже молитвы.

Так вот как выглядит истинная власть над умами... Жутковато. Я не испугался ни послушницы мастера Карла, ни буйного христианина, а глядя на хрупкую старушку с ясными лучистыми глазами, дрожу сам не знаю почему.

Хотя нет. Знаю. От возбуждения и желания попробовать... Попробовать побыть пастырем. У-у-у, вот и моя гордыня, легка на помине!

Интересно, как боролись с искушениями святые подвижники? Аскезой и отшельничеством? Я не отягощён прихотями, да и в людных местах предпочитаю находиться лишь по необходимости. Достаточно ли накопленных мной сил, чтобы победить соблазн?

— Вы чем-то встревожены? — вежливо спросила старушка.

Врать не стоит, но если отвечу искренне, придётся рассказать и о причине моего волнения, поэтому предпочту ответить утвердительно, но уклончиво:

— Пожалуй.

— Вас смутила моя просьба? Простите великодушно, я думала, что...

— Что подобные просьбы я слышу каждый день с утра до вечера. Не хотелось бы вас огорчать, но дела обстоят несколько иначе.

Она растерянно сощурилась, и сеточка морщин раскинулась от уголков светлых глаз до крыльев носа:

— Моё желание...

— Имеет право на существование.

— Но оно не...

— В этом мире возможно всё.

— Кроме чудес, — печально подытожила женщина.

Нестерпимо захотелось возразить, но я мысленно залепил себе пощёчину. Не должно прозвучать ни одного лишнего слова, помнишь? Ни словечка. Хотя моя собеседница глубоко заблуждается, начинать спор нельзя. Ни в коем случае.

Чудес не бывает? Ерунда! Вот я, к примеру, настоящее чудо, причём рукотворное. Не скажу, что радостное и всем довольное, но всё-таки чудо. Пусть возникшее не по мановению руки, не по приказу волшебной палочки, явленное не в результате вдохновенных и страстных молений, а сотворённое усилиями нейрохирургии, но можно ли было предположить, что самый обычный человек способен...

А на что способен, собственно? Барахтаться в чужих сознаниях? Великое счастье, можно подумать! Пять лет назад я жил безмятежно, толком ничего не зная о существовании информационного поля, изучением которого занимался талантливый физик Макс Лювиг. Вернее, Макс фон

Лювиг, хотя благородную приставку он предпочитал опускать. И наша судьбоносная, как любят высокопарно выражаться некоторые эстеты, встреча перевернула всё с ног на голову, поставив жирную точку в конце главы, сумбурной, наполненной эмоциями и стремлениями, нелепой, но искренней.

Я жил... А безмятежно ли?

Каждая неудача воспринималась как поражение в Столетней войне, каждое достижение казалось триумфом на Олимпийских играх. Оглядываясь на прошедшие годы, понимаю: девяносто девять процентов событий не стоили потраченных на них переживаний. Не жалею о прошлой щедрости чувств, но временами обидно сознавать, что по-настоящему важные вещи произошли обыденно и спокойно, оставив о себе почти бесстрастные воспоминания. Получил возможность *читать* мысли людей, обрёл могущество, для очень многих желанное и недостижимое, а восторга или гордости не испытываю. Пожалуй, подготовка к операции вызывала у меня воодушевления во сто крат больше, чем достигнутый грандиозный результат. И я знаю причину, не позволившую воспарить над толпой. Щелчок по носу. Донельза обидный, во многом оскорбительный, болезненный и жестокий. Зато благодаря ему нимб над моей закружившейся от успехов головой рассыпался прахом, ещё не начав сиять. Хотя чудо всё-таки было. И осталось.

С одним только «но»: сразу по свершении для избранного судьбой счастливца оно перестало быть чудесным.

— Грустно не то, что чудес не бывает, фрау. Грустно, что мы замечаем их, только если они происходят не с нами. А волшебство личной жизни остаётся неузнанным.

— Не припомню, чтобы со мной хоть раз... А в вашей жизни случались чудеса?

— Как ни странно, да. Но поскольку смотрю на них изнутри, ничего волшебного не вижу, как ни стараюсь.

Взгляд старушки стал ещё печальнее, и я, чувствуя, что просветы на озерце её сознания начинают огорчённо затягиваться, решился спросить:

— Почему вы пришли в наш салон?

— Мой ответ важен для оформления заказа?

— Нет. Нисколько. Мы не интересуемся мотивами клиентов.

— Тогда почему вы спросили об этом меня? Потому что моё желание...

Она уже почти отчаялась получить то, что хочет, раз так настойчиво подчёркивает особенность своего положения. Плохо это или хорошо? Если

бы я знал! В случае с Клариссой Нейман подобное опустошение поля надежд было, как мне казалось, полезным и необходимым, способным предотвратить неприятные последствия, но сидящая передо мной женщина, огорчённо отставившая в сторону недопитый кофе... Её нельзя оставлять в пустоте, потому что такая участь окажется хуже смерти.

— Мне любопытно. Знаю, что вопрос не слишком вежливый, но мне чертовски хочется услышать, почему вам так не терпится уйти в мир иной.

Она чуть протестующе качнула головой:

— Я не тороплюсь, и у меня всё в порядке с нервами, не подумайте. Я просто... устала. Как устают от долгой и не приносящей удовольствия работы.

— Разве хоть какая-то работа может доставлять удовольствие? Ведь на то она и работа, чтобы утомлять, а не радовать.

— Вот вы шутите, а если положите руку на сердце? Скажете, что работаете здесь только по необходимости?

Где ты там, моё сердце? Прячешься, трусливое, забиваешься в глубь костяной клетки рёбер и недовольно отпихиваешь ладонь, старающуюся дотронуться до твоего тревожно дрожащего бока? Не буду тебя беспокоить, не бойся. Нет нужды.

Я и в самом деле мог бы не работать. Мог бы сидеть дома, благо пенсии, назначенной магистратом, достаточно для достойного существования. Тогда зачем я здесь? Зачем каждый будний день встаю рано утром, зачем толкаюсь в вагоне подземки, зачем воюю с бронзовым чудовищем, запирающим дверь? Для беззаботной жизни мне всё это не нужно. Стало быть, моя работа — моё... Удовольствие. Временами извращённый и трудоёмкий, но именно каприз, а не настойчивое зарабатывание денег.

— Отнюдь.

Я ожидал, что в ответ старушка произнесёт нечто вроде обличающего: «Вот видите!», но она неожиданно кротко улыбнулась:

— Рада за вас, молодой человек. Пусть так продолжается подольше.

— Ваши слова да Господу в уши... И всё же не будем отвлекаться: вы согласны рассказать, что случилось, а может быть, не случилось, но поссорило вас с жизнью?

Раздумывая над моим предложением, женщина молчала довольно долго, а потом с растерянным удивлением заметила:

— Вам невозможно отказать. Вернее, почему-то не хочется отказывать, хотя я меньше всего собиралась вспоминать... Ну да ладно.

Она положила ладони на край стола, как примерная ученица,

собирающаяся отвечать домашнее задание.

— Я живу на этом свете уже семьдесят два года, и последние пять из них — только потому, что не могу решиться себя убить. Не спрашивайте, пожалуйста, я всё сейчас объясню! У меня была дочь. Поздний, любимый ребёнок. Единственный. Я посвятила ей всю мою жизнь. А уж как радовалась, когда она вышла замуж! Мечтала понянчиться с внуками на старости лет. И тут случилось... Её муж погиб. На работе. Разбился, упав с пятого этажа недостроенного дома. А она была беременна... Год потом не выходила из дома. Не могла слышать детские голоса. Врачи разводили руками, говорили: мы бессильны, только время поможет. Помогло. Марика успокоилась и даже решила усыновить младенца из приюта. В тот день как раз ехала на первые смотрины... Самая обычная авария, в таких почти никогда не бывает жертв, самое большое переломы, но моя дочь... Умерла. Через несколько минут после столкновения. А я живу. До сих пор.

И что я теперь смогу сказать? Предложить завести собачку или кошечку, чтобы женщине не было одиноко? Бред.

— Вы пришли сюда после того, как...

— Прочитала утренние газеты. Нет, не подумайте, что я считаю вас виноватыми в смерти той девушки, но вы... Это ведь вы сделали так, что она набралась смелости и... Сделала то, на что я никак не могу решиться.

Вообще-то Кларисса пришла к нам в поисках долгого и счастливого будущего, а не выбирать надпись на надгробной плите. Эх, рассказать бы старушке, как всё было в действительности! И ведь можно согласно условиям договора, но... Не хочу. Слово тени умершей запрещает тревожить прошлое.

— А почему не можете? Причина в ваших религиозных взглядах?

Старушка строго поджала губы:

— Я не верю в Бога. Уже пять лет. Перестала верить после всего, что произошло. Это всё страх. Но меня пугает вовсе не греховность моих намерений.

Невольно захотелось спросить: «А что?», но пока я мучился дилеммой: высказать своё любопытство открыто и произвести впечатление вконец обнаглевшего субъекта или притворно вежливо промолчать, женщина избавила меня от необходимости принятия решения.

Она посмотрела на меня взглядом, с ясной страстью которого могло бы поспорить только полуденное июньское небо, и виновато призналась:

— Я боюсь, что у меня не получится.

Вот так-то. Всё просто. Жизнь вообще простая штука, какой стороной к себе ни повернёшь. Пять лет ждать, пока подвернётся надёжный случай

покончить с собой? Почему бы и нет. Она не заказывает нам своё убийство, а всего лишь желает, чтобы мы помогли ей утвердиться в намерении, подсказали, научили, подбодрили. Выступили в качестве консультантов то бишь. Если бы мне нужно было подзаработать, я бы легко справился с предложенной ролью. На крайний случай порылся бы в своих «полицейских» архивах или побеседовал с фрау Хедерсхоф, с близкого расстояния пронаблюдавшей за свою практику не один десяток нервных срывов и попыток самоубийства, в том числе и удачных. Но ведь, как мы только что установили, работа для меня не источник средств к существованию, а способ получения удовольствия, поэтому...

Тупичок тупиковый. Если деньги для меня — не самоцель, не следует помогать старушке умереть. Но по долгу... э-э-э, службы, если её можно так назвать, желание клиента — закон для меня и моих коллег. Клиента — да. Но не моё желание. Вершить чужую судьбу? Пожалуй, в конце концов я бы поддался этому соблазну. Но вести человека к смерти? Такую стезю для профессиональной карьеры я бы никогда и ни за что не выбрал.

Попробовать живописать все неприятности, связанные с самоубийством? С надрывом поведать о том, что будет и страшно, и больно? И главное, придёт очень горькое сожаление, либо мимолётное, либо длящееся всё время до последнего выдоха. Я не звезда драматического театра, и всё же, думаю, смог бы убедить женщину в том, что... Смерть — не выход. Да и не вход, в общем-то. Меня в своё время удержала от подобного рукоприкладства по отношению к себе простая и скучная скупость. Когда я осознал, сколько всего хорошего и полезного есть у меня на этом свете, мне стало обидно всё бросить и уйти в неизвестность. Может быть, и старушке необходимо что-то похожее для принятия и осуществления окончательного решения?

Земные блага стоит отбросить сразу же. Личный комфорт и прочая дребедень никогда не были важны для этой женщины, если верить рассказу. А я — верю. И не потому, что не ощущаю в её сознании лживой дымки. Я вообще не читаю её мысли: скольжу по поверхности пруда, пробуя водяную гладь на ощупь, и никак не могу определиться, холодная она или тёплая, потому что... В реальности этой воды вовсе не существует.

Жаль, что она разочаровалась в Создателе: было бы немного легче найти аргументы в защиту продолжения жизни. Наверное, у меня не поднялась бы, что называется, рука уговаривать смертельно больного человека терпеливо ждать естественного завершения биологических процессов, но эта женщина вполне здорова и ещё полна сил, а значит, намеренная смерть в любом случае ляжет грехом сразу на две души.

Допустим, старушке всё равно, что уносить с собой на тот свет, а я? Наберусь смелости и беспринципности, чтобы объяснить женщине, каким способом она может быстро и надёжно покончить с собой?

Эх, если бы она пришла в салон всего несколько дней назад, до того злосчастливого утра, когда Кларисса Нейман шагнула из окна на булыжники площади! Возможно, я бы согласился помочь, тем более обнаружив в сознании старушки поле, готовое для любого влияния. Но с тех пор что-то изменилось то ли в мире, то ли во мне. Вернулось нечто до боли знакомое. И пока не удастся предотвратить хотя бы одну смерть, я буду чувствовать ту самую клятую неуверенность, которая уже дважды стоила мне желанного триумфа.

Вам не повезло, фрау. Вы будете жить. А я на Страшном суде как-нибудь вымолю прощение у Господа за то, что пошёл наперекор человеческой воле.

— Ещё один вопрос. Маленький. Расскажите, как вы обычно проводите свой день?

Она если и удивилась, то ничем не показала этого. Наверное, устала от ожидания так же сильно, как я — от размышлений.

— В моём теперешнем распорядке нет ничего примечательного.

— И всё-таки?

— Я просыпаюсь на рассвете, завтракаю, выхожу в город за покупками, возвращаюсь к обеду, занимаюсь домашними делами, перед ужином гуляю в парке: мой дом совсем рядом с Зеехайн, и каждый вечер я прихожу на одну и ту же скамейку...

Зацепка или нет? Рискну проверить.

— Каждый вечер? Независимо от сезона и погоды?

Старушка утвердительно кивнула.

— Эта привычка возникла у вас давно?

Она задумчиво призналась:

— Не очень. Но я не поручусь за точную дату, хотя... Да. Я начала гулять вечером вскоре после того, как моя дочь...

А вот сейчас я стану самым злостным обманщиком всех времён и народов.

— Подумайте и скажите: у вас была причина в тот, самый первый, раз прийти в парк?

— Наверное.

— Какая? Не думаю, что вы желали общения с людьми, а Зеехайн в вечернее время всегда полон народа. И всё же вы направились туда. Один раз, потом второй, третий... И вчера вы тоже были там?

Старушка невольно начала нервничать:

— Конечно. Но к чему вы клоните?

— В прежние годы вы любили по вечерам гулять в парке?

— Я... Может быть, но я не помню точно.

— А теперь внимательно послушайте меня, прошу вас. С мгновения зачатия человек начинает обрастать привычками, дурными, хорошими... Всякими. Каждое действие, произведённое им самим или произведённое с ним, откладывается в памяти тела и сознания. Каждое чувственное переживание меняет нас, пусть незаметно, но неотвратно. Да, с возрастом начинаешь думать, что ты уже такой, как есть, и даже Божий промысел не способен внести в твой характер малейшие коррективы. Но зачем Господу утруждать себя тем, что с успехом исполняют даже бытовые мелочи? Вы ходите в парк каждый вечер не просто так, уверяю вас. Можете думать как и что угодно, но ваши прогулки предопределены.

— Кем?

— Вами самой. Человека удерживает от смерти только одно: чувство неоконченных дел.

— Но у меня не осталось...

— У вас? Вполне возможно. Ваших личных дел. А как быть с общественными?

Она гордо подняла подбородок:

— Я никому ничем не обязана.

— Отнюдь. Вы очень обязаны. Миру.

Если я хотел вконец спутать мысли старушки, это мне удалось. Непонимание и обида столкнулись с тем, что прячется под слоем сознания, но имеет на человека больше влияния, чем громы и молнии. Столкнулись с привычкой и... Начали отступать.

— О чём вы говорите?

— Мир при всей его бесконечности ограничен в возможностях. Даже в количестве людей. Где-то всплеск рождаемости? Значит, в другом месте идёт кровопролитная война или эпидемия. Мы рождаемся, потому что должны были родиться, уж с этим-то спорить не будете? Но если наше рождение предопределено заранее, то и час нашей смерти назначается вовсе не нами. Вы живёте до сих пор не из страха сделать что-то не так, а потому что чувствуете: чего-то вы ещё не сделали.

— И... что это может быть?

Я пожал плечами:

— Не знаю. Да и вы скорее всего не знаете. Зато знает он — мир, некогда принявший вас и поставивший на уготованное только вам место. И

пока вы не сыграете свою партию до конца, не освободитесь. Можете верить или нет, ваше право. Но подумайте хотя бы о следующем. Каждый вечер вы проводите в парке, наблюдая за жизнью, продолжающейся вокруг. И вполне может быть, что именно ваше присутствие там не позволяет совершиться чему-то... ужасному.

— Ужасному?

— Например, преступлению. Или несчастному случаю. Ведь если вы увидите, как в пруду тонет ребёнок, вы позовёте на помощь или попыгаете помочь сами, верно?

— Вы хотите сказать...

— Только одно: если вы ходите каждый вечер в парк, это необходимо ещё кому-то кроме вас. Пусть и одному-единственному человеку на свете. Вернее, необходимо его будущему, которое не состоится без одинокой пожилой фрау, каждый вечер встречающей закат на парковой скамейке.

Она молчала долго, веря всем сердцем и одновременно отчаянно боясь превратить веру в уверенность. А я с нетерпением ждал, что получится из моей нелепой, но вполне искренней проповеди. В конце концов, и себя мне в последние годы удавалось утешить только тем, что моё существование кому-то может пригодиться. Надеюсь, пригодилось. Может быть, и я поступил на работу в салон лишь для того, чтобы в один прекрасный день встретить эту самую старушку? Встретить и... Но остальное уже в руках Господа. И мира.

— Скажите, а когда произойдёт то, что, как вы говорите, не даёт мне пока уйти... Я умру? Я смогу умереть?

— Вы сможете исполнить ваше желание, в этом я не сомневаюсь.

— Что ж, — женщина решительно кивнула и встала со стула, — если вы правы, мне в самом деле есть ещё чем заняться. Но если нет...

— Давайте проверим, только и всего. Любая теория всегда нуждается в экспериментальном подтверждении.

— Надеюсь, ваша теория верна.

— Рано или поздно мы это узнаем.

Или убедим себя, что узнали. Но какая разница? Знание — всего лишь иллюзия объяснения, попавшая в резонанс с нашим собственным мироощущением, ведь недаром одни школьники любят точные науки, а другие предпочитают изящную словесность. Каждому своё, как говорится. И я не исключение: внушил женщине то, о чём она никогда не задумывалась. Потешил собственный эгоизм, отказавшись выполнять желание клиента. Ох, чувствую, сыплет мне хозяйка по первое число! А если учесть, что у нас только-только наступило седьмое... Перспектива

безрадужная. Зато привычная.

* * *

На сей раз дверное кольцо выбило по бронзовой пластине слишком замысловатый ритм, чтобы предполагать безмятежный приём обычного клиента, но я искренне считал себя готовым к встрече с любым демоном или ангелом. Ровно до того мгновения, как открыл дверь новым гостям салона.

— Это здесь убивают? — прожевало юное создание неопределённого пола, вваливаясь в прихожую в сопровождении брата-близнеца. Или сестры.

Не знаю, каким образом и когда у меня выработалась непреклонная уверенность в том, что мальчики должны выглядеть именно мальчиками, а девочки — девочками, но я устоял перед веяниями нового времени. А современная мода решила не отставать от политических тенденций и вслед за социальными правами уравнила внешний облик лиц мужского и женского пола. Люди зрелые, а значит, консервативные, в большинстве своём избежали вредного влияния унисексуальности, зато молодёжь с радостью ухватилась за возможность отовариваться на одном и том же прилавке, спутав, правда, небрежность с неряшливостью.

Кто бы мне объяснил, в чём состоит удобство штанов, шаговый шов которых висит у коленей или немногим выше? Я со своей небогатой фантазией могу предположить только одно назначение необъятного мешка на заднице: скрывать подгузник. А футболки, рубашки, фуфайки и свитера отравляющих глаз расцветок, напаянные друг на друга? Причём вовсе не в том порядке, которому лично меня учили в детстве. Не говоря уже о том, что мгновенно возникает ощущение встречи с клошарами, только-только выползшими из-под моста, все эти «семеро одежек» ещё и мешают коже нормально дышать, являясь причиной... М-да. Стойкого несвежего запаха.

— Здесь, да? — повторил разговорчивый пришелец.

Его спутник не проронил ни слова, хотя не менее энергично двигал челюстями. Надо бы проследить, чтобы не прилепил жвачку к дверному косяку или ещё куда.

— Вы что-то хотели узнать, молодые люди?

Две рваные крашеные чёлки качнулись навстречу друг другу, когда пришельцы растерянно переглянулись, потом первый продолжил:

— А чего непонятного? Я ж сразу сказал. Вон, во всех газетах

написано...

Он читает газеты? Похвально. Но полезно иногда просматривать не только жёлтую прессу, а и научно-популярные журналы. И сборники правил хорошего тона не помешали бы.

— И что же написано в газетах?

— Прикалываешься, дядя?

— Ещё не начинал.

— Так у вас тут правда притон?

Он — а теперь я был совершенно уверен, что разговаривающий со мной — парень, — явно рисовался перед своей подружкой: мол, это же круто, заявиться в такое опасное место, которым назначили салон «Свидание» журналисты городских изданий. Мол, вот какой я отважный и рискованный. Можно было бы подыграть ему, но у меня внутри всё уже начинало закипать.

Десяткам, если не сотням людей, живущих или находящихся в Ройменбурге по делам, по-настоящему нужна помощь, моя и моих коллег, а приходится тратить время и силы на... Всякую дрянь! Сатанистов, религиозных фанатиков, а теперь ещё и юных идиотов, желающих только покрасоваться друг перед другом. Взять бы и врезать им обоим, невзирая на половые различия и разницу в возрасте и весе. Или ремнём отходить так, чтобы неделю сидеть не могли.

Мои пальцы ещё только коснулись холодной пряжки, когда на лицах подростков возникло, мягко говоря, недоумение, а взгляды растерянно уставились в точку, находящуюся позади, выше и левее меня. В неожиданно наступившей тишине каждый шаг спускающегося по лестнице человека был слышен отчётливо и громко, но доски ступеней не привычно поскрипывали — они пели. Нечто гулкое, протяжное и древнее.

— Так что вы хотели узнать, юноша?

Я обернулся, услышав голос леди Оливии, и сам удивлённо застыл на месте.

Такой хозяйка салона ещё ни разу не представала передо мной. Умиротворённая улыбка, распрямившаяся линия суровых бровей, жёсткие пепельные пряди, обрамляющие лицо то ли овалом медальона, то ли кольчужным подшлемником. Она была одета всё в то же утреннее прямое платье цвета слоновой кости, по которому вниз всё так же стекал тёмно-красный палантин, но мне чудилось совсем другое: плащ рыцаря, запылённый у стен какой-то восточной святыни, а электрический светильник на стене вдруг превратился в рассветное солнце. Стоит ли говорить, что двуручный меч, плашмя лежащий у леди ван дер Хаазен на

правом плече, показался мне в эти минуты самым уместным аксессуаром для статной женщины, с каждым неторопливым шагом приближающейся к парочке юных озорников?

— Вы хотели спросить о смерти? Или увидеть её?

Сорванная с плеча уверенной рукой и сверкнувшая рассеянным белым бликом стальная полоса совершила разворот, пронесшись опасно близко к носам прищельцев, и остриём ткнулась в паркет. Уйдя в лакированную древесину по меньшей мере на дюйм.

Леди Оливия положила ладони на кованые крылья перекрестья и ласково спросила ещё раз:

— Итак?

Никогда бы не подумал, что можно улепётывать с такой дикой скоростью, даже испугался за сохранность салонного имущества. К счастью, руки юнцов, пусть и до смерти испуганных, не налились силой, способной повредить старинную бронзу, но я всё же подошёл к двери и несколько секунд держался пальцами за дверную ручку, не столько выполняя свои обязанности, сколько боясь обернуться и увидеть... Или, может быть, боясь больше никогда не увидеть того, что впечаталось в моё сознание раскалённым тавром?

— Какие-то проблемы, мистер Стоун?

Тон её голоса не изменился ни на йоту. Ласковый, всепонимающий. Но всепрощающий ли?

Вопрос возник словно бы сам собой, и лишь на мгновение почудилась некая чужеродность, как будто он всё-таки пришёл извне, правда, прокрался настолько умело, что стал «своим» сразу и безоговорочно.

Чувство вины... За что или перед кем? Неужели мои проступки так дурно пахнут, что я поневоле думаю о прощении и о том, что, обернувшись, могу встретить клинок собственной грудью?

Впрочем, какие бы страхи и сомнения меня ни мучили, дольше оставаться спиной к даме, тем более работодательнице, невежливо и непростительно. Но впереди себя разведчиками на всякий случай пущу слова. Неискренние, незначительные, ни к чему не обязывающие.

— Эти молодые люди... Их потрясение не оказалось слишком... большим?

— А вы не думаете, что только они сами смогут верно оценить своё состояние? Следовательно, нам с вами нет никакой необходимости заниматься бесполезными умозаключениями.

Медленно поворачиваюсь.

— И мы не должны чувствовать ответственность за...

— За что именно, мистер Стоун?

В облике хозяйки салона ничего не изменилось, но вуаль сверхъестественного уже успела рассыпаться обрывками тоненьких ниточек, и меч теперь выглядел лишь дешёвой сувенирной поделкой из лавки Роберто. Правда, при этом он без труда сохранил вертикальное положение, даже лишившись поддержки ладоней леди Оливии.

— Они всего лишь дети. Наверное, не стоило их пугать.

— Стоило выпороть, хотите сказать? Не знаю, как вы, а я считаю, что недавнего самоубийства для частого упоминания названия салона все пока вполне достаточно. Членовредительство оставим на будущие рекламные кампании, согласны?

Она снова догадалась. Не *читая* мои мысли, а пользуясь иными источниками информации. Но какими, чёрт подери?

— То есть вы не будете против...

— Славной драки? Нисколько. Потому что моя в ней роль — зритель, а не участник, — подмигнула леди ван дер Хаазен и, не дожидаясь какой-либо реакции, направилась к лестнице.

Впрочем, моё растерянное молчание могло оказаться самым подходящим ответом на щедрое предложение ничем не стеснять себя в общении с непонятливыми и надоедливymi бездельниками, терроризирующими салон. И всё же я не мог позволить хозяйке уйти так, как она это обожает: оставив за собой последнее слово.

— Миледи, у меня, как вы правильно заметили, нет проблем, зато есть вопрос. К вам.

Она остановилась на третьей ступеньке сверху.

— И вы, разумеется, хотите его задать?

— Не отказался бы.

— Вам нужен правдивый ответ, мистер Стоун? Или такой, что позволит развеять ваши сомнения и опасения?

Ройменбургская устроительница встреч со счастьем — мастерица загадывать неразрешимые загадки, это было ясно с первой же встречи, и предложенный сейчас выбор не исключение. Правда, на сей раз рамки очерчены на удивление строго и ясно, наверное, именно поэтому мне и не... Не хочется выбирать! Но ответ должен быть получен, иначе я сгрызу ногти до основания, мучаясь неизвестностью. Осталось только выбрать, чем предпочту обзавестись сегодня: правдой или спокойствием.

Дин-дин-дин-дин-дин! Дин-дин-дин-дин-дин!

О, наш телефонный аппарат ожил. А я-то все годы работы в «Свидании» считал его предметом интерьера, а не средством связи... В

рекламных объявлениях наш номер телефона не указывается, на этом настояла хозяйка салона, уверенная, что настоящие переговоры ведутся только лично и с глазу на глаз, а не посредством проводов и электромагнитных волн.

Кто может нам звонить? Я вопросительно посмотрел на леди Оливию, та равнодушно пожала плечами: мол, желаешь — отвечай, не желаешь — сделай вид, что оглох. Поднимать трубку не очень-то и хотелось, но любопытство, как ему и положено, оказалось сильнее чувства самосохранения.

— Вас слушают.

— Это салон «Свидание»? — В задавшем вопрос взволнованном мужском голосе слышались нетерпение и надежда.

Вот ещё один отличный шанс уничтожить возможный разговор в зародыше: солгать. Правда, тогда я не узнаю что-то новое и, очень может быть, интересное.

— Да.

— Я могу поговорить с герром Стоуном?

— К вашим услугам.

— Вы... — Он сделал небольшую паузу, видимо сражаясь с сумятицей нахлынувших чувств. — Вы, правда, были в «Кофейной роще» за день до того, как Кларисса умерла?

— Да. Но зачем вы спрашиваете? Об этом рассказывали городские газеты, если не ошибаюсь, а им врать не с руки.

— Возможно, вы помните... А если не помните, ничего страшного. Я сидел за столиком вместе с Клариссой.

Её несостоявшийся жених? В самом деле внешность помню слабо, а голоса вообще не слышал. Зато при личной встрече кое по каким другим свойствам организма узнаю сразу.

— Мы могли бы поговорить? Только неофициально, пожалуйста! — без дальнейших предисловий попросил мужчина. Именно попросил, а не предложил или приказал. Можно было бы решить, что просьба звучит излишне заискивающе, если бы волнение моего собеседника не ощущалось с каждой минутой всё сильнее.

— Думаю, это возможно, — уклончиво ответил я, не желая давать хозяйке салона лишней информации о звонящем.

Если в доме установлена записывающая аппаратура, леди Оливия так и так узнает содержания телефонного разговора, но в данном случае человек хочет побеседовать со мной, а не с кем-то ещё, и, вполне может быть, сохранение конфиденциальности для него важнее всего прочего.

— Вы могли бы уделить мне время обеденного перерыва? Обещаю, голодным вы не останетесь ни в коем случае. Разумеется, всё за мой счёт.

Ещё более заманчивое обстоятельство для того, чтобы решиться на встречу. Хотя бесплатный сыр обычно находится в одном крайне опасном устройстве... Но мне тоже кое-что нужно от этого парня. Личное успокоение путём выяснения окончательного диагноза, если получится.

— Хорошо. Где?

— Я так понимаю, в «Сентрисс» к вам будет привлечено слишком много внимания, поэтому... Что вы скажете насчёт кафе в конце Гертен, «Обед на двоих»? Вам удобно будет встретиться там?

Э-э-э... Касательно местоположения возражений нет. Правда, в этом заведении делят трапезу в основном парочки, влюблённые и супружеские, а не деловые партнёры. Наверное, он часто приходил в кафе вместе с Клариссой, поэтому и не мог предложить ничего другого, если решение о звонке принял спонтанно... Ага, как же. Чтобы найти номер телефона салона, нужно было приложить не только усилия, но и время. Много времени, которого хватило бы на подготовку подробнейшего плана действий. И всё же в голосе звонящего не слышно расчётливости, что позволяет предположить...

Не тратил он много времени. Он просто выбрал, наугад или осознанно, самый оптимальный источник информации. Кто у нас знает всё-всё о городе и его жителях? Правильно, полицейское управление. А кто в этом управлении самый любопытный и ответственный инспектор? Герр Йоаким Берг, по странному стечению обстоятельств хорошо осведомлённый и о ходе расследования, и о моей трудовой жизни.

Та-а-ак, кажется, я немного разозлился. Но мои чувства никоим образом не должны повлиять на чужие планы. Да и на мои собственные — тоже. Мне необходима информация, а её лучше добывать в равновесном состоянии духа.

— Как вам будет угодно.

— Я буду ждать вас с половины первого, но это не значит, что прошу поторопиться: у меня есть дела, которые закончатся как раз в это время, а вернуться в офис я уже не успею. Но если вы придёте раньше начала обеденного перерыва, буду крайне вам признателен.

Боишься, времени на разговор не хватит? Точно. Не хватит, если не сможешь чётко сказать, что тебе нужно.

— До встречи.

— Я очень буду вас ждать! — успел он прокричать в трубку, находящуюся уже на полпути к телефонному аппарату.

Разумеется, леди Оливия всё прекрасно расслышала, но предпочла вернуться к отложенному разговору, а не проявлять любопытство, чем только ещё больше укрепила мои подозрения о существовании подслушивающей и подглядывающей аппаратуры в пределах дома.

— Вам ещё требуется ответ, мистер Стоун?

Ответ? Какой ответ? Ах да... Правдивый или успокаивающий. Нужен, разумеется. И я готов сделать осмысленный выбор именно теперь, после короткого разговора.

— Да, миледи.

— Так правда или?.. — На губах хозяйки салона мелькнула и пропала улыбка, самым лучшим определением которой было бы «коварная».

— Второй вариант.

— Спрашивайте.

— Когда вы спускались в прихожую, с моими органами чувств происходило что-то странное.

— А конкретнее? — Серые глаза леди Оливии почти превратились в щёлочки.

Стоит ли быть честным? Нет, лучше повременю, потому что, как убедительно доказывает мировая история, долгая дорога к истине обычно оказывается полезнее и уж конечно безопаснее короткого рывка.

— Я видел или, правильнее будет сказать, воспринимал образы, не имеющие отношения к реальности.

— Только зрительные?

Хотел ответить утвердительно, но в памяти вдруг всплыло дуновение необъяснимо сухого и тёплого для ройменбургской осени воздуха, потрепавшее меня по щеке.

— Осязательные тоже.

Она снова улыбнулась, с некоторым, как мне показалось, торжеством, странно похожим на удовлетворение мастера, в споре с учеником доказавшего, что натруженные руки не забывают того, чему научились однажды.

— Можете не волноваться на свой счёт, мистер Стоун. Ничего нереального вы не видели и видеть не могли.

Леди Оливия закутала плечи в палантин, повернулась и продолжила так бесцеремонно прерванный мной путь в личный кабинет.

Ну что, доволен? Получил ответ на свой вопрос? Да, с одной стороны, он вполне способен успокоить, мол, всё в норме, не бойся мальчик, поганки нынешней осенью уродились не особо забористые. А с другой?

Её ответ может означать и совсем загадочную вещь. Всё, что я видел,

существовало в реальности. Или могло существовать? Ну вот, благополучно запутался. Ничего себе попросил успокоения! Интересно, чем бы меня тогда порадовал «правдивый» вариант?

— Мистер Стоун, раз уж вы собираетесь в скором времени покинуть рабочее место на заслуженный обеденный перерыв, не сочтите за труд вернуть коллекционный экспонат в кладовую. И пожалуй, после столь титанических утренних усилий можете быть свободны. До конца дня, — звонким эхом донеслось с площадки второго этажа.

Да, с такой хозяйкой нет нужды придумывать отговорки и оправдания: она всё равно всё узнает заранее или по мере свершения. А если предпочитает иногда притворяться неосведомлённой, остаётся лишь благосклонно простить эту маленькую женскую слабость. Но что она имела в виду под утренними усилиями? Разбор газет? Ни в коем случае. Первую читку, своего рода мониторинг, произвела она сама, а я снизошёл лишь до ознакомления с наиболее выдающимися экземплярами журналистского творчества. Что ещё происходило утром? Три разговора. Целых три. И все непохожие не только друг на друга, но и на среднестатистический мой диалог с клиентом, пожелавшим обрести счастье путём приобретения услуг салона «Свидание». Хозяйка наблюдала за мной всё это время? Скорее всего. Но соизволила вмешаться лишь в общение с подростками, потому что...

Поняла или почувствовала мою усталость? Полно, какое ей может быть дело до состояния моего здоровья? Например, прямая заинтересованность в том, чтобы я продолжал выполнять свои обязанности эффективно и как можно дольше. Но, насколько можно было заметить за прошедшие пять лет, леди Оливия легко разрешала в любой необходимый мне день и на любой срок брать отгулы, а уж насчёт отпуска по болезни и вовсе никогда не было споров. Хотя бы потому, что мою медицинскую страховку оплачивает магистрат. И какое впечатление создаётся? Она дорожит моей работой, но по неизвестной причине. В конце концов, я не уникален: в том же Ройменбурге проживает несколько десятков сьюпов, и, если не ошибаюсь, часть их является полноправными гражданами города, так что в экстренном случае меня можно заменить без проблем. Остаётся единственный вариант. Личное отношение.

Но чтобы понять, кем я должен стать или уже стал для хозяйки салона, необходимо... Искренне поговорить или коварно *прочитать*. Правда, на первое леди не настроена, ясно показав это прощанием, не терпящим возражений, а второе... Чёрт подери, она ведь подарила мне шанс, самый настоящий! И пусть беспристрастные свидетели всего мира уверяют, что

меч оставлен на моё попечение случайно, по рассеянности и без всякого злого умысла, я не поверю их голосам. Потому что моя хозяйка никогда и ничего не делает просто так.

Коллекционный экспонат, стало быть? И с каких пор леди ван дер Хаазен собирает коллекцию оружия, да ещё... Такого потрёпанного.

На расстоянии вытянутой руки меч перестал притворяться пришельцем из волшебной сказки: взгляду стали заметны щербинки на лезвии и кромка, давно переставшая быть идеальной. Кованый рисунок, покрывающий крестовину, сильно стёрся, и орла, летящего в сторону острия, напоминал теперь только общий силуэт рукояти. Одна лишь оплётка выглядела сравнительно новой, хоть и залоснившейся, словно от частого использования.

Красивое оружие? По мне — нет, хотя спорить не могу: грозное. Внушающее уважение. Функциональное? В ближнем бою на открытом воздухе разве что. Удобное в использовании? Возможно, если ты ростом под два метра и силён как бык, то есть обладаешь габаритами хозяйки салона «Свидание». А вот мне размахивать такой железкой было бы несподручно, хотя после надлежащих тренировок... Нет, росточком маловат для этого монстра. Но я ведь не собираюсь драться, я же книгочей, а не мечник, мне нужно всего лишь прикоснуться...

«Верующему в ангелов не суждено обрести покоя на твёрдой земле, верующий в демонов обречён видеть алчные пасти в каждой улыбке грешного мира. Лишь лезвие меча отделяет геенну от рая, но шествовать по нему не дано ни человеку, ни ангелу, ни демону, потому что взойти на тропу, каждый шаг по коей наносит кровоточащие раны душе, можно, лишь оказавшись одному против всех...»

Память кожаной оплётки шуршала, как страницы древней книги: сухо и снисходительно к несведущему и непосвящённому, дерзнувшему коснуться запрещённого знания. Это мысли леди Оливии, вне всякого сомнения, но они очень странно выглядят и ещё страннее звучат в моей голове.

Похоже на молитвенный речитатив, энергичный, преследующий некую определённую цель. Ритм плавный, не нарастающий к окончанию фразы, а, наоборот, затухающий, но именно в его спокойном, незаметно растворяющемся в тишине завершении и спрятан эффект, заставивший подростков испугаться и убежать, а меня... Впрочем, я ведь тоже опасался оборачиваться, пусть и в силу других причин, стало быть, послание достигло всех намеченных адресатов.

Гипноз? Не похоже. По крайней мере, в Коллегии меня уверяли, что

медиумы не подвержены подобному влиянию извне: скорее сами себя загипнотизируют и убедят в невероятнейших вещах, нежели поддадутся чужим мысленным намерениям, а в данном случае намерение и его исполнение были именно мысленными, а не предметными. Не знаю, что увидели молодые люди, но, хоть они и смотрели на хозяйку салона дольше, чем я, время визуального воздействия было настолько ограниченным, что... Да и вербальное длилось считанные секунды, причём не содержало в себе никакой информации, способной заставить увидеть нечто, отличное от реальности.

Каков вывод? Если леди Оливия и занимается введением людей в заблуждение, то её метод не имеет ничего общего с известными мировой науке практиками. Даже если допустить, что она могла *прочитать* мысли и узнать, чего страшатся её собеседники, дальше требовалось проникновение в чужое сознание. И оно состоялось? Вне всякого сомнения. Но каким образом? А впрочем, мне некогда над этим размышлять. Надо убрать меч с середины прихожей и собираться на назначенную встречу.

Крепко увяз в паркете, зараза, просто так не поддаётся. Раскачать? Ага, и нанести древесине вдвое больше повреждений. Вот что бы засадить остриё в щель между паркетинами, а не в середину доски! Ладно, возьмёмся под крестовиной, всяко рычаг окажется покороче, и потянем...

«Скука, скука, скука... Грешно говорить „смертная“, но так хочется поиграть именно этим словом! Время течёт, а мы остаёмся всё теми же, всё такими же дерзкими и доверчивыми, послушными и непреклонными. Но если бы мы раскрашивали свою душу заново под цвет каждого нового рассвета, разве оставались бы мы людьми?..»

* * *

— Доброго дня герру старшему инспектору! Есть минутка для разговора?

Давно можно было бы купить гарнитуру и не прижимать на ходу телефон к уху, но человек, разговаривающий на улице сам с собой, всегда производит на меня впечатление сумасшедшего, и каждый раз, заходя в магазин с твёрдым намерением обзавестись последними достижениями мобильной связи, я невольно представляю себя в таком же виде. Разумеется, решимость тут же начинает таять, и в результате как не было у меня модного, а самое главное, удобного наушника, так и нет. Приходится утешать себя тем, что наличие в ухе посторонних предметов существенно

повышает вероятность обширных повреждений при любом ударе в область органа слуха или прочем травматическом воздействии.

— Джек?

— Кто же ещё? Или ты уже стёр мой номер из записной книжки?

— Нет, конечно же нет... Просто не ожидал от тебя звонка.

Последняя фраза прозвучала слишком хорошо отрепетированной, чтобы быть искренней. Значит, я прав, и рыльце у городской полиции в пуху, густом-прегустом.

— Если не хочешь со мной разговаривать в неурочное время, не раздавай засекреченные номера направо и налево.

Пауза, закончившаяся смешком:

— Он тебя уже достал?

— А ты думал, всё затянется на неделю или месяц? Да, полчаса назад мне назначили встречу. И я на неё пойду, но всё дальнейшее будет на вашей совести, герр старший инспектор!

— Ладно тебе... Будто ты сам не хотел разобраться в случившемся!

— Хотел. Но предпочитал действовать по собственной инициативе, а не плясать под чужую дудку.

— Хватит дурачиться, Джек. Он всё равно нашёл бы номер салона, для этого достаточно обратиться в регистрационную палату при магистрате, только и всего.

— Но ты решил сэкономить его время, да?

— Я с ним разговаривал. После снятия показаний. Парень напуган, Джек. Напуган тем, что ничего не может понять. Просто поговори с ним, и всё. Расскажи хотя бы, зачем к вам приходила погибшая. Ведь ты можешь это сделать?

— Могу.

И герр старший инспектор тоже может, потому что предмет контракта описан предельно чётко и понятно. Но разумеется, если есть возможность переложить ответственность на чужие плечи, грех нагружать свои даже одну лишнюю мину.

— Ну и отлично! А то мне лишний неуравновешенный псих на улицах — увеличение количества преступлений.

— Заботаешься о своём благополучии?

— А кто не заботится? — (Так и вижу, в этот момент он подмигивает и ухмыляется в пустоту.)

В одном Берг прав: человек с расстроенными нервами опасен. Или сам вытворит нечто несуразное, способное причинить вред окружающим, или спровоцирует нападение на себя со стороны уличной мелюзги. И в том и в

другом случае управлению только прибавится работы, стало быть, нужно принять все меры к предупреждению неприятностей. Но разве только это волнует герра старшего инспектора? Нет, он радуется о благе горожан параллельно с удовлетворением собственного любопытства.

— Думаешь, в разговоре с ним что-то прояснится?

— Неисповедимы пути Господни... — Могу спорить, он снова подмигнул.

— И неисчислимы толкователи воли Его.

— В тебе с годами становится всё больше и больше оптимизма, как я погляжу?

Угадал. А для человека, который в любой момент может узнать самые мерзкие мысли ближнего своего, я не просто оптимистичен, а радужно-мечтателен. Впрочем, и Берг, несмотря на внушительный стаж работы в полиции, всё ещё верит в людей, хотя всячески пытается это скрывать. Потому что, по его собственным словам, благодущие хорошо для дома и друзей, а на службе нужны совсем другие черты характера.

— Всё, больше не отвлекаю: у тебя ведь тоже начинается обеденный перерыв.

— Это верно, — согласился герр старший инспектор. — И колбаски фрау Берг уже призывно шкворчат на сковородке... Удачи, Джек!

— И тебе. В сражении с обедом.

Хорошо, когда жена происходит из семьи именитых колбасников: на домашнем столе всегда полным-полно деликатесов, которых не купишь в магазинах даже за очень большие деньги. Может, и мне поискать супругу, руководствуясь заботой о желудке? А что, даже есть кого попросить о протекции, если моё неродовитое происхождение станет препятствием для заключения столь выгодного брака. Хм, не рановато ли для матримониальных мыслей? Вечером мне так и так предстоят смотрины потенциальной невесты, а сейчас на очереди жених. Утешает лишь одно: не мой и несостоявшийся.

Что ж, внутри заведение выглядит не менее уютно, чем снаружи, хотя отделка больше похожа на гостиную бургерского дома, чем на романтическое гнёздышко влюблённых, но лично мне этим и нравится: люблю солидность, уверенность и основательность. Надо будет взять на заметку для собственных посиделок с будущей второй половинкой, а пока... Где желающий лицезреть мою физиономию? Ага, вижу.

— Добрый день, я Джек Стоун. Вы хотели со мной поговорить?

— Да-да, присаживайтесь! Посмотрите меню, сейчас подойдёт официант и...

Я сделаю заказ, как и полагается. Но рыться в списках блюд не буду, чтобы не давать собеседнику фору во времени, которую он потратит, прикидывая, соответствует ли моя внешность его ожиданиям. Не то чтобы лицом я не располагал или, наоборот, чересчур радушно приглашал к общению, но глаза слишком часто обманываются, ведь недаром говорят, что ваш портной может помочь только начать переговоры, а достижение результата находится в руках у вашего учителя и зависит от того, как хорошо вы усвоили полученные уроки.

— У вас есть какие-то конкретные вопросы ко мне?

Он немного смутился, не получив желанной отсрочки, но довольно быстро справился с волнением:

— Да, если можно. Если вы не сочтёте их... Если не можете ответить, так и скажите, я всё понимаю!

Будем ходить вокруг да около? Я никуда не тороплюсь, спасибо леди Оливии, но и слушать пустую болтовню настроения нет. Наслушался уже с утра.

— Давайте попробуем начать, а там посмотрим.

— Господа желают сделать заказ? — Склонившийся над нами официант с внимательным видом раскрыл свой блокнотик.

— Да, желают. В вашем меню есть фирменный обед?

— Разумеется.

— Будьте любезны принести его. Вы не возражаете?

— Нет, несколько, — торопливо согласился мой собеседник.

Когда нас снова оставили в недолгом покое, я, прежде чем последуют вопросы с другой стороны, решил удовлетворить своё любопытство:

— Кажется, вы ещё не представлялись. Могу я узнать ваше имя?

— О, конечно! Извините, я немного рассеян... Меня зовут Мартин. Мартин Съедер.

— Вы родом из Скандинавии?

— Не я, мой дедушка. Мой отец родился уже в этом городе, и я тоже.

— О, так вы гражданин Ройменбурга?

— К сожалению, нет, — чуть виновато улыбнулся он. — В детстве я очень часто болел, и врачи рекомендовали деревенский воздух... Собственно, и сейчас живу за городом.

Наверное, очень обидно иметь все возможности для получения завидного статуса и отказаться от него по состоянию здоровья. Возможно, именно это и наложило отпечаток на внешность и характер мужчины, заставив его постоянно ощущать некую неполноценность. Так бывает, к примеру, если родители желали видеть своего ребёнка первым во всём, а

он, пусть даже в силу объективнейших причин, не справился с родительскими мечтами. Возможно, Дагмара тоже планировала будущее своего единственного сына по-своему, а моё упрямство принесло ей много страданий... Возможно. Но, как мудрая женщина, она никогда в этом не сознаётся, а как любящая мать, сделает всё, чтобы я ощущал поддержку семьи. В любом моем начинании.

— А работаете вы в городе?

Старые привычки снова взяли верх. Что ж, может, и не зря, а то пока дождусь первого стоящего вопроса от своего собеседника, засну.

— Я занимаюсь продажей недвижимости и в Ройменбург приезжаю только для встречи с клиентами, желающими приобрести домик в сельской местности, так сказать. Во время одной из таких встреч я и познакомился с Клариссой.

Имя умершей он произнёс с явной робостью, словно речь шла о чужом сокровище. В самом деле любил? Неплохо было бы уточнить, но не сейчас. Позже.

— Она была вашей клиенткой?

— Нет, помогала своему знакомому оформить бумаги. Она очень хорошо разбиралась в документировании сделок и всем прочем... — Мужчина сделал паузу, больше похожую на запинку, и спросил: — Она была красивой женщиной, правда?

Скорее достаточно разумной, чтобы тщательно ухаживать за собой, но взгляд влюблённого всегда видит что-то, недоступное остальным.

«Она была необыкновенной, сказочной, невероятной! И она была добра ко мне... Даже если это было всего лишь снисхождение, даже если она всегда и во всём играла...»

Она была красивой? Да. Но главное вовсе не это.

— Она тоже любила вас.

Глаза моего собеседника растерянно расширились.

— Почему вы это говорите? Откуда вы можете знать?

И всё-таки я правильно ответил на его вопрос. Мужчина ждал именно стороннего подтверждения чувств своей возлюбленной. Теперь осталось объяснить, почему я имел право сказать то, что сказал.

— В полиции вам сообщили о предмете контракта, заключённого фройляйн Нейман с салоном «Свидание»?

Мартин машинально убрал руки со стола, чтобы не мешать официанту, принёсшему первую перемену блюд.

— Нет, но они и не имели права разглашать, разве не так?

— По большому счёту, имели. В контракте есть особый пункт,

отменяющий конфиденциальность после кончины клиента.

— Тогда почему...

Теперь и мне пришлось немного отстраниться. Салат с морским коктейлем? Типичная обеденная закуска. Впрочем, соус не привычного розового цвета, а насыщенно золотистого... Горчица, несомненно. Но очень нежная.

— Почему они промолчали? Сейчас это неважно. В любом случае я, как сотрудник салона, могу рассказать больше и точнее.

— Вы... расскажете? — Его глаза просили, почти молили, но робость оставалась на месте, словно герр Съедер не считал себя достойным ответа.

Да что же это такое? Неужели вынужденный отказ от гражданства мог так серьёзно повлиять на психику этого мужчины? Подумаешь, капелька средневековых привилегий, имеющих значение только для закрытого клуба ройменбургских обывателей! Вон Гельмут пошёл наперекор всей родне и прекрасно себя чувствует. Нет, здесь есть что-то ещё. Что-то давнее и постыдное, раз мой собеседник так странно себя ведёт. Словно виноват в некоем преступлении... А что, если так оно и есть?

— Фройляйн Нейман собиралась выйти за вас замуж.

— Этого не может быть... Она... Вы уверены?

— Она пришла в наш салон, потому что хотела быть уверенной в счастливом браке. Вы ведь знаете, как много значения женщины придают всяческим гаданиям, гороскопам и прочим магическим штукам?

Мартин чуть не поперхнулся:

— Хотите сказать, Кларисса пришла, чтобы сделать приворот?

Вообще-то нечто весьма схожее. Если бы я не видел, как работают амулеты леди Оливии, я бы и сам не верил. Но парню придётся выложить официальную версию.

— Ну что вы! Конечно же нет! Мы оказываем своего рода психологическую помощь. У детей всегда есть любимые игрушки, помогающие успокоиться и вернуть счастливое расположение духа, помните? Плюшевые медведи, фарфоровые куколки, деревянные лошадки и прочие милые вещицы. Но с течением времени прежние способы оказывается неудобно использовать, поэтому... Взрослые приходят к нам. За новыми игрушками. Можно возвращаться в то место, где тебе когда-то было хорошо, а можно просто достать из кармана и согреть в ладонях безделушку: всё зависит от того, на чём акцентирует ваше внимание специалист.

— Но вам не кажется, что это... как-то искусственно?

Ага. А также насильственно и вообще беспардонно, как и любое

вмешательство в устоявшийся порядок вещей. Но это намного милосерднее, чем внушать, например, разочаровавшемуся в чувствах, что либо он сам виноват в своих бедах, либо что предмет любви был его недостойн. И намного честнее, потому что мы не обещаем такому клиенту громких и быстрых побед на любовном фронте. Мы просто говорим: если тебе нужна эта любовь, действуй, и у тебя всё получится. Но сначала человек должен решить вопрос необходимости, и мы всегда делаем ударение именно на ней.

Убедись, что твоё желание выстрадано и выверено. Решишь или откажись навсегда, но не трать время на беспорядочные метания, причиняющие боль и тебе, и твоему миру. Решился? Милости просим в салон «Свидание», там тебя ждут доброжелательные собеседники, готовые выслушать всё, что ты захочешь рассказать о себе и своих стремлениях. Но для начала надо научиться быть честным хотя бы с самим собой, потому что на фундаменте обмана дворец счастья не построишь. Цемент не той марки.

— Главное, это действительно.

— А психоаналитики? Разве они не делают то же самое? Почему же Кларисса отправилась...

— К нам? Таков был её выбор. Могу сказать только одно: договорным отношениям люди, особенно деловые, доверяют больше, чем туманным словесам психологов. Мы официально берём на себя обязательство помочь, и клиент, подписывая контракт, подсознательно уже готовится обрести счастье. Эффект плацебо своего рода, ведь пока человек не поверит, что может стать счастливым, ничего не изменится.

Он с сомнением покачал головой:

— Всё это напоминает какое-то жульничество.

Я улыбнулся, поднимая бокал с минеральной водой:

— Хотите убедиться в обратном? Попробуйте воспользоваться нашими услугами.

Господи, на кого я похож? На коммивояжёра, продающего эскимосам холодильники. Но, с одной стороны, вступить за честь фирмы мне, как одному из основных работников, попросту необходимо — деловой этикет требует, а с другой — я всё-таки нахожусь в рядах армии более осведомлённой, чем наши противники.

Конечно, если бы клиенты салона знали, что их мысли *читают*, возникли бы возражения, жалобы, судебные иски с требованием компенсаций за моральный ущерб от вмешательства в частную жизнь и далее в том же духе. Но реально результаты моих и Евиных выводов нигде

не фиксируются, сведения о тайных намерениях посетителей салона не выходят за его пределы, а значит, догадки остаются лишь догадками, и все вокруг довольны. Что же касается амулетов леди Оливии... Я бы сам не отказался обзавестись одним из них, только пока не определился, в чём должно заключаться моё личное счастье.

Мартин меланхолично взборонил вилкой салат, но снова не донёс до рта ни кусочка.

— Не любите морепродукты? — спрашиваю, чтобы ненадолго сменить тему.

— Признаться, не очень.

Хммммм.

«Но кушать надо. Диетологи утверждают, что это очень полезно. Холестерин уменьшает опять же... Просто нет аппетита. Да и откуда он может взяться сейчас?..»

«Да как это можно в рот брать? Трава, а в ней слизняки всякие, склизкие и вязкие... Бе-э-э, пакость-пакость-пакость! Так моему бедному животу и голодным недолго остаться...»

Снова то же самое! В «Кофейной роще» я не мог ясно видеть лицо Мартина, а сейчас контраст между внешним и внутренним оказался слишком ярким. Непозволительно ярким для продолжения сомнений.

Их двое в одном теле. Всё-таки двое. Один — спокойный, довольно уравновешенный, немного неуверенный в себе, словом, вполне разумный и понятный человек. Второй — бесцеремонный, грубый, наглый обжора, думающий только о своём желудке. Трудность состоит только в том, что...

Это не раздвоение личности. Но убедиться необходимо.

— Герр Съедер, можно задать вам вопрос?

— Да, конечно.

— В вашем роду не наблюдалось психических заболеваний?

Он медленно отложил вилку в сторону и посмотрел на меня испуганно-застывшим взглядом человека, пойманного с поличным.

— Насколько мне известно, нет.

— И вы сами никогда не проходили лечение и не состояли на учёте в психиатрических клиниках?

— Нет.

Ни возмущения, ни попытки возразить, мол, лезу не в своё дело. Странно. Обычно первая реакция на вторжение всегда защитно-отрицающая, пытающаяся сбить врага со следа, агрессивная до физических проявлений, а в случае Мартина всё наоборот. Он говорит правду, но при этом словно чувствует личную вину за то, что... Правда неправильная.

Да, герр Съедер скорее всего душевно совершенно здоров, и любой психиатр это подтвердит, потому что вторая личность, в корне отличающаяся от первой, существует параллельно и вполне самостоятельно, а не сменяет свою напарницу в определённые промежутки времени. Она просто существует. Живёт. Причём, как любое живое существо, жрёт и... Гадит. В тот раз поток её мыслей ввёл в заблуждение фройляйн Цилинску, а конечным результатом стала безвременная смерть отчаявшейся женщины. Но почему Ева не усомнилась? Почему не почувствовала того же, что и я?

Эмоциональной окраской потоки очень похожи друг на друга, зато в смысловом содержании разница значительная. Можно сказать, эти двое чувствуют примерно одинаково, словно аппарат ощущений един для них обоих, но думают совершенно по-разному. Неужели разгадка именно в этом? Если верить экспертам и теоретикам Коллегии, природные медиумы больше ориентируются на бессознательные впечатления, а я с самого начала оказался слаб в чтении именно эмоций, и общую картину мне всегда приходилось моделировать на основе сухого информационного остатка, а не чувственных образов. Дистраивать. Реставрировать по крохотным кусочкам. Беда только в том, что под рукой нет оригинала для сверки.

Мысли... Это словно переписка в чате: наборы слов, сопровождающиеся смайликами — большим количеством гримасничающих рожиц, помогающих донести твои эмоции до виртуального собеседника. И внешне безобидная фраза может кардинально поменять смысл в зависимости от того, будет ли в её окончании поставлена улыбающаяся, подмигивающая или выражающая неодобрение мордочка. Я могу прочесть мысли, но утверждать, что человек подумал именно так, а не иначе, именно о том, а не о сём... Остаётся смотреть на лица и пытаться гадать по ним.

— Вы никогда не чувствовали ничего странного?

— Что вы имеете в виду?

Ему следовало бы насторожиться и замкнуться, уйти в глухую оборону, но всё происходило с точностью до наоборот: Мартин Съедер был готов ответить на любой вопрос и с нетерпением ждал, когда будет задан тот единственный, что сможет избавить от необходимости хранить давний и мучительный секрет. Ждал, когда прозвучит заветное слово и распахнётся дверь, за которой... Полнейшая неопределённость. Спросить прямо: с кем ты делишь своё тело, парень? Допустим, он ответит, но какой ответ я смогу понять и принять?

У меня есть любимый, только чересчур прожорливый и совершенно

невидимый домашний питомец.

Моей душой завладел ненасытный демон, пришедший из бездны ада.

Это мой приятель-инопланетянин, да-да, из того самого созвездия, как там оно называется...

Ерунда. Ни первое, ни второе, ни третье. Но что же тогда? Что? Оно реально, потому что я его ощущаю и знаю, о чём оно думает, а у реальности должно быть внятное и чёткое объяснение.

— Как вы воспринимаете еду?

Мартин нервно сглотнул и потянулся за минералкой:

— Еда, она и есть еда.

— Вы когда-нибудь голодали? Возможно, перенесли болезнь, которая была связана с ограничением питания?

— Герр Стоун, ваши вопросы...

— Невежливы? Знаю. И вы можете не отвечать на них. Но думаю, в ваших интересах всё же...

Он наклонился над столом, стараясь придвинуться поближе ко мне, и сбивчиво зашептал:

— Я не сумасшедший, я вовсе не сумасшедший! Да, я консультировался с психотерапевтами несколько раз, и они уверены, что со мной всё в порядке, у меня есть все необходимые медицинские заключения... Потому что я не сказал им. Побоялся говорить. Если бы они услышали правду, они бы запрятали меня в лечебницу до конца жизни, но ведь это несправедливо!

— И какую же правду вы скрыли от врачей?

Мартин понизил голос ещё больше и едва ли не одними губами произнёс:

— Во мне кто-то живёт.

* * *

До обеда я так и не добрался. Не смог проглотить ни кусочка. В-первых, потому что считаю невежливым жевать, когда со мной разговаривают, а во-вторых, потому что эффективно размышлять могу только на голодный желудок, а подумать было о чём. Не менее часа Мартин Съедер вываливал на меня сбивчивые подробности своего болезненного детства, напряжённого отрочества, а потом и взрослой жизни, но, хотя количество сведений казалось огромным, к разгадке я не приблизился ни на шаг. Скорее оторвал от земли одну ногу, собираясь шагнуть, но застыл как

вкопанный, потому что никак не могу выбрать направление движения, а такое состояние никогда не приносило мне удовольствия. Поэтому, распрощавшись со своим собеседником уже много позже окончания обеденного перерыва, я, здраво рассудив, что времени до вечера ещё о-го-го, а дома работать не получается, хоть тресни, переместился из одного общественного заведения в другое, тоже обеспечивающее своих посетителей питанием, но имеющее ряд неоспоримых преимуществ перед «Обедом на двоих».

Во-первых, в интернет-кафе ваши занятия интересны только администраторам, да и то только в плане перерасхода оплаченного времени, тогда как в любом другом ресторане вокруг куча ушей и глаз, начиная от обслуживающего персонала и заканчивая близсидящими посетителями. А во-вторых... Во-вторых, здесь можно воспользоваться такой удобной штукой, как «Юнион Юниверс».

Ещё в начале века активное внедрение коммуникационных технологий в рабочую и личную жизнь привело к проникновению этих сфер друг в друга так далеко, что довольно скоро стало попросту негде проводить границу. Утром, ещё не позавтракав и не умывшись, человек включал домашний коммуникатор и появлялся в Сети, а с приходом на место службы менялось только средство доступа в информационное пространство. «Всегда на связи» — под таким девизом человечество вступало в новую эпоху своего существования. Учёная братия разделилась на две противоборствующие стороны, одна из которых доказывала злокозненную вредоносность увязания людей в паутине нужных и ненужных коммуникаций, вторая уверяла, что через это нужно пройти, как и через любой эволюционный процесс, мол, ничего страшного, паровых машин наши предки тоже когда-то боялись до мокрых штанов. Впрочем, обычных людей не волновали сложные теории и угроза информационной зависимости, они поступали гораздо проще, когда уставали от общения: одно нажатие кнопки — и тишина.

Могу понять тех, кто по долгу службы сидит весь день в кабинете и не видит рядом человеческих лиц, да, для таких работников Сеть — единственная отдушина. Но когда мимо тебя за день проходят десятки людей, с каждым из которых ты не просто можешь, а обязан поговорить, право слово, после рабочего дня не хочется слышать никого и ничего. Я пристрастился к виртуальному общению, когда проходил реабилитационную программу после операции и успешного заваливания экзамена в Коллегии. Жизнь казалась бесславно закончившейся, целей и надежд не было, в распоряжении были лишь вялый дрейф и тупое

ожидание любого берега, лишь бы волной прибило, хоть попутной, хоть встречной. Впрочем, очень скоро стало ясно, что одиночное заключение в стенах дома способно сводить с ума ничуть не хуже, чем прогулки в толпе, от которых пришлось отказаться до полного заживления оперированных нервных тканей, и я начал вылазки в Сеть.

Первое время в разговоры не вступал, куда там! Всего лишь читал и слушал, о чём треплются люди, надевшие маски тамошних завсегдатаев. Понадобилось довольно длительное время, чтобы разобраться, чем живёт общедоступный Интернет, привыкнуть к его правилам и сленгу, а уж только потом попробовать поучаствовать в разговорах. Именно тогда я зарегистрировался в «Юнион Юниверс».

Международная ассоциация компаний, широко использующих в своей работе коммуникационные технологии и физически разбросанные по миру базы данных, сразу же после создания обратилась к Организации Объединённых Наций с интересным, хотя и вызвавшим массу ожесточённых споров предложением. Вкратце оно звучало так. Всем известно, что часть служащих разных сфер науки, искусства, промышленности и бизнеса вынуждена проводить за компьютером почти весь рабочий день, разумеется, при этом собственно на исполнение служебных обязанностей тратится в лучшем случае половина времени, оставшаяся же уходит на личные разговоры, в том числе и по Сети. Санкции, призванные сократить процент вхолостую потраченного рабочего времени, штрафные или же поощрительные, успеха не имели: запреты приводили только к возникновению хитроумных обходных путей, а премии были слишком мизерными, чтобы заставить людей отказаться от привычного образа жизни. Как поступают с противником, которого не могут победить? Заключают перемирие. Вот и аналитики крупнейших мировых компаний пришли к выводу, что проще заставить общительность работать на благо человечества, чем пытаться искоренить. Каким образом? Очень простым и естественным.

Хочешь общаться без ограничений в любое время? На здоровье! Но ведь, получив в своё распоряжение огромный пирог, ты не откажешься поделиться кусочком с друзьями? Регистрация в «Юнион Юниверс», самом простом, эффективном и доступном чате Интернета, оказалась слишком вкусной, чтобы можно было перед ней устоять. От человека требовалась сушая малость: указать сферу знаний, в которых он сам себя считает достаточно сведущим для проведения консультаций. Взамен получаешь лицензионный номер, соответствующий заявленной специализации, и всё, путь свободен! Никакой оплаты, никаких особых обязанностей, только

время от времени отвечай на вопросы, а если к тебе будут обращаться чаще, чем к другим, то сможешь даже неплохо заработать на своих знаниях и умениях. Требование лишь одно: ты не должен пропускать ни одного профессионального обращения. Не можешь ответить? Сделай соответствующую пометку, то бишь извести систему о том, что заявка была рассмотрена и отклонена. Разумеется, это скажется на твоём месте в общем списке, поэтому нужно как можно больше стараться, повышать собственную квалификацию и так далее и тому подобное...

Этот капкан оказался действеннее, чем самая масштабная онлайн-игра или возможность неограниченно трепать языком. Единый мировой рейтинг, признание, слава, почёт и денежные бонусы — как можно устоять, особенно если твоя самоуверенность хоть немногим выше среднего уровня? Наркотик, от которого трудно отказаться. Да, несколько тысяч людей с его помощью полностью выпали из реальной жизни, но подавляющее большинство других остановились, вовремя определив границы своих потребностей, и теперь «Юнион Юниверс» представлял собой именно то, что и планировалось: эффективное средство для приятного и одновременно полезного общения.

Мне подробно описывать область своих знаний при регистрации было не нужно, потому что каждый сьюп, пусть и с приостановленным членством, получал лицензионный номер автоматически, чтобы быть известным своим собратям по ремеслу и в свою очередь иметь возможность обратиться к любому из них с вопросом. Например, к Мистеру-Мозгу.

Все участники чата придумывали себе псевдонимы, один другого заковыристее, и я не стал исключением, правда, моей фантазии хватило всего лишь на невнятно-неопределённое «Старина». Сначала вообще хотелось назваться Рухлядью, потому что ощущения от жизни на тот момент были именно таковыми, но благоразумие взяло верх над отчаянием и пессимизмом, кроме того, как выяснилось, выбранное мной имя внушало собеседнику доверие. В большинстве случаев.

Мистер-Мозг откликнулся на приветствие почти мгновенно:

— Здорово, Старина! Что-то тебя давно не видно в канале... Дела?

— Вроде того. Как жизнь?

— Кипит по-прежнему.

— Так вот кто уничтожает запасы «беве-плюс» в магазинах! А я-то не знал...

— Запасы чего? — Фраза завершилась недоумевающей рожицей.

— Средство такое хозяйственное. От накипи.

Мистеру-Мозгу понадобилось секунд пятнадцать, чтобы добраться до смысла шутки, после чего он отправил мне целую строчку хохочущих уродцев.

— Один-ноль в твою пользу!

— Ладно, шутки в сторону. Есть вопрос.

— Рейтинговый? — оживился Мистер-Мозг.

— Если бы я знал...

— А, не переживай, доберу баллы за счёт других страждущих! Итак?

— Один человек, два потока мыслей.

Мистер-Мозг выдержал паузу, видимо ожидая дальнейших разъяснений, но я и сам не знал, что ещё можно добавить к моим наблюдениям. Разве только немного личных догадок и версий... В порядке бреда, так сказать.

— И в чём вопрос?

— Это реально?

— Ну-у-у... — Мне погрозил пальцем недовольный смайлик. — Теория утверждает, что в сознании каждого человеческого существа в любой момент времени присутствует три условно или полностью самостоятельных потока. И пока это скорее подтверждается, чем опровергается.

— Спасибо за напоминание, мне знаком принцип Эдельбаума, но здесь ситуация другая.

— А именно?

— Два самостоятельных потока одинаковой эмоциональной окраски, при этом совсем разного содержания.

— Пока не вижу проблемы, — парировал Мистер-Мозг. — Естественно, что у человека в определённом настроении все потоки будут эмоционально тождественны.

Всё, у меня остался последний довод. Если и он будет отклонён, придётся признать поражение и залечь в спячку. На неделю. А ещё лучше — до весны.

— Они одинаковой интенсивности.

— То есть?

— Два параллельных потока с одной и той же амплитудой. Ну почти с одной и той же, по крайней мере, чётко сказать, какой из них сильнее, нельзя.

— Нельзя или у тебя лично не получилось?

Вот ведь гад! Но кое в чём он прав. Ева восприняла поток «обжоры», а не герра Съедера, значит, его интенсивность... Выше? Видимо, да. Но вот

какая именно интенсивность, эмоциональная или содержательная?

— Ты прав, у меня не получилось.

— А у других? Кто-то ещё пробовал?

— Да.

— Ну и?

— *Прочитали* только один поток.

— Что и требовалось доказать! — торжествующе заключил Мистер-Мозг.

— Хорошо, я понял: практика решает всё. А если теоретически? Такая возможность существует?

— Два равных по силе потока? Дай подумать.

Да, сила у них одинакова, но почему, чёрт подери, почему Ева уловила только грубый, зато прямой эгоизм «обжоры»? Почему более эластичные переживания Мартина остались на заднем плане, полностью затенённые потоком-близнецом?

— Как-то ничего определённого не приходит в голову... Есть шанс, что при психических отклонениях, связанных с разветвлением сознания, будет наблюдаться похожая картина, но вряд ли одновременно. Человеческий мозг, Старина, необъятен и непостижим, но даже в многопроцессорной системе общее управление осуществляется единым центром.

— Настаиваешь?

— Бог с тобой! Каждый из нас имеет право на гениальное озарение и жестокую ошибку. Хотя если сможешь всё подтвердить, премия Корригана твоя!

На прощание Мистер-Мозг подмигнул мне озорным смайликом и выставил в статусе «отдыхаю». Что ж, намёк понятен.

Многопроцессорная система, м-да... Никто не знает, сколько задач одновременно обрабатывает человеческий мозг, зато по внешним проявлениям — мимике, жестам, словам, действиям — всегда видно, результаты решения какой из задач приняты к исполнению. Собственно, и с мыслями дело обстоит примерно так же. Три потока разной плотности: глубинный, поверхностный и где-то между ними основной. Именно в нём спрятаны сведения о ближайшем будущем, сведения о намерениях, которые мы планируем осуществить на следующем вдохе. Ну или через вдох.

Поверхностный поток — свалка сиюминутных впечатлений, а основной поток состоит из процедур, результатами имеющих выполнение какого-либо действия в материальном мире. Собственно говоря, именно поэтому потерпела фиаско известная программа создания суперсолдат.

Когда существование сьюпов было признано официально, военные круги, разумеется, захотели использовать особенности медиумов в отнюдь не мирных целях, для чего попытались создать командос, способные прочитать мысли врагов и за счёт этого одержать победу. Однако идея, заманчивая в теории, на практике обернулась полнейшим разочарованием.

Во-первых, выяснилось, что *читать* намерения профессионального солдата — неэффективно, поскольку он планирует свои действия в сознании не словесными конструкциями, а давно перешедшими на подсознательный уровень образами. И если ты сам не прошёл похожую, а ещё лучше совершенно аналогичную подготовку, вероятность правильного *прочтения* каждого следующего события крайне низка. Настолько низка, что нет никакого смысла напрягать мозг: гораздо проще следить за руками и ногами. Поэтому, как ни злились военные, перспектива прийти к мгновенно завершающимся рукопашным сражениям если и имеется, то в слишком далёком будущем и при условии качественного изменения технологий, а пока приходится решать конфликты старым добрым способом. На кулачках.

Итак, из трёх потоков один для расшифровки нуждается в хорошем сите, второй — в глубоком и широком профессиональном базисе, а третий... Третий поток *читать* настоятельно не рекомендуется. Попытки были, и неоднократные, но их завершение вызвало больше вопросов, чем ответов.

Для *чтения* глубинного потока медиум должен был прежде всего расфокусировать свои верхние потоки настолько, насколько это возможно. Что получалось в итоге? Кто-то испытал сильнейший страх и полностью отказался от работы с чужими сознаниями, став отшельником. Кто-то растворил структуры своего сознания и стал растением, не способным никак проявлять свою реакцию на что бы то ни было во внешнем мире. Самый удачливый экспериментатор сумел войти в резонанс с глубинным потоком исследуемого объекта и... превратился в его копию, утратив свободу как мыслей, так и, разумеется, действий. Поначалу такой результат вызвал воодушевление, мол, можно клонировать разумы гениев, но почти сразу же выяснилось, что резонансный контур жёстко зависит от расстояния между медиумом и объектом, то есть, лишь находясь рядом, можно мыслить одинаково, а при удалении возникают непредсказуемые реакции вплоть до шоковых состояний или, что ещё хуже, неконтролируемой агрессии. В общем, вдоволь исколов пальцы и так и не вышив ни одного приличного рисунка, наука взяла тайм-аут, предоставив медиумам право жить по их собственному разумению. Конечно, никто не

поручится, что в тайных лабораториях не продолжают прежние эксперименты, но лучше об этом не думать. Меньше знаешь — крепче спишь. К тому же лично мне почему-то верится: никакие изыски военной науки неспособны тягаться с фантазией Господа, в запасе у которого всегда найдётся парочка-другая потоков...

Итак, Мистер-Мозг утверждает, что наблюдаемая мной картина не существует в реальности. Забавно. В самом первом приближении напрашиваются две версии. Первая: я сошёл с ума. Вторая: я попал в реальность, где невозможное стало возможным. В принципе, последний вариант никоим образом не опровергает первый, потому что безумие — тоже уход в другой мир, живущий по отличным от общего мира людей законам. Осталось только окончательно выбрать одну из двух позиций. Или я свихнулся, или... Стал свидетелем чего-то, всегда существовавшего, но доселе не замеченного.

А что, открывают же в наше время неизвестные науке племена в Амазонии? Ещё как! И новые виды насекомых и растений, и много-много всего другого, на что раньше просто не хватало времени и ресурсов.

А может быть, я всего-навсего боюсь сознаться в собственной неадекватности?

Что конкретно мне известно? Мартин Съедер проходил обследование у психологов, неврологов и иже с ними. Отклонений не выявлено. Значит, парень или совершенно здоров, или болен неизученной болезнью. Что ж, тогда у меня есть шанс оставить своё имя в психиатрической медицине... Тьфу.

Он не болен. И я не болен. В сознании Мартина одновременно присутствуют два одинаково интенсивных потока мыслей, каждый из которых я могу *прочитать*. Нет, не так. Неправильно. Потоки находятся в самом Мартине. В области пространства, занимаемого телом герра Съедера. Потому что Мистер-Мозг был совершенно прав: человеческое сознание не может разделиться на две самостоятельные системы.

Всё-таки двое? Но кто второй?

Космический пришелец? Ага, очень удачное объяснение. Только слишком наивное даже для меня самого.

Когда говорят о способах ознакомления с чужими мыслями, недаром часто используют слово «*прочитал*», потому что сознание человека медиумы воспринимают именно как своего рода блокнот, в котором небрежными каракулями исчерканы все страницы. «Увидеть» мысли невозможно, как невозможно увидеть, скажем, радиоволну саму по себе. Да, уловить эмоции собеседника вполне реально, но только при

выполнении двух непременных условий. Если вы в этот момент не испытываете никаких собственных сильных переживаний и если переживания вашего визави хоть как-то перекликаются с накопленным у вас опытом ощущений. Говоря проще, скрытую жажду убийства правильно определит в эмоциональном фоне объекта только тот медиум, который убивал или пробовал убивать. Впрочем, большую часть спектра эмоций испытывают в течение жизни все люди, поэтому бессознательные радость и грусть поддаются дешифровке. А вот со всем «осознанным» гораздо больше проблем.

Ещё до рождения, находясь в теле матери, мы начинаем привыкать к определённому языку. Не понимая значений слов, поначалу мы впитываем в себя их звучание как способ общения между людьми, а потом — как способ мышления вообще. Наше сознание наводнено образами, но в окружающий мир они выходят по строго определённым правилам. Композитор оперирует звуками, художник выражает свои впечатления графически, и это всё же частные случаи. Зато у каждого из нас есть в распоряжении слова. Много слов, причём разных не только по своему значению, но и по звучанию. Сколько в мире существует языков? Несколько тысяч, лингвисты не знают точной цифры. А на скольких языках может разговаривать отдельно взятый человек? Трёх, пяти, десяти? Да, это крайне важный момент, но ещё важнее, на скольких языках человек может думать. Я никогда не смогу *прочитать* мысли, скажем, испанца, просто потому, что незнаком с испанским языком. А выучить грамматику и набор слов мало: нужно научиться думать на чужом языке, освоить его структуру, правила использования, для чего... Нужно какое-то время жить с этим языком.

Так что какие пришельцы, господь с вами! Мы на Земле-то не можем внятно объясниться и понять друг друга, а представить, что существо с другой планеты будет мыслить не только человеческими категориями, но и человеческими словесными формами, а конкретнее, на смешанном диалекте земель Северной Германии... Если бы я в это поверил, я бы беспрекословно отправился в психиатрическую лечебницу на вечное поселение.

Остаётся только версия, связанная с расслоением сознания герра Съедера, и пожалуй, мне придётся заняться ей вплотную, потому что иначе случится очень неприятная вещь.

У каждого человека неразрешённые проблемы вызывают свою реакцию: кто-то ставит на них крест, выбрасывает в мусорное ведро и забывает до конца времён, кто-то теряет покой и сон, переставая обращать

внимание на окружающий мир, пока не найдёт выход из лабиринта, а для меня любая загадка, на которую не знаю ответа, становится головной болью. Неделями я могу не вспоминать о ней осознанно, но вопросы будут крутиться в голове всё с большей и большей скоростью и в конце концов вынудят заняться поиском решения, что, собственно, будет намного опаснее, нежели легкомысленно отвести взгляд в сторону от проблемы. Всё дело в сужении внимания. Сосредоточение никогда не доводит до добра, потому что заставляет бросить все силы на прорыв линии обороны в очень узком месте. А что делать с остальными? Где гарантия, что, пока бьёшься с одним врагом, другие не нападут со спины? Поэтому я хоть и люблю «копать», как справедливо заметила фройляйн Лойфель, но занимаюсь этим по своей собственной методике.

Человеческое сознание воспринимает настолько широкий спектр данных извне, что не успевает каждой информационной последовательности назначить свою цепочку мысленных образов, тем более подходящих для выражения в словесной форме. И что же получается? Каждую секунду (не будем размениваться на меньшее) на нас изливается целое море информации, в котором было бы очень легко утонуть, если бы не природные фильтры. Например, сидя за столом и работая с документами, мы фиксируем малейшее изменение освещённости, но не замечаем, если оно не является существенным, то бишь включаем лампу только по наступлении сумерек. Точно так же обстоят дела и с любой другой информацией: она усваивается сознанием, но остаётся невостребованной, а потому и незамеченной, пока не накопится определённое количество, способное привести к качественному скачку. Но бывает, фильтры забиваются, и тогда... Возникает беспокойство, нервозность, беспричинная злость, агрессивное возбуждение и прочие не очень приятные состояния. А всё почему? Потому что первичный фильтр уже не может обрабатывать поступающую информацию. Лично я борюсь с этим, перенаправляя данные в каналы обработки с другими фильтрами, выигрывая время и в случае успеха получая максимум полезной информации без дополнительной шелухи.

Залезть, что ли, в медицинскую энциклопедию? Интересно, много ли я смогу из неё выудить, если учесть мои чрезвычайно скромные познания в медицине вообще и психиатрии в частности?

Трень-тень-тень!

Я недоумённо оторвал взгляд от монитора. Телефон? Знакомый звонок. Неужели ещё у кого-то в нашем сумасшедшем мультимедийном мире хватило силы воли довольствоваться стандартной мелодией?

Трень-тень-тень!

Постойте-ка, это же мой «Иварссон»...

— Слушаю.

— Дядя Джек?

О господи, как я мог забыть!

— Здравствуй, Агата.

— Брат сказал, что ты сходишь со мной на собрание. Это правда?

— Да, я как раз вечером свободен. Только забегу домой и...

— За час обернёшься?

Час? Если учесть, что я нахожусь в центре города, а до Ноймеердорфа только сорок минут в поезде подземки... Но куда торопиться, ведь сейчас всего только...

Семнадцать тридцать. Матерь Божья!

— Конечно, уже нет. Куда мне нужно подойти, Агата?

— Особняк на Мариенштрассе, девять.

Это недалеко, минут десять неспешной ходьбы, значит, я могу ещё посидеть в кафе или...

— А ты сейчас где?

В трубке помолчали, потом нехотя признались:

— В парикмахерской. Мама настояла на том, что мне нужно сделать причёску и всё такое.

— Давай, я подойду к тебе?

— Как хочешь. Всё равно ждать придётся.

— Ничего, терпения у меня хватит. Адрес?

— Салон «Мэнори», это угол Мариенштрассе и Центрального.

— Скоро буду. Без меня не уходи!

Агата что-то буркнула в ответ и выключила телефон.

Какой же я нехороший человек... Мало того что совершенно забыл об обещании, так и переодеться не успел, придётся смущать богатых школьных благотворителей скромной, можно сказать, почти домашней, одеждой. Хорошо ещё, леди Оливия категорически выступает против ношения на работу джинсов во всех их проявлениях: брюки на мне вполне приличные. Клетчатая рубашка и трикотажная кофта, конечно, мало подходят для официального мероприятия, а отсутствие галстука и вовсе непозволительно, но что поделать? Бежать в ближайший магазин? Нет уж,

новый костюм мне не нужен, а значит, благотворители переживут мой внешний вид. Не помешает только ополоснуть лицо водой и пригладить волосы... А глаза-то красные. Пересидел лишнего за монитором, и очки не помогли. У-у-у, а вот снимать их не надо, голова начинает кружиться от ярких бликов. Что ж, явлюсь на собрание как есть, в конце концов, от меня там требуется только присутствие на заднем плане. Может, даже вздремнуть удастся.

В салон «Мэнори» я вошёл через пять минут после того, как поплескался в раковине туалетной комнаты. Агата ещё только усаживалась в кресло, а потому заметила меня и помахала рукой. Мастер, собирающаяся работать с девушкой, шутливо погрозила фройляйн Кёне пальцем:

— Не вертитесь, дорогая моя, иначе любые усилия, даже самого лучшего специалиста, пойдут насмарку.

— Извините. — Агата, чтобы скрыть смущение, принялась расплетать тугие тёмно-рыжие косички. — Я только хотела поздороваться.

— Со своим молодым человеком? — На меня оценивающе посмотрели поверх очков с дымчатыми стёклами.

— Нет, это друг моего старшего брата, он для меня кто-то вроде дяди.

Ну вот, стоит в одной точке пространства появиться более чем одной представительнице женского рода, начинаются углубления в ненужные подробности. Какое может быть дело парикмахерше до связывающих меня и Агату отношений? Никакого, кроме беспричинного, но от того ничуть не менее сильного любопытства.

— Я бы тоже с удовольствием обзавелась таким симпатичным дядей. Не подскажешь, где их обычно ищут и находят?

И ведь она даже не улыбнулась, оставшись предельно серьёзной. Но значит ли это, что меня считают привлекательным? Ерунда какая-то. Я самый обычный, а сейчас ещё и заморённый многочасовым бдением за монитором.

— Я спрошу потом у Гельми... Или сами спросите: могу дать номер его телефона.

— Телефона дяди?

— Нет, моего брата. Но и номер дяди Джека тоже могу дать, если это необходимо.

Вот чертовка! И как женщины ухитряются так быстро договариваться между собой, если речь заходит об охоте на мужчин?

— Спасибо за щедрое предложение, я подумаю. У меня ведь ещё уйма времени на раздумья, в том числе и над вашей милой головкой!

Мастер повернулась к девушке, оставляя мне возможность

рассматривать только худощавую спину под пепельно-розовой блузкой и скрученные в гладкий пучок волосы на затылке. И это в тот момент, когда в серьёзном голосе вроде бы начали прорезаться смешливые нотки! Не знаю почему, но мне вдруг захотелось увидеть, как улыбается эта женщина. Захотелось настолько нестерпимо, что я, пожалуй, позволил бы им с Агатой продолжать рискованно шутить на мой счёт.

— Вы будете ждать здесь? — спросила белокурая девица, выполнявшая, по всей видимости, обязанности администратора салона.

— Да, если можно.

— Разумеется! Располагайтесь, к вашим услугам телевизор и журналы, надеюсь, вы найдёте среди них те, которые будут вам интересны.

Я с сомнением покосился на красочный глянцевого ворох, и администратор поспешила рассеять мои сомнения:

— Среди наших клиентов много мужчин. Если пожелаете, мы можем заняться и вами, например, сейчас свободен мастер по маникюру, и вы могли бы...

Да, моим ногтям не помешал бы профессиональный уход. Вот только...

— Доверить своё тело я смогу только одной-единственной женщине на свете. Правда, ещё не выбрал кому.

Девушка вежливо улыбнулась и вернулась на своё место за стойкой, делая вид, что оценила шутку, хотя на самом деле испытывала скорее недовольство моим отказом от, несомненно, высококлассных услуг. Но мне было неважно, как будут восприняты мои слова, потому что в сознание постучалось чуточку насмешливое:

«А если женщина уже сделала выбор и твоё желание не имеет значения?»

Выбор сделан, говорите? Не верю! Я не давал согласия, слышите? И не соглашусь, пока не... Пока не посмотрю насмешнице прямо в глаза. Кто из вас подумал обо мне, дамы? Кто? Какая жалость, что вас здесь слишком много, чтобы можно было быть уверенным. Слишком много!

Всегда искренне ненавидел работу сьюпа из-за мерзкой способности мыслей многократно исказиться перед тем, как достичь моего сознания. Но что поделать? Если верить доктору Лювику, мысль — всего лишь электромагнитная волна, подчиняющаяся законам волновой физики и подвергающаяся таким любопытным явлениям, как, например, дифракция и интерференция. Но если степень влияния среды распространения больше относится к качественным характеристикам и способностям приёмника сигнала, то наложение друг на друга мыслей, отпущенных их творцами в

свободный полёт, иногда переворачивает реальную картину с ног на голову. Собственно, по этой причине невозможно работать с большим количеством сознаний одновременно: мысли, особенно если область пространства, где находятся объекты, замкнута, способны смешаться в дичайший коктейль, дегустировать который бывает весьма и весьма рискованно.

В зале два мастера, одновременно обслуживающие двоих клиенток, плюс администратор, плюс женщина, ожидающая своей очереди, плюс... Да, есть ещё служебное помещение, дверь в него приоткрыта, и можно даже по доносящимся звукам судить о присутствии в пределах салона ещё по меньшей мере двух или трёх человек. Любой из них, вернее, любая могла быть хозяйкой той мысли. Разве только следует исключить Агату, сейчас более озабоченную перспективой изменения причёски. Насколько помню, девушку всегда устраивал конский хвост или две косички, только бы волосы не лезли в глаза и выглядели опрятно, и визит в парикмахерскую не слишком позитивно отразился на нервах фройляйн Кёне. Ничего, подрастёт, войдёт во вкус и будет менять состояние своей головы ежемесячно: уж на что Ева равнодушна к собственной привлекательности, но и то любит поэкспериментировать со стрижками.

Итак, Агату не считаем. Администратор? Всё может быть, хотя её мысли, как мне кажется, были бы тонированы большей язвительностью. Моя соседка по залу ожидания? Конкретно в эти минуты она углубилась в изучение гляцевых сплетен. Второй мастер и его клиентка? Вероятно, но спорно. Они находились слишком далеко, чтобы хорошо расслышать обмен фразами между мной и блондинкой. Значит, методом исключения остаётся только один вариант.

Женщина, занимающаяся волосами Агаты.

Жаль, не видно её лица, оно о многом бы смогло рассказать, вне всякого сомнения. Но руки двигаются замечательно, этого нельзя не признать. Уверенные, порхающие над локонами фройляйн Кёне легко и небрежно, как колибри. Кажется, пальцы даже не дотрагиваются до волос, и островки невесомого мусора на полу появляются сами по себе, а не усилиями ножниц. Мастерица. Или многолетний опыт, или врождённый талант. Она не юна, это видно, и пожалуй, к тридцати с небольшим годам вполне можно научиться стричь, но всегда хочется верить в волшебную одарённость, а не в напряжённый труд, затачивающий навыки с помощью траты времени и сил.

Щебечет, успевая и работать, и поддерживать осмысленную беседу. Агата с увлечением о чём-то рассказывает... Наверное, о своих успехах на поприще общественного деятеля. И слава господу, что не слышу

подробностей: если будет желание, смогу целый вечер расспрашивать свою даму или прочих участников собрания. Но думаю, подобного желания не возникнет, потому что с большим удовольствием я пообщался бы сейчас со специалистом в области расстройств личности.

Ползание по интернетовским ресурсам не принесло положительных результатов. Все справочники и энциклопедии, страницы которых я успел пролистать, были категоричны: расслоение сознания возможно, но в каждый момент времени действовать может только одна личность. Шизофрения как диагноз меня тоже не устроила. Мартин уверял, что не терял контроль над своим телом ни полностью, ни частично, разве только в определённых ситуациях испытывал немотивированное чувство голода, которое, разумеется, проходило сразу же после сеанса чревоугодия. И, что характерно, поглощение жирной пищи никак не сказывалось на состоянии здоровья герра Съедера, как будто поступающие в организм калории сжигались какой-то другой топкой. Каких-либо разговоров с соседом по телу никогда не происходило. Присутствие? Да, ощущалось, но точно так же, как ощущается кто-то, находящийся у вас за спиной или глядящий вам в затылок. Вреда от соседства не наблюдалось ни малейшего, особенно после того, как Мартину удалось составить график приёма пищи, почти исключая случайные приступы голода.

Хотя кое-какой вред всё же был причинён. Когда Ева *прочитала* мысли невидимого обжоры, ошибочно приняла их за мысли герра Съедера и поддалась порыву гневного негодования. Но ведь это случилось ненамеренно, а могло и вовсе не случиться, если бы... Я помешал своей коллеге вспылить.

Итак, кто же настоящий вредитель? Ответ очевиден, и с ним мне придётся сосуществовать до конца жизни, причём желательно подальше от других людей. Но обещание, данное Гельмуту, я обязан выполнить, тем более что...

Его сестра стала настоящей красавицей.

Всегда поражался способности женщин меняться в зависимости от причёски. Если ещё сорок минут назад Агата выглядела тем, кем и должна была быть: школьницей старших классов, немного неуклюжей, грубоватой, сосредоточенной на делах, а не на развлечениях, то теперь из кресла поднялась юная леди. Гладкая чёлка, скрывающая лоб, и шапочка мягких локонов, спускающихся до линии подбородка, оттенили молодость девушки, добавили робкой неуверенности, нежности и невинности её облику. Вот только на маленьком чёрном платье с атласным кантом по подолу чего-то не доставало. До той самой минуты, пока мастер,

занимавшаяся стрижкой, не склонилась в последний раз над своей клиенткой:

— Подарок самой юной клиентке от заведения! И пусть сегодня он принесёт вам удачу.

Нитка жемчуга засияла молочным светом на чёрной ткани, и Агата не смогла скрыть смущения, поймав мой восхищённый взгляд.

— Фройляйн Кёне, вы блистательны.

— И это больше её заслуга, чем моя, — улыбнулась женщина, возвращая на место очки, раньше чуть сдвинутые на нос.

Движение было быстрым, что называется, отработанным до автоматизма, но я всё-таки успел заметить, что её веки припухли и покраснели.

— У вас аллергия?

— Ничего серьёзного, не беспокойтесь. Пройдёт.

«Но за вопрос, чем бы он ни был продиктован, всё равно спасибо. Внимательные мужчины — настоящее сокровище в наши времена...»

* * *

— Дядя Джек, ты плохо себя чувствуешь?

— Нет, всё в порядке.

— А почему останавливаешься через каждый десяток шагов?

— Э-э-э... Хм. Извини, больше не буду. Мы успеваем?

— Да, но... Лучше всё-таки не останавливаться.

— Как скажешь. Я просто задумался, не волнуйся.

Агата недоверчиво нахмурилась, но больше понукать не стала, хотя это следовало бы продолжать делать, причём с большей жёсткостью: молодой человек, с завидной регулярностью застывающий столбом посреди тротуара, не лучший спутник для девушки. Мне самому мои чудачества привычны и не принесут неприятностей, но бросать тень странности на спутницу невежливо.

И всё же не могу не вспоминать о случившемся. Когда в последний раз кто-то так думал в моём присутствии? Когда хоть кто-нибудь думал только для меня?

Это поразительное ощущение, к сожалению или к счастью непонятное нормальным людям, свободным от сверхъестественных талантов. Три потока мыслей, не прекращающих своё движение ни на секунду. Три потока, из которых более-менее ясно можно *прочитать* только один,

поверхностный, но два других, оставшиеся нерасшифрованными, всё равно присутствуют, создавая... Те, кто «слушает» чужие сознания, называют этот эффект эхом, я воспринимаю влияние глубинных потоков как размытые контуры. Бесформенные ореолы, окаймляющие информацию первого потока, могут быть ярче или незаметнее, но присутствуют всегда. Почти всегда. За исключением тех редких случаев, когда ваш собеседник думает только о вас.

В среде медиумов существует убеждение, что отсутствие «эха» — явный показатель заинтересованности. А когда мы в ком-то заинтересованы, как это обычно называется? Да, чаще всего любовью. Я читал «чистый» верхний поток всего несколько раз после того, как стал сыюпом, и очень непродолжительное время. Примерно по несколько минут, не больше, в исполнении моей матери и, как ни странно, Макса.

Помню, меня тогда удивила, можно сказать, ошарашила неожиданная чёткость и резкость ощущений, но лишь много позже, после разговоров с матёрыми медиумами, мне стало понятно, что происходило на самом деле. Понятно и обидно, ведь в материнской любви я не сомневался ни мгновения своей жизни, научная любовь доктора Лювига к подопытному животному в моём лице тоже была очевидна без специальных подтверждений, но хотелось-то другого... Хотелось кристальной ясности в отношениях с женщинами, не связанными со мной родственными узами.

Не могу сказать, что нарочно искал любви, но каждый раз, глядя в женские глаза, подсознательно надеялся. И каждый раз разочаровывался. До сегодняшнего дня.

Хотя глаз она мне так и не показала, спрятала за стёклами очков, словно стесняясь опухших век. Кокетничала? Ни капельки. Думая обо мне, она не переключала мысли ни на что больше. Я её заинтересовал? Да. И как только ухитрился, ума не приложу...

— Нам сюда, — потянула меня за рукав Агата.

— Да, вижу. Спасибо.

Ну вот, снова отвлёкся самым неподобающим образом, а сейчас этого делать нельзя, потому что на аллее, ведущей к парадному крыльцу особняка, движение машин едва ли не напряжённее, чем на улице.

В центральной части города я бываю довольно редко, обычно ограничиваясь прогулкой от метро до салона. Во время работы в полиции дежурить приходилось в других районах, университет тоже находится в стороне от старинных кварталов, так что могу считать себя сейчас находящимся на произвольной экскурсии по неизвестным мне, но примечательным местам города.

Кто бы мог подумать, что рядом с Центральным проспектом в плотном ряду домов взгляду вдруг откроется настоящий оазис? Парк можно назвать регулярным, а сам особняк с тремя нехарактерно высокими для современной архитектуры этажами наверняка раньше принадлежал какому-нибудь герцогу, графу или барону. Колонны на входе, из огромных окон льётся свет люстр с десятками ламп, стилизованных под свечи... Музей, да и только. Жить в таком здании, по моему личному мнению, неудобно и непрактично, а вот проводить общественные мероприятия вполне уместно. Ага, табличка на стене гласит: «Дом собраний». Значит, благотворители арендовали его на сегодняшний вечер? Любопытно, во сколько им это обошлось? Хотя, ради благополучия ройменбургских школ магистрат мог сделать весьма приличную скидку... Хм. Но вот тратить городскую казну на огромный штат обслуживающего персонала никто бы не согласился, а одних только швейцаров у дверей — человек пять, не считая мелких брызг в виде юношей, отгоняющих машины гостей на стоянку.

— Шикарно, ничего не скажешь.

— Да пойдём же! — Агата ускорила шаг, увлекая меня за собой. — Мне нужно успеть увидаться с директрисой до начала собрания, иначе получу выговор: это ведь официальная встреча, а не развлечение.

— Ты должна выступить с речью?

— Нет, только присутствовать. Правда, мама сказала, что это большая честь и ответственность для меня как представителя ученического совета... Только, наверное, зря меня наряжали: всё равно буду чем-то вроде мебели.

— А почему мебель не должна радовать глаз? И кроме того, мама совершенно права. Просто так, тем более случайных людей на такие сборища не приглашают.

— Но мне и слова не дадут сказать!

— Зато ты сможешь слушать. И наверняка услышишь много интересного. По крайней мере, узнаешь, что за человек твоя директриса.

— А как? — Заинтересованно спросила Агата.

— Очень просто. Понаблюдай за ней. Ты же знаешь, как она ведёт себя в школе с учениками и учителями, то есть с теми, кто от неё зависит? А теперь увидишь её общение с теми, от кого зависит она. Поверь, это весьма увлекательное и познавательное зрелище.

Девушка задумчиво опустила взгляд, считая ступеньки крыльца, по которому мы поднимались к парадному входу, а потом, уже у самых дверей, очень серьёзно заметила:

— Ты опасный человек, дядя Джек.

— Почему?

— Зачем ты всё это мне сказал?

— Чтобы ты извлекла пользу из сегодняшнего вечера.

— Ну уж, удовольствия точно не получу. Теперь, — многозначительно подчеркнула она.

За что я не люблю женщин, так это за страсть к намёкам. Нет чтобы сказать прямо: ты дурак и сволочь, испортил мне всё удовольствие, разрушил восторженные фантазии, сбросил с небес на грешную землю. Но поступил я и в самом деле некрасиво. Всё должно происходить в свой черёд. Правда, древние мудрецы считали лучшей защитой именно предупреждение...

Нет, всё равно нехорошо. Юность должна быть наивной и невинной.

— Извини.

— Да чего уж там...

— Больше не буду ворчать, обещаю.

На меня посмотрели с подчёркнутым сомнением:

— Почему ты согласился прийти сюда со мной? Брат попросил — и ты не мог отказать?

О, теперь в её голосе отчётливо слышны обвиняющие нотки. Жаль. Всё могло сложиться...

Просто: могло сложиться. Если бы не было этой минуты.

— Помочь другу — это преступление?

— А ты не подумал, что если бы отказался, то ему пришлось бы идти самому?

Ударение на последнем слове явно неспроста. А мысли написаны у неё в глазах чуть ли не печатным шрифтом и выделены маркером чувств.

«Тогда я хотя бы несколько часов побыла вместе с ним... Я так по нему скучаю, а он делает всё, только бы улизнуть!»

О нет... Так вот в чём всё дело! Я выступил на стороне врага и вряд ли смогу теперь вымолить прощение. Если оно мне, разумеется, вообще необходимо.

И всё-таки *чтение* чужих мыслей — грех. Может быть, даже смертный. Медиумов оправдывает лишь одно обстоятельство: за свою провинность они расплачиваются при жизни, и расплачиваются жестоко, потому что неспособны пребывать в блаженном неведении, как другие люди. Да, разумеется, и не одарённый паранормальными талантами человек может догадаться об эмоциональном, а то и смысловом состоянии внутреннего мира своего собеседника, но только «догадаться». А свои собственные умозаключения при случае всегда легко отбросить в сторону, верно? Закрывать глаза и счастливо обмануться... Жаль, мне это больше не

дано.

И никакая сила воли не поможет, проверено. Или съюп в любой ситуации, вызывающей его личное сомнение, будет пользоваться своим даром, или психика пойдёт вразнос. Такова цена за жизнь на другой ступеньке. Дороговато? А что поделаешь: в магазинчике Творца не бывает сезонных распродаж.

— Агата, послушай меня, хорошо? Гельмут очень хотел пойти, но не смог. А меня попросил составить компанию младшей сестрёнке, потому что волнуется за тебя. И очень сильно любит, поверь. Со временем ты поймёшь: бывают обстоятельства, которые невозможно изменить.

— Он просто не хочет ничего менять! — выпалила девушка, не обращая внимания на приближающегося швейцара.

— Может быть. Но это его право. Понимаешь? Тебе было бы приятнее, если бы Гельмут ломал себя?

— Ну при чём тут «ломал»? Ведь это всего лишь скучное собрание, пара несчастных часов, зато вместе! Ему было жалко, да?

— Думаю, всё немного сложнее.

Точно, сложнее. Если я не ошибся с мыслями фройляйн Кёне, у него были весьма серьёзные причины не присутствовать здесь сегодня вечером. Может быть, даже вопрос жизни и смерти. Но пугать девушку не хочется, да у меня и нет такого права.

— Допустим, у него аллергия на официальные мероприятия.

— Это не оправдание!

— Ты хорошо знаешь своего брата? Что бы он почувствовал, глядя на... Ну скажем, вот на эту парочку?

Мимо нас как раз проходила в душном облаке дорогого парфюма явная супружеская чета с многолетним стажем и многомиллионным состоянием: мужчина, взгляд которого вряд ли умел выражать что-то кроме пресыщенности всеми благами мира, и женщина, чьи морщины становились ещё заметнее в отсветах бриллиантового кольца.

— Гельмут таких на дух не переносит, — вынужденно согласилась Агата.

— И как думаешь, он бы удержался от того, чтобы не позадирать их?

Десять секунд раздумий завершились тихим вздохом:

— Нет.

— А это плохо отразилось бы на твоей школьной карьере, верно?

— Ну, в общем...

— Так что, фройляйн, ваш брат руководствовался не только эгоизмом, нравится вам это или нет.

— Я знаю, — грустно ответила девушка. — Но всё равно, с ним...

Настаивание на своём — замечательное качество, и мне иногда искренне жаль, что моё личное упрямство теперь проявляется исключительно по долгу службы, а в бытовых человеческих отношениях предпочитает пасовать. Наверное, оно просто стало взрослее и мудрее.

Девочка, ты совершенно права. Права хотя бы потому, что не меняешь своего мнения в зависимости от ситуации. И я не могу не согласиться:

— Всё равно, с ним тебе было бы лучше.

— Ты не обижаешься?

— Нисколько. Я всё понимаю.

Она шагнула в услужливо распахнутую швейцаром дверь:

— Прости, иногда я ужасно себя веду.

— Ты замечательная. И зря считаешь ужасной свою искренность.

— Но тебе было неприятно, я видела.

— Сейчас это не имеет никакого значения. Иди и смело занимайся своими делами.

— А ты?

— А я тихо посижу в уголке.

* * *

Впрочем, именно «посидеть» мне и не удалось. По причине того, что из всей мебели в парадном зале особняка присутствовали только официанты, разносящие напитки.

Моя семья никогда не входила в круг именитых, богатых или знаменитых, а прежняя работа не предполагала частых выходов в высший свет, поэтому сборища, подобные сегодняшней вечеринке благотворителей, не успели стать привычными и понятными. Я смотрел на бликующие в ярком свете люстр лацканы смокингов и на многоцветье дамских туалетов, смотрел на заштукатуренные морщины и жёлтые от табака, зато отягощённые перстнями пальцы, на шёлковые пояса, едва не лопающиеся на шарообразных животах, на оттянутые массивными серьгами мочки, на губы, с утра до вечера натирающие мозоли только в двух упражнениях: фальшивой улыбке и снисходительном презрении... Я смотрел куда угодно, лишь бы не встречаться взглядом с кем-то из «поднявшихся над».

Страшно видеть в чужих глазах непонимание, особенно если оно искреннее. Правда, подобный гость в собственных глазах тоже не лучший вариант, папахивающий визитом к психиатру, но когда рядом с тобой

дышит, разговаривает, двигается и думает вполне обычный человек с полным комплектом конечностей, с набором мыслей вполне привычного для всех хомо сапиенс содержания и в то же время ваши миры отделены друг от друга непреодолимой стеной... Чувствуешь себя жутковато.

— Аперитив? Минеральная вода?

— Нет, спасибо.

Получив мой отказ от присоединения к обществу потребителей жидкости, официант растворился в толпе приглашённых не менее искусно, чем скаут в лесу.

Пить на голодный желудок? Увольте, голова и так тупеет от гула голосов, не попадающих в такт моим ощущениям, хорошо что приглашённый скрипичный квартет извлекает из своих инструментов нечто среднее между завыванием и ликованием. Музыка всегда готова принять на себя фокус сосредоточенности, а благодаря наличию хоть какого-то да ритма помогает удерживаться от соскальзывания в море блуждающих по залу мыслей. Мыслей, написанных на знакомом, но почти ненавистном языке.

Расслоение общества существовало всегда, как учит нас история: в древности, в средние века, в эпоху зарождения капитализма, и будет существовать, продвигается ли мир вперёд по спирали развития или деградирует. Ничего не поделаешь. И чертовски правы те, кто предупреждает об опасности углубляющегося разделения на богатых и бедных, только меня больше пугает не имущественная разница, а разница сознаний.

Человеческий ум очень легко и очень быстро привыкает к комфорту окружающей обстановки, гораздо быстрее, к примеру, чем тело учится выносливости. И если не происходит постоянной смены условий существования, привычка жить сыто и красиво намертво впечатывается в подсознание, то бишь выходит из-под контроля разума, а это чревато большими проблемами при кардинальном изменении ситуации. Да, потеряв высокое положение в обществе, мало кто умирает физически, но морально... Вокруг всегда полно таких живых мертвецов, нужно только приглядеться повнимательнее.

Конечно, можно научиться довольствоваться малым. Можно превратить себя в аскета и альтруиста. Но обычно результат оказывается слишком невзрачен, чтобы добиваться его упорным трудом. Проще и удобнее жить прошлым, воспоминаниями о коротком полёте и завистливой ненавистью к тем, кто удержался в вышине.

Чего греха таить, я тоже не святой. Да, согласие на эксперимент по

большей части было дано под влиянием искреннего намерения принести пользу обществу, но, положив руку на сердце, признаю: хотелось и самому как личности стать сильнее, значительнее, замечательнее, в конце концов. Да, в самой глубине души, но хотелось. Это стало понятно, как только мои надежды столкнулись с реальностью, признали поражение и безоговорочно капитулировали. Впрочем, аскета из меня не получилось, и я по-прежнему с удовольствием пользуюсь благами цивилизации, научно-технического прогресса, а также пенсионного обеспечения, позволяющего не заботиться о пропитании. Касательно же альтруизма затруднюсь с ответом, взять хотя бы факт моего присутствия на этом званом вечере. Выгода для меня имеется? Вряд ли. Зато налицо выгода для семейства Кёне и трата моего свободного времени. Но разве я альтруист? Повстречай меня Гельмут в другом расположении духа, никакой договорённости не состоялось бы, так что границы моей жертвенности заканчиваются аккурат в том милейшем месте, где живут мои личные потребности. Но если в качестве точки отсчёта по шкале альтруизма взять здешнее общество, то пора начинать ощупывать спину на предмет прорастающих ангельских крыльев.

Нужно посочувствовать господам, затянувшему горло «бабочками», и дамам, влезшим в тесные корсеты, чтобы создать подобие приличной фигуры: они тратят не свободное время и не с целью оказать кому-то любезность. Они работают. На своё благополучие и своё будущее. Самая мерзкая работа, кстати, ведь её нельзя бросить, иначе бурное течение бизнеса выбросит тебя на берег и оставит не у дел. В этом смысле я почти безгранично свободен, утром переступая порог салона, а вечером пораньше сбегая домой. А всё почему? Потому что не задумываюсь о будущем.

В самом деле, о чём задумываться-то? Единственное, что время от времени волнует моё воображение, это семья. Когда-нибудь она должна возникнуть, разве нет? Уютный дом, любимая жена, здоровые и счастливые дети. Я даже обещаю быть не особенно придирчивым при выборе потенциальной супруги, потому что смогу ужиться с любой, ведь мне ничего не стоит узнать её мысли и предвосхитить желания, главное, захотеть это сделать. А для хотения нужно совсем немного, совсем чуточку. Чтобы она, глядя на меня, думала обо мне.

Невозможно представить, насколько кристальная ясность мыслей завораживает, если не испытал этого на собственной шкуре. Пожалуй, в чём-то чистота похуже любого наркотика, потому что, раз прикоснувшись к ней, ищешь повторений в каждом из сознаний, попадающихся на пути, а не найдя, разочарованно отворачиваешься и идёшь дальше, но твои шаги постепенно теряют стремительность. Впрочем, и к лучшему: чем

медленнее двигаешься, тем больше шанс разглядеть окружающий пейзаж в подробностях. Но кто бы мог подумать, что самая обыкновенная парикмахерская... Или, быть может, вовсе не обыкновенная?

Коварная соблазнительница, прячущая за стёклами очков заплаканные глаза, не подозревала, что меня можно взять в плен всего лишь несколькими небрежно обронёнными мыслями. Хотя... А если знала, причём наверняка? Я боюсь новой встречи и всё же хочу вновь испытать восторг, от которого перехватывает дыхание. Да, во многих сторонах жизни медиумы сильнее нормальных людей, но сфера чувств...

Кто мы? Гурманы? Эстеты? Снобы? Всего понемножку. Но невозможно довольствоваться жалкими копиями, если знаешь о существовании великолепного оригинала. И в этом я до одури похож на богачей, презрительно фыркающих над теми, у кого жемчуг мелок.

Кстати о жемчуге, в том числе и дарёном. Как дела у моей юной леди?

Ага, вижу. Вымученно улыбается, следуя за своей школьной начальницей, как собачка на поводке, от одной немногочисленной группы шикарно одетых людей к другой. Конечно, никто не даст школьнице вставить и слова, она прекрасно это знает, но зачем всем своим видом изображать жажду участвовать в беседе? Наши желания обычно исполняются, но очень часто, пройдя через призму скептического взгляда Провидения, искажаются так, что становятся карой, а не наградой. Не желай того, с чем не сможешь справиться, Агата, это опасно...

Скрипичная мелодия взлетела вверх, к самому потолку, и оборвалась нарочито торжественной нотой, заставившей всех присутствующих прекратить разговоры и повернуться в сторону лестницы, на широкой площадке которой появилась светловолосая женщина, мгновенно завладевшая вниманием... публики? Да, именно так. По осанке, уверенным жестам и походке создавалось впечатление человека, умеющего работать с аудиторией, а когда прозвучали первые слова, отпали любые сомнения. Она или общественный деятель, или учительница, причём скорее первое, нежели второе, хотя серебристо-серый костюм выглядит вызывающе строгим. Но, может быть, такова и была задумка: выделиться из радуги райских птичек, остаться одной-единственной, неповторимой и неповторенной? Если да, то женщина весьма успешно претворила свой план в жизнь.

— Дамы и господа! От имени Фонда опеки учебных заведений приветствую всех вас на этом скромном вечере, устроенном в честь фрау Хелены фон Дорнштадт, оказавшей неоценимую поддержку нашей организации и по итогам года признанной первой среди равных. И пусть

участие фонда в жизни школьных воспитанников не заявляет о себе громогласно на всю страну, но разве есть дело более благородное и возвышенное, чем забота о подрастающем поколении? И мы, как добрые христиане, не будем требовать славы и почёта, будем столь же скромны, как фрау фон Дорнштадт, без усталости тратящая свои силы на благо детей... Дорогая моя, прошу вас!

Дородная пожилая женщина с лицом, мягко говоря, не свидетельствующим о принадлежности к аристократическому роду, выбралась из толпы и поднялась к оратору. Затем последовала проникновенная речь, перенасыщенная благодарностями, по которой можно было заключить: объявленная местным «благотворителем года» скорее всего получила претенциозную фамилию, выйдя замуж, и теперь старается укрепить завоёванное в обществе положение своими личными заслугами. Или толщиной кошелька, пожертвованного на благотворительные мероприятия.

Всё тот же мелкий жемчуг, будь он неладен... Интересно, живут ли на свете люди, способные делать благие дела инкогнито? Или всем нам, как капризным кошкам, хочется услышать в свой адрес доброе слово? Впрочем, метод поощрений работал всегда, и пока что нет причин сомневаться в его эффективности. Важно только пустить первый камень по склону, а лавина не заставит себя ждать. Пусть эта богачка начала тратить деньги на школы, только чтобы заставить говорить о себе, но, раз похваленная и одобренная, она, вкусив яд временного возвышения, будет вновь и вновь стремиться подняться на пьедестал почёта. Да, простейшая психологическая манипуляция. Но она приносит обществу пользу, а «жертве» удовлетворение, схожее по ощущениям с интимным, и все довольны. Что ещё можно сказать? Браво!

— Начинается новый учебный год, дамы и господа, а значит, сотни и тысячи подростков продолжают идти в будущее. Они смогут достичь многого благодаря своим талантам и прилежанию, но как в сумерках легко сбиться с пути, так малейший недостаток обеспечения может обесценить все предыдущие вложения и привести предприятие к краху... Вы всё это прекрасно знаете, вижу по вашим улыбкам! Сегодня стартует новый этап эстафеты, на финише которой не будет проигравших: всё, что вы вложите в будущее детей, сторицей вернётся к вам. Этот бокал... — Блондинка, по всей видимости ведущая собрание, указала на хрустальную посудину, поднесённую официантом. — Пусть сегодня он станет для нас чашей Грааля, но мы, в смирении своём не стремясь сравниться с Отцом нашим, наполним его не собственной кровью, а тем, что позволит сохранить её в

жилах многих других. И если позволите, моя капля будет сегодня первой!

На втором, любезно подставленном подносе, похоже, лежала чековая книжка. Женщина склонилась над ней, заполнила графу суммы и, изящно отставив мизинец, закончила упражнение по каллиграфии быстрым росчерком подписи. Затем листок бумаги, оторванный от корешка, был торжественно вознесён над сверкающим бокалом и медленно опущен в прозрачную пасть.

— Пусть это станет священной жертвой каждого из нас, принесённой во благо всеобщему будущему!

Последние слова, вопреки сложившейся мировой практике, не потонули в аплодисментах, как это обычно происходит на всякого рода партийных и беспартийных собраниях. Но ещё больше, чем наступившей тишине, я удивился самому себе, потому что стоял, не отрывая взгляда от талантливо ораторствующей блондинки, и не мог допустить возникновения даже зародыша мысли о том, чтобы прервать плавное течение её речи.

Слушать, слушать и ещё раз слушать, ловя каждый звук чудесного голоса, словно растворяющегося в крови и наполняющего собой плоть.

Идти на любой зов, лишь бы он слетал с Её губ.

Благоговейно внимать, почитая любую невинную просьбу приказом, требующим немедленного исполнения.

Отдать всё, потому что...

Она попросила.

* * *

Чёрт подери! Чёрт, чёрт, чёрт! Прошу прощения за столь многократное упоминание врага рода человеческого, Господи, но... Это не мои мысли!

Вернее, они вполне созвучны моим собственным, но усилены до неприличия, словно кто-то пытается меня подчинить. И не только меня, ведь во всех сознаниях вокруг, если приглядеться и прислушаться, звучит то же самое.

Жертвовать малым благом сегодняшнего ради доброго будущего? Согласен. А кто бы стал спорить? Но откуда взялись замысловатый ритм и нарастающий напор, доводящие обыденное согласие до уровня экстатической покорности? Я ведь и сам потянулся к карману, в котором лежат выданные утром премиальные, я был готов... И сейчас не откажусь. Не могу отказаться. Или... не хочу?

Гипноз? Нет, чужого вмешательства в ход мыслей не ощущается.

Наркотические препараты, подмешанные в питьё? Так я не прикасался ни к одному стакану, но тем не менее заворожён, как и все присутствующие на вечеринке. Да что же такое происходит?!

Пока я сражался с самим собой, женщина спустилась вниз и начала обходить залу, поднося каждому из присутствующих огромный бокал, постепенно наполняющийся разноцветными узенькими листками бумаги. Не знаю, кто и какие суммы прописывал в чеках, но отказывающихся не было, напротив, люди с воодушевлением, искренним удовольствием и весьма охотно, церемонно раскланиваясь с собирательницей пожертвований, участвовали в этом странном ритуале, оставляя каплю своей финансовой крови в новоявленном Граале.

Грааль...

Тот, первоначально, был вытесан из дерева и поначалу оставлял занозы на прикасающихся к нему пальцах Творца, но постепенно, отполированный миллионами верующих душ, стал гладким, как... Хрустальное стекло? Почему бы и нет?

Чистота горной воды, могущественными чарами или божественным чудом обретшая твёрдость камня. Свет, собранный в ладонях ангела. Радуга, спустившаяся с небес, чтобы лихорадочно дрожать на тонкой кромке, маня и обещая, но я не слышу её голоса, потому что... Звучит другой:

— Грааль примет и вашу жертву.

Светлые, коротко постриженные волосы гладко зачёсаны назад, открывая высокий лоб. Полукружью бровей идеально ровны, кожа не лоснится ни на щеках, ни на переносице, ни на подбородке, хотя лично мне, к примеру, сейчас невыносимо жарко. Глаза, цветом похожие на нежное весеннее небо, полны вежливого участия, перламутрово блестящие губы улыбаются так, словно в зале нет никого, кроме меня и... Её.

Рука безвольно залезает в карман, касается хрустящих купюр. Сейчас я отдам всё. Не могу не отдать, ведь от моей щедрости напрямую зависит моё будущее.

«Милый мальчик... Несколько веков назад тебя бы объявили святым, но, разумеется, сначала повесили бы. Или четвертовали. За дурацкую честность...»

Ушат холодной воды, обрушившийся на моё сознание, — вот с чем можно было сравнить огрызок мыслей, оставленных леди Оливией на денежных знаках. Бесстрастное размышление грубым лезвием вонзилось в поток наполняющей меня смиренной покорности, и хотя реку невозможно разрубить мечом, моё сознание всколыхнулось, потеряло кристальную

ясность предыдущих минут, стало мутным, а значит... Снова стало моим. Настоящим.

— Простите, я не захватил с собой чековую книжку.

— Как жаль! — Блондинка, даже если и была разочарована моими словами, не снизила уровень проникновенности улыбки ни на одно деление. — Но делать добрые дела можно в любое время, не так ли? Вы можете обратиться в фонд завтра или когда сочтёте уместным.

Я могу обратиться. Я хочу обратиться. Я должен обратиться. Я обращусь. Я...

Речитатив, похожий на молитву, снова начал подбираться к той части мозга, которой я обычно соображаю, и пальцы судорожно сжали купюры со спасительным следом чужого сознания.

— А лично к вам? Или правила фонда этого не разрешают?

Голубые глаза сверкнули, как мне показалось, удовлетворённо.

— Разумеется, я буду рада. Анна Штерн к вашим услугам. Секретарь фонда примет вашу заявку в любое время.

— Непременно воспользуюсь вашим щедрым разрешением.

— Буду ждать встречи.

И ведь действительно будет. По крайней мере, общий фон её мыслей указывает именно на прямое соответствие произнесённому и подуманному. Странно... Обычно наш внутренний и внешний мир разнятся едва ли не кардинально.

К примеру, занимаясь семейным сексом, супруг чаще всего планирует предстоящую рыбалку или вечер в спорт-баре, а супруга прикидывает количество белья, подлежащего стирке. Сидя на лекции, студент может думать о чём угодно, только не о занятиях. Переходя через дорогу, кто из нас следит за сигналом светофора? Практически никто. Зато мы с любопытством разглядываем остановившиеся машины, пешеходов, магазинные вывески, одновременно вспоминая, завалялось ли что-то в домашнем холодильнике и на какое время назначена деловая встреча. И даже в разговоре разве мы думаем то же, о чём говорим? В девяноста девяти случаях из ста — нет. Значит, мне попалось исключение? Похоже. Но вот счастливое ли?

— Скучаешь?

— Отнюдь. Наслаждаюсь наблюдениями, которые мне обычно недоступны.

— И много интересного увидел? — Агата устало пригубила минеральную воду из высокого стакана.

— Достаточно для размышлений. Но моё настроение — дело

десятое... А как твои дела? Это представление продлится ещё долго?

— Часа полтора, наверное, — что-то сосчитав в уме, ответила девушка. — Когда закончится сбор средств, всех пригласят к столу, так мне сказала директриса. И я смогу быть свободна.

— А как же роскошный ужин? Не хочешь попробовать?

Фройляйн Кёне презрительно сморщила нос:

— Нисколько. Мама сегодня готовит утку с капустой и брусникой, а это вкуснее любого ресторанного кушанья!

— Ясно.

И самое обидное, меня на дегустацию тушёной утки не пригласят.

Когда встречу Гельмута, набью ему морду. Он мне что обещал? Чуть ли не свадебные колокола. А вместо того подставил самым наглым образом, и теперь мне до конца моих дней не суждено надеяться на благосклонность младшей представительницы рода Кёне.

— Жалеешь, что придётся уйти вместе со мной?

— С чего ты взяла?

— Да у тебя на лице написано, что ты ещё не обедал, — победоносно улыбнулась Агата.

— Мм... Так уж и написано?

Улыбка девушки стала ещё довольнее:

— Мама всегда говорит, что для женщины самое главное — уметь узнавать, когда мужчина голоден.

Мудрая женщина. Но поведала ли она своей дочери о разновидностях мужского голода?

— До еды или чего-то другого?

— До... А что ты имеешь в виду?

Святая простота. Впрочем, многие ройменбургские молодые люди сохраняют целомудрие до брачной ночи, и в этом нет ничего дурного, как мне думается. Жаль только, что за границами города начинается совсем другой мир.

— Потом объясню. А сейчас, если ты уверена в приближении ужина, не пора ли нам...

— Вы та самая фройляйн из ученического совета школы Святой Марии?

Мы с Агатой растерянно обернулись. Конечно, в шумном зале подойти незамеченным крайне легко, но всё равно неприятно сознавать, что кто-то посторонний оказался нежеланным свидетелем личной беседы. Даже такой приятный господин средних лет в пошитом на заказ костюме.

— Да, а вы...

— Андреас Бломберг, к вашим услугам. Слышал, ваша школа планирует провести ряд экскурсий для своих учеников, а поскольку я владею туристической компанией, то мог бы оказать содействие. Организация, сопровождение и прочее. Разумеется, пакетом и с крупными скидками.

Фройляйн Кёне, мило порозовевшая от неожиданно уделённого ей внимания, с трудом перешла на деловой тон:

— Вам следует обратиться к директору школы, с ней как раз и можно обсудить...

— Детали соглашения? Непременно. Но я бы хотел поговорить с вами как представителем учеников. Ведь что известно взрослому о чаяниях молодёжи? А вы наверняка знаете, куда хотят поехать ваши одноклассники. И куда хотите поехать вы сами, мне тоже весьма хотелось бы услышать. Мы можем об этом поговорить?

«И не только поговорить... Какой чудесный ротик, какие нежные губы... Маленький, упругий, невинный...»

— Да, но... — Агата посмотрела на меня, словно прося то ли поддержки, то ли разрешения действовать.

Намерения господина, конечно, прозрачны, как ледниковая вода, но, если я сейчас встану в позу и сыграю роль строгого надсмотрщика, отношения с девушкой будут испорчены окончательно. С другой стороны, если позволить событиям ускориться, похотливого любителя школьниц можно поймать в ловушку, которая надолго отобьёт у него охоту, а то и некоторые части тела.

— Конечно, поговорите. А я отлучусь ненадолго. Организм, знаете ли, требует.

Мужчина нервно пригладил редеющие волосы и поспешил заверить:

— Не беспокойтесь, я присмотрю за фройляйн.

— Не сомневаюсь.

Присмотришь, как же! А в туалет всё-таки зайду. Чтобы выплюнуть горькую слизь, подкатившую к горлу, едва чувственный образ, пойманный мной в чужом сознании, оказался расшифрованным.

Когда я снова вернулся в залу, Агаты и похотливого туроператора уже след простыл. Уловить в гаме мыслей, куда направилась парочка, невозможно, но паузу необходимо было выдержать, иначе всё бессмысленно. Я найду тебя, девочка, не бойся. Трудность состоит только в незнании мной планировки дома, но на то в любом месте и присутствуют завсегдатаи. А поможет мне...

Ни единой морщинки на рукавах пиджака. Да, встречаются ещё в наше

время настоящие мастера! Хотя на столь пропорциональную фигуру шить наверняка одно удовольствие.

— Фройляйн Штерн, вы уже закончили свою работу на благо будущего?

— Да, но только на сегодняшний вечер.

Бокала в руках блондинки не было, и теперь можно было заметить, что напряжение прошедших часов не далось женщине легко. Но она выглядела по-прежнему безупречно и недоступно, как картинка из модного журнала.

— Тогда, если вас не затруднит, не могли бы вы мне кое-что подсказать?

Голубые глаза посмотрели на меня с искренним участием.

— Слушаю самым внимательнейшим образом.

— Я пришёл на этот вечер, сопровождая одну школьницу, и сейчас не могу её нигде найти. Она не покидала здание, это совершенно точно, но, пока я ходил в одно общественно полезное заведение, исчезла из зала. Куда она могла направиться?

— Вероятно, в дамскую комнату, это правое крыло. А вы были в левом, — пояснила блондинка.

— Благодарю. Пожалуй, поищу её, потому что время близится к ночи, и нам пора уходить.

— А как вы собираетесь обыскивать дамскую комнату?

Я взглянул в лукаво блестящие глаза и изобразил лёгкое смущение, благо это было нетрудно. Хотя смутила меня вовсе не необходимость войти в женское святилище, а возможность возникновения подозрений, что это проделывалось мной уже не раз и не два. А как прикажете поступать, если в выездной бригаде не находится женщин-полицейских?

— Да, в самом деле... И как я не подумал?

— Пойдёмте вместе. Так и быть, помогу вам в ваших поисках.

— Вы очень любезны, фройляйн Штерн.

— Анна.

— Как вам будет угодно.

— Мне будет угодно именно так.

* * *

У неё лёгкая танцующая походка, которой ничуть не мешают высокие шпильки. А может быть, именно они помогают блондинке казаться летящей над миром, пусть совсем низко, но всё же не задевая земли? На

каждом шаге ткань юбки так пикантно обтягивает бёдра, что хочется или попросить даму сменить фасон на более свободный, или избавиться от скучных доспехов делового костюма, скрывающих... Мне хочется её раздеть? Ну да. Хочется. Спустить пиджак с плеч, расстегнуть блузку, медленно, пуговичку за пуговичкой, положить ладонь на шелковистую сеточку чулок, по бархату кожи добраться до нежных кружев и не менее нежного...

Очень странно. Ещё четверть часа назад фройляйн Штерн была идолом, который можно только обожать, а теперь ангел покинул райские кущи, соблазняя земного грешника поискать следы от крыльев на призывно выпямленной спине.

— Вы всё время отстаёте. Какие-то проблемы, герр?..

— Стоун. Джек Стоун. Никаких проблем... Анна.

Она не поверила, но вовсе не потому, что намерения мужчин в отношении привлекательных женщин остаются одними и теми же с начала времён. Нет, голубые глаза взглянули на меня испытующе, словно спрашивая: ну как, ты уже дошёл до предела своей выдержки или потребуется ещё один ощутимый пинок, чтобы мысли перевоплотились в действия?

— Вы так интересно произносите моё имя.

— Разве?

— Да, с дополнительным коротким выдохом на втором слоге.

— Никогда бы не подумал... Вы обращаете внимание на такие мелочи?

— Профессиональная привычка.

Фраза прозвучала неприкрытым приглашением к переходу на подробности личной жизни, но я пропустил его мимо ушей. Может быть, именно из-за того, что играл в рентгеновский аппарат, стараясь представить, как блондинка выглядит без одежды.

— Вот и дамская комната. Я сейчас посмотрю, есть ли там ваша спутница.

— Будьте так любезны.

С исчезновением Анны за дверью, выкрашенной в цвет слоновой кости, напряжение чувств не стало меньше, но потеря фокуса размыла их, облегчив моё положение и дав время на размышления.

Любопытная ситуация, ничего не скажешь. Внезапный и ничем не мотивированный приступ влечения. Да, к красивой женщине, не спорю, но в её внешнем облике нет ничего, откровенно провоцирующего мужчину, разве только любителя ролевых игр, сходящего с ума от образа властной и

неприступной бизнес-леди. Но в круг моих постельных фантазий обладание строгими красотками в пиджаках вроде бы не входило, впрочем, как и подчинение им, так почему же...

— Никого похожего на школьницу нет, — дoloжила фройляйн Штерн, вернувшись ко мне вместе с желанием.

— Скажите, здесь поблизости имеются помещения, в которых можно... хм, уединиться для конфиденциального разговора?

— Это приглашение? — Повлажневшие губы фройляйн Штерн улыбнулись.

— Это вопрос. Дело в том, что я оставил Агату в обществе мужчины, желающего обсудить вопросы спонсорства организации школьных экскурсий.

— Переговорные комнаты дальше по коридору.

— Я хотел бы осмотреть их. Если это возможно.

— Составлю вам компанию. — Фраза, произнесённая совершенно невинно, прозвучала как приказ, в очередной раз за вечер удивив расхождением объективных характеристик поступающего сигнала с результатами моего субъективного восприятия.

От каких-либо решительных поползновений в сторону Анны меня удерживал именно непонятный промежуток между внешней и внутренней картинками. Словно они должны были наложиться друг на друга, но у мастера дрогнула рука, и получилось нечто, похожее на двоящееся телевизионное изображение: вроде можно разобраться, что происходит на экране, только удовольствие от просмотра получается таким же смазанным.

Но оказаться в пустой комнате наедине с фройляйн Штерн я всё же поостерегусь. Потому что картинки, в конце концов, могут совместиться полностью.

— Эта и следующие три комнаты. Будем осматривать?

Нет, нет и нет. Массивные деревянные двери не пропускают в коридор ни единого звука, правда, мне достаточно всего лишь коснуться начищенного бронзового шара ручки, чтобы понять, о чём думал человек, последним заходящий в переговорную. Хотя...

— Наверное, есть смысл начать с самой дальней.

— Почему вы так считаете? — чуть насторожившись, спросила Анна.

— Мужчина из туристического бизнеса показался мне... Взволнованным.

Она была не только красавицей, но и умницей: намёк поняла сразу.

— Так чего же мы ждём?

Парочка и в самом деле находилась в последней комнате, о чём мне

рассказало животное возбуждение герра Бломберга, чудом задержавшееся на поверхности бронзы, но я не стал спешить врываться в комнату раньше необходимого момента. Какого? Того, после которого преступное намерение становится из тайного явным.

— Почему вы остановились?

Я поднял ладонь, призывая свою добровольную помощницу к ожиданию. Итак, что у нас происходит в переговорной?

Глубокий вдох. И на выдохе...

Хмम्म.

«Она сводит меня с ума! Миленькая и такая пухленькая... Настоящий ангелочек!»

— Мы чего-то ждём?

— Да. Прошу вас, не волнуйтесь.

— Я спокойна... Джек.

Брр-р, мурашки по спине! Какая ерунда: слегка растянутая гласная и заглушённая конечная согласная, а эффект потрясающий. В прямом смысле. Даже кончики пальцев задрожали.

«Ну же, милочка, ещё раз произнеси это слово... Вот так, округлив ротик... Ещё... Ещё...»

— Я могу задать вам серьёзный вопрос?

— Любой.

— Вы не откажетесь стать свидетельницей преступления?

Анна смешливо сощурилась:

— Даже соучастницей, если мне это предложит симпатичный мужчина.

— К сожалению, я потяну только первое предложение.

Улыбка, ни на мгновение не покидавшая губ фройляйн Штерн, приобрела укоризненный оттенок, но банальной фразы типа «Вы себя недооцениваете» не прозвучало. «Умная женщина — опасная женщина», — это мне с детства внушал отец и всегда добавлял: «Поэтому с ней нужно дружить, а не любить», забывая уточнить, к какой категории относит свою супругу. И мистер Генри Стоун был совершенно прав в своём напутствии, хотя в вопросах любви и дружбы нет никакой разницы между умной женщиной и умным мужчиной. Любить того, кто умнее тебя, всегда трудно, потому что нежное чувство колеруется уязвлённостью или становится восторженным обожанием.

Так какую политику общения с Анной выбрать мне? То, что выбор делать необходимо, причём довольно быстро, я не сомневаюсь. Но меня раздражала и раздражает необходимость принимать решения в режиме

цейтнота. Не моё это, быстрое реагирование. Совсем не моё.

— И что за преступление планируется?

— Возможно, уже совершается.

— И когда состоится мой выход?

— Минуточку...

В моменты страсти людям некогда думать, вот и мысли герра Бломберга, распалённые близостью прелестной девушки, становились всё короче, вызывая у меня ярость и желание ворваться в комнату заблаговременно, а не разыгрывать из себя хладнокровного наблюдателя. Не болтайся в моём бумажнике чёрно-серебристый кусочек пластика, я бы так и поступил, по крайней мере, долго разговаривать с похотливым бизнесменом не стал бы, а освежил в памяти тела навыки мордобития. Но сьюп и драка — вещи несовместимые. К сожалению.

Междометия. Обрывки слов. И, наконец, кульминация, больше всего похожая на результат западания клавиши: бесконечная строчка едва читаемых букв.

Поворачиваю ручку и открываю дверь перед Анной:

— Прошу!

Момент был выбран правильно: насильник не успел остановиться, иначе мы не увидели бы ничего предосудительного, кроме круглых от ужаса глаз сестрёнки моего друга.

— Что здесь происходит? — поинтересовалась фройляйн Штерн, медленно переводя взгляд с рассыпавшихся по ковру жемчужин на пальцы герра Бломберга, смявшие атласную ткань платья Агаты в весьма интимных местах.

Эффект неожиданности подействовал на мужчину далеко не сразу, но по прошествии примерно четверти минуты владелец туристической компании сообразил, что попал в щекотливое положение. Правда, осознание произошедшего никак не повлияло на крепость хватки: герр Бломберг разжал объятия только после того, как девушка сдавленно прошептала:

— Пустите...

Не надо было получать степень доктора медицины, чтобы диагностировать наличие у Агаты шокового состояния, хорошо ещё, возник ступор, а не истерика, которая вызвала бы куда больше проблем. Но пока я прикидывал, с чего начать, фройляйн Штерн обняла девушку за плечи, наклонилась, заглянула в застывшие глаза и с подчёркнутой уверенностью сказала:

— Всё хорошо, дорогая. Всё хорошо. Ничего страшного не произошло.

Совсем ничего.

Прошло ровно пять секунд, Агата моргнула, глубоко вдохнула и смущённо спросила:

— Со мной что-то случилось? Я... не помню.

— Небольшой обморок, дорогая. И это неудивительно: столько волнений на голодный желудок! Вам непременно нужно покушать. Через несколько минут нас всех пригласят к столу и...

— Меня ждут к ужину дома, — рассеянно возразила девушка, и блондинка почему-то сразу же воодушевлённо согласилась:

— Разумеется, вам лучше сейчас отправиться домой, моя дорогая! Я сама подвезу вас на машине, только закончу дела. Дайте мне несколько минут, а пока умойте лицо и непременно холодной водой!

— Да, конечно...

Агата выбралась в коридор, слегка покачиваясь, но я не сомневался, что она доберётся до туалетной комнаты, поскольку мысли девушки были по-механически почти предельно чётки.

«Умыться. Холодная вода. Ужин. Домой. Всё хорошо. Всё хорошо. Всё хорошо...»

Спокойствие. Умиротворённость. Целеустремлённость. И никаких следов шока.

* * *

— Вы ничего не хотите нам сказать? — ласково спросила фройляйн Штерн, скрестив руки на груди.

— Сказать? Что я должен сказать? — Герр Бломберг постарался выказать недоумение пополам с негодованием.

— Я говорила не о долге, а о желании, но... Вы только что сами признали серьёзность ситуации.

— Какой ещё ситуации?

Анна скучно зевнула и склонила голову набок:

— Что произошло между вами и девушкой несколько минут назад?

— Ничего не произошло! Мы... разговаривали. Обсуждали экскурсионную программу.

— Тогда почему школьница находилась в ваших объятиях?

— Она... Её... Ей просто стало нехорошо! — выкрутился герр Бломберг. — У неё закружилась голова, и я, чтобы девица не упала...

— Схватили её за грудь, — резюмировала блондинка. — А бусы

порвали, видимо, чтобы облегчить дыхание?

— Да, да, конечно!

— Тогда в самом деле не случилось ничего предосудительного. Вы считаете иначе?

Вопрос, обращённый ко мне, был задан с искренним интересом, хотя я после удачной попытки сластолюбца оправдаться, используя подсказанный вариант, ожидал насмешливого упрёка в стиле «у вас слишком богатое воображение».

— Да.

— И как, на ваш взгляд, всё происходило?

Не люблю чувствовать себя клоуном на арене, но избегать ответа не буду:

— Очень просто. Этому господину понравилась юная школьница. Понравилась до такой степени, что он не смог подавить свою похоть и пытался принудить девушку к интимной близости. Уверен, фройляйн Кёне расскажет то же самое, когда придёт в себя.

— Какая чушь! — взвился герр Бломберг, изображая оскорблённую невинность.

— Неужели? Тогда почему вы так сильно взволнованы?

— Это ваши личные домыслы!

И ведь он прав, чёрт меня подери. Свидетельствовать против него я не могу. Запрещено законом. Особенно если учесть мои приятельские отношения с семьёй Кёне. Но главная проблема вовсе не в самонадеянном надутым индюке, уверенном в собственной безнаказанности. Нет, проблема стоит между мной и герром Бломбергом, сосредоточенно щуря голубые глаза.

— Девушка ничего не расскажет.

Я вздрогнул, уколотый отрешённым спокойствием голоса Анны.

— Конечно. Сейчас она в шоке, но чуть позже, когда...

— Она в полном порядке, и через пять минут вы сами это поймёте.

Да знаю я, что Агата, уже выходя в коридор, была в нормальном психологическом тоне! Знаю. Но из каких источников черпает свою непоколебимость фройляйн Штерн? Она ведь сыграла против меня в этой партии. Приняла сторону насильника, поддержала, помогла выкрутиться... Почему?

Но я не успел окончательно и бесповоротно разозлиться на вероломную красавицу, потому что блондинка повернулась к герру Бломбергу, с прежним спокойствием повторив:

— Девушка ничего не расскажет.

Затем, после непродолжительной паузы тембр голоса Анны понизился, и если возможно говорить, делая нажим не на отдельное слово в предложении, а на каждую букву каждого слова, то следующая фраза прозвучала именно так:

— Потому что ничего не было.

Мужчина, словно замороженный чем-то в лице фройляйн Штерн, сглотнул и послушно кивнул.

— Ничего не было. Согласны?

«Согласиться. Забыть. Забыть, как страшный сон. Что я должен забыть? Что-то неприятное? Что-то опасное? Я и так ничего не помню...»

— Ничего не было, конечно, ничего не было! А в чём, собственно, дело? На чём мы остановились?

— Вы рассказывали о вашей замечательной инициативе организовать для школы Святой Марии обширную экскурсионную программу. Если не ошибаюсь, программа ещё не утверждена, оговорён только размер скидки.

Герр Бломберг рассеянно переспросил:

— Скидки? И какой процент она составляет?

— Ровно сто процентов.

— Но позвольте, это же...

— Это жест поистине великодушного и необычайно щедрого человека! И для первого этапа в соревновании за звание «Благотворителя года» — великолепный зачин. Надеюсь, вы продолжите в том же духе?

«Продолжить? Да, конечно... Нельзя не продолжить. „Благотворитель года“... Я ведь очень щедрый, это правда. Щедрый и великодушный...»

Анна приподняла край рукава и посмотрела на серебристый циферблат изящных часов:

— Всех приглашают к торжественному ужину. Поторопитесь, а то не успеете на первый тост!

— Да-да, уже бегу! А вы разве не...

— У меня есть неотложные дела. До встречи на следующем собрании, герр.

— Непременно, фройляйн, непременно!

Он с явным удовольствием припал к вежливо протянутой руке, но, принимая в расчёт моё присутствие, не стал задерживаться дольше времени, необходимого для официального поцелуя, а выходя, скабрёзно улыбнулся и предупредительно прикрыл за собой дверь.

— Вы хотите что-то спросить... Джек?

Забавно. В этот раз моё имя прозвучало совершенно иначе. Надо же, мы, оказывается, умеем разговаривать без расстановки странных акцентов.

— Не знаю... Анна.

— Хотите, я вижу. И не столько спросить, сколько обвинить. Угадала?

М-да, скрыть разочарование мне не удалось. Но почему я об этом не жалею?

— Я бы не был столь категоричен в оценках.

Она усмехнулась:

— Да, разумеется. Вежливость, рамки приличий, обходительность... Виляние хвостом в тот момент, когда следует показывать зубы, вот как это называется. Вы всегда отступаете?

— А вы всегда идёте напролом?

— Мне просто некуда отступить.

Снова вызов, граничащий с откровенным приглашением. Не столь сильный, как раньше, но, пожалуй, более тонкий и проникновенный. Нужно срочно отвлечься. Хоть на что-нибудь!

— Но позади вас вполне достаточно места.

Целых шесть квадратных метров ковра, если не больше. Линии геометрического узора, сливочно-белые на шоколадном фоне, поблёскивающие... Горошинами рассыпанных жемчужин. Вот и удобный повод!

Сажусь на корточки и начинаю собирать перламутровые шарики, для устойчивости упираясь в ковёр коленом, но выгадываю только считанные мгновения передышки, потому что Анна опускается на густой ворс рядом со мной, и неожиданно обнаружившийся в юбке боковой разрез раскрывается, как лепестки, обнажая упругое бедро.

— Вам помочь?

Язык вдруг прилипает к пересохшему нёбу, и даже если бы я хотел ответить, неважно, утвердительно или отрицательно, это становится невозможным. А потом моё сознание захлёстывает цунами спутанных мыслей.

Ковёр такой мягкий и так близко... Ближе только она, единственная женщина в моём мире. Больше нет никого, нас двое, и это прекрасное число. Прекраснее только единица. Единое целое, которым мы можем стать, если отпустим свои чувства на волю. Есть ли что-то, сдерживающее нас в эти минуты? Ничего...

«Что он собирается делать? Чего он от меня хочет? Нет... Нет... Не-э-эт! Прочь! Пусти! Больно!..»

Мои пальцы, наткнувшиеся на жемчужину, замерли в паре дюймов от пальцев Анны. Наваждение схлынуло, но оно оказалось сильнее прежнего. Ужасающе сильное. Хотя, что может быть ужасного в близости мужчины и

женщины, пусть и незнакомых друг с другом? Всё естественно и нормально, за исключением одной детали.

За весь вечер я ни разу не *прочитал* мысли фройляйн Штерн. И сейчас, глядя в ясные голубые глаза, не могу. Не получается. Чем-то напоминает ситуацию с леди Оливией, но ведь со стороны блондинки ни запрета, ни блока не было!

— О чём-то задумались?

— О странностях восприятия.

Взгляд блондинки слегка похолодел: на весеннем небе появились снежные облачка.

— Вам что-то привиделось?

Да, причём уже третий раз за день. Сначала плащ рыцаря на хозяйке салона «Свидание», потом хрустальный Грааль в руках сладкоголосого ангела, а теперь ещё и бессознательная страсть. Не многовато ли на сегодня?

— Наверное, мне тоже нужно поужинать.

— Пойдёте к накрытому столу?

— Нет, я должен проводить домой Агату. Поем позже.

— Ваша воля. Держите!

Она высыпала мне в ладонь собранные жемчужины, поднялась на ноги, поправила одежду, посмотрела на меня и спросила:

— Вы готовы?

— Мм?

— Девочка, наверное, уже заждалась. Хотите заслужить её недовольство?

Я взвесил возможные варианты и честно признался:

— Лишь бы не проклятие.

Анна небрежно стряхнула с правого плеча пиджака несуществующие пылинки:

— За проклятиями надёжнее обращаться к другим людям. Подсказать адресок?

* * *

Я давно уже не пользуюсь личным автомобилем, даже любовь своей юности, вызывающе алый «рейсер», не стал держать в домашнем гараже, а сдал в салон проката. Разумеется, с условием предоставлять именно его и по первому требованию, если у меня возникнет желание сесть за руль.

Правда, последние пять с лишним лет такого желания не возникало, либо оно, едва зародившись, сразу же наталкивалось на сопротивление здравого смысла.

Медиуму трудно вводить машину, особенно в городских условиях: слишком много мысленных раздражителей вокруг, а терять концентрацию нельзя ни на секунду. Если, разумеется, не хочешь попасть в аварию. Вот и я, позлившись, поохав и подумав, решил исключить вождение автомобиля из своих ежедневных занятий. Есть общественный транспорт, есть такси. Что ещё нужно для комфортной жизни? Умение управлять памятью, потому что стоило фройляйн Штерн вырваться на Мариенштрассе и влиться в поток, вернулись и сладко заныли в кончиках пальцев давно не освежавшиеся воспоминания.

Почему мне нравилось водить машину? Наверное, по тем же причинам, что и многим другим людям. Ощущение могущества. Превосходство. Да, все участники дорожного движения, сжимающие руль, по определению равны, но когда ты всей поверхностью кожи ощущаешь силу урчащего под капотом двигателя, разве можно предположить, что у кого-то во власти находится более могучий зверь? Это сродни опьянению или сумасшествию, даже очень стойкие психологически люди хоть несколько дней, но проводят, наслаждаясь иллюзией возвышения. А кто-то так и остаётся «помешанным», но, к счастью, большинство всё же находит в себе силы вынырнуть из автомобильного дурмана. Помню, я тоже бредил своим «рейсером» дни и ночи, пока не возникла необходимость на протяжении недели отвозить соседских ребятишек в лесную школу и... Пока мы не оказались на волосок от аварии.

Наверное, не менее получаса моё сознание тогда сверлила мысль: а что, если бы кто-то из детей погиб? Собственная возможная смерть не волновала вообще, зато кровавое творчество воображения в отношении пассажиров впечатляло. Весьма. И хотя стыдно было вызывать эвакуатор для полностью исправной машины, но меня била такая крупная дрожь, что я не мог удержать руль. С тех пор автомобили перестали быть для меня наваждением. А для фройляйн Штерн, вероятно, и с самого начала не были таковым.

Никогда прежде не чувствовал себя настолько спокойно, путешествуя на пассажирском сиденье, даже в автобусных поездках приходится успокаивать нервы, сосредотачиваясь на газетном или книжном тексте, если, конечно, не находится темы для размышлений, способной поглотить большую часть моего внимания. А сейчас... Можно сказать, получаю удовольствие от виртуозной езды и ни капельки не волнуюсь, потому что

уверен: до места назначения доберёмся живыми.

Трудно сказать, откуда возникло это ощущение. Может быть, родилось из чуткого спокойствия лежащих на руле ладоней Анны. Может быть, из улыбки, профиль которой я вижу в свете магазинных витрин и фар встречных машин. Может быть, из музыки, играющей где-то в недрах приборной панели, из песни, звучащей так тихо, что и мелодии не разобрать, не говоря уже о словах...

— Сделайте погромче, пожалуйста! — вдруг оживилась на заднем сиденье Агата.

— Что случилось? — спросила фройляйн Штерн, не отрывая взгляда от дороги.

— Песня... Это же Эш?

Блондинка чему-то усмехнулась, но ответила:

— Да, она. Хотите послушать? Сейчас.

И аккуратный ноготок несколько раз нажал на регулятор громкости, приближая голос исполнительницы к нашим ушам.

Верь раскалённым барханам и брызгам прибоя.
Верь: день за днём голос боли становится глуше.
Верь, что враги склонят головы перед тобою.
Верь в неподкупность друзей... Но мой голос не слушай!

Симфонический оркестр, следующий ритму дыхания одной женщины. Такое ощущение, что инструменты сами следят за исполнением своих партий, не доверяя музыкантам: мол, они же всего только люди, что с них взять? А певица поднимается вверх, взлетает вслед за песней... Или это песня безуспешно старается за ней угнаться?

Голос ядом разлился по венам?
Не слушай!
Нежным клятвам пророчит измену?
Не слушай!
Обещает надеждам забвенье?
Не слушай:
В сети слов так легко попадают души...
Я напрасно исхода зимы ждала,
У весны для меня не нашлось тепла.

Едва ли не оперная ария сменяется чем-то близким к роковым композициям, набор музыкальных средств стремительно уменьшается, в завершении куплета сужаясь до гитары. Или лютни? С такой горьковатой хрипотцой мог бы петь средневековый менестрель на закате своей карьеры...

Верь откровениям старых и новых пророков.
Верь: мир завещан бессильным и робким в награду.
Верь, что никем никому не назначены сроки.
Верь... Но не слушай мой голос, не слушай, не надо!

Голос ядом разлился по венам?
Не слушай!
Нежным клятвам пророчит измену?
Не слушай!
Обещает надеждам забвенье?
Не слушай:
В сети слов так легко попадают души...
Я не лгу. Поздним снегом не лжёт весна.
Просто мне клетка правды стала тесна.

Агата слушает, отчётливо задерживая дыхание. Очарована и пленена. Не спорю, в этой песне что-то есть, что-то прячется за изящным плетением строк. Но контраст между смыслом куплета и припева не позволяет сосредоточиться, снова и снова нарушая мои неосознанные логические построения. Может быть, на подобных приёмах и зиждется успех популярных в последнее время песен? Отсутствие логики — верный путь к победе? Нет, могу поклясться: этот текст выверен до последней запятой! Но какую цель он преследует?

Верь, потому что без веры нет цели и смысла.
Верь ослепляющей вспышке влюблённого взгляда.
Верь — до последних мгновений отчаянной жизни.
Верь. Только голос сирены не слушай. Не надо.

Голос ядом разлился по венам?
Не слушай!
Нежным клятвам пророчит измену?

Не слушай!
Обещает надеждам забвенье?
Не слушай:
В сети слов так легко попадают души...
Но когда обернётся зимой весна,
И тебе клетка правды станет тесна.
«И тебе клетка правды станет тесна...»

Обещание. Ласковое. Если, конечно, может быть ласковым, скажем, вынесение приговора. Не волнуйся, не торопись, но и не старайся убежать от судьбы. Не выйдет. Ты спустил свою лодку на воду этой реки по собственной воле. Водопад, чей рёв пока ещё не слышен, ждёт тебя. И дождётся. Но ты будешь рад полёту в обжигающих струях, потому что... Именно тогда ты вырвешься из клетки.

Она мысленно подпевала музыке, звуки которой воевали с акустической системой, или на этот раз действительно *подумала*?

— Класс! — резюмировала Агата, откидываясь на подушку сиденья. — Больше никто и никогда так петь не сможет!

Не стану утверждать, что прослушанная песня — шедевр всех времён и народов, но другой такой, конечно, не будет. Не может быть, по определению. По той же простой и непонятной причине, что заставляет даже близнецов отличаться друг от друга.

— Тебе понравилось?

— Ещё бы! У Эш это одна из самых хитовых песен, каждый концерт ею заканчивается.

— Эш... Кто-то из начинающих звёзд?

— Дядя Джек! — На меня посмотрели не просто с укором, а с выражением вселенской скорби на лице. — Она уже давно не «начинающая», а...

— Фройляйн, не стоит упрекать герра Стоуна в том, что он интересуется отличными от популярной музыки вещами.

Хм, неожиданно. Анна решила встать на мою защиту? Слишком резкая смена поведения, если учесть, что ещё полчаса назад она растоптала меня и мои намерения преподать урок похотливому бизнесмену.

Агата непонимающе хлопнула ресницами:

— Я думала, все знают, хотя... Ты по-прежнему живёшь один, дядя Джек?

Честное слово, с фройляйн Кёне следовало бы провести

воспитательную беседу на тему: «Почему нельзя говорить о мужском одиночестве в присутствии незамужних дам»!

— Да, Агата. И по правде говоря, я не очень люблю слушать музыку.

— Ну, такую-то стоит послушать!

Высказав своё мнение не допускающим возражений тоном, девушка умолкла. И судя по загадочной улыбке, обдумывая при этом какую-то предстоящую каверзу.

— А вам песня понравилась? — Эстафету разговора приняла Анна.

Я же только что признался, что равнодушен к песенным экзерсисам! Странное любопытство. А впрочем, возможно, она всего лишь хорошо воспитана и вежливо поддерживает беседу, потому и ухватила за очередной представившийся повод перекинуться парой фраз.

Угу. Можно было бы поверить в эту версию, если бы даже физически не ощущалось, что фройляйн Штерн каждой фразой снисходит до общения, а не искренне интересуется мнением собеседников. Но это не её вина, отнюдь. Привычка? Похоже. Но не только. Есть в поведении женщины что-то неуловимое, но до боли напоминающее... Да, именно профессионализм. Словно она долго и всерьёз оттачивала какие-то навыки, а теперь просто неспособна не пользоваться ими в подходящей ситуации.

— Наверное. Но я никак не могу определиться, обрадовала она меня или напугала.

— Страх часто идёт рука об руку с удовольствием, но в данном случае... Что именно напугало вас?

— Финальное двустиие.

Анна помолчала, а потом спросила, тихо, но так, что каждый звук сверлом вошёл в моё сознание:

— А вам никогда не было тесно в вашей клетке?

В моей клетке? Но разве я когда-либо был пленником? Разве что-то сдерживало меня, сковывало порывы души и тела? Разве я...

Трудно дышать. Кондиционер в автомобиле работает добросовестно, но освежить внезапно пересохшую слизистую не может. Клетка? Она самая. А из чего согласно песне сделаны прутья моего узилища? Правда, будь она проклята!

Почему кто-то когда-то сказал, что правда дарует свободу, а мы, люди, с радостью в это поверили? Всё совсем наоборот, и не нужно в поисках доказательства строить логические цепочки и лезть в дебри философии. Теория всегда должна проверяться практическими примерами, верно? Так зачем ходить далеко?

Моя правда состоит в том, что я — сьют. Не медиум даже, а именно

сюп, созданный искусственно, насильственным вмешательством в природу. Я не срастался со своими возможностями постепенно, с раннего детства, а получил их в полное распоряжение, сразу и скопом. Или они получили в своё распоряжение меня? Кто из нас кому служит? Где она, моя свобода?

Я могу узнавать чужие мысли, но что в том проку? Многостраничные тома хартии запрещают мне пользоваться моим талантом свободно. Существуют тысячи ситуаций, в которых медиум может хоть сгореть изнутри, но не имеет права сделать шаг в сторону от предписанного поведения. Например, оружие: нам запрещено ношение любого его вида. Но точно так же нам запрещено драться, даже спасая свою жизнь. Правда, этот запрет добровольный и внутренний, но разве от этого он становится менее тяжким грузом? Если медиум поднимает руку на другого человека, он и виноват. По умолчанию. Да, не последует никаких судебных разбирательств, потому что всем известно, насколько ранима наша психика, но, если мы будем злоупотреблять этим своим подобием безнаказанности, нас ждут лечебница и постоянный приём соответствующих препаратов. До конца жизни.

Около шести лет назад я выбрался из клетки одной правды, чтобы попасть в плен другой. Мне было тесно тогда... И стало тесно сейчас. Знакомое ощущение. Наверное, оно почти всегда сосуществует с любым человеком, но можно продолжать жить в захламлённом мирке правды, верной только для тебя одного. Если не задумываться. Если не слышать и не слушать странных песен.

— Я не думал об этом.

— А есть желание подумать?

— Теперь? Пожалуй.

Она снова улыбнулась, то ли удовлетворённо, то ли устало.

— Мы приехали! — сообщила Агата, увидев в окне машины знакомый дом. — Спасибо огромное, фройляйн Штерн!

— Не за что, дорогая моя. Не забудь поесть поплотнее и перед сном выпить чаю с мятой.

— До свидания!

Я тоже выбрался из машины, пытаюсь догнать свою спутницу, но девушка оказалась намного быстрее. Правда, у двери она обернулась и попросила:

— Подожди пару минут, ладно, дядя Джек? Мне нужно кое-что тебе отдать.

Отдать? Вроде бы я ничего не просил, и никто мне ничего не обещал.

Пара минут вытянулась в целую пятёрку, но моё терпение выиграло схватку со временем, и я стал обладателем плоской пластиковой коробочки.

— Спасибо, что был со мной сегодня, — с трогательной серьёзностью сказала Агата. — А можно, я кое о чём попрошу?

— Конечно.

— Когда встретишь моего братца, врежь ему как следует. От моего имени.

Девушка приподнялась на цыпочки, чмокнула меня в щёку и скрылась за дверью.

Врезать, значит? Неплохая идея, тем более весьма совпадающая с моими собственными желаниями. Но сначала нужно вернуться домой и выспаться.

Анна тоже покинула машину, пока мы с фройляйн Кёне прощались, и теперь стояла, бёдрами опираясь на капот. Честно говоря, я ожидал, что она ещё и закурит, небрежным движением достав тонкую сигарету из какой-нибудь серебряной коробочки, но реальность снова не совпала с фантазиями: Анна всего лишь скрестила руки на груди и приподняла подбородок, закрывая глаза и подставляя лицо ночному ветру.

— Не простудитесь?

— Несколько минут прохлады переживу.

— Тогда не буду мешать. До свидания.

Но повернуться и уйти мне не удалось, потому что фройляйн Штерн ехидно заметила:

— Вас ещё не отпустили... Джек.

— Разве меня кто-то держит?

— Не смотрите на меня так угрожающе! Ваши собственные мысли — якоря куда более надёжные, чем мои прелести. Не так ли?

Не люблю, когда кто-то понимает меня лучше, чем я сам: чувствую себя неполноценным и униженным одновременно. Говорят, что красивой женщине можно простить всё? Врут. Красота только усугубляет ситуацию, придавая происходящему оттенок издевательства.

— И о чём же я думаю?

— Вы злитесь. А вот на кого сильнее: на себя или на меня, не скажу. Вам виднее.

Она не медиум, это совершенно точно, но моё настроение угадала отлично. Я действительно злюсь. А что ещё прикажете делать, если за один вечер меня сначала посадили в лужу, а потом заставили вывернуть привычную реальность наизнанку?

— Что вы сотворили с девушкой... Анна?

Фройляйн Штерн скучающе зевнула:

— Ничего дурного или опасного. Вы могли причинить ей куда больший вред.

— Какой ещё вред?

— Ну только не стройте хорошую мину при плохой игре! Вы же сами оставили школьницу наедине с тем господином. Неужели не было понятно, чем всё завершится?

Конечно, было. Я действовал не просто с умыслом, а предельно коварно, причём и когда удалился в туалетную комнату, и когда выдерживал паузу, и когда просил о помощи. Собственно, моим намерением было...

— Но этого вам показалось мало, и вы... — Она шагнула мне навстречу, и воздух принёс обрывки шлейфа тонкого аромата, окутывающего блондинку. — Вы подставили под удар меня.

— А вы с честью его выдержали.

— Но осталась в долгу, не так ли?

Возразить нечего. И когда её рука начинает движение, я, хотя и знаю место назначения наверняка, не пытаюсь помешать или увернуться. Пощёчина оказывается хлёсткой, звонкой, но ничуть не болезненной или обидной. Как ни странно, мне почти хотелось её получить.

— Я задам только один вопрос. — Лицо Анны приблизилось к моему на расстояние нескольких дюймов. — Почему? Почему вы сами не вошли в комнату и не задали трёпку тому мерзавцу?

— Потому что я... ну, скажем, трус.

— Вы только что убедительно доказали обратное. Не лгите! Ложью вы оскорбляете меня больше, чем правдой.

Скажи, скажи всё как на духу! Зачем скрывать то, что и так можно узнать, стоит лишь обратиться в осведомлённые организации? Зачем обижать женщину, ведь она спрашивает не из праздного любопытства, а...

Преследуя определённую цель.

Брр-р, опять это странное ощущение вмешательства извне! Но ведь мысли были мои? На сто процентов. Тогда откуда возникает ощущение направленного давления? Словно время от времени кто-то или что-то вдруг пропускает какую-либо незначительную мысль через своеобразный усилитель, и ерунда, мелочь, чепуха оборачиваются омутом, стремительно затягивающим в себя моё сознание.

Сумасшествие какое-то.

— Я не могу сказать вам правду о себе.

— Почему?

— Потому что клетку своей правды каждый должен рушить сам.

Она вдруг расслабилась, и я только теперь понял, что ещё мгновение назад каждая клеточка тела фройляйн Штерн была напряжена до предела, а может быть, и превысила таковой.

— Вам нет смысла слушать эти песни.

— Мм?

— Диск, который передала девушка.

Я перевёл взгляд на яркую наклейку под прозрачным пластиком. Эш, альбом «Уходя и возвращаясь».

— И всё-таки послушаю.

— Как хотите. Но всё, о чём здесь поётся, вы уже знаете, просто подзабыли. Немножко.

Анна поёжилась и запахнула пиджак плотнее:

— А вот теперь мне стало холодно... Куда вас подвезти?

— Благодарю, я доеду сам.

— Брезгуете моим предложением? Или боитесь?

— Ни то, ни другое. Не хочу тратить время зря.

Рука Анны игриво скользнула по лацкану.

— Ну почему же зря?

— Потому что вы слишком привыкли подчинять.

Она вздрогнула, и на мгновение мне показалось, что мягкие губы скривились в презрительной гримасе, как ни странно, обращённой вовсе не в мой адрес.

— Всего хорошего... Джек.

— Доброй дороги... Анна.

Она открыла дверь машины, но перед тем, как опуститься на кожаное сиденье, с рассеянной улыбкой заметила:

— Никогда не предполагала, что отказ может доставить больше удовольствия, чем согласие... Значит, один прут моей клетки всё-таки сломался. Благодаря вам.

И обещание новой встречи прозвучало во всём. В голосе. В движении пальцев, скользнувших по лакированному металлу. В глухом щелчке замка.

Но только не в мыслях фройляйн Штерн.

* * *

Ночь выдалась спокойной, без ярких сновидений и глобальных переживаний, поэтому утром, слушая треск и шипение колбасок на сковороде, я был благодушен, как Будда. До той презренной минуты, когда

зазвонил телефон.

— Слушаю.

— Прошу соединить меня с герром Стоуном, — надменно прогнусавили в трубке.

Этот голос знали и помнили все мои местные коллеги по работе с чужими мыслями. Более того, не смогли бы забыть, если бы даже посвятили процессу борьбы с воспоминаниями всю оставшуюся жизнь. Мой утренний покой побеспокоила исполнительный секретарь президиума Коллегии медиумов города Ройменбурга фрау Эртте, женщина в годах, повидавшая на своём посту всякого разного, а потому принципиально не удивляющаяся, скажем, чудесам.

— Я слушаю.

— Вам надлежит явиться сегодня к половине одиннадцатого утра в Коллегию.

Далее последовала пауза, ясно свидетельствующая о том, что без наводящих вопросов большей информации я не получу.

— А можно узнать, зачем меня желают видеть в Коллегии?

— Вы утверждены наблюдателем на квалификационном экзамене, — сухо сообщила фрау Эртте и повесила трубку.

Следовало бы задуматься, с какой радости и чьими усилиями я удостоен высокой чести следить за порядком во время проведения тестов на получение звания зарегистрированного медиума, но яичная болтушка так и просилась в компанию к колбаскам, из которых уже вытопилось достаточно жира, чтобы сдобрить утренний омлет. Впрочем, не успел я перемешать содержимое сковороды, телефон зазвонил снова.

Будучи наученным опытом, горьким и не только, я всегда снимаю посуду с огня, если переговоры застанут меня на кухне во время приготовления еды. Вот и сейчас пришлось тяжело вздохнуть и отложить момент встречи с завтраком, переставив сковороду с одной конфорки на другую и сняв трубку.

— Слушаю.

— Джаак, ты уже проснулся?

— Резонный вопрос полвосьмого утра, фройляйн Цилинска. И хотя соблазн ответить отрицательно велик, я не страдаю лунатизмом и не умею во сне перемещаться по квартире, а тем более разговаривать по телефону. Так что можно считать, проснулся.

— Ой. — Ева, похоже, взглянула на часы и ужаснулась: она предпочитала вставать не раньше девяти и ползти на работу ещё не проснувшейся. — И правда, рановато. А мне казалось, рассвело уже

давным-давно...

В голосе девушки чувствовалось нервное напряжение, объяснение которому я вполне мог бы найти сам, особенно после подсказки фрау Эртте, но решил спросить напрямую:

— Что случилось?

— Джаак, ты мне pomoжешь? Обещаю, я буду хорошей девочкой, буду во всём тебя слушаться, слова поперёк не скажу, только... Помоги. Пожалуйста.

Если Ева готова поступиться своей тщательно пестуемой независимостью, значит, проблема серьёзная или, по крайней мере, выглядит таковой.

— Ты в состоянии сказать конкретно: в чём дело?

— Мне назначили экзамен. На сегодня, — обречённо выдохнула фройляйн Цилинска.

— Поздравляю.

— Джаак! — В голос девушки вернулись хорошо мне знакомые укоризненные нотки. — Ты не понимаешь? Это же...

— Катастрофа.

— Вот именно! Я не спала всю ночь, у меня трясутся руки, мне...

— Дурно. Понимаю.

— Да как ты можешь понять?!

— Поверь, легко. Есть веская причина, по которой я не только могу, но и обязан понимать.

— Джаак?

Кажется, она испугалась. Плохо. Страх быть не должно.

— Встретимся у Коллегии в десять часов, хорошо? И я всё тебе объясню. Всё-всё.

— Смотри не обмани!

— Разве я когда-нибудь врал тебе? И вот ещё что, Ева... Оденься так, чтобы тебе было удобно.

— «Удобно» что?

— Удобно всё. Двигаться, дышать, говорить, думать, чувствовать. Ничего обтягивающего, зажимающего и впивающегося в тело, только хорошо знакомые, давно привычные вещи. Вещи, которые ты можешь на себе не замечать. Договорились?

— Э-э-э... А если они выглядят... Того... Не очень?

— Они должны быть удобными для тебя, а не тешить чьи-то надменные взгляды. Ясно?

— Как прикажете, мон женераль, — вздохнула девушка. — Значит, в

десять?

Разумеется, она пришла раньше.

Плохо помню своё настроение перед собственным экзаменом, но волнение, если и присутствовало, было окрашено совсем другими тонами. Я переступал порог актового зала, чтобы показать всему миру обретенное превосходство и заявить о претензиях на смену статуса, поэтому меня скорее снесло нетерпение, нежели боязнь оступиться. Всё казалось простым и достижимым, будущее виделось исключительно расцвеченным праздничными огнями, выписывающими буквы моего имени в вечернем небе... Ну а выходил я из здания Коллегии на полном автомате. Впрочем, неприятные воспоминания продолжают нас мучить, только если их нечем заместить. Если нечего записать поверх.

— Привет экзаменующимся!

Ева скорчила недовольную рожицу и раздражённо пробурчала:

— Тебе бы всё издеваться...

— Я искренен и доброжелателен как никогда.

— То-то и оно.

— Ты вняла моей просьбе?

Фройляйн Цилинска кивнула:

— Да. Хотя... А, сам увидишь потом.

— Уверен, не разочаруюсь.

Пальцы Евы, теребящие шарф, на мгновение успокоились и с удвоенной энергичностью пустились в пляску святого Витта.

— Ты хотел мне что-то объяснить.

— Да, и не отказываюсь от своих намерений. Но для начала хотелось бы где-нибудь прислонить задницы... Зайдём в холл?

Девушка посмотрела на здание Коллегии с тем же выражением, с которым юные барышни обычно смотрят на пауков, червяков и лягушек.

— А это... обязательно делать раньше времени?

— Я хочу кое-чем тебя угостить.

— Оно сладкое?

— Не совсем. Но тебе понравится, обещаю.

Ева недоверчиво поджала губы:

— Ну ладно, уговорил.

Конечно, я предпочёл бы провести время перед экзаменом на свежем воздухе, но, к сожалению, ройменбургские медиумы получили в своё распоряжение местечко в районе офисных новостроек, на оживлённой Нойштраленштрассе, аккурат между Общественным комитетом охраны

правопорядка и Фондом защиты дикой природы. Такое расположение выглядело мистическим совпадением и одновременно служило объектом многочисленных шуток: мол, одни соседи желали бы перенести медиумов в список вымерших представителей фауны, да вторые не дают.

Стекло, бетон, сталь: максимум практичности, минимум уюта. Огромные окна в холле первого этажа и не менее огромные подоконники. Они-то мне и нужны.

— Присаживайся.

— А это удобно? — усомнилась Ева, осторожно поглядывая в сторону листающего спортивный журнал охранника.

— Жестковато, но сойдёт.

— Я не о том! Вдруг здесь нельзя сидеть?

— Можно, не волнуйся. Доброе утро, герр Тохе!

Дородный мужчина оторвал взгляд от красочного фоторепортажа и приветственно махнул рукой:

— Доброе, Джек. Пропуск-то не забыл сегодня?

— Нет, всё при мне.

— Ну и славно. — Он перевернул страницу и снова углубился в чтение.

Глаза Евы, без краски выглядящие совсем светлыми и беззащитными, изумлённо расширились.

— Ты его знаешь? Откуда?

— Правильнее было бы спросить, откуда он знает меня.

Девушка не поняла намёк:

— И?

— Присядем?

Фройляйн Цилинска поёрзала по пластиковому щиту подоконника и выжидательно уставилась на меня. Я сел рядом, раскрыл сумку, которую прихватил с собой из дома, и стал извлекать на свет божий предметы, уместные разве что на загородном пикнике.

— Что это? И... зачем?

— Термос. Тебе нужно успокоиться, а для достижения этой цели нет ничего лучше чая с молоком. Правда, не всякий чай подойдёт.

— Ты ещё скажи: не всякое молоко! — фыркнула Ева.

— Вы совершенно правы, фройляйн, не всякое. На мой вкус, лучше брать пожирнее.

— Издеваешься?

— Ни в коем разе. Вот, держи. — Я протянул девушке кружку с дымящимся бурым настоем. — Понюхай сейчас, потому что после

добавления молока все ощущения изменятся.

Фройляйн Цилинска послушно поднесла чайную посудину поближе к лицу, вдохнула поднимающийся пар и сморщилась:

— Фу-у-у, какая гадость! Пахнет землёй и чем-то гнилым.

— Всё верно. Этот чай выдерживают в земле до достижения зрелости.

— Я не буду это пить.

— А вот так?

Я долил в кружку молока.

— Ну-у-у...

И цвет и вкус стали намного мягче, это мне было известно наверняка. Конечно, к пуэру нужна привычка, а главное, не стоит пить его слишком часто, потому что... Уходит очарование прикосновения к целительным тайнам древности, а вместе с ним ослабевают и целительные силы чая, не в последнюю очередь основывающиеся на вдохновенной вере.

— Можешь не пить всё, но хотя бы попробуй.

Ева зажмурилась и сделала отчаянный глоток, после которого довольно надолго замолчала, задумчиво крутя кружку в ладонях.

— Очень гадко?

— Терпимо.

— Скорее, терпко и, что ещё важнее, сытно, но не давит на желудок. А тебе сейчас нужно чувствовать себя бодрой.

— А почему ты раньше не поил меня таким чаем?

— Потому что для него нужны особенные ситуации, вот как сегодня, к примеру.

— Да-а-а, сегодня... — Она снова пригубила чай и, словно набравшись решимости, спросила: — Так что ты хотел мне объяснить?

Нисколько не хотел, девочка, но есть слово «надо», и от него никуда не спрячешься.

— Через несколько минут тебе предстоит пройти экзамен, и я хочу, чтобы ты не думала о его возможном результате, ни плохом, ни хорошем.

— Как же можно не думать, ведь после него... — Ева взволнованно осеклась.

Представляешь себе, что всё в твоей жизни бесповоротно изменится? Правильно. Но это только одна сторона монеты, а сейчас я покажу тебе другую.

— Давай просто рассмотрим два варианта, провал и успех, хорошо?

Как и все молодые люди, фройляйн Цилинска хотела получать решения всех задач сразу и в полном объёме, не напрягая разум логическими цепочками, но, поскольку знала, что со мной подобный номер

не проходит, покорно вздохнула:

— Ну давай.

— В случае успеха ты получаешь статус сьюпа и, если у тебя ещё не присмотрено места постоянной работы, становишься на учёт в Коллегии и получаешь пособие до тех пор, пока не начнёшь зарабатывать сама. В случае провала ты всего-навсего продолжаешь жить, как жила, и остаёшься в салоне, пока он тебе не надоест. Всё понятно?

— Да, но... Ты говоришь о званиях, должностях, деньгах. А как же я сама?

— А что ты?

Девушка стиснула кружку в побелевших от напряжения пальцах:

— Ты не сказал, что случится со мной внутри, если я...

— Проиграешь или выиграешь? Я не могу этого сказать.

— Врёшь. Ты не хочешь.

Заявление несколько безапелляционное, но, впрочем, справедливое. Я могу предположить правдоподобное развитие событий и по тому, и по другому сценарию, но, если заранее рассказать, какие имеются обходные пути, никто никогда не проложит прямые.

— Перед экзаменом тебе важнее знать совсем другое.

— Что, например?

— Как поступать, чтобы добиться успеха.

— А если я хочу проиграть? — Она впилась в меня немигающим взглядом. — Ты можешь меня научить?

Проигрывать? Эх, глупышка, об этом охотно и совершенно бескорыстно позаботятся другие.

— Откуда у тебя взялось такое желание?

— Я...

«Не могу, мне нельзя, слышишь, нельзя! Я натворю одних только бед, потому что...»

— Думаешь, ты не готова?

Ответом мне послужило молчание, в данном случае означающее полное и беспрекословное согласие с вопрошающим.

— Вот что, фройляйн. Если уж на то пошло, вы никогда не будете готовы к тому, что должно произойти. Каждый новый день будет предлагать вам задачи, с которыми вы раньше никогда не сталкивались, и каждый раз решения придётся принимать наобум, руководствуясь только памятью о прожитых на этом свете днях.

А память, как известно, штука ненадёжная и беспринципно-коварная.

— Значит, нет никакого смысла продолжать... — тихо заключила Ева.

— Есть.

— Но я... Я не смогу... Я не переживу, если ошибусь ещё раз!

— Переживёшь. Как предотвращать беды, не знаю, но бороться с их последствиями я тебя научу.

— Обещаешь?

— Разве я когда-нибудь тебе врал?

— Всегда, — беспомощно улыбнулась фройляйн Цилинска.

— Тогда внимательно выслушай ещё одно моё враньё. Когда войдёшь в зал, выкинь из головы все мысли об экзамене. Считай его чем-то вроде поездки в метро или прогулки по парку: да, опасность может подстерегать везде, но она совсем не обязательно появится у тебя на пути. Обдумывай свои ответы спокойно, ни в коем случае не торопись, как бы тебя ни подгоняли. Не обращай внимания на реакцию членов комиссии, они всё равно не огласят свой вердикт до завершения экзамена, а тогда уже будет поздно о чём-то сожалеть. Понятно? Веди себя так, как привыкла, не подстраивайся ни под кого. И чувствуй себя свободно!

Следовало бы добавить: «Пока можешь», но не хотелось расстраивать девушку ещё больше.

— А ты... Ты меня подождёшь?

Я едва подавил ехидный смешок.

— Мы не будем расставаться.

— Как это? — растерянно хлопнула ресницами Ева.

Ага, значит, сама она не вносила мою кандидатуру на утверждение. Да, собственно, и не могла это сделать в силу своей неосведомлённости. Тогда кто? Леди Оливия? Скорее всего. Она имела такое право как официальный работодатель.

— Я буду наблюдателем на твоём экзамене. Наблюдателем с твоей стороны.

— Но... — Девушка окончательно запуталась. — Мне говорили, что наблюдать могут только...

— Зарегистрированные сьюпы.

— Тогда... Ты...

Я постарался улыбнуться как можно добродушнее:

— Ага.

Ева поставила кружку на подоконник и обиженно отвернулась.

— Ну, не куксись!

— Лжец. Наглый.

Злись, злись, девочка! Злость может тебе сейчас очень даже пригодиться.

— А вот и наша новенькая! Как себя чувствуешь, милая?

Столько радушия и искренней заботы в голосе фрау Эртте на мою долю не приходилось ни разу. Честно говоря, по опыту предыдущего общения эта женщина казалась мне неспособной на что-то кардинально отличное от грозного командного тона.

— Госпожа...

— Секретарь, просто секретарь. Я уже подготовила для тебя все необходимые документы и, надеюсь, не позднее чем через час, занесу твоё имя в главный регистр.

— А скажите... Я могу на экзамене отказаться от наблюдателя со своей стороны?

Фрау Эртте подозрительно и, видимо в профилактических целях, укоризненно посмотрела на меня поверх очков, а девушке ответила ласково, но твёрдо:

— Ты можешь делать всё, что хочешь, милая. Но от наблюдателя я бы на твоём месте не отказывалась, каким бы плохим он ни был.

— А поменять?

— Сейчас это уже невозможно, — сказала, как отрезала, госпожа секретарь.

«Вот ведь несносный мальчишка! Стараешься, стараешься для общей пользы, а он берёт и всё портит в последний момент! Я же не Всемогуший Боженька, выше головы прыгнуть не смогу...»

— Не волнуйтесь, фройляйн, я нисколько вам не помешаю.

— Но ты будешь сидеть там!

— Как и куча других людей.

— Я не желаю...

— Мы уже идём, фрау Эртте! — сказал я, подхватывая упирающуюся Еву под локоть.

* * *

Рассерженная женщина настолько похожа на взбешённую кошку, что начинаешь сомневаться в её принадлежности к человеческому роду и поневоле задаёшься вопросом, по чьему же подобию она была сотворена. Ева исключением не стала, всю дорогу до актового зала шипя на меня в лучших традициях соседской Тильди — короткошёрстного исчадия ада, считающего сад своими исключительными охотничьими угодьями, а заодно и отхожим местом. Впрочем, при виде расположившейся за длинным

столом экзаменационной комиссии к девушке вновь вернулось соответствующее ситуации волнение, и моя провинность оказалась на время забытой перед лицом других неприятностей, выпавших на долю фройляйн Цилински.

Председатель комиссии и бессменный глава Коллегии герр Крюгер, сухонький, удивительно подвижный для своих восьмидесяти с лишком лет старичок, радушно предложил:

— Располагайтесь, фройляйн...

— Цилинска, — не замедлила подсказать госпожа секретарь. — Ева Ангела Цилинска, место рождения и проживания — Ройменбург.

— Очень хорошо! — непонятно чему обрадовался герр Крюгер. Может быть, тому, что в ряды медиумов попадёт гражданин города, потому что среди членов Коллегии, насколько мне известно, подавляющее большинство составляли всё-таки приезжие.

— По представлению вашего куратора герра Стоуна, вы признаны готовой пройти квалификационный экзамен. У вас лично есть какие-либо возражения по этому поводу?

Ева открыла было рот, но новость о моём кураторстве оказалась ещё более ошарашивающей, чем все предыдущие, поэтому девушка так и не произнесла ни слова, что было на руку нам обоим, поскольку оказалось сочтено полным отсутствием возражений.

— Позвольте представить вам комиссию и представиться самому. Петер Крюгер. Я здесь председательствую, а по совместительству ещё и управляю сумасшедшим балаганом, носящим гордое имя Коллегии медиумов. Справа от меня герр Грюнберг, наш блюститель чистоты и нравственности, далее его ассистент, которая и будет проводить экзамен, — фройляйн Корн, совсем недавно пополнившая наши ряды, но подающая определённые надежды... Правда, не мне, — гнусно хихикнул старичок. — Слева герр Демеш, наш австро-венгерский коллега. С секретарём, думаю, вы уже знакомы: фрау Эртте у нас скала, я бы даже сказал, глыба порядка. И собственно... Герр Стоун. Его вы наверняка знаете лучше всех нас, вместе взятых. Он будет наблюдать за, так сказать, соблюдением внутренних правил.

Смуглый и черноволосый Ласло Демеш как воспитанный человек кивнул мне, хотя мы пересекались с ним едва ли пару раз за пять лет, а вот Ханс Грюнберг, всегда выглядящий нарочито измождённым страдальцем, выделил для приветствия только взгляд, не выражавший никаких добрых чувств. Молодая женщина, названная ассистентом моего давнего недоброжелателя, в отличие от него посмотрела на меня с рассеянным

интересом, но не более: видимо, руководитель ещё не ставил её в известность об объекте своей неприязни и причинах таковой. Впрочем, как некогда показало *чтение*, он и сам толком не понимал, в чём дело. Наверное, я ему просто с самого начала не понравился. А может быть, Грюнберга сводил с ума факт попадания в ряды природных медиумов «выкидыща науки», как он всегда называл меня за глаза.

— Порядок проведения экзамена очень прост. Фройляйн Корн читает фрагменты газетных статей, разумеется, не вслух, а вы рассказываете нам, о чём идёт речь. Газета самая обычная, даже не сегодняшняя. На каждый фрагмент отводится примерно десять минут, всего пять фрагментов. Темы, как вы можете догадаться, разные. Если не сможете справиться с фрагментом с первого раза, вы вправе попросить повторить, но это, разумеется, снизит количество баллов. Всё понятно?

— Да, герр председатель.

— Вы готовы начать?

Ева сделала глубокий вдох, выдохнула и откинулась на спинку стула:

— Да.

Сейчас она выглядела кем-то вроде беженки: в надетом поверх тонкого свитера просторном сарафане, вылинявшем от частых стирок, вязаных чулках и своих любимых туристских ботинках. Волосы, скрученные в две неряшливые «улитки», серьёзности внешнему виду девушки тоже не прибавляли. Представляю, что думает о ней тот же Грюнберг... А собственно, зачем представлять? Сейчас и так узнаю.

Хммм.

«Ещё одно чучело. И откуда они все берутся? А главное, доколе это будет продолжаться?! Неужели среди отпрысков уважаемых семей нет кандидатов? Конечно же есть. Только они, как благовоспитанные люди, не торопятся застолбить себе место под солнцем, расталкивая всех остальных...»

Предсказуемо. Если учесть, что и я, по мнению Ханса, принадлежу ко всякому сброду, то Ева, выросшая без родителей, под присмотром старенькой бабушки, тем более подпадает под определение «не то, что нужно». И хотя экзамен одинаков для всех претендентов, у экзаменаторов может быть на сей счёт другое мнение, а значит, мне следует быть повнимательнее.

— Герр Стоун, у вас есть какие-то особые требования к проведению экзамена?

— Нет, герр председатель, всё как всегда: никаких специальных терминов из области науки, искусства, промышленности и прочего,

никаких иностранных слов и никаких имён.

— Согласен, — кивнул герр Крюгер, подавая знак к началу экзамена.

Фройляйн Корн раскрыла газету, показательно сосредоточилась и начала думать. Сложность процедуры состояла в том, что сознание должно было отражать не впечатление от прочитанного текста, а сам текст, причём, дословно и непременно с паузами, символизирующими знаки препинания.

«В минувшее воскресенье состоялось торжественное открытие нового учебного центра при университете. Классы центра рассчитаны на три сотни одновременно занимающихся абитуриентов, а в лабораториях могут проводиться как входящие в курс обучения исследования, так и самостоятельные разработки студентов и преподавателей...»

А она молодец, думает старательно и чётко. У Евы не должно возникнуть трудностей с этим фрагментом.

— В университете торжественно открылся новый... обучающий центр, в котором могут учиться триста человек сразу. А ещё в нём могут вестись разные научные исследования... и прочие работы учеников и учителей.

— Когда именно произошло открытие?

— В воскресенье, — после задумчивой паузы ответила Ева.

— Какое именно упоминается воскресенье?

— То, которое прошло.

Грюнберг недовольно сморщился, но кивком попросил своего ассистента продолжать.

Конечно, качество Евиного *чтения* немного хромает, но большего ожидать было нельзя, потому что фройляйн Цилинска никогда не училась в университете и не может безошибочно сопоставить чужие мысли и собственный набор терминов. Хорошо ещё, фройляйн Корн не чужды университетские будни, и она добавляет мыслям эмоциональную глубину, иначе Ева справлялась бы гораздо хуже.

На моём экзамене наблюдателя не было, и это не противоречило правилам только потому, что в них имелся пункт об «исключительных обстоятельствах», под которые моё появление попадало на двести процентов. Если бы в комиссии присутствовал человек, отслеживающий тематику и способы изложения информации, вполне возможно, моя судьба сложилась бы иначе. Хотя...

Успешно сдав экзамен, я бы достиг заявленной цели. И что дальше? Куда бы я шагнул? Окунул бы с головой в работу, всё больше и больше утверждаясь в собственной непогрешимости и укладывая штабелями собственноручно наломанные дрова? Уж точно, глубоко задумываться бы не стал. И сомневаться, упаси господи! Нет, мне всё было бы по плечу, и

довольно скоро я уподобился бы тому же Грюнбергу, с презрением вззирающему на всех, кто не сумел занять одну ступеньку с ним. Самое страшное, что это произошло бы естественно и незаметно, ведь мне так и не открылась бы обратная сторона луны. Или разделил бы судьбу Доры Лойфель, живущей только в минуты работы, а всё остальное время только существующей в ожидании смерти, то вялом, то... Активном, как в нашу недавнюю встречу. Нет, такие варианты развития мне категорически не нравятся, стало быть, и к лучшему, что экзаменатор меня завалил. Правда, не с оглушительным треском, поскольку все подготовительные тесты были сданы успешно, но срезаться на последнем вопросе всегда обиднее, чем на первом. А присвоение «приостановленного членства», когда даже «действующее» казалось ничтожной мелочью, и вовсе стало бы смертельным ударом, если бы... В тот момент я не находился в состоянии беспредельного возмущения.

— ...и повышения цен на молоко не будет.

С каждым новым фрагментом Ева чувствовала себя всё увереннее и, судя по довольной улыбке председателя комиссии, была в шаге от успешной сдачи экзамена.

— Разрешите? Я всего на минуточку! — В актовый зал влетела девушка из секретариата, положила передо мной на стол тонкую папку и, понизив тон, шепнула: — Вас просили посмотреть. Это срочно, человек ждёт.

— Нарушение хода экзамена не приветствуется! — шутливо погрозил секретарше пальцем герр Крюгер.

— Убегаю, убегаю, убегаю! — Дверь хлопнула, заглушив торопливые шаги, а я открыл папку, в которой оказался всего один листок бумаги, не загромождённый текстом, а потому мой взгляд сразу остановился на главном. Не мог не остановиться.

«Я, Дора Генриетта Лойфель, находясь в здравом уме и твёрдой памяти... назначаю гражданина города Ройменбург Джека Стоуна своим душеприказчиком со всеми надлежащими обязанностями...»

Быстро же ты подсуежилась, До. Впрочем, глупо было рассчитывать, что тебя успокоит одно лишь моё обещание, а теперь я уже точно не смогу сбежать от возложенной ответственности. Ну что ж, быть по сему.

— И напоследок, может быть, вот это? — Грюнберг, судя по жесту, указал своей ассистентке на какое-то определённое место в тексте.

«Я юная, но опытная блондинка, в моих губах нет ни грамма силикона, и, доверив им... ты узнаешь... настоящее... войдёшь... как... врата...»

Дальнейшие мысли фройляйн Корн утонули в горячем, как кипящее

масло, и таком же вязком тумане. Господи Великодушный, Ханс что, ткнул указующим перстом в колонку рекламы интимных услуг? Ну и сволочь же. Впрочем, никто из комиссии не возражает, напротив, все с нетерпением ждут ответа экзаменуемой. Нервничает одна только фрау Эртте, но она не медиум и не может знать, что происходит, а Ева сидит ни жива ни мертва, потому что...

Я подошёл к девушке и тихо спросил:

— В чём трудность?

Фройляйн Цилинска так же тихо, но очень отчётливо, хотя и сквозь зубы ответила:

— Я не могу ЭТО произнести.

Ну вот, не хватало ещё приступа неожиданной скромности!

— Можешь.

— Нет. — Светло-голубые глаза Евы, так похожие на глаза Анны цветом, но вместо уверенности наполненные беспомощной обидой, смотрели на меня умоляюще. — Не проси, Джаак. Всё кончено. Мне лучше уйти.

Она сделала попытку встать, но мои ладони не позволили.

Вот именно поэтому я не обмолвился и словом о «жизни после поражения». Противник только-только показал зубы, а мы уже готовы развернуться и убежать? Нет, так не пойдёт. Не позволю. В конце концов, должность куратора меня к этому обязывает.

— Сиди, сейчас всё уладим.

— Не надо...

— Сиди!

Я повернулся к столу комиссии. Чтица постепенно справлялась с волнением, но предательский румянец на щеках всё ещё оставался.

— Вы не могли бы повторить фрагмент?

— Я... О... Мне не хотелось бы, — честно призналась фройляйн Корн, чувствовавшая себя не менее неуютно, чем Ева.

— А к чему повторение? — суетливо встрепенулся Грюнберг. — Думаю, все члены комиссии подтвердят, что текст крайне прост, и, если экзаменуемая не смогла понять его с первого раза, она вряд ли заслуживает звания...

— Экзаменуемая отлично поняла текст.

— Так почему же она молчит?

— По личным причинам. Воспитание не позволяет ей озвучить прочитанное.

— Господь с вами, Стоун, вы ведь сами знаете, текст

обыкновеннейший. Вы ведь его *прочли*? — повторил Ханс, ехидно улыбаясь.

Забавно, но он искренне уверен в обратном. Интересно, почему? Ах да, я же как раз перед последним фрагментом увидел завещание Доры, и, если бы не состоялось того разговора на площади, сейчас мои мысли были бы неприятно смешаны, если не спутаны, какая уж тут сосредоточенность...

Значит, твоих рук дело, герр Грюнберг?

«Конечно, моих! И сейчас ты поплатишься за свою наглость...»

— Может быть, если экзаменуемая по личным мотивам не может ответить, ответит её куратор? Правила это допускают, не так ли?

Председатель комиссии и рад был бы с кем-то переглянуться, таким образом разделив ответственность за последствия принятого решения, но под напряжённым надзором фрау Эртте не рискнул лишний раз двигать шеей:

— Да, правила позволяют. Вполне позволяют. Вы можете отвечать.

Я сел на корточки напротив уже празднующего безоговорочную победу Ханса, упёрся локтями в край стола, подбородок положил на сцепленные в замок пальцы и произнёс, не слишком громко, но отчётливо:

— Я, конечно, не юная и не блондинка, но в моих губах, по странному стечению обстоятельств тоже не присутствует ни капли силикона. Правда, гораздо охотнее с твоим достоинством поработают мои пальцы, причём хватит и секунды, чтобы доставить тебя в... Вот только не знаю, берут ли в рай грешников, вынуждающих молодых девушек краснеть от стыда?

Госпожа секретарь бесстрастным тоном потребовала:

— Покажите мне последний фрагмент. Я должна внести его содержание в протокол.

— Ну что вы, что вы! — пошёл на попятную Грюнберг. — Это была всего лишь шутка, так сказать, для разрядки обстановки... Фройляйн успешно сдала экзамен, и у меня нет к ней ни малейших претензий!

— Вы подпишетесь под своими словами? — с нажимом спросила фрау Эртте.

— Разумеется, подпишусь! — Ханс вскочил на ноги. — Позвольте поздравить вас, фройляйн Цилинска! С этого дня вы становитесь членом нашей большой и дружной...

— Вот уж кем-кем, а членом я становиться как-то не расположена, — угрюмо заметила Ева.

Блюстителя чистоты и нравственности я догнал в третьем повороте коридора, огибающего здание Коллегии по всему периметру.

— Что тебе сделала эта девушка?

Грюнберг растянул губы в слащавой улыбке и мечтательно прогнусил:

— Несколько восхитительных, великолепных, потрясающих ми... Ой, извини, ты, наверное, имеешь в виду фройляйн Цилинску?

— Несмешная шутка.

— Зато твоё сегодняшнее представление произвело на всех неизгладимое впечатление. Bravo! — Он с расстановкой три раза хлопнул в ладоши.

— Рад, что тебе понравилось.

— Каждый раз, когда я смотрю на тебя, Джек, мне становится невыносимо горько и больно за погубленное будущее человечества. Сколько сил, выдумки и неподдельного энтузиазма такой упорный человек, как ты, тратит на удовлетворение никчёмных капризов... Уму непостижимо!

Форма выражения несколько изменилась, приобретя новые акценты и оттенки, но общий смысл отрешённо-возвышенной тирады остался прежним, хорошо изученным мной за прошедшие пять лет: герр Грюнберг презирал меня всеми фибрами обожжённой ненавистью души.

— И в чём же именно состоял мой последний каприз?

Ханс прислонился к стене и взглянул на меня снизу вверх. Помимо вины «выкидыша науки» в неожиданном взрыве тихого общества ройменбургских медиумов и глубокого убеждения в том, что я оставляю после себя преимущественно грязные следы, моего визави раздражали ещё и вещи сугубо объективные, в частности разница в возрасте и росте. Годами герр Грюнберг только-только приближался к сорока, что не давало достаточного превосходства над моими тридцатью тремя, а в высоту и вовсе уступал мне сантиметров двадцать.

— Этой девице нечего делать в регистре Коллегии.

— Ты забыл добавить: как и мне.

— О тебе отдельный разговор, Джек. При всей твоей... детской непосредственности ты всё-таки мужчина, к тому же проработавший несколько лет в полиции. А она?

— Фройляйн Цилинска станет хорошим сыюпом.

— Вот-вот! — Грюнберг энергично кивнул. — Ключевое слово

«станет». Вопрос, так сказать, далёкого будущего, а живём-то мы в настоящем! Неужели твоих мозгов не хватает на понимание этой простейшей из истин?

Обижаться на «блюстителя чистоты и нравственности» можно было только по первому, свеженькому впечатлению от знакомства, пока не становилось ясно, что он не делает исключения ни для кого и даже с патриархами Коллегии разговаривает в том же высокомерно-наставительном тоне. Я и не обиделся. За себя. А вот за Еву...

— Ты не веришь в её способности?

Ханс упёр затылок в стену и издал долгий протяжный то ли всхлип, то ли вой:

— Да при чём тут... Считаешь, я нарочно выбрал ту пикантную рекламу?

— Скажешь — нет?

— Не скажу. Но я преследовал совсем иную цель, чем видится тебе. «Не смогла ответить... воспитание не позволило...» Чушь! Медиумы стоят в стороне от морали, и ты прекрасно это знаешь. Почему же воспитание стыдливо молчит, когда девица посещает чужие головы?

Прав, чертяка. Все мы лезем плохо вымытыми руками в хрупкое, как первый ледок, человеческое сознание, копаемся там, безжалостно выдёргиваем то, что потребуется, и не чувствуем ни малейших угрызений совести.

— Она привыкнет. Или научится.

Грюнберг покачал головой:

— Ошибаешься. Хочешь, объясню почему?

Ну, раз уж ко мне снизошли, грех не воспользоваться случаем.

— Буду признателен.

— Учти, я разжёвываю всё это только потому, что некоторые вещи ты не способен понять самостоятельно. Если провести аналогию, можно сказать, у тебя нет базиса для перевода с одного языка на другой. И не будет. Природный медиум рождается со своим даром, Джек. Да, сначала он проявляется слабо, а может, и вообще не давать о себе знать до определённого возраста, но всё равно на протяжении долгого времени мы подсознательно привыкаем к своим способностям. И, как правило, начинаем читать чужие мысли раньше, чем понимаем, что именно и как делаем. Обычно полное осознание наступает в период от двенадцати до четырнадцати лет, но у отдельных «талантов» и гораздо раньше. И вот тогда случается что-то вроде ломки, во время которой происходит своеобразный естественный отбор: часть медиумов навсегда связывает

чение мыслей с сильнейшим страхом, а часть — с чувством безраздельной власти. Как можно догадаться, и первые и вторые не годятся для нормальной работы.

— Какое же место ты отводишь Еве?

— Может, дослушаешь сначала? — огрызнулся Ханс. — Параллельно с осознанием происходит и психологическое принятие дара. То есть либо ты привыкаешь к мысли о том, что твои действия по определению аморальны, либо...

— Теряешь внутреннюю свободу.

— Ну не так категорично, но в целом вывод верный.

Любопытненько. Передо мной подобной проблемы не стояло, потому что я изначально планировал использовать открывающиеся возможности для работы. Выражаясь пафосно, для служения обществу. А что должен был чувствовать подросток, например, воспитанный в строгих правилах и вдруг осознавший, что постоянно совершает преступление против неприкосновенности чужих мыслей? Глубокий шок, самое меньшее. И далее, конечно, встаёт нелёгкий выбор: постараться подавить свои способности, а если не получится, тщательно скрывать. Или, ударившись в другую крайность, пользоваться ими, наплевав на моральную подоплёку происходящего.

Если упростить окончательно, медиум может либо принимать свою исключительность как данность, либо стыдиться её. А в случае Евы...

— Значит, то, что девушка не смогла произнести несколько слов, свидетельствует о её зажатости?

Меня удостоили ещё одного хлопка:

— Бинго!

— Кстати, твоя ассистентка тоже не решилась повторить текст. Видимо, её ты экзаменовал другими способами?

— Другими не другими... — Грюнберг провёл ладонью по стене, посмотрел на покрывший кожу беловатый налёт и скривился, но отряхивать пиджак не стал. — Провалить можно кого угодно, было бы желание.

— А самый страшный грех фройляйн Цилински конечно же состоит том, что её курировал я?

Ханс довольно улыбнулся:

— Вот видишь, какой ты сообразительный! Не жди, извиняться не буду. Выдастся удобный случай, снова сделаю то же самое. И ещё, Джек. — Тут он сделал внушительную паузу, глядя мне прямо в глаза. — Пойми наконец: ВСЕ не могут быть Избранными.

— О чём ты? — удивлённо переспросил я, действительно пребывая в некотором ступоре от услышанного.

— Неужели требуется дополнительное разъяснение?

Представь себе, требуется. Потому что фразу Грюнберга можно понять, например, так: «Дали о себе знать твои нацистские предки?»

Ханс удручённо качнул головой:

— Это твоя больная тема, да?

Не моя. Мамина. Хотя Дагмара никогда не рассказывала мне о моих родственниках по материнской линии и их жизненных путях, любые упоминания событий последней войны заставляли черты решительного лица напряжённо каменеть. А я вполне солидарен с мамой в её чувствах. Вернее, по привычке вскидываюсь, стоит только кому-то задеть струны старых воспоминаний.

— Посмотри на мир, Джек. Он эволюционирует, какие-то виды животных продолжают существование многие века, какие-то исчезают полностью. То же происходит и с целыми человеческими нациями. Это законы природы, а не моя прихоть.

— Выживет сильнейший?

— Не обязательно. Выживет достойнейший, причём, спеша предупредить очередную вспышку твоего рыцарского рвения, уточняю: достоинство эта будет определяться вовсе не нами, а...

— Высшими силами?

Грюнберг переступил, перенося вес тела на другую ногу.

— Может быть. Хотя я бы их так не называл. Скорее, «имеющими возможность влиять». Улавливаешь ключевое слово?

Он меня доведёт своей привычкой вынуждать всех собеседников искать расставленные в многозначительных фразах акценты!

— Возможность?

— Нет. «Имеющие» — вот что самое главное.

— Но тот, кто располагает могуществом, не удержится, чтобы не испробовать его в деле.

— В яблочко! Только в соседнее, — торжествующе хохотнул Грюнберг. — Не может удержаться от соблазна только тот, кто не пробовал соблазн на вкус. А мне думается, наш мир уже достаточно стар и мудр, по крайней мере для того, чтобы не устраивать потоп, когда нужно всего лишь полить грядку.

Может быть, он и прав, надменный зануда Ханс. Но мне всё ещё хочется верить в благодать, доступную каждому из людей.

— Значит, в светлое будущее доберутся не все?

— Увы. И первыми, кто сойдёт с дистанции, будут рыцари в сверкающих доспехах. Такие, как ты, Джек.

— Пророчишь мне смерть?

— Ничуть. Но рыцари всегда бросаются на защиту слабых и обиженных, а потому гибнут чаще и в больших количествах, чем те, кому и в самом деле следовало бы избавить мир от своего существования.

— Что-то не припоминаю за собой особого рыцарства.

Лицо Грюнберга вытянулось от непритворного изумления.

— А экзамен? Вступился за несчастную «жертву» злого профессора. Классика!

— Э-э-э... — Не хочется врать по мелочам, поэтому признаюсь как на духу: — Я не спасал Еву. Я воевал с тобой.

— Знаю, знаю! Но что особенно интересно, боевые действия ты начал, только когда помощь понадобилась другим.

— Я слишком ленив, чтобы трепыхаться просто так. И люблю публичное признание своих заслуг.

Ханс покровительственно похлопал меня по плечу:

— И это оставляет тебе некоторую надежду на спасение от неурочной гибели! Ладно, мне пора. До свидания. И следи за своими доспехами: они могут выдержать только ограниченное количество ударов.

Доспехи, значит? Не беспокойся, они у меня ещё толком ненадёванные! И если уж речь зашла о сказках, легендах и прочих чудесах...

— Задержись ненадолго.

— С какой стати?

— Хочу кое-что спросить.

— Рассчитываешь получить ответ?

— Питаю на сей счёт скромные надежды.

Он остановился, наверняка скорчил десяток недовольных гримас, но всё-таки повернулся ко мне:

— Спрашивай.

— Тебя когда-нибудь гипнотизировали?

Ханс внимательно взгляделся в моё лицо, видимо стараясь понять, шучу я или нет, но, поскольку и снаружи и внутри не нашёл ничего, кроме предельной серьёзности, нехотя признался:

— Было дело.

— На что это похоже?

— Станный вопрос, Джек. Неужели возникли проблемы?

— Нет, просто хочу сравнить ощущения.

— На тебя пытались влиять?

— Может быть. Именно поэтому и спрашиваю.

Брови Грюнберга хмуро сдвинулись.

— Приятного точно ничего нет. Ты теряешь контроль, в зависимости от мастерства гипнотизёра всё происходит плавно или рывками, но в любом случае чувствуешь что-то вроде тошноты и головной боли. До той минуты, пока не перестаёшь сопротивляться, конечно.

— А если в это время пробовать *читать* мысли того, кто воздействует?

— Пустое занятие. Гипнотизёр обычно не думает ни о чём постороннем, потому что сосредоточен на наблюдении за реакциями объекта, и во внешнем потоке его сознания ты не найдёшь связных фраз, только заготовки.

То есть образы, не нуждающиеся в словесном описании, поскольку они давно уже выучены и натренированы практически на бессознательном уровне, уровне тела. Понятно.

— Но их общий фон будет замечен?

— Разумеется. Именно от него твоя голова и начнёт нещадно болеть.

— А эха не возникает?

— Откуда? Разве что в отдельные мгновения, если внешнее проявление совпадёт с заготовкой.

Значит, гипноза и правда не было. Осталось решить, радоваться по этому поводу или огорчаться.

— А бывает так, что начинаешь думать именно то, что слышишь?

— То есть?

— Представь ситуацию. С тобой лично или с аудиторией разговаривает человек, и ты начинаешь думать именно так же, как он говорит. В отдельные моменты даже теми же словесными конструкциями. Но никакого насилия над сознанием нет, или влияние попросту не ощущается. Словно это твои собственные мысли, только ты до поры до времени не подозревал о их наличии в голове.

Вот теперь могу записать очко в свою пользу: шея Грюнберга заметно вытянулась. Сам я раньше не становился свидетелем сего чуда, но по Коллегии ходили сплетни, что такое телодвижение — признак крайнего удивления блюстителя чистоты и нравственности.

— Твои собственные...

Он потянулся к узлу несуществующего галстука, и только нащупав пальцами собственное горло, а не шелковистую ткань, понял, что ведёт себя странновато, и опустил руку.

«И раздастся глас тихий, и внемлют ему все, даже от рождения лишённые слуха, и бросит он семя в людские головы, и возрастет то семя, и принесёт плоды, и плодонося, пожрёт почву, в которую брошено...»

Станный речитатив. Очень тревожный. От него почему-то стало холодно и одновременно бросило в пот. Причём не меня одного.

— Ханс?

Грюнберг посмотрел на меня исподлобья:

— Постарайся избегать таких ситуаций, Джек. Особенно если точно знаешь, кто их создаёт.

— О чём ты думал? Что это? Цитата? Откуда?

— Если интересно, поищи Несвященное писание, Джек. Там есть ответы на все вопросы, которые ты задал и ещё задашь.

— Несвященное? Но...

— Всё. Мне пора.

— До свидания. — Я проводил взглядом его удаляющуюся спину и не удержался, чтобы завистливо не заметить вполголоса: — И всё-то обо всём ты знаешь... Прямо Мистер-Мозг какой-то!

Клянусь всеми святыми, он остановился. На очень краткий, почти неуловимый миг фигура Грюнберга застыла, словно мои слова уподобились пуле, попавшей в мишень. В самое «яблочко».

* * *

Тайны, тайны, тайны... Загадочные пророчества, туманные взгляды «в пространство», многозначительные улыбки. Мой личный опыт подсказывает, что за всей этой мишурой всегда прячется нечто очень простое, будничное и, возможно, весьма примитивное. В самом деле, кому придёт на ум прихорашивать что-то по-настоящему чудесное? Ведь оно и так будет сиять ярким светом сквозь пелену обыденности.

Но я тоже хорош. Наблюдал массовое помешательство, характерное для большого количества людей, находящихся в ограниченном пространстве, а решил, что имею дело с мировым заговором. Я же прекрасно знаю, что на стадионах, в концертных залах, в подземке и прочих местах скопления человеческих существ электромагнитное поле, образованное мыслительной деятельностью мозга, очень плотное, и достаточно возникновения одной-единственной точки напряжения, чтобы в голове у каждого присутствующего засвербело одно и то же. Это как центр кристаллизации: стоит кому-то подумать особенно сильно и в полном

соответствии с внешними обстоятельствами, как начинается необратимый процесс выстраивания всех сознаний под единую гребёнку. Например, в той же подземке, не приведи господь поезду сделать непредвиденную остановку в тоннеле, как все пассажиры за краткий промежуток времени начинают входить в состояние паники. Так что всё очень просто.

А какие «общие» настроения царили на том сборище? Несомненно, ощущение некой торжественности и значительности происходящего, усиленное тщательно подобранным антуражем. Происходи всё в пивной или скромном ресторане, эффект не был бы и вполнину настолько силён. Далее. Основная часть приглашённых на вечер к тому же участвовала в своеобразном соревновании за звание самого щедрого благотворителя, стало быть, люди из кожи вон лезли, только бы отличиться перед администрацией фонда, в частности перед фройляйн Штерн. И нет ничего удивительного, что я тоже поддался эмоциям, окружающим меня со всех сторон, поскольку, хотя старался не *вчитываться* нарочно ни в один поток, от бесформенных образов никогда и никуда не спрятаться.

И всё, что творилось в переговорной комнате, тоже имеет крайне простое объяснение, несмотря на первоначальную странность и непонятность. Агата была в шоковом состоянии, причём в той его разновидности, которая сопровождается кратковременным опустошением сознания, поэтому могла воспринять любой приказ извне, а тем более приказ «успокоиться и понять, что всё в порядке». В не менее взбудораженных чувствах пребывал и герр Бломберг, застигнутый врасплох на месте прелюбодеяния. Анне достаточно было лишь направить его мысли в ещё существующее русло, а именно «школьные экскурсии», а уж добиться согласия на скидку, пусть даже стопроцентную, было легче лёгкого, ведь мужчине тоже настоятельно требовалось чем-то заместить вышедший из-под контроля хаос в голове. Почему же я тревожился тогда и сомневаюсь сейчас?

Наверное, во всём виноват разрез на юбке Анны. Соблазнительный, бесцеремонный, не знающий поражений и отказов до вчерашнего вечера. Но сам ли я справился с наваждением? Хотелось бы быть уверенным в собственной силе и талантах, очень хотелось бы, вот только...

Это она меня отпустила, а не я ушёл. Она всё-таки подчинила моё сознание, уж не знаю, какими чарами. И если бы в какой-то момент не решила: «Хватит на сегодня», ночь закончилась бы совершенно иначе, а утро могло и вовсе не наступить. Моё собственное, принадлежащее мне одному утро.

Что это? Любовь? Но почему к ней примешивается страх потерять

себя? Разве моя личность так уж дорога? Скорее бесценна, то бишь никто не даст за неё приличной цены. И я в данном случае скупец не из последних, потому что платить-то толком не за что. Какое-то животное, бессознательное стремление убежать и спрятаться... Уж лучше бы хотелось драться, но, видно, настоящей смелости во мне нет. Или не отчаялся до последнего предела. А Грюнберг ещё что-то говорил о рыцарстве! Чушь! Ты ошибся, Ханс, жестоко ошибся.

«Все не могут быть Избранными», да? Ты ведь говорил обо мне и только обо мне. Для тебя я так и остался «всеми», находящимися где-то у подножия престола, выделенного медиумам. И даже то, что мне удалось дотянуться до нижней ступеньки, ничего не изменило. Да, я получил дар сразу и в полном объёме. Принял, не страдая, не мучаясь непохожестью на обычных людей. Принял осознанно, преследуя чёткую цель. Не беда, что цель оказалась неправильной, но она была достигнута. Была, слышишь? Правда, если бы мне было заранее известно обо всех подводных камнях, я бы никогда не совершил самый смелый поступок в своей жизни.

Оторвался от круга людей, живущих нормально и привычно, но не влился в компанию провидящих чужие мысли. Зачем, спрашивается, старался? Зачем рискнул здоровьем и будущим? Великолепное подтверждение теории доктора Лювига, вот кто я. Выкидыш науки. Что ж, остаётся утешать себя хотя бы этим. Хотя бы удовлетворённостью и гордостью Макса. Он очень талантливый учёный, может быть, гениальный. И так же, как и я, не принятый обществом, в которое стремился, но мне повезло больше. Мой рассудок остался со мной.

Тьфу. Вот за такие размышления и не люблю посещать Коллегию. В разные сезоны и разное время суток моя нелюбовь колеблется от вялого равнодушия до искренней и не обременённой разумом ненависти, никогда не приближаясь к чему-то, хоть немного похожему на удовольствие. А всё почему? Потому что здесь прутья правды, из которых сплетена моя клетка, начинают врезаться в душу. Потому что мне становится тесно... Но кому есть дело до озлобленных сентенций неудавшегося сьюпа? Лучше зайду в секретариат, завизирую свою осведомлённость о назначенной мне роли душеприказчика. И заодно поговорю с Евой, если она, конечно, соизволит оторвать немножко своего сосредоточенного внимания от серебряного канта по краю угольно-чёрной пластинки и заметить моё присутствие.

— Уже получила удостоверение? Поздравляю!

— Да, много времени торжественная церемония не заняла, — хмуро подтвердила фройляйн Цилинска. — Я так думаю: от меня хотели поскорее избавиться.

— Не говори ерунды. Просто... Сьюпы не любят пышные празднества.

— Начинаю понимать почему. — Голос девушки совсем заledenел.

— Ева, конечно, ты представляла всё иначе, но это не повод расстраиваться.

— Иначе? — Она подняла на меня расстроенный взгляд. — Я вообще ничего этого себе не представляла. Никак. Этого не должно было произойти!

— Поясни.

— Неужели не понятно? Мне и даром не нужна эта штука!

Пластиковая карточка пролетела через широкий коридор, срикошетила о стену и приземлилась на паркет шагах в двадцати от меня.

Я посмотрел в глаза, горящие бешенством и отчаянием, сходил за ненавистным Еве прямоугольником, поднял удостоверение и вернулся.

— Не делай так. Пожалуйста.

— Почему? Потому что тогда все твои заслуги окажутся напрасны? Ты же герой! Защитил бедную и несчастную девушку! Закрыл грудью от вражеского огня!

подавляю невольную улыбку. Эх, Ханса бы сюда сейчас с его разговорами! Для рыцаря что главное? Признание подвига. А что происходит на деле? Спасённая дама готова разорвать на клочки и полученный приз, и того, кто его добыл. Меня то бишь.

И чёрт подери, мне это нравится!

— Не волнуйся, своё самолюбие я потешил вдоволь. Но карточкой всё-таки не расшвыривайся. — Я протянул Еве пластиковый пропуск в царство медиумов. — Не надо. Она не так уж бесполезна, как тебе кажется.

— Знаю, всё я знаю! Но она... Я не хочу ею пользоваться.

— Не хочешь — не надо. Только это всего лишь символ того, что находится внутри тебя. Так стоит ли убегать?

Голубые глаза девушки блеснули слезами.

— Ты во всём виноват.

— Конечно.

— Это ты устроил экзамен.

— Скажем чуточку иначе: сообщил в Коллегию, что ты к нему готова.

— Скажи, только честно... — Она сжала мою руку своими. — Ты мог... промолчать?

Угу. А ещё мог соврать, но не видел в этом ровным счётом никакого смысла. Наверное, потому что насмотрелся уже на жизнь медиумов, как официально зарегистрированных, так и подпольных, и знаю, чем чреваты

препираательства с законом.

— Рано или поздно это должно было случиться.

— Но ты мог промолчать?! Ответь!

— Ева, ничего бы не изменилось.

— У меня появилось бы время!

— На раздумья? Или на побег от действительности? С того самого момента, как твоё имя занесли в списки с пометкой «медиумические способности в латентном состоянии», твоя судьба была предрешена. Кто подавал прошение в Коллегию? Вовсе не я. Ты знаешь, чьими усилиями оказалась здесь? Ведь ты знаешь?

Девушка зло закусила губу и отвернулась.

— Ева, я не собираюсь залезать в твои мысли. Я вообще не люблю это делать, а особенно с людьми, которые мне симпатичны. Скажи сама, хорошо?

Она молчала с минуту или больше, но мои пальцы не отпустила.

— Это я сделала. Пришла и подписала прошение.

— У тебя была причина?

— Да.

Ещё одна минута тишины.

— Я должна её назвать?

— Ты ничего не должна ни мне, ни кому-либо другому. Поступай так, как хочешь.

Иногда наступают времена, когда хочется рассказать самые страшные и постыдные свои тайны всему миру. Или хотя бы тому, кто согласен слушать.

— Меня воспитывала бабушка, родителей я совсем не помню. Она была уже старенькая, работать не могла, получала только пенсию... А находящимся на учёте в Коллегии платят что-то вроде стипендии. Не очень много, но на жизнь хватает. Вот я и...

Ева не смогла продолжить, а я не стал настаивать. И вникать тоже не хотелось.

У меня подобных проблем никогда не было, скорее всё происходило ровно наоборот: жил в своё удовольствие и сообразуясь только со своими желаниями. Нет, конечно, родителей старался не разочаровывать и всякое такое, но в важных для себя вопросах никогда не уступал. А давить на меня по-настоящему или подчинять не пытались. Может быть, потому, что приз незавиден? Ведь если вспомнить прошлый вечер, даже Анна пустила в ход свои чары лишь затем, чтобы выяснить пределы собственных возможностей, а не высоту и прочность стен чужой крепости...

Брр! Она так и не собирается выходить у меня из головы. Вот ведь упорная женщина!

— А ты?

— Мм?

— Почему ты стал сьюпом?

Потому что хотел принести пользу обществу. Этой правдой я успокаивал себя последние пять лет, но теперь понял, что клетка стала совсем тесна. Пора её сломать.

— Я хотел выделиться из толпы.

— И как? Получилось?

— Ага.

— Значит, ты счастлив?

Господи, Ева, какой глупый, совершенно детский вопрос! Я даже не могу представить, что такое счастье, а уж ответить...

— Ведь когда добиваешься своей цели, должен чувствовать себя счастливым?

— Это было слишком давно. Я просто забыл.

Она недоверчиво шмыгнула носом:

— И ты снова врешь... Не надоело?

— Нисколько.

Ева вдруг всхлипнула и прижалась к моей груди:

— Ври и дальше, хорошо? Обещаешь? Пусть это самая наглая ложь на свете, но от неё всё становится простым, таким понятным, словно знаешь ответ на любой вопрос... Ой!

Мой мобильный тренькнул девушке почти в самое ухо, и объятия пришлось разрушить.

— Извини. Слушаю!

— Синьоре Джек? Я бы хотел вам что-то показать. Что-то очень-очень интересное. Не могли бы вы сегодня зайти в мой офис? — на одной ноте протараторил голос, обладающий заметным акцентом.

Ну вот, только его мне и не хватало! Хотя... Есть возможность использовать служебное положение в корыстных личных целях, а посему не стоит откладывать визит в долгий ящик.

— Я зайду. Примерно через полтора часа. Жди.

Ева заинтересованно спросила:

— Кто это?

— Роберто с его вечной привычкой ёрзать как на иголках от любой незначительной новости. Хочет что-то показать.

— А-а-а... Поедешь к нему?

— Да. А ты устрой себе маленький выходной по поводу праздника!
— Не хочу, — надула губы Ева. — Скучно праздновать одной.
— Тогда просто погуляй. Или поспи. Или...
— Ладно, решу по дороге, — согласилась Ева. — Но сначала...
Нальёшь мне ещё этого странного чаю?

* * *

Магазин Роберто Аньяри располагался там, где и надлежит находиться всему возвышенному, прекрасному и дряхлому: в историческом центре Ройменбурга. От географического центра этот район города был довольно далёк благодаря бурному строительству, ведущемуся в последней четверти прошлого века. Впрочем, большого прироста населения не случилось, потому что в новые квартиры переехали преимущественно те жители города, которые не могли или не желали вкладывать собственные средства в содержание и реставрацию старинных домов. Освободившиеся таким образом жилые и нежилые квадратные метры были отданы под офисы и всевозможные магазинчики, поскольку магистрат здраво рассудил, что владельцы пусть маленьких и скромных, но предприятий более платежеспособны, нежели рядовые сотрудники тех же фирм.

Предприятие семьи Аньяри начиналось как скупка и перепродажа предметов старины, причём вовсе не на Альтенштрассе и вообще не на территории Германии. Почему дед Роберто принял решение покинуть насиженное место и перебраться из солнечной Италии в холодную северную страну, неизвестно, ведь ничего истинно древнего в Ройменбурге не могло быть по определению. Вероятнее всего, бежал от долгов или врагов, как и подавляющее большинство жителей — основателей моего города. Но прежние связи потеряны не были, и в лавке Аньяри всегда можно было приобрести или заказать нечто, представляющее собой ценность для любителей антиквариата, а с вступлением младшего наследника в управление семейным бизнесом ассортимент пополнился и произведениями вполне современного искусства. Сам неудавшийся художник, Роберто поставил себе целью находить и поддерживать молодые и непризнанные таланты, благо чутьё на шедевр у него было великолепное. А заодно синьор Аньяри удовлетворял и нужды салона «Свидание» в части...

— Бонджорно, синьоре Джек!
— Привет, Бобби.

Тёмные глаза хозяина магазина привычно вспыхнули искренним протестом.

— Роберто, синьоре Джек, Роберто! Ро-бер-то!

— Я же просил: поменьше итальянского. Не угомонишься, буду звать тебя Бобби до самой смерти.

Возмущение наполнило все черты и чёточки облика Аньяри, от тщательно приглаженных чёрных прядей над высокими залысинами до не прекращающих трепетание пальцев, подвижность которых, впрочем, как и общая подвижность и энергичность молодого итальянца, всегда меня поражала и заставляла немного завидовать.

— Синьоре Джек, вы просите невозможного!

— Разве?

— Кровь моих предков, синьоре...

— Не менее дурная, чем у моих, надо думать. Но твои предки переселились в Ройменбург достаточно давно, чтобы уважать здешние обычаи. Я же знаю, ты можешь говорить без малейшего акцента. Так сделай милость, избавь меня от своей итальянской экспрессии!

Конечно, он обиделся, показательно и пышно, но подобный разговор происходил и на прошлой неделе, и месяц назад, и вообще уже много-много раз. Короче, с момента нашего знакомства мы только и занимались тем, что отстаивали право каждого на собственное удобство.

Чем всё обычно заканчивалось? Тем, чем и должно было: Аньяри убирал из своей речи родной колорит, потому что как бы сильна ни была гордость, а удовлетворённая клиентура для предпринимателя всегда важнее. Такая «победа» меня не особенно радовала, но я ничего не мог с собой поделать, ведь каждое итальянское слово напоминало мне о проваленном экзамене, а боль утихала слишком медленно.

— Как пожелаете. — Притихший Роберто всегда становился похож на мелкого клерка, и всё же в глубине его похожих на маслины глаз легко можно было прочитать намерение когда-нибудь одержать верх в нашем поединке, а значит, надеяться на долговременное спокойствие не приходилось.

— Итак, что ты хотел показать?

— О, нечто совершенно великолепное! Нечто восхитительное и, как мне кажется, способное заинтересовать вас, а в вашем лице и салон.

Он удалился в глубь комнаты, заставленной предметами мебели, принадлежащими по меньшей мере четырём разным эпохам, и заговорщицки поманил меня пальцем из-за шкафа, создателем которого, по всей вероятности, был современник последнего кайзера.

— Идите сюда!

На откидной доске шикарного секретера живого места тоже, что называется, не было: пепельницы, портсигары, вазочки, мраморные глыбы письменных приборов, шкатулки и прочая дребедень, среди которой отчётливо выделялась картонная коробочка, единственная не покрытая заметным слоем пыли.

— Вот! У меня просто нет слов. Лучше, если вы посмотрите и выскажете свой вердикт.

— По поводу изящества этой бумажной тары?

Голова Роберто закачалась из стороны в сторону, как у китайского болванчика.

— Конечно нет, синьоре! Откройте её и взгляните сами!

Я взвесил коробочку на ладони. Спешить с открытием почему-то не хотелось. То ли настойчивость Роберто смущала, то ли заставляло нервничать странное ощущение, которое вещь производила на меня лично. Картонные стенки были настолько пропитаны восхищением Аньяри, что мне поневоле становилось стыдно заглядывать внутрь: что, если там и правда лежит нечто прекрасное, а я не смогу увидеть эту красоту? Но тянуть время бессмысленно. Нужно решиться и убрать крышку, чтобы... Восхититься, как и предсказал хозяин антикварной лавки.

Коробочка оказалась заполнена очень тонкой стружкой, в какой обычно перевозят хрупкие предметы, а из её середины, словно из уютного гнёздышка, на меня смотрела женщина.

Женское лицо в обрамлении коротких локонов и мелких цветов, сплетённых в подобие венка. Нет, оно не было красивым или хотя бы привлекательным: самые обычные черты, чуть суховатые, немного неправильные, но поражало не это, а умиротворённое спокойствие, буквально наполняющее каждую линию. Мастер, несомненно, создавал своё творение с натуры, потому что женщина казалась близкой и земной, но ему словно удалось скрестить жизнь с вечным покоем, потому что зрачки, едва намеченные в дереве медальона лёгкими прикосновениями резца, видели что-то большее, нежели мир вокруг, а губы были чуть удивлённо и в то же время всепонимающе приоткрыты.

— Разве это не чудо? — выдохнул Роберто, и сам уставившийся из-за моего плеча на содержимое коробочки.

— Чудо. Ты был совершенно прав.

— Он сказал, что у него есть ещё четыре таких медальона, а скоро будет готов шестой.

— Кто он?

— Талантливый человек, весьма талантливый! Он совсем недавно связался со мной и предложил посмотреть некоторые работы. Не все из них заслуживали внимания, особенно те, которые он сам называл старыми, но когда я увидел это... Нет, у меня просто нет слов! Вы часто заказываете мне небольших размеров амулеты, ладанки и прочее, а что скажете насчёт такой вещицы?

Заманчиво. Невероятно заманчиво. Медальон и сам по себе, без стараний леди Оливии, наверняка сможет осчастливить человека одним только созерцанием. А если его ещё и в руки взять...

— Позволишь?

— Всё что угодно, синьоре!

Я достал деревянное личико из гнёздышка стружки и положил на ладонь. Интересно, кем была эта женщина для скульптора? Возлюбленной? Родственницей? Безымянной натурщицей? Или...

«Как спокойно ты спишь... Спи, спи вечно... Как бы я хотел сделать твои глаза закрытыми, но ты и тогда никак не хотела опускать веки! Так и не закрыла, дрянь, всё смотрела и смотрела... Но теперь ты оставишь меня в покое, сама уйдя в вечность. Всё, чем ты причиняешь мне боль, я запру в этой деревяшке!»

Или жертвой.

Я едва подавил желание отшвырнуть медальон в сторону, потому что под прекрасным ликом пряталось что-то мерзкое, гадливое и грязное.

По первому впечатлению можно утверждать, что неизвестный мне мастер убил свою натурщицу. И возможно, до того, как приступил к резке по дереву. Но точно так же можно констатировать элементарную экзальтированность, свойственную многим людям искусства, или с рождения обладающим особым складом психики, или успешно воспитавшим в себе чрезмерную эмоциональность и склонность к преувеличению.

Чётко можно сказать только одно: женщину, изображённую на медальоне, мастер ненавидел.

— Беллссима! — Новый виток восторга Роберто вызвал во мне невольное отвращение, но было бы невежливо давать волю чувствам.

В конце концов, хозяин магазина ни в чём не виноват, а работа... Работа неоспоримо чудесная и талантливая.

— Я поговорю с леди Оливией и сообщу её решение.

— Только постарайтесь не думать слишком долго, синьоре.

Никогда не любил спешки, и замечание Аньери вызвало не слишком вежливый вопрос:

— Почему?

— Этот человек сказал, что задержится в городе ещё на два-три дня, а потом уедет.

Не вижу, как отъезд из города способен помешать вести переговоры, в наше-то время, испорченное благами научно-технического прогресса. Впрочем, неизвестный скульптор, как и любой другой человек, может обладать своими странностями и предубеждениями против самых обыденных вещей и ситуаций.

— Хорошо, мы поторопимся.

— Надеюсь, моё особое расположение к вашему салону будет... —
Аньяри красноречиво потёр пальцами. — Учтено?

— Непременно. Но у меня есть к тебе и личный заказ.

— Всё, что в моих силах, синьоре!

— Ты слышал что-нибудь о Несвященном писании?

Роберто почесал задумчиво выпяченный подбородок:

— Знакомо, очень знакомо... А, вспомнил! Моему отцу, как раз незадолго до того, как он ушёл на покой, заказывали копию этого писания, меня тогда ещё отправляли наводить справки. Вот, кажется, здесь есть кое-что. Как сейчас помню... — Он открыл дверцу книжного шкафа и после недолгих сомнений вытянул за корешок одну из книг. — Это прижизненное издание исследований одного из известнейших историков, занимавшихся историей религиозных течений, синьора Франсуа Дю Латтера. Страница двести двенадцать, кажется... Да, точно! Если желаете, можете ознакомиться, а я пока посмотрю, остались ли записи об исполнении того заказа. Присаживайтесь, не стесняйтесь!

Аньяри стряхнул пыль с подушки придвинутого к секретеру кресла, а сам, рассеянно бормоча под нос что-то лишь отдалённо похожее на песенку, скрылся в мебельных дебрях.

Антиквариат скрипнул под моим весом, но не так громко, чтобы предупредить об опасности. Что ж, значит, можно расположиться поудобнее и пододвинуть поближе к краю секретерной доски настольную лампу, слава господу современную и дающую достаточно света, чтобы разобрать строчки мелких букв на слегка пожелтевшей от времени бумаге.

«Первое упоминание о Несвященном писании датировано примерно 890-м годом от Рождества Христова. Более точную дату установить не представляется возможным, поскольку сохранился только список с Часослова из монастыря Святого Адальберта, а оригинал был утерян в период распада ордена бенедиктинцев.

Начиная с десятого века в кругах, близких к высшей религиозной

знати, распространяются полусплетни, полусвидетельства очевидцев о существовании сборника загадочных пророчеств, автором которых называют некую Иоанну, монахиню-бенедиктинку, удалившуюся от мира как светского, так и духовного и закончившую свою жизнь в горной часовне, которую, впрочем, жители окрестных деревень и поныне почитают не иначе, как священный храм. Упомянутая Иоанна до своего добровольного отшельничества некоторое время исполняла обязанности духовницы супруги Людовика II Немецкого, первого короля будущей Германии. Чем было вызвано решение монахини покинуть свой завидный пост, неизвестно, однако её намерение не вызвало протеста со стороны коронованных особ, более того, видимо, за особые заслуги Людовик обеспечил бывшей духовнице сопровождение и содержание во время последней поездки Иоанны с целью посещения монастыря Святого Адальберта.

С какой целью монахиня навещала сию обитель, авторы хроник не сообщают. Только в одном из так называемых римских писем, своеобразном отчёте перед папой о деятельности монастыря, отмечается, что вместе с Иоанной, названной „благостной сестрой“, ушли четыре послушницы: Фредерика, Марта, Елизавета и Беатриса. По всей видимости, именно эти женщины находились при Иоанне до самой её смерти, а потом покинули горную часовню, разойдясь по разным странам, если не сторонам света. Достоверных сведений о дальнейшей судьбе послушниц, так и не принявших монашеский сан, обнаружить не удалось, однако во всех источниках указывается на то, что уходили женщины не с пустыми руками. Четыре послушницы несли с собой в мир так называемые „Откровения Иоанны“, записанные ею самой. Но путешествовали женщины не в одиночестве. Как сообщают хроники тех лет, рыцари, назначенные Людовиком для защиты Иоанны, не покинули своих подопечных по прибытии в горную часовню, а остались жить в окрестных деревнях и, по слухам, даже основали свой собственный крошечный и крайне закрытый орден. А когда послушницы приняли решение уйти в мир, рыцари разделились и сопроводили каждую из них, тщательно охраняя и верно служа...

Отдельные историки ставят пророчества, сделанные монахиней, на ту же грань между непознанной истиной и откровенным шарлатанством, что и творчество Мишеля Нострадамуса, но в сохранившихся списках с оригинала „Откровений“ загадок ещё больше, чем таят в себе знаменитые катрены. И самая главная особенность пророчеств Иоанны заключается в том, что они написаны просторечным, а не церковным языком, без

видимых шифров и аллегорий. Написаны настолько привычно, что при чтении кажется, ещё немного, и станет ясна суть каждой строчки. Однако это всего лишь видимость, необъяснимая иллюзия, сопровождающая „Откровения“. По крайней мере, ни одно из известных пророчеств, или строф, как их правильнее называть, не нашло пока своего объяснения и продолжает служить поводом для лженаучных мистификаций.

Трудно предположить, о чём хотела рассказать или предупредить Иоанна. Взять хотя бы одну из самых известных специалистам строф: „Верующему в ангелов не суждено обрести покоя на твёрдой земле, верующий в демонов обречён видеть алчные пасти в каждой улыбке грешного мира. Лишь лезвие меча отделяет геенну от рая, но шествовать по нему не дано ни человеку, ни ангелу, ни демону, потому что взойти на тропу, каждый шаг по коей наносит кровоточащие раны душе, можно, лишь оказавшись одному против всех...“

Очевидно, что речь идёт о противопоставлении отдельной личности массовому сознанию. Возможно, даже о противостоянии между конкретным человеком и обществом. Но что это за личность? Она не должна верить ни в ангелов, ни в демонов, что по христианской традиции, которой Иоанна свято придерживалась в жизни, невозможно. Более того, индивидуума, способного оказаться против всего существующего, монахиня не причисляет и к людям. О ком она говорит? Иносказательна ли строфа или имеет строго определённое значение? Все сохранившиеся „Откровения“ свидетельствуют о том, что эта женщина обладала здравым, можно сказать, практичным и скупым на фантазии рассудком, а хронисты отмечают, что в бытность Иоанны духовницей она нередко давала королю и его супруге советы, многие из которых помогали Людовику II в успешном управлении государством.

Но в Несвященное писание входят откровения не только Иоанны. Если верить упоминанию в одной из хроник, хранящихся у главы ордена бенедиктинцев, послушницы, разделившие отшельничество со своей наставницей, также оставили после себя некие пророчества. Правда, официальных списков с тех рукописей не обнаружено, а оригиналы либо утеряны, либо хранятся в строжайшей тайне, поскольку, по замечанию хрониста, содержат в себе ещё более удивительные и странные вещи, нежели строфы, написанные Иоанной...»

Любопытная история. Значит, монахиня и четверо её последовательниц? Откровения, пророчества, мистификации... Во всей этой истории меня занимает только одно. Откуда леди Оливии известна строфа из «Откровений»? И герру Грюнбергу, разумеется, тоже. Если то, о

чём пишет Дю Латтер, правда, содержание Несвященного писания должно быть интересно только специалистам, углублённо занимающимся изучением религиозных девиаций. Моя хозяйка в особой любви к церкви и церковникам не замечена, Ханс, как мне всегда казалось, вполне себе равнодушен к справлению христианских обрядов. Но им обоим Несвященное писание не просто знакомо. Оно выучено обоими наизусть. М-да, хочется задать несколько вопросов, но... Поищу сначала сам текст. Может, в нём и правда найдутся все интересующие меня сведения?

— Добрый день, синьор Роберто.

— О, миа донна! Я счастлив видеть вас всей своей несчастной душой и разбитым сердцем!

— Вы всё время шутите, и всё время неудачно, — шутливо заметила невидимая мне с моего места женщина.

— Рядом с такой прелестной донной и любой мудрец потеряет рассудок! Ведь правда, синьоре Джек? Скажите ваше веское слово!

Я перегнулся через подлокотник, чтобы не наткнуться взглядом на шкафообразные редуты, и вынужден был мысленно подтвердить наблюдение, со всей непосредственностью озвученное Аньери, потому что...

Сегодня на её лице не было ни очков, ни слёз.

* * *

— Как поживает мой заказ?

Роберто развёл руками с нарочито сокрушённым видом:

— Пока ничего определённого, миа донна. Местонахождение всё ещё не установлено, но, по последним сообщениям, примерно восемь дней назад их видели в окрестностях Ройменбурга: официантка из придорожного кафе обслуживала супружескую пару. Одну минутку, миа донна, я принесу отчёт за прошедшую неделю!

— А я пока просушу плащ.

Что может послужить для начала беседы лучше, чем вопрос о погоде?

— На улице пошёл дождь?

— К сожалению, — мягко улыбнулась женщина. — Но что ещё можно ожидать осенью от этого города? Частые всхлипывания — самый безобидный вариант. И можно лишь надеяться и верить, что они не перейдут в рыдания.

Под мокрым плащом обнаружился тёмный, довольно бесформенный

джермпер и болотно-зелёная длинная юбка, расклёшенная за счёт клиньев из клетчатой ткани. Добавить к этому сапожки на низком каблуке, и получилась бы типичная хозяйка фермы где-нибудь в Йоркшире, раз в год с неожиданной оказией выбирающаяся в центр графства. Но стоило перевести взгляд на гордо поднятый узенький подбородок, как любые сравнения с провинциалкой из воображения безвозвратно улетучивались.

— Я вам не мешаю?

— Нисколько. — Книга, давно и без сожаления захлопнутая мной, отправилась обратно в шкаф. — Я уже собирался уходить.

Женщина обвела немного рассеянным взглядом «блошиный рынок» Аньери.

— Вы бываете здесь, потому что вам нравятся предметы старины?

В её вопросе чувствовался подтекст, очень глубокий и очень личный. Как если бы сама она причисляла себя к антикварным вещам и хотела расставить точки в общении сразу и навсегда. Наверное, мне следовало соврать, разразиться восторженной речью в адрес лавки и её хозяина, блеснуть познаниями в искусстве эпохи Возрождения или классицизма, но огромные тёмные глаза того необыкновенного типа, про который поэты любят говорить: «бездонный», не заслуживали быть обманутыми.

— По работе.

— Какое совпадение! Меня сюда привели тоже деловые интересы.

Она ожидала совсем другого ответа, ожидала с напряжённым нетерпением, но, получив то, что я смог дать, словно одновременно с разочарованием испытала и облегчение. Странная женщина. Некрасивая, невысокая, угловатостью облика даже немного напоминающая обезьянку. Но Господь мой, как же она хороша!

Облако волос, слегка смоченных недавно начавшимся дождём, распадается на отдельные пряди, и те, что успели потяжелеть от воды, приникли к гладкому лбу и крадучись спускаются по скулам вниз. Незагорелая, но вовсе не бледная кожа, лёгкий румянец на щеках. Когда женщина молчит, контуры черт её лица и особенно губ кажутся совсем мягкими и слегка размытыми, как на любимых моим отцом портретах кисти Гейнсборо, но стоит ей заговорить, лицо оживает, наполняется энергией, завораживает. И кажется, будто без общения незнакомка не существует, будто, находясь в одиночестве, она не знает, зачем живёт, а стоит хоть кому-то начать разговор...

Фейерверк. Взрыв. Карнавал красок. И переход из состояния почти потустороннего покоя в крайнюю возбуждённость происходит очень резко. Можно сказать, мгновенно. Наверное, это очень утомительно для того, кто

с ней живёт. Но я бы попробовал.

«А без очков вы кажетесь совсем беззащитным...»

Сразу же захотелось спросить: «Почему?», но делать это мысленно было совершенно бесполезно, а вслух оказалось бы невежливым. Лучше поговорить о других вещах:

— Мы ведь уже встречались с вами, но до сих пор не представлены.

— Считаете, что эту оплошность непременно нужно исправить? Но зачем? Возможно, мы больше никогда и не увидимся.

— В этом-то городе? Не уверен. В Ройменбурге, хочешь того или нет, постоянно натыкаешься на знакомых. Если, конечно, вы здесь не проездом.

— Это мой город.

Фраза прозвучала вполне невинно, разве что немного кокетливо, и могла означать всего лишь подтверждение моих предположений, но непонятная гордость и нежность, промелькнувшие в интонациях женщины, снова заставили подозревать наличие подтекста. Так обычно матери говорят о своих детях, любимых и беспокойных.

— Тогда разрешите представиться...

Она усмехнулась и скрестила руки на груди, спрятав в складках джемпера озябшие на сыром воздухе пальцы:

— Вы так торопитесь назвать своё имя, что я начинаю бояться.

— Меня?

— Будущего.

— Но почему?

— Знаете, говорят, что чем больше заводишь друзей и знакомых, тем сложнее шагнуть вперёд, когда придёт время.

— Время чего?

— Выбора, конечно.

— И между чем и чем нам придётся выбирать?

— Откуда же я знаю? — Изогнувшись в улыбке, губы её стали совсем узкими. — Всё провидят только Господь и его пророки, а остальным остаётся выбор... И ни одной лишней минуты на размышления. Жутчайшая несправедливость!

Женщина подошла к секретеру, вытянула карту из колоды, рассыпанной по хрустальной вазе, всмотрелась в поблекший от времени рисунок.

«И никто не уйдёт от платы, но ни с кого не возьмут более, чем он может отдать...»

Готов спорить на что угодно, строчка подозрительно похожа на те самые «Откровения»! Спросить? Промолчать? Да что же мне делать,

Господи? Подскажи! Наставь неразумное дитя своё!

— Двойка мечей. Любопытно.

— Вы гадаете на Таро?

— Иногда, для собственного удовольствия и развлечения знакомых. Вы спрашивали о выборе? Извольте. Взгляните на эту карту.

Изображение женщины, держащей в руках два обнажённых меча и словно готовящейся к обороне. Но разве можно рассчитывать на победу, если глаза закрыты повязкой? Так ведь невозможно угадать даже, с какой стороны придёт опасность.

— И что сие означает?

— То, что в скором времени вы окажетесь между двух огней.

— И мне придётся сражаться?

— Кто знает? — Она пожала плечами. — Может быть. Но ведь все мужчины любят сражения.

Её лицо вдруг потянулось к моему, словно женщина хотела рассмотреть меня как можно внимательнее, приблизилось настолько, что острый аромат дождевой свежести, исходящий от намокших волос, ударил в ноздри и...

Раздался оглушительный чих, причём не мой.

Она отшатнулась, согнувшись в приступе странного булькающего кашля. Ваза, задетая локтем, упала с секретерной доски, слава господу, не разбилась, потому что пол был покрыт толстым ковром, но карты разлетелись в разные стороны.

— Я... сейчас... соберу...

Женщина присела на корточки и лихорадочно начала сгребать разрисованные бумажные прямоугольники в кучку.

— Что с вами?

— Всё хорошо. Всё так, как и должно быть.

Павлиний хвост юбки, накрывший ковёр. Угадывающаяся под шерстяной тканью плавная линия бедра. Как знакомо... Это уже было со мной, совсем недавно. Но я не хочу снимать с этой женщины покровы. Ни одежды, ни тайны. Словно увидеть чуточку больше, чем дозволено, будет преступлением против чужой свободы, но ещё большим грехом станет фантазия, стремящаяся мысленно нарушить запреты. И вот ведь какой парадокс...

Я не хочу *читать* её мысли, даже те самые, обо мне и для меня. Я предпочту слушать её голос и смотреть в её глаза.

Как говорил Экклезиаст? Есть время любить и время ненавидеть? Значит, оно ещё придёт, моё время и её. Наше.

— Давайте, я помогу!

Мы едва не стукаемся лбами, потянувшись за одной и той же картой, женщина поднимает голову, и я вижу, как отчётливо и быстро припухают веки.

Неужели можно так расстраиваться из-за какой-то вазы и маленького беспорядка?

— С вами точно всё хорошо?

— Да... со мной... всегда... плохо бывает с другими... с теми, кто... где-то... там...

Её рука указала в сторону двери, а когда ладонь снова легла на ковёр, грудь женщины задрожала от рыданий.

Никогда не видел и не слышал такого плача, глубокого, словно выворачивающего человека изнутри. Совершенно сухие глаза. Красные, опухшие, но не проронившие ни слезинки. Но вот рыдания поднялись к горлу и выбрались наружу, обернувшись... Надрывным воем.

Она смотрела прямо на меня и одновременно куда-то дальше, словно её взгляд умел проходить сквозь предметы и препятствия. Смотрела, не видя, отдавая все силы и чувства душераздирающему стону, при звуках которого в воображении почему-то рисовался холодный погост и вырытая могила, в которую опускают тяжёлый гроб. Должно быть, так воют наёмные плакальщицы на похоронах, правда, не могу себе представить, какая сумма денег может заставить настолько искренне горевать.

Крик всё нарастал. И в какой-то момент мне показалось, что он, не удовлетвовавшись барабанными перепонками, проник внутрь моей плоти, заставив её дрожать. Наверное, мне должно было стать страшно, но страх никак не желал приходить. Я видел перед собой женщину. Плачущую. Стонущую. Страдающую. А ей ведь, должно быть, очень больно...

Внятных мыслей в сознании незнакомки в эти минуты не *прочитывалось*. Но пожалуй, первый раз за время моей недолгой практики эмоции не нуждались в уточнении и тем более в переводе.

Женщина горевала.

— Успокойтесь.

Я обнял её за трясущиеся плечи и притянул к себе.

— Не знаю, из-за чего вы так расстроились, но, сколь бы это горе ни было велико, вы уже сполна его оплакали, поверьте.

Губы, искривлённые воем, сейчас не казались ни красивыми, ни даже хоть сколько-нибудь привлекательными. Напряжённые, сухие, едва ли не потрескавшиеся. И холодные, как лёд. Надо их согреть. Немедленно.

Прямо сейчас...

- Я вымочу вам рубашку своими слезами.
- Ничего. Кину на батарею, всё быстро высохнет.
- Она улыбнулась и положила голову мне на плечо:
- Ну как знаете.
- Вы больше не будете плакать?
- Сегодня? Надеюсь, что нет.

Как странно это звучит... Неужели она плачет по расписанию и ежедневно?

- А завтра?
- Будет день, будет и пища. То есть слёзы.
- Вы часто плачете?
- Круглый год.
- Аллергия?
- Вроде того.
- Но разве она не наступает строго по сезонам? С цветением всяких кустов и прочего?

Мне фыркнули прямо в ухо:

- Это аллергия на город.
- Так почему же вы не уедете в другое место, где вам не придётся всё время рыдать?
- Потому же, почему и вы остаётесь здесь. Вы ведь наверняка тоже когда-то были поставлены перед выбором: оставаться или уезжать?

И неоднократно. Сначала надо было решать, принимать гражданство или нет, а потом я отказался от переезда в Англию, к родителям.

- Ну... да.
- И остались?
- Как видите.
- Вот и я... осталась.

Действительно, всё очень просто. Правда, совершенно непонятно, но какая разница? Мне не хочется понимать. Мне хочется чувствовать тяжесть её головы на своём плече, запах её волос, обвивших шею, и биение сердца, робко стучащего в мою грудь с просьбой: «Впусти меня...»

- А теперь мне пора.

Она одним движением выскользнула из моих объятий и поднялась на ноги, текучая, как вода, и столь же своевольная.

- Спасибо.

Я рассеянно посмотрел на карты, так и оставшиеся лежать на ковре:

— За что? Я совсем ничем не...
— Вы не испугались моих слёз.
— А разве я должен был испугаться? Вы ведь оплакивали не мою смерть.

Последние слова сорвались с языка без моей воли. Собственно, я и сам понял, о чём сказал, только когда дождался ответной реакции.

Женщина, уже накинувшая плащ, обернулась и пристально посмотрела на меня всё ещё красноватыми, но уже невероятно ясными глазами:

— Я никогда не буду плакать по тебе.

А мгновение спустя, предоставив мне размышлять над смыслом фразы, произнесённой с мрачной торжественностью и вдохновенностью присяги, незнакомка, так и не пожелавшая представиться, толкнула дверь лавки, перешагнула порог и исчезла в городских джунглях.

— Донна уже ушла?

Роберто, осторожно высунувший нос из-за шкафа, выглядел донельзя испуганным.

— Да. Что-то случилось? На тебе лица нет.

— А вы разве не слышали этот жуткий крик, синьоре Джек? Вой, пробирающий до самых костей и дальше? У меня внутри всё заледенело.

— Слышал. Но мне он не показался таким уж страшным.

Аньяри недоверчиво нахмурился:

— И вы совсем-совсем не испугались?

— Я не умею бояться того, что не может меня напугать.

— О, значит, вы счастливый человек, синьоре!

— А это что такое? — спросил я, заметив в руках Роберто толстый блокнот.

— Отчёт для донны, но раз она уже ушла...

Видимо, с приходом женщины необходимость поиска сведений об интересующей меня книге испарилась из памяти Роберто. Ну и ладно. Я не тороплюсь. Зато удовлетворю любопытство в иных сферах:

— Что она ищет?

— Не в моих правилах нарушать конфиденциальность заказов... — начал было итальянец, но, увидев мою насмешливую ухмылку, снизил уровень пафоса до минимума: — Пара обручальных колец, вот что её интересует.

— Она собирается замуж?

— Такими сведениями я не располагаю, — чопорно поджал губы Роберто. — Личные дела моих клиентов — не мои дела.

Похвальное поведение, ничего не скажешь. Но меня сейчас больше устроил бы кто-то словоохотливый и беспринципный.

— Что за кольца? Какие-то особенные?

— Старинной работы, сплетённые из тонких бронзовых полос. — Роберто открыл блокнот и показал мне набросок, во всей вероятности сделанный рукой самой заказчицы. — Они выглядят примерно так.

Малопримечательные вещицы. Если их не чистить, то они наверняка станут похожи на мятую и почерневшую от времени проволоку. Не представляю, как можно найти такую иголку в стоге города, даже такого, как наш.

— И давно ведутся поиски?

Роберто посмотрел на первую страницу блокнота:

— Уже третий год.

— А она упорная...

— О да, донна не собирается отступать! У неё твёрдый характер, твёрже, чем у многих мужчин. Но она слишком часто плачет... Я даже как-то спросил, почему донна плачет.

— И она ответила?

— О да. Но очень, очень странно ответила.

— Что именно она сказала?

Роберто устало потёр уголки глаз:

— Она сказала: слёзы — это единственная молитва, которую Господь согласен принять у меня.

Поток третий

И настанет день, и свершится бой, и придёт победа. И возвратятся по домам победившие, но участь их сочтёт завидной лишь младенец, ибо имена победителей живут в памяти людей не дольше, чем имена побеждённых...

Несвященное писание.

Откровения Иоанны, строфа 27

После обеда дождь разыгрался не на шутку, но я всё-таки нашёл в себе мужество добраться до салона, хотя и сам толком не понимал, чем намерен занимать там оставшееся от рабочего дня время. Но в любом случае сначала непременно нужно пойти в ванную комнату и насухо вытереть волосы, а потом, пожалуй...

— Вам не мешало бы выпить чего-нибудь согревающего, мистер Стоун.

— Именно об этом я и подумывал, миледи.

— Заканчивайте ваш туалет и подходите на кухню. Я приготовлю всё необходимое.

Рубашка, так и не побывавшая на батарее, разумеется, не смогла просохнуть, но в салоне всегда хранилась смена белья и кое-какая одежда, рассчитанная именно на непредвиденные ситуации, поэтому я растёрся полотенцем и с удовольствием нырнул в толстый свитер, связанный из колючей, но невероятно тёплой козьей шерсти. Если правильно помню, его прислала мне какая-то из моих шотландских бабушек ещё десять лет назад, и тогда он казался великоватым, а сейчас пришёлся в самый раз.

По кухне разлился аромат горячего рома, сдобренный ванилью и оттенённый ноткой лимона. Старый добрый грог? Чем я заслужил столь чуткую заботу?

— Пейте, пока не остыло, мистер Стоун.

— Благодарю, миледи.

Уфф, хорошо пробирает! И чтобы согреться, нет лучшего средства. Единственный недостаток этого напитка, пожалуй, в том, что терпкая сладость клонит в дремоту, особенно если пришёл с сырого холода. Но

разве мне предстоят активные действия? Ни за что. Я устал и хочу немного помечтать. Погрезить наяву.

Только сначала переговорю о делах:

— Сегодня я заходил к Роберто. Он нашёл хорошего мастера для изготовления амулетов. Вот, взгляните на образец его работы.

Леди Оливия открыла коробочку и внимательно всмотрелась в резное женское личико.

— Очень тонко.

— Вам понравилось?

Хозяйка вернула крышку на место и пододвинула картонную упаковку обратно ко мне.

— Я равнодушна к форме, мистер Стоун.

И в этих словах не было ни капли лжи: леди ван дер Хаазен придерживалась классических форм, прямых линий и скупых красок даже в оформлении интерьера салона, поэтому внутреннее убранство нашего странного офиса немного походило на монастырское. Правда, неудобным от этого не становилось, как ни странно.

— А к содержанию? Медальон не навеивает вам никаких ассоциаций?

Я и сам до конца не понимал причин неожиданно возникшего любопытства, но мне почему-то нужно было услышать окончательный вердикт именно из таких уст. Спокойных, мудрых и насмешливых ровно в той мере, чтобы показать собственные эмоции, но не задеть чувства собеседника.

— Почему вы так настойчивы в своих вопросах? Хотите устроить мне экзамен или услышать подтверждение собственным выводам?

И как ей всегда удаётся настолько точно угадывать мои намерения, точнее, чем я сам их осознаю? А потом, угадав, загонять в угол, орудуя своими вопросами, как скульптор резцом, отсекая от сумбура толпящихся в сознании мыслей всё лишнее, оставляя только суть? В первый раз признавать чужое превосходство довольно болезненно и чертовски обидно, но, если унять гордость, окажешься в выигрыше.

— Я всего лишь хочу узнать ваше мнение.

— Это хорошая работа. Талантливая. Красивая. Но мою душу она не греет.

— Почему?

Леди Оливия укоризненно вздохнула и всё же после тщательно выдержанной паузы ответила:

— Потому что у меня нет склонности к некрофилии.

Интересно, моя челюсть сильно отвисла?

— Почему вы решили, что...

— Мистер Стоун, вам никогда не говорили, что невежливо кичиться своей осведомлённостью перед другими людьми, держа имеющиеся при вас сведения в тайне?

— Миледи, я вовсе не...

— В вас по-прежнему неистребимо детское желание выигрывать, и поэтому каждую ситуацию вы стараетесь превратить в поединок. Нет, не буду утверждать, что поступаете так намеренно, но... Если не играешь, то не можешь проиграть. Вы никогда над этим не задумывались?

Ну да, разумеется. Не ошибается тот, кто ничего не делает, и всё такое прочее. Но соглашаться с народной мудростью я сегодня не намерен:

— Выиграть можно, только если играешь.

— И что проку вам в победе над тем, кто не участвовал в вашей игре?

Действительно, проку мало. Не будет ни фанфар, ни чествования победителя, ни коленопреклонённого противника, признающего своё поражение. Возникнет лишь иллюзия удовлетворения, слабого и мимолётного, поскольку оно ничем не привязано к реальности.

— Вы предлагаете совсем не пробовать играть? Но это же скучно.

Серые, как сталь, глаза леди Оливии удовлетворённо сузились.

— А жить вообще несказанно скучно, мистер Стоун.

— Так почему все мы не спешим умирать?

— Потому что в каждом из нас живёт надежда с блеском выиграть главную партию в своей жизни. Партию против самого достойного соперника.

— Против кого?

Леди Оливия откинулась на спинку стула:

— Против смерти конечно же.

— Лично я не собираюсь жить вечно. Да и со смертью бороться что-то не хочу.

— Вы просто ещё не пробовали. Не проводили ни одной тренировочной игры. Иначе бы поняли, почему мне не нравится эта поделка.

Потому что вы увидели в ней лик смерти, миледи. И как часто вы садились с этой дамой за игровой стол? Наверняка не один раз, если столь хорошо запомнили её черты, чтобы находить их по самому ничтожному следу.

— Что же вы примолкли, мистер Стоун? У вас есть другие соображения на этот счёт?

— Нет, точно такие же. Это портрет мёртвой женщины. Вернее,

погибшей, и вполне вероятно, от рук самого скульптора.

— Даже так? — Хозяйка заинтересованно выпрямила спину. — Вы уверены?

— В его ненависти? На сто процентов. Если только...

— Если только «что»? — Она подалась вперёд.

— Если это не художественное преувеличение. Ведь бывает так, что люди искусства, особенно по-настоящему одарённые, в своём сознании меняют местами желаемое с действительным.

— Поверьте, мистер Стоун, в тот момент, когда скульптор начинал свою работу, эта женщина уже была мертва. Тогда получается, он или был убийцей, или видел её сразу после наступления смерти.

— Возможно, она скончалась всё же по естественной причине.

Леди Оливия наставительно заметила:

— Естественные смерти тоже не приходят без страданий, и у очень редких людей пережитая боль не отпечатывается на лице. Только блаженные или святые могли бы поспорить спокойствием с этой несчастной.

— Ну почему же несчастной? Она кажется вполне умиротворённой.

— Не соглашусь. Удивлённой — да. Но умиротворения в ней маловато.

Я сдвинул крышку коробочки и ещё раз взгляделся в резные черты. Изгиб губ... Он что-то мне напоминает. Да, точно так же кривились губы темноволосой плакальщицы, когда её грудь разрывало стоном. И пусть на медальоне они почти сомкнуты, но линия очень похожа. Натурщица кричала перед смертью? Или всего лишь пыталась закричать, но не смогла? Она приоткрыла рот в надежде позвать на помощь или хотя бы просто выпустить боль и страх наружу, и в этот миг пришло осознание финала. Она поняла, что путь назад закрыт, что остаётся двигаться только вперёд, туда, куда глядят глаза...

Невидящие глаза.

В лавке Роберто этот взгляд показался мне глубоким и проникновенным, но теперь, при ярком свете и присутствии рядом со мной не восторженного искусствоведа, а скептически настроенной бизнес-леди, акценты сместились в неожиданном направлении. Женщина старалась что-то увидеть и, наверное, добилась своей цели, если умерла в полном спокойствии. А может, она вообще изначально была незрячей?

Нет, пора прекращать строить догадки. Из кусочка дерева я не выжму ничего, кроме обрывочных и переполненных ненавистью мыслей резчика. Очень жаль, кстати, что эмоций в них гораздо больше, чем информации,

ведь если бы мне удалось уловить хоть одну крупницу, указывающую на личность жертвы и её убийцы...

— Мистер Стоун!

Неожиданно повышенный тон хозяйки прервал цепочку моих размышлений.

— Миледи?

— Судя по напряжению, посетившему ваше лицо, вы планируете нечто нелепое и опасное.

— И в мыслях не было.

— Конечно. До разборчивых мыслей ваше упорство ещё не успело добраться.

— Упорство?

Леди Оливия строго сдвинула брови:

— Не торопитесь идти с этим произведением народных промыслов в полицию.

Клянусь, я не думал ни о чём подобном! Ну разве только чуть-чуть.

— Почему вы решили, что...

— Потому что ни один бывший полицейский не упустит возможности вновь поучаствовать в расследовании, хотя бы в качестве свидетеля. Правда, найдётся ли у вас чем свидетельствовать?

Конечно нет. Я могу только рассказать о своих впечатлениях, весьма неконкретных и слишком эмоциональных, чтобы быть допустимо далёкими от реального положения дел. Единственное, что мне по силам, — это подать запрос на определение личности натурщицы, вот только сомневаюсь в служебном рвении отдела розыска: им и так есть куда приложить таланты и возможности, а уж удовлетворять капризы сьюпа...

Нет, напрямую мне не откажут. Скорее всего начнут умело футболить по инстанциям, заставляя заполнять бесконечные бланки, объяснять причины моего неожиданного интереса и прочая, прочая, прочая. Такие телодвижения отнимают не меньше времени, чем сами следственные мероприятия, зато позволяют не напрягать мозги и не отрывать задницу от любимого кресла. Чего греха таить, я и сам иногда... Впрочем, это происходило слишком давно и, можно считать, вовсе не со мной.

Опять же, поскольку я не родственник, не знакомый, а просто любопытствующий субъект, мой запрос будет отправлен в самый долгий ящик из имеющихся, если, собственно, будет принят. Чем мотивировать необходимость искать реального человека по скульптурному изображению? Тем, что натурщица умерла насильственной смертью? Такой фокус не пройдёт: медиумы вообще, и сьюпы в частности, относятся к категории

граждан, чья психика официально считается крайне возбудимой, а следовательно, подверженной не имеющим основания фантазиям. И ссылаться на мифического клиента, который, допустим, узнал в резном личике свою родственницу, тоже нельзя: потребуются подтверждения. М-да, проблемка.

С другой стороны, в делах, не решаемых официально, всегда находятся обходные пути. Например, внеуставные, то бишь личные отношения. Есть ли у меня хороший знакомый в полиции? Конечно есть. И пожалуй, будет совсем неплохо в ближайшем будущем набрать его номер на телефоне и...

— Ещё не оставили желания попортить нервы себе и другим? — с еле заметной улыбкой на суровых губах спросила леди Оливия.

— Я и не собирался.

— Женщина умерла, и Господь с ней, мистер Стоун.

— А убийцу согласно обычаю покарает тоже Господь?

— У вас другое мнение на сей счёт?

— Нет у меня никакого мнения. — Я запустил пальцы под рукав и потёр предплечье, начинавшее чесаться от ворсинок грубой шерсти. — Если этот мастер — убийца, то он не должен находиться на свободе.

— Совершенно согласна с вами. И всё же, если вас не назначили исполнять обязанности ангела с карающим мечом, не следует вмешиваться в дела Провидения. На всякий случай.

Пожалуй, никогда ещё её голос не звучал так вкрадчиво, правда, эффект получался не увещательно-успокаивающим, а устойчиво обратным: в моих ушах билось эхом «не следует, не следует, не следует...», но мысли упрямо возвращались к той, первой фразе, с которой всё и началось.

«Вы планируете нечто нелепое и опасное». Действительно планирую. Причём во всех возможных подробностях, опираясь на имеющийся опыт. Но вот ведь в чём загвоздка...

До того как хозяйка не произнесла эти слова в утвердительном тоне, природная лень упиралась всеми лапами, мешая мне настроиться на действия. Да, я мельком коснулся в мыслях возможности поиска сведений об убитой в полицейских архивах, но теперь... Теперь-то я убеждён, что это не только мой долг, как всякого законопослушного гражданина, но и насущная необходимость!

Ничего не понимаю. Бред. Маразм. Сумасшествие. Мой рассудок окончательно со мной попрощался?

Серые глаза леди Оливии сощурились, губы приоткрылись, но прежде,

чем я услышал упрёк или очередное пространное философское размышление в исполнении хозяйки салона «Свидание», раздался звонок телефона. Моего. Мобильного. Оставленного, разумеется, в ванной.

Я не особенно торопился добраться до источника пронзительного треньканья, можно сказать, вообще не хотел брать трубку, но если учесть, как редко звонят на мой личный номер, можно предположить, что произошло нечто серьёзное, а стало быть, нарочитое промедление смерти подобно.

— Да, слушаю.

— Джек? Ты нужен. Срочно. Альтербрауер, двадцать шесть.

Хватило бы и смысла отрывисто брошенных слов, чтобы начать действовать. Но поскольку они прозвучали из уст герра Йоакима Берга, срочность — самое меньшее, что нужно обеспечить, потому что таким лающим тоном герр старший инспектор общается с человечеством только в одном-единственном случае.

В случае умышленного убийства.

* * *

Застань меня звонок дома, встреча с Бергом произошла бы самое быстрое через час, а в реальности — гораздо позже, поскольку скорость движения общественного транспорта строго регламентирована управлением полиции, что же касается такси, то узкие улочки старого города, на краю которого находится наш салон, и при рождении не были предназначены для движения современных колёсных экипажей, модернизации же подвергались только с точки зрения улучшения дорожного покрытия, а не расширения проезжей части. Поэтому я возблагодарил всех святых, что мне не нужно добираться до подземки и трястись в поезде, а достаточно наискосок пересечь примерно три квартала, чтобы добраться до указанного адреса.

Альтербрауерштрассе — ещё одна улица-музей, почти целиком отданная под офисы и магазины. Правда, на вторых и третьих этажах зданий, судя по вполне обывательским занавесочкам, кое-где сохранились и жилые помещения, но их очень мало. Наверное, через пяток-другой лет здесь и вовсе будет не найти ни одной частной квартиры, но оно и к лучшему: уже сейчас эта улица пустеет с наступлением вечера, и не завидую тем, кто возвращается сюда на ночлег из других районов.

Герр старший инспектор ждал меня не у самых дверей дома номер

двадцать шесть, а на некотором, довольно большом расстоянии от них, но вовсе не для того, чтобы изобразить торжественную встречу, а по причине вполне утилитарной. Привходное пространство было оккупировано криминалистической бригадой, проклинаящей те же обстоятельства, которые вызвали мою лёгкую отдышку. Дождь. Противный, мелкий, но густой дождь, незаметно насыщающий влагой одежду и лёгкие. Впрочем, мне-то нужно было всего лишь пройти быстрым шагом, порой при наличии не слишком мокрой брусчатки переходящим на бег, а парням нужно было ещё и тащить на себе оборудование, а теперь стоять в сыром и душном водяном облаке, ожидая некоего пришествия. Видимо, моего.

— Привет, Джек.

— Привет. Что случилось?

Берг очень внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Прежде чем мы об этом поговорим, ответь, в каких отношениях ты состоял с фройляйн Дорой Лойфель?

Ах вот в чём дело! До встретила-таки смерть, которой боялась и которую кликала с остервенелым нетерпением. Как скоро... Не думал, что наш разговор на площади окажется предсмертным.

— Я был с ней знаком. Как и с большинством медиумов, состоящих на учёте в Коллегии, то есть довольно шапочно.

— Тогда объясни, почему она назначила своим душеприказчиком именно тебя?

Хороший вопрос. Я и сам себе не могу на него ответить честно.

— Её личные фобии.

— А именно?

— В нашу последнюю встречу она сказала, что чувствует приближение смерти.

Герр старший инспектор, как и всегда при слове «смерть», заинтересованно напрягся:

— Что-то конкретное? Угрозы? Слежка? Попытки покушения?

— Насколько мне известно, нет. Она была напугана, это точно. Но предположений насчёт причины страха у меня нет. Никаких.

— Плохо. — Берг запахнул плащ поплотнее, одновременно пытаясь стряхнуть липкую дождевую пыль. — Тогда остаётся уповать только на обычную процедуру.

— Она редко подводит, Йоаким.

И тут я впервые почувствовал, что мой старый приятель стареет. Потому что ещё год назад он бы согласно кивнул, а не проворчал:

— Но всё-таки подводит. Ладно, идём.

Столпившиеся у дверей дома полицейские встретили меня дружным и не слишком дружелюбным молчанием. Внешне. Зато внутри царил настоящий бедлам.

«Смотрите-ка, настоящий сьют...»

«Говорят, раньше этот парень и сам служил в полиции, а потом, когда стало известно, что он может копаться в головах, его и вытурили...»

«А смотрит-то как гордо, прямо королём себя понимает...»

«Интересно, он все-все мысли может узнать?..»

«Ой, а что, если он залезет ко мне в голову, а я и не почувствую...»

«Скорей бы сделал своё дело и убырался, а то мокнем здесь по его милости...»

«Ну вот и зверушка из местного зоопарка приехала...»

Определять, кому какой поток принадлежал, я не собирался, но последняя мысль едва не соблазнила заняться идентификацией сознаний, ударив, что называется, под дых. Так вот как на меня смотрят и, что самое важное, каким видят? Диковинкой, которую нужно держать за закрытыми дверями, а ещё лучше в клетке? И конечно, из полиции меня уволили, именно когда выявили мою подлую натуру медиума... Смешно, но это самое правдоподобное, что можно было тогда придумать. А ещё это глупо и больно.

Я же хотел помогать вам, всем вам, парни. Да, результаты работы сьюпа кажутся странными, непонятными и всё равно требуют фактического подтверждения, но они же экономят ваше время, а значит, делают возможным раскрытие и предотвращение большего количества преступлений. Как вы не понимаете... Или понимаете и именно поэтому ненавидите меня?

Дверь подъезда закрылась за нашими спинами, уменьшая напряжённость потоков и превращая их в невнятное бормотание.

— Надеюсь, внутрь никто не заходил?

Берг отрицательно мотнул подбородком:

— Только для беглого осмотра. И разумеется, с соблюдением всех правил. Кстати, вот. — Он протянул мне пластиковые бахилы, похожие на медицинские.

— Спасибо.

Я снял куртку, окинул взглядом прихожую, но, не обнаружив ничего, кроме вешалки для зонтов, повернулся к герру старшему инспектору:

— Подержишь?

— Конечно.

— Ну что ж, пойду посмотрю.

— Сколько это займёт времени?

Я заглянул Йоакиму в глаза, усталые, чуть красноватые, внимательные и не скрывающие нетерпения гончей, рвущейся со сворки.

— Постараюсь не держать вас долго.

Он кивнул и снова вышел на улицу, а я натянул шуршащий пластик на сапоги и отправился на первую посмертную встречу с Дорой Лойфель.

В доме три этажа, третий, судя по всему, жилой. На первом расположена финансовая контора, на втором небольшое проектное бюро, ни в одной, ни в другой организации у До не могло быть никаких дел, поэтому напрашивается единственный правдоподобный вывод. Она жила здесь.

Уютная, наверное, именно в силу своей узости, лестница. Ступеньки покрыты ковром, который, судя по прекрасному состоянию, регулярно чистят. Мягкий свет светильников, то ли стилизованных под старину, то ли переделанных под электрические стандарты из настоящих раритетных вещей. Стены оштукатурены и выбелены, поэтому, хотя окон на лестнице и нет — эдакий глухой, винтом свёрнутый колодец, — всё равно светло, может быть, даже светлее, чем сейчас на улице... Я бы не хотел здесь жить, но прекрасно понимаю выбор До. Медиум не любит привлекать внимание, тем более соседствовать с большим количеством людей, потому что это весьма мучительно. А тут до первого этажа расстояние вполне приличное, другие соседи, проектировщики, вряд ли пропускают через свой офис большое количество посетителей. Да, хорошее место. Жаль, что теперь оно навсегда запятнано твоей смертью, До.

Лестничная площадка второго этажа. Значит, тебя догнали или встретили здесь.

Она не лежала, а сидела, опираясь спиной о стену, причём, судя по положению тела и неловко подогнутым ногам, сползла вниз произвольно, видимо уже умирая. Плащ-дождевик почти высох, зато ковёр ощутимо пропитался водой. Крови не видно, и вообще всё выглядит как сердечный приступ или что-то похожее на него. Хотя... Никогда не видел, чтобы у умерших от инфаркта было такое странное выражение лица. Да и у умерших вообще.

И непредвзятому наблюдателю ясно: До умерла счастливой, но непохоже, что её умиротворила радость скорой встречи с Творцом. Скорее улыбка на потрескавшихся губах больше подошла бы античной Немезиде. Что заставило тебя так улыбнуться, До? Расскажешь? Поделишься своей тайной со мной?

Её ладони ещё не остыли. Значит, смерть наступила совсем недавно.

Мягкие, расслабленные, припорошенные меловой пылью... Никогда не думал, что у тебя такие нежные пальцы, До. Впрочем, на моих руках тоже нет мозолей, мы же не трудяги с тобой, а трутни, в чём твёрдо уверены девяносто девять процентов людей, окружающих нас.

Хмम्म.

«Кем бы ты ни был, он найдёт тебя... Он отомстит... Он... Его имя... Почему я не могу вспомнить?! Но он должен помнить меня. Он обещал. И ты не уйдёшь от возмездия!»

Мысли обрывочные, судорожные, немного удивлённые, особенно в части, касающейся некоего забытого имени. Судя по всему, До вспоминала перед смертью обо мне, но вспомнила только само данное обещание. Странно. Что могло выбить из её памяти моё имя? Ну да, мы часто забываем всякую всячину, но забыть, как зовут человека, с которым буквально сутки назад разговаривал... Бред какой-то.

Лицо нет смысла трогать, ладони всегда оказываются лучшими свидетелями, потому что на них сосредоточено большее количество информативных нервных окончаний. С другими частями тела можно даже не пробовать, хотя сам по себе небольшой осмотр не помешает... Ага. Вот и возможная причина смерти. Удар в сердце, нанесённый чем-то тонким и узким, потому что дырочка в плаще совсем крохотная, а под плащом на одежде очень мало крови, всего лишь пятнышко. И ведь ты не сопротивлялась, До. Совсем не сопротивлялась.

Никаких следов борьбы или преследования. Ворс ковра примят, как будто по нему кто-то немного потоптался, но отпечатки вполне определимы и на не вооружённый современными технологиями взгляд: это следы характерной подошвы громоздких ботинок фройляйн Лойфель. Она несколько раз переступила с ноги на ногу и с места на место. Почему? Что-то насторожило? Кто-то окликнул? Вряд ли. Скорее похоже на то, что она внезапно потеряла ориентацию. Полуобморочное состояние? Вероятно. Но в чём его причина?

Ага, а вот здесь, похоже, она опиралась о стену, словно старалась сохранить вертикальное положение и одновременно что-то нащупать. Сероватые пятна, повторяющие контуры ладоней. Остывшие следы жизни, влажными тенями запятнавшие белизну штукатурки. Что они мне расскажут?

«Пусто... Совсем пусто... Но должно же быть хоть что-то вокруг... Где я? Куда меня вышвырнуло? Что со мной?.. Это невозможно... Хоть один звук, хоть один лучик света... Вернитесь, прошу вас!»

Лучик света, говоришь? Ты же стояла под самой лампой, До. В самом

освещённом месте лестничной площадки. Неужели тебе было темно? Или лампа оказалась выключена? Надо будет спросить у Берга. А пока... Тот, кто пронзил твоё сердце чем-то вроде стилета, должен был стоять рядом с тобой, верно? Примерно там, где сейчас стою я. Ну-ка, посмотрим. Вернее, пощупаем.

Ворс ковра влажный, грязноватый и, по умолчанию, должен хранить следы ног тех, кто сегодня побывал на этой площадке. Так, что-то есть.

«Это же та женщина, что живёт наверху. Почему она сидит здесь? Ей плохо?.. О... Нет, не может быть!..»

Видимо, мысли того, кто обнаружил тело. Отлично, а то я уже начал сомневаться в собственных способностях. Поползём дальше.

Но даже после того, как я медленно, с частыми остановками провёл ладонями над всей поверхностью ковра, покрывающего площадку, информации не прибавилось ни на йоту. Наверное, следовало бы провести более тщательное обследование одежды Доры, но убийца, судя по всему, не пытался раздевать фройляйн Лойфель, а следы мыслей на плаще, если и имелись, скатились вниз вместе со струйками воды. О эта мерзопакостная жидкость, смешивающая медиумам все карты! Как хороший проводник, она вбирает все электромагнитные следы в себя, но, разумеется, не сохраняет их оригинальный вид, а ставит с ног на голову и рассредоточивает до полного уничтожения. Есть только один способ борьбы — мгновенная заморозка, но в данном случае нет смысла даже мечтать.

Убийца стоял здесь и не оставил следов мыслей. Ни о чём не думал? Ерунда! Должны были сохраниться хотя бы каркасы эмоций, он же не в магазин ходил за полдничной порцией молока. А вот здесь он наверняка поднимался... Тоже ничего. Полнейшая пустота. Неужели на этой площадке не было никого, кроме Доры и того, кто обнаружил труп?

Постойте-ка, ещё один след. Ведёт наверх, на третий этаж. К квартире Доры, надо полагать? Точно. Шлёпает по всем ступеням, но не доходит до дверей, зато ковёр на площадке заметно притоптан. Кто-то находился здесь достаточно долгое время. Убийца ждал жертву? Может быть. Хотя... Тёмные пятна на ковре еле заметны. Если здесь кто-то и стоял, то его плащ должен был высохнуть полностью ещё до того, как фройляйн Лойфель вошла в подъезд. А если верить отметинам на ковре второй площадки, убийца был мокрым. Или там наследил случайный свидетель? В любом случае стоит прощупать и этот след.

Вот так на карачках и работаешь всё время, задницей кверху. И вид непристойный, и результат... Неудовлетворительный. Опять пусто. Тьфу на

вас на всех!

Я сел передохнуть и вытер о ковёр руки. Интересно, это меня вдруг заклинило, или любой другой сьют тоже ничего не обнаружил бы? Непонятная странность. Вот этот след рядом, он чей? Судя по тому, что не откликается, он принадлежит тому неизвестному. Или другому, если их и в самом деле было двое. А вот судя по отпечатку... Господь милостивый! Это же я здесь прошёл! Вон даже контур каблука ясно различим. Но мой личный след и не должен читаться, поскольку специально защищён пластиком. Так почему же...

Ну я и кретин! Убийца тоже мог быть в бахилах! Или на худой конец в чём-то с резиновой подошвой, потому что резина тоже чудесно экранирует мысленную активность. И какой можно сделать из этого вывод? А никакой.

На улице у нас что? Нет, не только полтора десятка полицейских, но ещё и дождь. А в дождливую погоду многие люди предпочитают надевать непромокаемую обувь или галоши, верно? Но всё-таки...

— Можете приступать к своим обязанностям, — выходя из подъезда, ответил я на вопросительный взгляд Берга. — Но у меня есть личная просьба. Обратите особое внимание на следы и, если это возможно, установите, чем они оставлены, обувью или пластиковым чехлом.

* * *

Йоаким принял из рук младшего офицера папку с результатами предварительной экспертизы и вернулся к столу, за которым я безуспешно пытался победить сразу двух врагов, одинаково сильных, но при этом, по сути, взаимоисключающих: сон и нетерпеливое ожидание.

— Есть что-то?

— Сейчас узнаем. — Герр старший инспектор медленно просмотрел все строчки отчёта и поднял удивлённый взгляд на меня. — Ты будешь смеяться.

— Не уверен.

— Обнаружены отпечатки и галош, и кусочки полиэтилена, из которого делают защитные чехлы для обуви. Это, разумеется, помимо твоих.

Не ожидал такого результата. Вернее, допускал, но чертовски не хотел его подтверждения. Я наивно надеялся, что будет либо то, либо другое, тогда по всем фактам выходил бы один преступник, а теперь что получается? Их точно было двое. Но действующих заодно или

самостоятельно? Хороший вопрос. Найду на него ответ — возможно, приближусь к разгадке странного состояния фройляйн Лойфель перед смертью.

— На третьем этаже есть только следы бахил?

— Угадал.

Этот человек пришёл раньше Доры и, по всей видимости, ждал её некоторое время. Он никуда не торопился, спокойно укрыл ботинки пластиком, поднялся наверх, потом спустился. Но вот вопрос, спускался ли он, чтобы убить или просто уйти?

— А следы галош? Где они заканчиваются?

— На второй площадке. Субъект не поднимался выше.

— И это не следы того, кто обнаружил тело?

— Нет. Дама, которая позвонила в полицию, носит совсем другую обувь.

Вошёл, поднялся, дошёл до остывающего тела или ещё живой Доры, немного постоял и ушёл. И он тоже мог быть убийцей. Два варианта, каждый из которых интересен по-своему.

Человек, в дождь надевающий галоши, ведёт себя вполне обычно, спору нет. А вот тот, кто заранее и нарочно заботится о том, чтобы не оставлять следов, причём следов особых, предназначенных исключительно для нюха сыюпов, субъект по определению опасный. Хотя бы тем, что стремится скрыть свои намерения.

Так кто же? Первый? Второй?

— В котором часу произошло убийство?

— Примерно в четверть третьего, плюс-минус пять минут.

— За точность экспертизы ручаешься?

Берг обиженно надулся:

— Как за себя самого.

Хорошо. А вот я бы за себя, к примеру, не стал ручаться.

Четверть третьего, значит? Из лавки Аньяри лично я ушёл без пятнадцати два, в половине третьего добрался до салона и занялся собственным туалетом, а в три уже позвонил герр старший инспектор. Оперативно работает полиция, ничего не скажешь.

— Во сколько обнаружили труп?

— В два тридцать пять. Фрау Клозе, работающая в бюро на втором этаже, как раз возвращалась с обеденного перерыва.

Любопытно. Насколько мне известно, люди, работающие с чертежами, обычно аккуратны и пунктуальны. Хотя встречаются и ужасающие исключения, но буду надеяться, что сегодня удача улыбнётся мне хотя бы

разок.

— Можно с ней поговорить?

— Конечно, почему бы и нет.

Берг послал первого же подвернувшегося под руку полицейского за единственной свидетельницей происшествия, и, судя по тому, насколько охотно герр старший инспектор откликнулся на мою просьбу, что-то во всём этом деле было нечисто.

Фрау Марта Клозе оказалась женщиной средних лет и средней внешности, немного напоминающей школьную учительницу, но с блеском в слегка близоруких глазах. Видимо, корпение над электронным аналогом кульмана приносило ей больше внутреннего удовлетворения, чем, например, общение с людьми.

Тряхнём стариной, инспектор Стоун? Возражений со стороны коллеги не наблюдается, стало быть, моим намерениям дан зелёный свет. Давненько я не проводил опрос свидетелей, давненько... Только в моём случае служба в полиции настырнее езды на велосипеде. Не забывается. Никак не позволяет забыть.

— Вы давно работаете в этом бюро?

— Да, уже три года.

— И всё это время бюро располагается на Альтербрауерштрассе?

— Да.

— Значит, вы были немного знакомы с фройляйн Лойфель?

— Угрюмой женщиной сверху? — невольно уточнила свидетельница. — Если это можно назвать знакомством. Она не жаловала людей.

— И вы тоже не стремились наладить отношения?

— Зачем? Если человек не хочет, чтобы кто-то вмешивался в его жизнь, зачем с этим спорить?

Логично. Но лучше бы ты призналась, что нелюдима настолько же, насколько таковой была Дора. Право, это было бы честнее.

— Но вы знали свою соседку?

— Да.

— Поэтому вы сразу поняли, что это она, когда увидели?

— Конечно. Только эта женщина могла надеть плащ такого отвратительного цвета.

А мне лично нравится зелёный. Хотя мрачные тона армейского камуфляжа, любимые Дорой, на меня тоже навевают скуку, и, пожалуй, понимаю искреннее возмущение фрау Клозе, гардероб которой подобран в пастельных тонах поздней весны.

— Она была уже мертва, когда вы её увидели?

— Думаю, да. Она сидела, не двигалась и ничего не ответила, когда я её окликнула.

— Но вы не уверены?

На меня посмотрели с искренним удивлением:

— Я же не врач.

— Итак, состояние фройляйн Лойфель беспокоило вас?

— Разумеется.

— И вы... Вызвали «скорую»?

Фрау Клозе открыла рот, чтобы ответить, но вдруг запнулась и беспомощно перевела растерянный взгляд на сложенные на коленях руки:

— Почему вы спросили о «скорой»?

— А разве не логично обратиться к врачу, если видишь, что человек плохо себя чувствует?

— Но ведь она уже была мёртвой! — с каким-то странным отчаянием чуть ли не выкрикнула Марта.

Забавная уверенность. При всём при том женщина отрекается от знаний в области медицины. Две взаимоисключающие линии поведения? Психическое расстройство? В принципе, после пережитого шока, насколько бы слабым он ни был, возможно всё. Но почему мне так не нравится надрывная пылкость последней сказанной фразы?

— Пойдите. Только что вы сказали, что не имеете медицинского образования, а теперь утверждаете, что женщина была уже мертва, когда вы её обнаружили. Вам самой не кажется это странным? Я, например, хотя и знаю, какими признаками характеризуется наступление смерти, решил бы, что фройляйн Лойфель потеряла сознание, поскольку на виду не было ни раны, ни прочих явных следов насильственной смерти.

— Я... Я не понимаю, о чём вы говорите.

Она не кокетничала и не пыталась что-то скрывать. Фрау Клозе была растеряна по-настоящему.

— Давайте вспомним ещё раз весь ход событий. Вы согласны?

Женщина покорно кивнула.

— Вы возвращались с обеденного перерыва. Сколько времени он обычно длится?

— С половины второго до половины третьего.

— Вы часто опаздываете?

Фрау Клозе возмущённо возразила:

— Никогда! Я, наоборот, стараюсь прийти за пять — десять минут до официального начала работы.

— И сегодня вы тоже...

— Я подошла к дому примерно в два семнадцать.

— Подняться на второй этаж занимает немного времени, не так ли?

— Пару минут.

— Итак, вы поднимались по лестнице и... Сразу увидели фройляйн Лойфель?

— Э-э-э... Да.

Заметно помедлила с ответом? Странно.

— И сразу подумали, что она мертва?

— И думать было нечего! Я просто посмотрела и поняла.

Ещё страннее.

— И сразу же позвонили в полицию?

— Разумеется!

— Звонок зафиксирован в два тридцать пять. Итак, в два семнадцать вы вошли в подъезд. В два девятнадцать или два двадцать поднялись на лестничную площадку и увидели труп. А что вы делали следующие пятнадцать минут перед тем, как позвонить в полицию? Заметали следы преступления?

Из глаз свидетельницы брызнули слёзы праведного негодования.

— Да как вы можете такое говорить! Я сразу же, слышите? Сразу же позвонила!

— А факты утверждают обратное. Ваши часы идут точно, часы в полицейском управлении тоже. Но примерно пятнадцать минут куда-то потерялись. У вас есть предположения? Может быть, вы упали в обморок, увидев труп?

Я, конечно, знаю, что это не так, потому что следов не осталось ни на площадке, ни на одежде фрау Клозе. А что думает она сама?

«Я же сразу достала из сумочки телефон... Ещё внизу в этот момент хлопнула дверь. Кто-то ушёл? Наверное. Это и был убийца?! Но тогда я должна была его видеть! Но я ничего не помню!.. Только хлопок двери. Раз, другой...»

Кратковременный провал в памяти. Результат шока? Или, может быть, гипноза? Чувствую, расспрашивать эту даму дальше пока нет никакого смысла.

— Вы разволновались, фрау, вам необходимо успокоиться. Сейчас вас проводят в комнату отдыха, где вы сможете прийти в себя, прежде чем отправитесь домой. Большое спасибо за помощь!

Она машинально кивнула, поднимаясь со стула, а когда покинула кабинет, Берг разочарованно выдохнул:

— А всё-таки жаль, что ты больше не работаешь в полиции.

— Почему?

— Ты ловко поймал её на временных расхождениях.

— Ну, ловкость тут ни при чём... Я просто предположил, что она, как человек, занимающийся техническим проектированием, строго следит за временем.

— И попал в точку!

— Ага. Но что-то всё-таки происходило в эти пятнадцать минут, выпавшие из памяти фрау.

— Думаешь, она не врёт, когда говорит, что не понимает, что случилось?

— Я не думаю, герр старший инспектор. Я знаю.

Он вздрогнул, словно только сейчас вспомнив, с кем имеет дело.

— Ах да... Извини. Мне показалось, что вернулись старые добрые времена.

— Ничего. Всё нормально.

Наверное, надо было убрать непогрешимую категоричность из тона. Но в данном случае растерянность ненаигранна, потому что в сознании фрау Клозе был ясно ощутим дребезг, который можно симитировать только одним способом: растеряться по-настоящему.

— У тебя есть версии?

— Только две. Шоковое состояние, хотя в его способность довести до амнезии верится слабо, потому что фрау Клозе выглядит женщиной вполне спокойной и здравомыслящей. А второе, что, может быть, это гипноз.

— Кто-то отвёл ей глаза, — задумчиво завершил мою мысль Берг.

— Именно.

А вот говорить, что дверь хлопнула два раза, я герру старшему инспектору не буду. Во-первых, не имею права разглашать данную информацию, поскольку она получена неофициальным и крайне нечестным путём, а во-вторых, очень может быть, что свидетельница ошиблась, поскольку налицо явная дезориентация во времени и проблемы с памятью.

— Я попрошу Хедерсхоф ею заняться, — подытожил обмен мнениями герр старший инспектор.

— Было бы неплохо.

— Но в любом случае не сейчас. Фрау должна хоть немного успокоиться после твоих вопросов.

— Извини, я был не слишком корректен.

— Да уж! — усмехнулся Берг. — Чуток передавил, но за границы не вышел. И мне почему-то кажется, что наедине ты разговорил бы её быстрее

и успешнее.

Э нет уж! И сегодняшнее взятое мной интервью не приложишь к делу, а если женщина узнает, кто её допрашивал... Скандал будет громким. Очень.

— Может быть.

— Тебе, наверное, легче вести допрос, чем обычному полицейскому?

— С чего ты взял?

— Ну... — Герр старший инспектор смутился, как мальчишка. — Ты же можешь узнавать, о чём думает тот, кого ты допрашиваешь.

Ну что за наивность! Могу, конечно, но допрос тем и характерен, что у следователя в сознании должна разворачиваться схема собственных действий, поэтому внимание уделяется вопросам и ответам, а копаться в это время ещё и в чужой голове... Увольте. Только выборочно и только в редкие свободные моменты. А кроме того, эти самые моменты должны быть очень тщательно подготовлены. Ведь не было никакого смысла читать мысли фрау Клозе до того, как она осознала неправильность происходящего.

Но если бы у меня был грамотный напарник, на которого можно переложить собственно беседу... Правда, тогда мы должны были бы уметь понимать друг друга с одного взгляда.

— Я старался этого не делать, Йоаким.

— Лучше бы ты ответил, что не делал этого, Джек. Чувствуешь разницу?

Ещё бы. Но не хочу врать старому приятелю.

— Всё равно. Что бы я ни *прочитал* в голове живого человека, это нельзя занести в протокол дознания.

— Да ты и с мёртвой не напрягался. — Герр старший инспектор снова взял в руки листок с моим личным экспертным заключением.

— Всё, что смог сделать, я сделал.

— Верю. Но картина получается странная, как ты считаешь?

— Более чем странная. Кстати, свет на лестнице горел?

— Да. Его вообще не выключают, система какая-то экономичная, так что расход электричества небольшой.

— Я так и думал. А фройляйн Лойфель почему-то была уверена, что вокруг темно. Или, по крайней мере, ничего не видно.

— У тебя есть объяснение?

— Ни намёка.

Берг снова вздохнул и обрушил всё скопившееся недовольство на распахнувшего дверь курьера:

— В чём дело? Мы работаем.

— Отчёт от трасолога и медиков! — На стол плюхнулась папка, с одного края заляпанная чем-то подозрительно бурым, а гонец с первого этажа поспешил убратся подальше от начальственных громов и молний.

— И что пишут? — полюбопытствовал я.

— Не так уж много, но занятно, — признал герр старший инспектор, переворачивая листки. — Причин смерти может быть две, и обе связаны с сердцем, но только одна из них убила фройляйн Лойфель. Проникающее ранение и остановка.

— Они произошли одновременно или что-то раньше другого?

Берг разочарованно цыкнул зубом:

— Слишком короткий временной промежуток. Нельзя установить точно.

— Но если у неё случился сердечный приступ, зачем было наносить удар? Чтобы добить? Обычно непредвиденное течение событий, наоборот, останавливает убийцу, если только он не профессионал.

— Логично, — подтвердил герр старший инспектор.

— И если всё же ударил, значит, не понимал, что происходит. Аффект?

— Весьма вероятно.

Аффект всегда идёт вразрез с тщательным планированием преступлений, и, принимая в расчёт этот факт, можно предположить, что убийцей был человек в галошах. Ворвался в подъезд следом за Дорой, на втором этаже догнал и... ударил.

Нет, не стыкуется. До была женщиной вёрткой, к тому же с подозрением относящейся к любому незнакомцу, и не позволила бы кому-то не то что ткнуть ножиком в свою сторону, а и приблизиться на расстояние удара. Следы борьбы уж точно должны были остаться. И тем не менее реальность выглядит совершенно иначе. Фройляйн Лойфель всего лишь беспомощно переминалась с ноги на ногу, словно кто-то заставил её покорно ждать приближения убийцы.

На роль кукловода имеется только один кандидат. Человек в бахилах. Но как он мог это проделать? С помощью пистолета, например. Хотя уверен, До предпочла бы получить пулю, а не подставлять себя, как агнца на заклятие, под нож. Загадок всё больше и больше...

— А что говорит трасолог?

— Направление удара идёт снизу вверх, но похоже, что убийца выше жертвы сантиметров на тридцать.

То есть примерно моего роста. Хорошо, уже что-то.

— Оружие?

— В ране найдены частички инструментальной стали. Мелкая стружка, видимо оставшаяся на лезвии после заточки.

— Что-то определённое?

— Всё что угодно, начиная от обычных стамесок.

М-да, негусто.

— Форма лезвия?

— Трудно сказать, но скорее всего не плоское. Вообще, судя по отчёту патов, орудие убийства имело разную форму на разных участках длины, потому что на коже и в верхних слоях тканей отверстие почти круглое, а ближе к сердцу и на нём самом наблюдается что-то похожее на треугольный разрез.

Короткое «патов» царапнуло слух, и мне подошло несколько секунд, чтобы найти в записной книжке памяти страницу в расшифровке профессиональных сокращений. Паты. Они же — патолоанатомы. И прошло-то всего несколько лет, а важные детали начали забываться... Ну ничего, зато подвернулся удачный повод многое вспомнить.

— С такими уликами трудно будет поймать убийцу.

— Ещё бы не трудно! — буркнул герр старший инспектор. — Всё, что мы знаем, это его рост и то, что он пользовался каким-то инструментом, а не обычным ножом.

И ходил в галошах. Подведём итоги? Можно сказать, у нас нет ничего.

— И ещё мы знаем, что это шестое убийство в серии, — с нажимом добавил женский голос.

* * *

Мы с Бергом обернулись одновременно, но если я при виде незнакомки всего лишь рассеянно приподнял бровь, то герр старший инспектор скривился так, будто откусил кусочек ядрёного лимона. Впрочем, когда новоприбывшая дама представилась, моё удивление по поводу возникновения на лице старого приятеля странной гримасы получило исчерпывающее объяснение.

— Инспектор федерального управления Эрика Шофф.

Короткое каре пронзительно рыжего цвета, глубоко посаженные карие глаза, чёткая линия губ широкого рта, крепко сбитая фигурка, внушающая уважение даже в брючном костюме свободного покроя. Довольно симпатичный женский вариант офицера полиции. Характер, конечно, вряд

ли сахарный, но вполне возможно, дама ведёт себя сурово, чтобы заранее выстроить защитную стену, ведь не секрет, что городская полиция ненавидит, когда в её дела вмешиваются федералы.

— Чем могу быть полезен? — процедил Берг, стараясь сохранять в голосе вежливые нотки.

— Дело об убийстве Доры Генриетты Лойфель переходит под юрисдикцию федеральной полиции. В моём лице.

— По какой причине?

— Я её только что изложила. — Эрика Шофф села на свободный стул, не дожидаясь приглашения. — Это убийство — серийное.

— И в чём именно заключается его серийность?

— В способе совершения, конечно. А ещё в том, что все жертвы — женщины. — Инспектор сделала паузу, настойчиво привлекающую внимание, и заключительным аккордом добавила: — Кроме того, все они — медиумы.

Так вот почему До была напугана! Она знала, что кто-то убивает медиумов. Но откуда? В свободной прессе никакой информации на сей счёт не проходило, я бы наверняка натолкнулся на неё, потому что почти каждый день просматриваю газеты. Значит, осведомитель происходил из источников, приближённых к следствию. А возможно, по Коллегии тоже бродили всяческие слухи и сплетни, в конце концов, Дора бывала там намного чаще, чем я, а мне ещё в силу каверзности характера некоторых моих знакомых могли и не сообщить об угрозе для жизни медиумов.

— Что-то конкретное установлено?

Эрика вызывающе сощурила глаза:

— А на каком основании вы хотите получить ответ?

И вот тут настал звёздный час Берга. Герр старший инспектор улыбнулся во весь рот и ласково, как дедушка любимой внучке, сообщил:

— Герр Стоун является официальным душеприказчиком умершей и выступает экспертом по этому делу.

— В каком качестве? — Федеральный инспектор не спешила сдаваться и менять гнев на милость.

— Как зарегистрированный сьюп.

Эрика проглотила уже заготовленную для отповеди фразу, и желваки на строго очерченных скулах недовольно всколыхнулись.

— Итак, я имею право получить доступ к материалам дела?

— Да.

— Простите, я не расслышал?

— Да, имеете.

— Я весь внимание, фрау Шофф.

— Инспектор Шофф! — не преминули гордо поправить меня.

— Как пожелаете. Итак?

Она предприняла попытку выиграть время:

— Вы же не думаете, что я наизусть помню все детали?

— И не нужно. Вы сказали, убийство серийное, верно? Вот перед вами всё, что удалось выяснить доблестной полиции нашего города, думаю, если и найдутся какие-то отличия, они сразу же бросятся вам в глаза.

Эрика потрянула рыжей чёлкой, развернулась вполоборота к столу и положила ногу на ногу.

— Здесь курят?

— Как вам угодно. Хотя лично я не люблю табачный дым.

— Хорошо. — Она достала из пачки сигарету, но не закурила, а стала просто вертеть в пальцах набитую табаком бумажную трубочку. — Что вы хотите узнать? Учтите, я могу изложить только общие сведения, а по каждому конкретному факту нужно сделать официальный запрос. Конечно, вся информация будет предоставлена, но на это потребуются определённое время и...

Терпение, которое не заканчивается только у дохлого льва. По той простой причине, что лев умер и пребывает в абсолютной нирване.

— Мне известна процедура, спасибо.

— Но для начала я хотела бы и сама кое-что услышать... Инспектор Берг, если не ошибаюсь? Вы не могли бы вкратце рассказать обстоятельства данного дела?

Йоаким, довольный, хотя и немного удивлённый, что его не выдворили из комнаты, кивнул:

— Конечно. Дора Генриетта Лойфель, тридцати пяти лет, уроженка Ниенбурга, с двадцати шести лет проживала в Ройменбурге. Официально зарегистрированный медиум, действительный член Коллегии. Убита сегодня, в четверть третьего дня. Причина смерти — предположительно проникающее ранение в сердце. Свидетельских показаний, способных указать на личность преступника, нет.

— Что этому помешало? — спросила Эрика, и, судя по тону голоса, задавать подобный вопрос уже вошло у неё в утомительную привычку.

— Дом, в котором жила фройляйн Лойфель и на лестнице которого найден собственно труп, расположен в квартале, где основная часть жилых и нежилых помещений отдана под офисы различных организаций, а убийство произошло в обеденный перерыв. Свидетелей попросту не могло быть.

— А тот, кто обнаружил тело?

— Тоже сотрудница офиса. Вернее, проектного бюро. Но у неё... — Тут Берг приостановил свою речь, чтобы подобрать если не правильные, то как можно более подходящие для описания ситуации слова. — У неё некоторые проблемы с памятью.

— То есть провал? — В карих глазах Эрики не возникло ни удивления, ни прочих чувств, обычно сопровождающих получение не имеющей объяснения информации.

— Да, минут на пятнадцать.

Федеральный инспектор устало потёрла лоб над переносицей:

— Всё время одно и то же... Это начинает напрягать.

— Такое уже случалось?

— Амнезия свидетелей? Да. Два раза. Именно в тех случаях, когда они просто обязаны были видеть убийцу.

— Удалось восстановить воспоминания?

Эрика вздохнула:

— Нет.

— Глубокий гипноз тоже не помог?

— Мы даже привлекали к допросам сьюпа, хотя можете себе представить, чего стоило выбить из свидетеля согласие! Пусто. Полный провал.

— Хорошо, давайте начнём сначала. Когда и где произошли другие убийства?

Инспектор Шофф достала из пачки другую сигарету взамен уже измочаленной:

— Все убийства происходили в течение лета в разных городах страны.

— Какая-то тенденция наблюдается?

— Если она и есть, мы её ещё не обнаружили. А ваши вопросы... — Она прищурилась и посмотрела на меня с нескрываемым подозрением. — Вы сами не имели раньше отношения к федеральным расследованиям?

Нет, я просто прочитал в детстве и юности очень много детективных романов! Подмывает пошутить, но не буду этого делать, потому что обстановку юмор сейчас не разрядит, а только усилит общее напряжение.

— Я служил в полиции, инспектор.

— Но вы ведь сьюп? Или я что-то перепутала? — изумлённо переспросила Эрика.

— Это долгая история, — поспешил мне на помощь Берг. — Я с удовольствием вам её расскажу за чашечкой кофе или кружечкой пива, а сейчас давайте вернёмся к убийствам.

Ага, долгая и душещипательная. В частности, официальная версия моего жизненного пути откорректирована таким образом, чтобы не возникало ненужных вопросов и сомнений. Хотя для выхода из латентного периода двадцать семь лет — уже слишком поздно, вероятность прожить треть жизни и только потом открыть в себе способности медиума всё же существует. Ну и, разумеется, сразу по выяснении обстоятельств моя карьера в полиции благополучно закончилась. А вот славно или бесславно, судить некому.

— Ну что ж, вернёмся... — Впрочем, несмотря на временное согласие с продолжением беседы в прежнем ключе, подозрительности во взгляде федерального инспектора не убавилось. — Пять убийств в течение лета, первое — десятого июня, последующие с интервалом примерно в полторы-две недели, каждый раз количество дней, пришедшихся на «перерыв», было разным. Города выбраны словно наугад.

— А жертвы?

— Кроме того что все они медиумы и принадлежат к женскому роду, ничего общего. Хотя и этого достаточно, не считаете?

— Да, вполне. Маньяк, отчего-то невзлюбивший медиумов. Это не редкость.

— Но довольно редко случается так, что жертвы не сопротивляются убийцам, — справедливо заметила Эрика.

— Кстати о сопротивлении. В предыдущих случаях следов борьбы тоже не обнаружено?

— Ни малейших. Словно жертвы или были хорошо знакомы с преступником, или по каким-то другим причинам подпускали его к себе.

— Но вы согласитесь, что, получив подобное ранение в сердце, человек не умирает сразу? И даже если бы убийца представился почтальоном, торговым агентом, судебным приставом или кем-то ещё, приблизился на расстояние удара и, собственно, ударил, в течение какого-то времени мышцы должны были конвульсивно сокращаться. Разве не так?

— Именно. И эксперты высказывают предположение, что жертвы не двигались, потому что были одурманены.

— Чем?

— Дудкой заклинателя змей, — зло съязвила федеральный инспектор. — Следов наркотических и прочих успокаивающих препаратов в крови жертв нет.

Я вопросительно посмотрел на Берга. Тот кивнул, мол, в нашем случае картина аналогичная. Что получается? С момента смерти фройляйн Лойфель до взятия проб тканей и проведения анализов прошло очень мало

времени, даже сверхбыстроразлагающийся растительный яд должен был быть обнаружен. Если, конечно, вообще присутствовал в теле.

— К расследованиям привлекали сьюпов?

— А как же! Это ведь ваше, можно сказать, цеховое дело. Конечно, сразу же были назначены представители Коллегии, но они только развели руками.

— То есть?

Эрика потянулась за последней сигаретой, смяла пустую пачку и ловко метнула комок картона в корзину для мусора:

— Сьюпы заявили, что не могут ничего, как они это называют, «прочитать». Вот вы можете объяснить, что сие означает?

Не очень хочу тратить на это время, но объясню. Тем более повторение пройденного материала иногда помогает усваивать новый.

— Существует теория об электромагнитной природе человеческих мыслей. Вкратце она сводится к тому, что, когда человек думает, он становится источником особого электромагнитного излучения, несущего информацию о мыслительной деятельности. Грубо говоря, отправляет свои мысли в окружающее пространство.

— Хотите сказать, в этой комнате, к примеру...

— Витает множество наших с вами мыслей, совершенно верно. Но излучение это довольно слабое и имеет свойство быстро затухать, если не соприкасается с каким-нибудь материалом, способным изменить свою электромагнитную характеристику под влиянием извне. То есть сигарета, которую вы сейчас мнёте, впитывает часть ваших мыслей.

Пальцы инспектора Шофф остановили своё движение.

— И вы можете узнать, о чём я думаю?

— Не совсем так. Я могу только попробовать узнать, и то не ваши мысли в текущий период времени, а те, которые посещали вас в момент соприкосновения с предметом.

По глазам Эрики было видно: она едва сдерживается, чтобы не провести напрашивающийся эксперимент, но слишком стесняется показать свою заинтересованность перед двумя мужчинами, которые ведут себя так, будто для них чтение мыслей — процесс давно известный и порядком наскучивший.

— А без предмета можно обойтись?

Вот это уже приглашение, причём почти неприкрытое. Наверное, я точно так же вёл бы себя при встрече со сьюпом лет эдак восемь назад. По крайней мере, постарался бы попроситься на проведение медиумического сеанса с моим участием. Неистребима жажда встречи с чудом, ох

неистребима! И мне самому отчаянно хочется увидеть что-то, от чего мои глаза раскроются широко-широко, а из груди вырвется восторженный возглас... Но работа медиума под категорию чудес не подпадает. Обычная физика пополам с лингвистикой.

— Без предмета цепочка выглядит так: источник мыслей, то есть сознание человека, излучатель, приёмник, сознание медиума. Сила излучателя не слишком велика, поэтому приёмник должен располагаться поблизости, чтобы уловить электромагнитную волну. И всё-таки этого мало. Поступивший сигнал необходимо декодировать.

— Что вы подразумеваете под этим словом?

Хорошо бы она ещё не углублялась в суть происходящих в человеческом теле процессов. Общую механику я с грехом пополам смогу объяснить, но медицинские хитрости вне моего понимания. Отвлеку-ка я фрау Шофф на кое-что другое:

— Вот! Вы верно подметили самую суть. Подразумеваю, причём лично я. Конечно, в словаре можно найти список значений любого слова, но человеческое сознание не всегда работает с официальным словарём. Большой части понятий и терминов мы противопоставляем наши собственные, оригинальные значения. Да, они иногда похожи на общеупотребительные, но если нет...

Эрика, похоже, увлеклась моим нехитрым рассказом, потому что следующий вопрос оказался ещё уместнее предыдущего:

— Значит, не все мысли могут быть прочитаны?

— Скажем так, *прочитать* можно любые слова в человеческом сознании. Но чтобы понять, о чём идёт речь, необходимо соблюдение ряда условий. Как и при переводе с одного языка на другой, процесс очень похож.

— И что это за условия? Медиум и человек должны говорить на одном языке?

— Главное — думать на одном языке, а это довольно трудновыполнимое условие. Поэтому обычно для расследований и приглашают сыюпа, проживающего в той же местности, к тому же по возможности схожего с жертвой преступления возрастом и полом. Ну и совсем уж идеальное сочетание возникает, если эти люди обладают близким жизненным и профессиональным опытом.

— То есть, если убили полицейского, к примеру, сыюп для большей эффективности должен иметь опыт работы в полиции?

— Это идеальный вариант, — улыбнулся я.

Инспектор Шофф хмыкнула и с лёгкой завистью взглянула на Берга:

— Значит, вашему городу крупно повезло.

Йоаким нервно потёр шею под воротником рубашки:

— Да как сказать...

— Есть проблемы?

— Да. — Я вновь вернул себе бразды правления беседой. — У меня не действительное, а приостановленное членство.

— Что это значит?

— Я не имею права участвовать в расследованиях.

— Но... — Она собралась возразить, поймав меня на несоответствии заявленного и исполненного.

— Сегодняшнее убийство — исключение. Фройляйн Лойфель в своём завещании изъявила желание, чтобы её предсмертные мысли *прочитал* именно я.

— И Коллегия не возражает?

— Как видите.

Эрика пару минут поразмышляла над услышанным и в конце концов рассеянно пожала плечами:

— Ну что ж, правила соблюдены. Спасибо, что просветили меня в теории вашей работы, герр... Простите, я не запомнила ваше имя.

— Джек Стоун.

— Вы англичанин?

— По линии отца. Моя мать — немка, я с рождения живу в Ройменбурге. А мои родители несколько лет назад переехали в Англию. Странно звучит, да?

— Немного, — уклончиво признала инспектор Шофф, хотя на самом деле, судя по смешанному фону мыслей, не представляла себе, чтобы человек с английским именем и фамилией всю жизнь жил в центре Германии и прекрасно себя чувствовал.

— У вас ещё есть вопросы ко мне?

— Возможно, не один и не два, но я сформулирую их в процессе, если вы не против... А пока поясните вот что. Вы сказали, что, если человек касался предмета, который способен как бы записать в себя внешнее электромагнитное излучение, можно прочитать эту запись?

— Да, вполне.

— Какие предметы для этого подходят?

— В состав которых входят диэлектрики.

— Например?

Я задумался, вспоминая курс университетской физики.

— Стекло, пластик, резина... В принципе, любые материалы, не

проводящие или плохо проводящие электрический ток.

— А почему же тогда при осмотре места преступления обязательно использование перчаток и пластиковых чехлов для обуви? Разве они не могут повредить следы мыслей?

— Практическим путём установлено, что не могут. Видимо, всё дело в том, что заряд в отличие от проводников здесь не сосредоточен на поверхности материала, а слабо поляризованный диэлектрик сам по себе не является источником электромагнитного поля, способным изменить поляризацию...

Эрика зажмурилась, изображая на лице крайнее утомление:

— Не продолжайте. Пожалуйста. Подробным объяснением пусть занимаются учёные.

— Как скажете.

— А в обычной обстановке, уличной или квартирной, много находится предметов, сохраняющих мысли людей?

— Достаточно много. Но с течением времени поляризация ощутимо слабеет, поэтому при расследовании в основном обращают внимание на те предметы, которых жертва могла касаться непосредственно перед смертью. И, разумеется, пробуют *прочитать* мысли, которые задержались на теле. Обычно они довольно бессвязны, но и из хаоса сведений чаще всего удаётся выудить полезную информацию.

— Если хаос вообще есть в наличии, — подытожила федеральный инспектор.

Он есть всегда, фрау Шофф. Даже переходящие в ровный однонотный гул мысли тоже о многом могут рассказать. Например, о том, что человек был эмоционально потрясён, телесно возбуждён и всякое другое, а такие, казалось бы, мелочи часто оказываются тропинками, ведущими к успешному финалу расследования.

— Да, кстати. Вы не могли бы ознакомить меня с результатами работы моих коллег? Или это строгойше запрещено?

Эрика качнула головой:

— Нет. Было бы что запрещать... Впрочем, увидите сами. Инспектор, вы позволите воспользоваться вашим терминалом?

Берг покосился на монитор, кажущийся слишком большим для углового стола.

— Без проблем.

— Благодарю.

Инспектор Шофф привычно расположилась перед клавиатурой и ловко наступала по клавишам замысловатый код входа в федеральную сеть. Если

бы я был действующим сьупом, мне тоже был бы выписан доступ, правда, с совсем другими возможностями, а заодно с кучей утомительных обязанностей. Нет, всё-таки хорошо быть свободным от системы! Хотя бы и такой ценой, которую заплатил я.

— Вас интересует единый отчёт?

— Нет, желательно по каждому случаю отдельно.

Эрика усмехнулась. Да-да, фрау, я уже понял, что все они похожи друг на друга, как капли воды. По крайней мере, для вашего карего взгляда. А я буду смотреть на них совсем с другой точки зрения, можно сказать, изнутри.

— Первая жертва. Моника Хертиг, двадцать три года.

Черноволосая курносая девчушка, хрупкая, как типичный медиум, но за счёт этого выглядящая не на свой возраст, а от силы лет на семнадцать. Можно было бы заподозрить тягу маньяка к несовершеннолетним, если не брать в расчёт внешний облик других жертв. К примеру, той же До, уж никак не похожей на малолетнюю девочку.

Отчёт сьупа: «Следы мысленной активности отсутствуют. Показания близки к коматозным».

— Вторая жертва. Наташа Горовски, тридцать лет.

Невыразительное лицо, слегка оживлённое россыпью веснушек.

Отчёт сьупа: «Полное рассредоточение мыслей на отдельные слоги и переход в единый ровный фон. Чтение невозможно».

— Третья жертва. Элиза Новиц, двадцать семь лет.

Строгие, как будто вырезанные из дерева черты, упрямый взгляд.

Отчёт сьупа: «Обнаружены следы обрывочных мыслей, указывающие на беспокойство, но, судя по времени фиксации, отстоят от момента убийства на промежуток времени от пяти до пятнадцати минут».

Строгая, строгая, строгая резная... Стоп. Резная? Этого не может быть. Но это есть и никуда не исчезает.

Я знаю эту женщину. Именно её лицо смотрело на меня с деревянного медальона.

— Четвёртая жертва...

Продолжать не хочется, потому что всё внутри скручивается колючим клубком нетерпения, но процедура должна быть выполнена до конца. Порядок может бесить и вызывать жутчайшую ненависть, это верно. И всё же польза, которую он способен принести, во сто крат значительнее всех неудобств.

Вечером пришлось насильно влить в себя чай с мёдом и прочими народными средствами, обещающими крепкий и здоровый сон, но утром я едва дождался семи часов, чтобы набрать номер Роберто.

— Привет, Бобби.

— Бонджорно, синьоре Джек. Вы звоните так рано... Что-то срочное?

— По поводу нашего вчерашнего разговора. Я хочу встретиться с этим мастером.

— Домине понравилась работа? — с некоторым недоверием переспросил Аньяри, но сомнения не помешали ему тут же переключиться на обычный репертуар: — Я просто счастлив, синьоре, что смог своими скромными усилиями...

— Да-да, Бобби, понравилась! — прервал я ещё в зародыше словоизвержение хозяина лавки. — И мы хотели бы сделать заказ на изготовление некоторых вещей. Но сначала мне нужно посмотреть на самого человека.

— Думаю, никаких проблем не возникнет, синьоре. Он говорил, что пару дней ещё будет в городе.

— Ты можешь с ним связаться?

— Он не оставил контактных номеров, но обещал зайти в лавку сегодня, часам к одиннадцати.

— Когда придёт, скажи ему, что на его талант есть покупатель. Я буду ждать с часа до половины второго в сквере на Шлаушпиле. Пусть ищет молодого человека в очках и коротком пальто в крупную клетку.

— Ой, синьоре Джек, вы задумали какую-то игру? — не мог не догадаться Роберто, поскольку однажды видел меня в упомянутом пальто и прекрасно знал, насколько нелепо смотрится на мне эта одежда, а уж в сочетании с очками...

— Да. Но о её причинах расскажу позже, когда всё завершится. Договорились?

— Я запомню ваши слова, синьоре!

В общении с Аньяри, к сожалению, не имело ни малейшего смысла применять что-то похожее на запугивание, поскольку парень и в силу ещё не дотянувшихся до средних лет, и в силу восторженно-детского склада психики бояться пока не научился. Вот громкий плач, похожий на завывания призрака, мог заставить Роберто насторожиться, а обещание больно стукнуть по голове или другой части тела привело бы к совершенно

противоположному эффекту. Зато предложение стать участником некой авантюры всегда воспринималось итальянцем на ура, и теперь я мог быть совершенно уверен, что ни одна живая душа не узнает о моём намерении встретиться с... Будем считать, с убийцей.

Конечно, следовало рассказать обо всех моих умозаключениях Бергу. И Эрике Шофф, куда же без неё. В случае герра старшего инспектора мне бы даже поверили, а не подняли на смех с моими «ощущениями смерти». Но что смогли бы сделать полицейские? Задержать резчика до выяснения всех обстоятельств? Нет. Потому что улики пока не нашлось. Свидетельских показаний нет, обвинять человека в том, что он надевает галоши, по меньшей мере, глупо, если эти галоши не уехали ещё вчера вечером на городскую свалку, а что касается орудия преступления... Кстати об орудии. Если справочники, щедро рассыпанные по Сети, не врут, убийца действовал одной из разновидностей стамесок для работы с деревом, а если конкретнее — эйсмусом: отсюда и инструментальная сталь, и своеобразное рассечение плоти. Эксперты управления могли бы додуматься до того же, что и я, но скорее всего остановятся на обычных стамесках. В конце концов, они же не видели медальона, не читали мыслей мастера и не разговаривали с леди Оливией.

Впрочем, честно говоря, разговор с хозяйкой принёс мне больше беспокойства, чем успокоения. Особенно слова о ликах смерти. Где и когда леди ван дер Хаазен могла насмотреться на умирающих и мёртвых, чтобы безошибочно находить их приметы в любом изображении? Работала в госпитале? Нет, вряд ли: ни разу не слышал от неё чего-то на типично медицинском сленге, кроме того, манера двигаться плавно и совсем не стремительно, а также неизменная внимательность, проявляемая к людям, мало похожи на черты, свойственные профессиональному врачу или медсестре. В полиции леди тоже не служила, уж это я знаю наверняка, интересовался в своё время. Что остаётся? Где ещё вдоволь можно насмотреться на смерть? Напрашивается всего один ответ: поле боя. Но мне почему-то не хочется предполагать, в каких сражениях хозяйка салона могла принимать непосредственное участие.

— Джаак?

Ну вот, задумался, стоя у самых дверей салона, и оказался застигнут врасплох, хорошо хоть не врагом, а другом.

— Доброе утро, Ева.

Фройляйн Цилинска, закутанная в пончо поверх вчерашнего сарафана, как подсказывал узкий край ткани, выбивающийся из-под шерстяного полотна, смотрела задумчиво и строго, но не на меня. На моё пальто.

Смотрела долго, с нажимом, словно хотела продырявить его взглядом, а потом заявила:

— Тебе следует уволить стилиста. Без выходного пособия.

Я не смог справиться со смехом, чем вызвал появление презрительно-обиженной гримаски на лице Евы.

— Это чистая правда. Оно тебе не идёт.

— Знаю.

— И что ты нашёл смешного?

— Извини. Но ты так забавна, когда серьёзна...

В голубых глазах Евы появился отчётливо видимый ледок.

— Тебя больше устроит вечно хихикающая дурочка?

Ох. Вот теперь она точно обиделась. Если женщина начинает выяснять, какой вариант партнёрши приемлем для мужчины, жди беды.

— Конечно нет! Хихикать в нашей паре буду я.

— Паре? — Фройляйн Цилинска хмыкнула с тщательно подчёркиваемым сомнением. — Хочешь сделать мне предложение?

— Ага. Продолжить совместную работу на благо одной очень щедрой леди.

— Ах это! — Она сделала вид, что разочарована. — Я-то думала...

Всё, хватит играть. И ей и мне нужно поговорить честно, без дураков и желательно продуктивно.

— Ты не хотела возвращаться в салон.

Тон фразы, предполагающий утверждение без малейшей тени вопроса, оказался лучшим лекарством: Евины щёки на мгновение вспыхнули румянцем. Но моя напарница не была бы самой собой, если бы не попыталась провести контратаку.

— Залезал ко мне в голову?

— Нет. И не собираюсь этого делать, если ты не попросишь. Или если обстоятельства не будут требовать общения без слов. А что, я угадал?

Фройляйн Цилинска угрюмо вздохнула:

— Можно подумать, ты вообще угадывал... Ты просто знаешь. Но откуда?

— Это нормальное настроение, Ева. Вот если бы ты сейчас горела энтузиазмом осчастливить человечество своим великолепным талантом, я бы насторожился.

— Нормальное? А почему я так плохо себя чувствую?

— Потому что.

Я поднял взгляд к небу. Какой хороший сегодня будет день. Светлый, ясный, кристально чистый. День, снимающий пелену тумана с

человеческих стремлений. Или всё это мне только кажется? Воображение разыгралось? Но небо такое высокое и так многообещающе манит прозрачной глубиной...

— Всё очень естественно. Вчера ты перешла из одного лагеря в другой. Официально. До получения удостоверения твоя жизнь могла бежать как угодно, в любом из возможных направлений, но вчерашний полдень отсёк все протоптанные и непротоптанные тропинки, оставив тебе только главную магистраль.

— С которой нельзя свернуть, — мрачно дополнила мою речь девушка.

— Нельзя, — согласился я. — Но скорость движения регулируешь ты, а не кто-то другой. И полосу движения выбираешь сама. Захочешь ехать помедленнее? Пожалуйста. Захочешь и вовсе остановиться? Без проблем. Можно пройти по обочине, спуститься с дороги на цветущий луг и отдохнуть. А сколько на твоём пути будет придорожных кафе с кучей интересных собеседников... Скучать уж точно не придётся!

Она слушала, не пытаясь искать в моих словах подвохи или противоречия, но природный скептицизм не позволял фройляйн Цилинске взять и поверить.

— А ты побывал уже во многих таких кафе?

— Не очень. И похоже, главные встречи у меня ещё впереди.

— Ты в это веришь? — задала Ева главный вопрос беседы.

Вот тут врать нельзя. Придётся отвечать, что называется, по совести.

— Нет. Но я всё ещё надеюсь научиться верить. Самое главное — приобрести хоть какой-нибудь опыт в этом деле. А начинать новое, конечно, всегда очень трудно!

— У меня не получается, — призналась девушка.

— Тогда не старайся выполнять чужую работу.

— Ты о чём?

— Вера придёт сама или не придёт вообще. Но если будешь нарочно её звать, она может заартачиться.

— А если попробую пригласить?

Умная девочка. Но как учит история человечества, ум и вера несовместимы между собой. По крайней мере, никак друг с другом не связаны. Лично я сейчас почти дурею от мысли о том, что кому-то там наверху было нужно отправить меня работать в салон, иначе я никогда бы не увидел деревянный медальон и не смог бы выполнить последнюю волю Доры Лойфель. Или меня вообще могло не оказаться после совершеннолетия в Ройменбурге. Я не пошёл бы работать в полицию, не

познакомился бы с Максом, не стал бы сьюпом. Конечно, и убийство могло бы не произойти, но... Эта цепочка событий никак не была связана со мной. Пересечение только лишь грядёт. И чёрт подери, я едва не пританцовываю от нетерпения!

— Думаю, она всё равно выберет для визита самый неожиданный момент.

Ева спрятала подбородок в вязаную бахрому воротника:

— Но ты говоришь, может и не прийти?

— Да.

— И как тогда жить?

Я провёл пальцем по гладкому лбу, от корней белокурых кудряшек до переносицы.

— Придумать себе правила и выполнять их.

— Ску-у-учно! — капризно протянула фройляйн Цилинска.

— А веселья никто и не обещал. Но хватит уже стоять на улице... — Я опустил руку в карман и, только когда ничего не смог нашарить, спохватился: — Ключи забыл переложить в пальто. Открывай ты.

Девушка виновато съёжилась:

— Я не взяла сегодня... Я ведь вообще не хотела идти.

Дурацкая ситуация. Возвращаться домой и долго, и примета не слишком хорошего свойства, а достучаться до леди Оливии... Не факт, что она вообще сейчас в салоне. К телефону точно не подойдёт, проверено неоднократно мной, Евой и службами соцопросов. И что же нам делать? Открывать дверь хозяйка не станет. Не соблаговолит, так сказать.

— Простите, это салон «Свидание»? — спросил детский голос, прозвучавший откуда-то из-за наших спин.

Ева покосилась в мою сторону полунастороженно, полуиспуганно, взглядом красноречиво отказываясь от любой инициативы, поэтому оборачиваться пришлось мне.

— Да. А мы — его сотрудники. Чем можем быть вам полезны, молодой человек?

Конечно, обращаться так к мальчику лет десяти — слишком большой аванс и чрезмерная чопорность, но внешний облик ребёнка располагал именно к великосветскому общению. Аккуратно причёсанные русые волосы, пальто совсем взрослого покроя, отутюженные стрелки на брюках и тщательно начищенные ботинки встретишь на современных подростках не каждый день, а уж галстук и вовсе явление восхитительно неординарное. Очевидно, ребёнок собирался нанести официальный визит по всем правилам хорошего тона. И кого встретил? Двух... э-э-э... Скажем

вежливо, нерях. Даже немного стыдно становится.

— Я хотел бы узнать правила предоставления ваших услуг.

И выражается, старательно подражая взрослой манере говорить. Нет, такие усилия было бы просто кощунством оставить без вознаграждения!

— Их не слишком много, но всё же перечисление займёт время, а вас наверняка интересует конкретный вопрос?

— Да. — Мальчик невольно облизал губы. — Я могу купить ваши услуги?

«Джаак, ни в коем случае! Он же ребёнок...»

Знаю. Но он нуждается в помощи, иначе не пришёл бы сюда. Видишь, как он оделся?

«Уж лучше, чем ты! Но договор подписать всё равно не сможет, а значит...»

Позволь мне с ним хоть поговорить.

— До наступления совершеннолетия? Нет. Мы не имеем права заключать договор с детьми, только с их родителями или опекунами.

— Извините за беспокойство.

Он опустил голову и медленно побрёл по улице в сторону площади.

Ну и как тебе? Нравится смотреть на несчастного ребёнка?

«Джаак, это нечестно!...»

Нечестно совсем другое. Нечестно то, что я сейчас сделаю.

— Но иногда достаточно и предварительной консультации, а её мы имеем право предоставлять по собственному усмотрению, молодой человек. Так что у вас стряслось?

* * *

«Ты мерзавец, Джаак!...»

Конечно, дорогая моя. И ещё какой! Ты не способна представить всю глубину моего коварства.

«Я постараюсь...»

Хватит уже засорять эфир! Пожалей мою бедную голову, если своей не жалко.

— Вы ведь сразу догадались, что всё дело в моих родителях?

— Угу. Иначе ты бы так не расстроился, когда услышал ответ на свой вопрос. А теперь расскажи всё по порядку, хорошо?

Мальчик, обнадёженный неожиданно оказанным вниманием, а ещё больше воодушевлённый переходом на «ты», оживился и сразу стал похож

на нормального ребёнка.

— Я постараюсь. Только не знаю, что важно, а что нет.

— Вместе мы как-нибудь разберёмся. И фройляйн нам поможет конечно же. Правда, фройляйн?

Девушка растерянно кивнула.

— Для начала скажи хоть, как тебя зовут. Меня — Джек, мою коллегу — Ева.

— Томас. Томас Тильманн.

— Приятно познакомиться! Хорошее, серьёзное имя. И ты не обратился бы к нам, если бы у тебя не было серьёзного дела, так что не стесняйся, мы слушаем. Очень внимательно. Извини, что не приглашаем в дом: маленькая заминка с ключами. Зато можно немного прогуляться, благо погода стоит чудесная.

Мальчик полминуты сосредоточенно принаравливался к нашему темпу движения, всё ещё стараясь соблюдать правила вежливого поведения, и только потом начал рассказывать:

— Мои родители — очень хорошие люди. Они любят друг друга, и я их очень люблю. Но несколько месяцев назад они начали ссориться. Потом мама извиняется, долго обнимает меня и целует, но на следующий день всё повторяется снова. Когда папа в отъезде, мама сильно скучает по нему, часто звонит, но, когда он возвращается, она часто первой начинает ругаться. Они обзывают друг друга всякими нехорошими словами, кричат, несколько раз чуть не подрались... Но я же знаю, что они любят друг друга! И хочу, чтобы они были счастливы, а не собирались разводиться. Вот.

И он с надеждой посмотрел на меня.

Ситуация щекотливая. Развод — такая опасная штука...

Если мысли о нём возникли у пары хотя бы один раз, супруги обычно не успокаиваются, пока не попробуют развестись, уж слишком велик соблазн прикоснуться к неизведанному. Конечно, потом велика вероятность заключения повторного брака, но ребёнок от этого счастливее не станет. Лично я не представляю, как бы себя чувствовал, если бы мои родители вдруг решили развестись. Даже сейчас, когда я уже взрослый человек, готовый к созданию собственной семьи, и прекрасно понимаю их право на личную жизнь любого толка. Но всё равно, если бы мама вдруг позвонила и сказала что-то вроде: «Мы с Генри решили развестись», мне было бы плохо. Ведь развод означает крушение фундамента, на котором строится здоровая, уравновешенная психика. В особенности детская.

А причин разойтись у супругов Тильманн может быть сколько душе угодно. Папа завёл любовницу, мама сошлась с соседом, возникли

финансовые неурядицы, надоел скучный секс или обычная усталость друг от друга. Впрочем, мальчик сказал, что папа часто бывает в отъезде, значит, в отношениях всё же наступают спасительные перерывы. Но при встрече всё начинается заново... Любопытно. Нужно хотя бы взглянуть на эту парочку.

«Джаак, ты же не собираешься...»

Почему бы и нет? Только надо кое-что уточнить.

— Вы живёте в Ройменбурге?

— Нет, родители собирались к морю, но, когда мы уже были в дороге, позвонили из фирмы и сказали, что с заказом номеров произошла какая-то ошибка... Возвращаться домой сразу мама не захотела, и мы заехали в этот город.

— И сколько дней вы здесь находитесь?

— Уже почти неделю.

Всё понятно. Мальчику на глаза попались как раз те самые газеты, мусолящие таинственную деятельность салона «Свидание». Но если Томас решился обратиться за помощью к настолько подозрительным личностям, как мы, ребёнок и правда в отчаянии.

— Родители ссорились?

Он кивнул:

— Каждый день. Но не на людях, а в гостинице. В номере.

Значит, сор из дома выносить всё же не хотели. Интересно, это врождённая вежливость, отчётливо проявляющаяся в младшем отпрыске семейства Тильманн, или что-то другое? Может быть, надежда сохранить отношения?

А впрочем, зачем гадать? Лучше узнать наверняка.

— Сейчас они в гостинице?

— Наверное. Вроде никуда не собирались идти с утра.

— Как думаешь, они заметили твоё отсутствие?

Мальчик шмыгнул носом:

— Искать не бросятся. Сначала наругаются вдоволь.

Ох, как же мне тебя жалко, приятель... И как хочется помочь. Но обещать исправить всё и одним махом не могу.

— Позволишь посмотреть на твоих родителей? И поговорить, если они согласятся?

— Конечно, смотрите! А вы... — Тут он запнулся, нервно сглатывая. — Вы что-то сможете сделать?

— Пока не попробуем, не узнаем. Так что веди!

Гостиница, которую выбрали для своей остановки супруги Тильманн,

была не шикарной, а так называемого среднего класса. Со всеми удобствами, разумеется, но расположенная не в тихом месте, а выходящая фасадом на Унтерхюгельштрассе, по которой утром и вечером шёл плотный поток грузовых машин, доставляющих товары в центральные магазины города. Интересно, родители Томаса нарочно здесь устроились или случайно? Если они ругаются по утрам и вечерам, нет ничего удобнее оживлённой трассы под окнами.

Портье проводил нас не слишком заинтересованным, но всё же внимательным взглядом, видимо поставив себе на заметку проверить после нашего ухода состояние номера и постояльцев. Второй этаж, апартаменты в конце коридора. Из-за двери доносятся довольно хорошо различимые голоса, мужской и женский. Разговор идёт на повышенных тонах.

— Истеричка несчастная! Оставь в покое телефон!

— Ребёнок куда-то ушёл, а ты и не заметил! Вдруг с ним что-нибудь случится в этом ужасном городе?

— Да он просто не хотел слушать твои причитания.

— Или смотреть на твою вечно недовольную рожу!

— А ты себя в зеркале видела? Страшная, как моя жизнь!

— А кто эту жизнь страшной сделал? Ты сам, только ты!

— Да, когда женился на тебе!

— Я тебя не заставляла!

— Да если бы ты только попробовала заставить...

Так, о ребёнке благополучно забыли до нового витка обвинений. Сейчас они вдоволь накричатся, вспомнят все грехи и грешки, слегка успокоятся, снова заметят, что мальчика нет в номере, и всё начнётся сначала. Постоять послушать, чтобы убедиться в справедливости собственных предположений? Нет уж. Сознание Томаса растерянно сжимается в комок, с каждым новым словом родителей болезненно вздрагивая, а это мне совсем не нравится.

«Есть план действий?..»

Сначала войдём внутрь.

Я костяшками пальцев выбил по фанерному щиту звонкую дробь, и разговор в номере оборвался на полуслове, потом мужчина прошипел что-то вроде «иди открой», женщина не менее язвительно ответила в духе «ну вот, это конечно же полиция», но дверь распахнулась без лишнего промедления.

Хильда Тильманн, так вот как вы выглядите! Ну что ж, имею честь заявить следующее: обвинение в некрасивости можно полностью списать на злой умысел вашего оппонента. Конечно, передо мной стояла не звезда

экрана при полном параде, но очень и очень милая женщина лет сорока, с немного растрёпанными каштановыми волосами и красноватыми пятнами на лице, а трикотажное платье облегалo вполне аппетитную фигуру.

— Что вам... — В поле зрения матери попал сын, и разумеется, всё внимание было тотчас же перенесено на него. — Томас! Где ты был?

— Вот он и вернулся. А ты истери... Нервничала, — исправился, заметив незнакомых людей, Гюнтер Тильманн, мужчина сорока пяти лет, с намечающимся брюшком, но молодцеватый. — Мальчик просто ходил немного прогуляться.

— Ребёнок не должен выходить на улицу один в чужом городе! — возразила женщина, обнимая Томаса, но, несмотря на явно ворчливый посыл сказанного, задиристых ноток в её голосе стало на порядок меньше.

— Теперь можно и позавтракать, — резюмировал герр Тильманн, сухо, немного разочарованно, но тоже вполне дружелюбно.

И где же итальянские страсти, которые только что разыгрывались за дверью номера? Спокойные, взрослые люди, мыслящие привычно и...

Нет, не очень нормально.

«Мальчик дома, и всё в порядке. Как же я переволновалась, совсем разбитая какая-то сегодня... Надо бы отдохнуть. В тишине. В спокойствии... Хотя какое спокойствие рядом с этим... с этим...»

«Эй-эй-эй, почему остановилась? Подумаешь, ребятёнок нашёлся! Этот-то тюфяк никуда и не девался, а мы по нему ещё не сильно потоптались! А ну, вперёд!...»

«Она такая красивая, когда смотрит на ребёнка, почти Дева Мария, и так хочется ей уступить...»

«Не сдавать позиций, не сдавать! Ты мужик или кто? Размазня полнейшая, это я тебе говорю! Если сейчас же не заткнёшь эту стерву, ты погиб!...»

Вот где скрывается вся экспрессия. А какой напор! Я и сам невольно начинаю заводиться. Ничего себе скандалисты... Профессионалы, можно сказать. Вот только обнаружилась небольшая проблемка. Или большая, это уж как посмотреть.

Здесь и сейчас помимо меня, Евы и Томаса присутствуют ещё не две, как утверждают результаты анализа, базирующегося на данных визуального наблюдения, а четыре самостоятельные личности.

— Завтракать... Всё бы тебе пузо набивать! — внезапно взорвалась Хильда.

— Да уж толще тебя вряд ли стану!

Далее последовал короткий, зато необычайно ёмкий обоюдный обзор

физических недостатков, плавно перешедший в обсуждение внутренних изъянов, но я, признаться, не вслушивался в звенящие злобой голоса. Как только склока разгорелась заново, невидимые подстрекатели словно затаились, лишь изредка вставляя едкие комментарии и погоняя супругов Тильманн, если у кого-то из супругов накал эмоций начинал спадать. Не знаю, различала ли присутствие «гостей» Ева, но спрашивать было не ко времени и не к месту. Нужно погасить этот пожар. Немедленно. Вопрос — как?

Поскольку собственного опыта в улаживании семейных разногласий у меня маловато, нужно воспользоваться только что полученным. На что отвлеклись супруги? На появление ребёнка. И вроде бы даже присмирели, отодвинув в сторону взаимные упрёки и обвинения. Значит, нужно каким-то образом снова сместить акценты на Томаса. Что обычно вводит родителей в состояние, близкое к шоковому? Угроза потери детей, причём достаточно явная и прямая. Дело, что называется, за малым: придумать, чем напугать Хильду и Гюнтера. Какая причина может разлучить их с сыном? Нет, смерть брать не будем, слишком крайняя мера. Смертельная болезнь тоже, тем более не стоит кликать беду нарочно. И остаётся нам максимум... Лишение родительских прав. А что, хорошая мысль.

Подыграй мне, дорогая моя!

«Попробую. Надеюсь, ничего сложного не предвидится?..»

Всё в пределах наших с тобой возможностей, не беспокойся.

Я скрестил руки на груди и с важным видом стал кивать в такт фразам, которыми обменивались супруги Тильманн, а когда мужчина и женщина обратили внимание на ритмичные движения моего подбородка и приостановили пикировку, повернулся в сторону Евы:

— И не забудьте отметить в отчёте, фройляйн: сквернословят без умолку, чем наносят непоправимый вред нежной детской психике.

— Разумеется. Непременно отмечу, со всеми подробностями, — подтвердила фройляйн Цилинска, напуская на себя важный и неприступный вид правительственного чиновника.

Первым опомнился и проблеял отец:

— К-каком отчёте?

— Который мы готовим для Федеральной комиссии по опеке и охране материнства и детства.

— Комиссия? Зачем? Почему? — захлопала ресницами мать.

— Томас Тильманн обратился в комиссию с ходатайством о лишении Гюнтера и Хильды Тильманн родительских прав. И судя по тому, что мы сегодня наблюдаем, его ходатайство будет рассмотрено и удовлетворено

скорейшим образом.

Отлично! Сознания обоих сразу стали младенчески чисты, чтобы мгновение спустя взорваться бессвязными ахами и охами.

— Томас? — Женщина посмотрела на мальчика. — Это... правда? Ты хочешь от нас... уйти?

Предупредить ребёнка о своей игре заранее я конечно же не мог, но мальчуган оказался очень смышлёным и сурово ответил:

— Да, мама. Если вам так нравится ругаться, ругайтесь. Только без меня.

Хильда накрыла ладонями страдальчески искривившиеся губы, и этот жест, при всей его театральности, сейчас выглядел необычайно уместным. А вот два кольца на безымянном пальце левой руки, одно под другим, не настолько тривиальное явление, чтобы его пропустить, тем более... Если ничего не путаю, я уже видел подобное украшение. В блокноте Роберто, нарисованное не слишком умело, но старательно и со всеми подробностями.

— Фрау Тильманн, позвольте задать вам вопрос?

— Да-да, конечно... — прошептала она сквозь ладони.

— У вас очень любопытное украшение на пальце.

— Это подарок... подарок мужа на годовщину нашей свадьбы. Гюнтер ещё пошутил, что мы ещё раз обручимся...

— Кольцо парное?

— Да. — Герр Тильманн показал мне свою левую руку.

Отлично. Сегодня звезда моей удачи в зените.

— Странная ситуация получается, дамы и господа. Когда вы отметили годовщину?

— В мае.

— Супруги, которые вновь надевают обручальные кольца после стольких лет, проведённых вместе, должны сильно любить друг друга, как мне кажется. Или я не прав? Вот вы, фрау Тильманн, вы любите своего мужа?

Женщина очень серьёзно посмотрела на мужчину и ответила с выражением лица, больше подходящим для дачи показаний в суде, настолько торжественно выглядела в этот момент:

— Очень люблю.

Я повернулся к Гюнтеру:

— А как насчёт вас?

Мужчина немного смутился, но после ответа супруги счёл невозможным отступить:

— Я... Как я могу не любить женщину, которая подарила мне столько счастья?

— И может подарить ещё больше, если вы перестанете ссориться. В чём причина вашего недовольства друг другом?

— Я... — Они переглянулись и ответили в унисон: — Я не знаю.

— Это происходит словно само по себе, — продолжила Хильда. — Я сижу дома, жду возвращения мужа с работы и больше всего на свете хочу встретить его и расцеловать, но как только он переступает порог, на меня что-то находит и...

— Со мной точно так же, — заметил Гюнтер.

— Знаете, у меня есть небольшой опыт в делах, связанных с разного рода старинными украшениями... Кольца ведь старинные, верно?

— Да, продавец сказал, что они очень старые, чуть ли не шестого или седьмого века.

— Кажется, понимаю, в чём причина. Вы венчались в церкви?

— Разумеется! — горячо подтвердила фрау Тильманн.

— И тогда же обменялись кольцами по церковным правилам?

— Да, на церемонии, как и полагается.

— Тогда, надев вторую пару колец, вы невольно совершили грех, проведя обряд без участия священника. А грешники всегда несут наказание. — Тут я для пущего эффекта многозначительно сузил глаза.

— Вы хотите сказать... — Хильда с ужасом посмотрела на свои пальцы.

— Я бы посоветовал вам непременно посетить церковь. И конечно, не надевать больше эти кольца, принёсшие столько душевных страданий вам и вашему сыну.

— Да я их прямо сейчас выкину! — заявил герр Тильманн.

— Нет, выкидывать не нужно. Если не возражаете, я заберу их с собой. Вполне возможно, на них, как на многих старинных вещах, лежит какое-нибудь проклятие или что-то в этом роде, поэтому лучше хранить их подальше от людей.

— Да-да, забирайте! — Женщина нервно стянула кольцо с пальца и положила мне в ладонь.

Мужчина справился чуть медленнее, но прибегать к помощи мыла всё же не пришлось.

— Какова была их стоимость? Я компенсирую вам все расходы.

— Нет, что вы, не нужно! Если только... — Хильда смущённо потупилась. — Если вы не станете в своём отчёте писать ничего дурного о нас, этого будет вполне достаточно.

За что я люблю типичных бюргеров, так это за практичность, пронизывающую все стороны жизни. С одной стороны, готовы без сожаления и выгоды расстаться с антикварными вещами, а с другой, если вдруг подвернётся покупатель, почему бы не совершить сделку?

— Но тогда вам придётся обещать, что с этого дня не будет ни скандалов, ни единого грубого слова.

— Конечно, мы обещаем!

Гюнтер обнял жену, и движение его ладони, нежно прижавшейся к плечу женщины, сказало мне куда больше любых самых красивых и искренних слов. Мальчик моргнул, словно не веря собственным глазам, а потом бросился к родителям. Ну что ж, дожидаться благодарности не будем: увиденного вполне хватит.

— Тогда разрешите откланяться. Надеюсь, больше не увидимся!

Они рассеянно улыбнулись моей шутке, а потом окончательно перенесли всё внимание друг на друга, и мы с Евой покинули гостиничный номер практически незамеченными.

— Ну ты и напутал! — выдохнула девушка уже на улице. — У меня голова кругом.

— Мальчику надо было помочь.

— А не думаешь, что они опять начнут?

— Знаешь, почему-то я думаю иначе. Но хотя бы какое-то время уж точно будет спокойно! А потом, если они вдруг и захотят поругаться, быстро вспомнят грозных инспекторов из Федеральной комиссии.

— Врун ты несусветный, вот ты кто, — улыбнулась фройляйн Цилинска. — Сегодня мы всё-таки будем работать или нет?

— А что мы только что делали? Самая настоящая работа была, и не скажу, что лёгкая.

— Хм, а ведь верно! — согласилась Ева. — Тогда мы вполне законно можем устроить себе...

— Пе-ре-рыв!

— Посидим где-нибудь в кафе?

— Нет, извини, у меня есть небольшое дело как раз на время обеда. Встретимся в салоне, хорошо?

— Ну как знаешь.

И фройляйн Цилинска, озорно помахивая бахромой, окантовывающей пончо, направилась вниз по Унтерхюгельштрассе, а я довольно нашарил в кармане пальто две прохладные металлические плетёнки. Теперь у меня есть преотличнейший повод встретиться с буйноволосой женщиной, и это... просто волшебю! Сегодня невероятно удачный день, а значит, и всё

остальное, что я задумал, должно осуществиться с победным блеском.

Да я молодец из молодцов! Кто бы мог подумать, что эти колечки обнаружатся так легко и так...

«Эх, Дворы Благие-Неблагие, вот и кончилось наше веселье! И размяться-то толком не успели, а теперь снова на тёмной полке скучать придётся... И-и-и-йех!..»

Всплеск мыслей был очень кратким. Молниеносным. И больше не повторялся, сколько бы я ни старался греть кольца в ладони.

* * *

Прохаживаться с поднятыми к груди руками, перебирать пальцами, словно играя в «путанку», и всё время поправлять норовящие съехать на нос очки не очень удобно, к тому же со стороны такое поведение выглядит довольно странным и смешным, особенно если на тебе надето пальто из швейной мастерской миссис Эллифилд. Не знаю, какими модными веяниями руководствовалась моя двоюродная тётушка и по каким лекалам кроила сие одеяние, но, несмотря на точное соответствие основным характеристикам моей фигуры, вид получался, прямо скажем, нелепый. Наверное, всё дело было в отлётной кокетке и расклёшенном силуэте, немного напоминающем плащи кебменов, только в укороченном варианте. Впрочем, будь всё это выполнено в скромных тёмных тонах, я бы не жаловался. Но бежевая клетка на молочно-белом фоне... Так одеваться может либо сумасбродный богач, либо городской сумасшедший, а меня сейчас устраивал как раз и тот и другой вариант в равной мере.

Следовало бы прекратить ожидание, потому что назначенное для встречи время уже прошло, но несолоно хлебавши возвращаться в салон не хотелось. Неужели резчик заподозрил неладное и решил не приходить? А ещё забавнее, если он взял и уехал из города, такое ведь тоже вполне могло быть.

Нет, с чего бы ему насторожиться? Он же сам пришёл к Роберто со своими работами. Слишком быстро нашёлся покупатель? Но Аньери хорошо известен в коллекционерских кругах, и подобрать подходящую клиентуру для итальянца не проблема. Всё было рассчитано, выверено и просто не могло не сработать! Ладно, жду ещё пять минут и иду в полицию, обрадую Берга тем, что возможный убийца сбежал у него из-под носа исключительно по причине моей безграничной самоуверенности.

— Простите... Это не вы назначили мне встречу?

Гениальный вопрос. Вы. Мне. Встречу. Впрочем, всё правильно, я же не просил Роберто передавать резчику, как меня зовут.

— Я действительно жду одного человека. Хочу поговорить по поводу совершенно чудесного медальона, вырезанного из дерева.

— Если вы видели его в лавке итальянца, то это моя работа.

Произнесено с гордостью, но какой-то неискренней, даже вялой, словно человек не верит в собственные художественные способности и в себя вообще. Хотя если он пользуется услугами Аньери, значит, талант молодой и непризнанный. Либо пока, либо в принципе.

А он и в самом деле молод: лет двадцать пять, не больше. Примерно моего роста, то есть ощутимо выше среднего, худощавый. Лицо удлинённое, небольшие по размеру глаза посажены довольно глубоко, из-за чего кажутся тёмными, но скорее всего их цвет серый. Нос массивный, а вот подбородок подкачал. М-да, такие лица хоть и называются мужскими, но мужественными не выглядят. Заметно ссутуленные плечи тоже не придают облику незнакомца импозантности и внушительности. Впрочем, осанку можно попробовать исправить, лицевые кости и хрящи подкорректировать пластическими операциями, а вот что делать с внутренней робостью, проецирующейся в каждую чёрточку внешнего облика? И его я назначил в убийцы? Поторопился, ох, поторопился. Но спектакль всё равно нужно отыграть до конца.

— Позвольте сказать: она великолепна!

— Вам понравилось?

— Ничего более талантливого я ещё не видел, даю слово чести.

— Мм, я... Мне очень приятно это слышать.

И даже улыбка какая-то рыхлая. Разве он мог воткнуть стамеску в чью-то грудь? Бред. Нереально. Могу поспорить, он к женщине и подойти-то побоится.

— Не смущайтесь, не смущайтесь! — Я покровительственно хлопнул незнакомца по плечу.

Хм, костяк крепкий. Но это и неудивительно, если учесть, что парень работает руками.

— Я... Мне неловко говорить, но вы первый, кто отметил мои работы.

— Значит, все остальные просто слепцы и глупцы! Да, позвольте представиться... Можете называть меня Стоун. Мистер Стоун. Меня интересуют произведения искусства, но я не ожидал, что, приехав в этот город по делам, не имеющим никакого отношения к миру прекрасного, найду настоящее сокровище!

— Меня зовут Матиас, Матиас Холле, — в свою очередь представился

мой собеседник и немного виновато добавил: — Я здесь тоже проездом.

— О, так это двойная удача! Не находите?

— Наверное. — Парень улыбнулся сообразно моменту, но снова сделал это неумело, словно ни разу не пробовал радоваться ни искренне, ни отрепетированно.

Или у него была тяжёлая жизнь, или он зол на весь мир, одно из двух.

— Если вы не против, немного пройдемся по улице: мой домашний доктор советует мне как можно больше времени проводить в движении.

— Как пожелаете.

— Так вот, молодой человек, увидев вчера вашу работу в лавке синьора Роберто, я почувствовал себя самым счастливым человеком на свете, потому что мои поиски подошли к концу.

— Вы что-то искали?

— Кого-то, молодой человек, кого-то! И нашёл. В вашем лице.

Матиас непонимающе нахмурился:

— Я чем-то могу вам помочь?

— И ещё как! Видите ли, моя бабушка — человек верующий, можно сказать, неистово. На Рождество она справляет своё восьмидесятилетие, грядёт пышный праздник, и я не хочу ударить в грязь лицом со своим подарком. А дарить, как сами понимаете, нужно нечто тонкое, изящное, непременно религиозного содержания. Мне давно уже пришла в голову идея на сей счёт, но без золотых рук мастера она, увы, не стоит и глотка воды. А ваши руки... О, они просто великолепны! — Я воспользовался моментом и ухватил его ладони своими.

Итак, пальцы сильные, и весьма. Кожа грубовата, кое-где нащупываются приличные мозоли. А что нам расскажет сознание герра Холле, пока он не высвободил свою руку?

«Какой-то сумасшедший... Но, похоже, богатый, значит, хорошо заплатит. А может, кто-нибудь увидит мои работы и обо мне заговорят... Обо мне обязательно должны заговорить!»

Ничего необычного или подозрительного. Нормальные мысли молодого творца, не нашедшего аудиторию для сбыта плодов своего труда.

— Так вот, вернёмся к подарку. Я задумал создать коллекцию, которой не будет ни у кого больше. Фигурки святых мучениц. Как вам идея, а?

Матиас неуверенно пожал плечами:

— Вы можете выбирать, что угодно.

— О да, и я уже выбрал. А в вашем исполнении... Это произведёт настоящий фурор на празднике!

— Святые мученицы... Почему именно они?

Любопытно, что именно в моей «идее» заставило парня напрячься?

— О, сознаюсь, я принимал в расчёт больше эстетическую составляющую, нежели духовную. Лики женщин, просветлённых принятыми во имя Господа страданиями... Разве это не прекрасно?

Он замялся, видимо не зная, что лучше, согласиться или возразить.

«Прекрасны... Ты не знаешь, о чём говоришь. Это не описать словами. Если бы ты видел их в миг смерти, когда душа отлетает на небеса!..»

Ага, попался. Он присутствовал при убийствах, если сам даже и пальцем не трогал жертв. Но мне нужны веские доказательства. То, что можно потрогать руками.

— Конечно, как вы понимаете, работа предстоит большая, долгая и тщательная. Всеми необходимыми материалами и средствами я вас обеспечу, не беспокойтесь! Но я вижу, вы колеблетесь?

Он не стал отпираться, признав:

— Немного.

— Если у вас есть какие-то вопросы или сомнения, скажите, и я постараюсь их развеять.

— Мне нужно подумать.

Я на минуту замолчал, а потом, словно осенённый внезапно пришедшей в голову мыслью, воскликнул:

— Знаю! Знаю, почему вы никак не можете решиться!

Матиас от всплеска моих эмоций едва не отпрянул назад:

— Почему?

— О, люди искусства, ваши струны так тонки и капризны... Вам нужно настроиться, верно? Вам нужна муза... Но я и об этом позаботился! Хотя каких трудов мне это стоило... А скольких денег... Впрочем, не буду хвалить себя, это невежливо. Пойдёмте!

Я подхватил его под руку и потянул за собой в проулок, выходящий на Альтербрауерштрассе аккурат рядом с домом номер двадцать шесть.

К сожалению, мне было никак не заглянуть в глаза парня, когда мы остановились перед дверью бывшего прибежища Доры Лойфель, но, судя по резко начавшим замедляться шагам, мои действия возымели нужный эффект. Нервничает? Замечательно! А теперь я устрою ему очную ставку с местом преступления. Если всё пойдёт так, как задумано, твоя смерть, До, будет отомщена уже сегодня.

— По очень-очень большому секрету хочу вам сообщить: вчера в этом доме произошло убийство. Самое настоящее! — заговорщицки зашептал я на ухо Матиасу. — Полиция это не афиширует, но у меня есть друзья, которые... Ах, опять я отвлекаюсь! Ну, проходите же!

Пришлось чуть ли не вталкивать герра Холле в подъезд. Упирается? Отличный признак.

— Надо немного подняться... Нет, не слишком высоко, всего лишь на второй этаж. Вот, сюда. Осторожнее, не зацепите ковёр... О, как вы ловко обошли эту складку! Как будто знали, что она есть. А я вот споткнулся, сами видите... Да-да, именно здесь она и умерла! Ну как, чувствуете что-нибудь?

Парень остановился на краю площадки. В нарочито искусственном свете лестничной лампы и без того не слишком богатое мимикой лицо казалось и вовсе посмертной маской. Матиас спрятал кисти рук в складках мешковатого плаща и уставился ничего не выражающим взглядом в точку чуть дальше того места, где вчера сидела До.

— Чувствуете?

Он не ответил. Но что было ещё опаснее, в его сознании царило точно такое же безмолвие. Если правильно помню теорию, именно состояние, характеризующееся полным отсутствием регистрируемой мыслительной деятельности, предшествует кульминационной фазе, но оно очень скоротечно, и, если не подтолкнуть действие искусственно, всё может закончиться не начавшись, а значит, мои усилия пропадут зря. Нет, этого я позволить не могу. Ни себе, ни ему.

— Она стояла прямо здесь. Стояла, безвольно опустив руки, потому что устала бороться. Она знала, что умрёт, знала заранее, задолго до урочного дня, но не боялась смерти. В последние минуты её согревала всего лишь одна мысль...

Внизу раздался тихий щелчок, словно кто-то осторожно открыл входную дверь, и снова наступила тишина. Сообщник? Просто прохожий? Посетитель офиса? Кем бы ни был тот человек внизу, я уже не могу остановиться. За полшага до победы? Ни за что!

— Мысль об отмщении, пусть и запоздалом, но неотвратимом. Господний суд не дремлет, он отыщет убийцу и вынесет приговор. А несчастная женщина, лишённая жизни по чьей-то нелепой прихоти, посмотрит на землю с небес и...

— Прихоти? — полупрокаркал-полупрокашлял Матиас. — Она была виновна. Все они были!

Его лицо так и не выразило эмоций, но в каждой чёткой теперь чувствовалось напряжение, настолько сильное, что невольно возникал вопрос: почему кожа всё ещё остаётся целой, а не прорвётся острыми краями гранёных мышц?

— Все они...

Резчик был довольно сильным парнем, но, как и большинство людей, приближённых к искусству, видимо, брезговал спортом, а точнее, его видами, предполагающими контактный поединок двух противников. Я тоже в последние годы не уделял боксу слишком много времени, зато память освежал, что называется, регулярно, каждое утро проводя серию ударов по воздуху. С передвижениями дело обстояло тяжелее, но тело вспомнило всё само, и, когда правая нога герра Холле начала выполнение широкого шага в мою сторону, я бессознательно поступил так, как меня учил тренер.

От прямого удара в туловище можно уйти по-разному. Например, сделать шаг в сторону, крутануться на правом носке, оказываясь сбоку от проскочившего вперёд противника. А дальше всё просто, потому что подставленная скула так и просится под удар, причём единственно эффективный и уместный в данной позиции. Боковой. Хук.

Я не чрезмерно упитан для своего роста и костяка, но мяса на мне много, а если все эти килограммы привести в движение да ещё подвесить на костяшки кулака, поставленная цель, то бишь нокаут, достигается просто и быстро. Правда, для пущей надёжности, когда Матиас после удара изменил направление движения, отлетая к стене, я не удержался ещё от одной встречи моей руки с челюстью резчика. Скорее всего добавка была уже лишней, но явно не смертельной, а допустить, чтобы парень очухался раньше приезда полиции, я не мог.

Выроненный эйсмус подмигнул мне с ковра тусклым блеском. Думаю, именно этой штуковиной и были заколоты все женщины. Или её братишкой-сестрёнкой из набора соответствующих инструментов. При обыске всё подтвердится, на стали обнаружатся следы крови, и наконец-то будет вынесено официальное обвинение неуловимому убийце. Что ж, как любят повторять итальянцы? Финита ля комедия. А я могу сказать проще: вот всё и закончилось.

Закончилось.

Всё.

Ничего не осталось...

Картинка в глазах вдруг поплыла, словно я сам только что получил ощутимый удар в голову. Резкость стала стремительно убывать, очертания предметов потекли, как будто кто-то залил водой ещё не высохшую акварель, краски начали смешиваться в грязно-серый туман, а потом вокруг и вовсе стемнело.

Стемнело? Разве сейчас ночь? Но на лестнице должен гореть свет. На лестнице... На лестнице? Какой? Где? Зачем?

Я бы решил, что внезапно ослеп, если бы перед глазами не плавали кисельно-густые, тёмные, но всё же отделимые от фона тени. В ушах постепенно нарастал гул, похожий на звук самолётных турбин. Я куда-то лечу? Быть того не может! По крайней мере, потому что я... Стою на ногах. Да, стою. Но это единственное, в чём я могу быть уверен!

Вокруг нет ровным счётом ничего. Пустота. Рука, вытянутая вперёд, не встречает ни малейшего сопротивления. Туман. Очень плотный, но он только кажется осязаемым: я ничего не могу нащупать. А если сделать шаг... Но куда? Есть ли что-то кроме пяточка тверди под моими ногами?

Пальцы судорожно сжимаются, пытаюсь схватиться за воздух. Что со мной? Я умираю? И словно в подтверждение последней мысли грудь резануло болью, но не снаружи, а внутри. Сердечный приступ? А где находится оно, это самое сердце? Слева? Нет, кажется, справа... Или вообще внизу и сзади? Не помню. Ничего не помню!

Кто я?

Ворсистая толстая ткань. Она на мне сверху. Кажется, это называется «пальто», хотя поручиться уже не могу. А что находится под ним? Как попасть внутрь? Не помню. Ладони беспорядочно шарят везде, куда могут дотянуться.

Какие-то кругляшки спереди, пять штук, один под другим. Понятия не имею, зачем они нужны. Ощутимые рубцы, пересекающие ткань... Нет, они не вскрываются. Неужели больше ничего нет?! Ещё один рубец, сбоку, толще предыдущих, попавшихся под руку. И кажется, слой ткани в этом месте отходит в сторону... Дырка? Может быть, в ней я нащупаю хоть что-то?

Тонкие, твёрдые, скрученные... в кольцо? Или как это называется? Гладкие, но неровные. Прикосновение холодит пальцы. А что дальше? Ничего, тупик. Больше ничего нет, только два странных предмета, вокруг которых сжимается моя ладонь. Ни-че-го...

«Ну наконец-то! А ты говорил, что нас здесь забудут, враль несчастный!»

«А ты не надейся шибко-то, не надейся! Он за нас подержится да снова отпустит и забудет...»

«Нас? Забыть? Как нас можно забыть?!»

«Да он и себя, похоже, уже забыл... Ты прислушайся, прислушайся. Слышишь хоть что-то? Даже пульс еле теплится. Во-о-от. Поплохело что-то парнишке...»

«Только не каркай, что он сейчас дух испустит...»

«Каркай не каркай... Я ж не ворона, я лучше вижу!»

«Ну уж нет уж! Ещё чего не хватало? Да чтоб на нашей совести смерть висела?»

«Не мы ж виноваты, брехунья, он сам нарвался!»

«Но ведь он же ещё жив?»

«Дышит. По правде сказать, еле-еле...»

«Так что ты время-то теряешь? А ну, живо за работу! А я пособлю...»

Как оба кольца оказались надеты на мои пальцы, не знаю, но, когда прохладный металл сжался вокруг фаланг, я уже помнил, что свёрнутые кругом твёрдые полосы называются именно кольцами. А потом началось форменное безобразие.

«Эй, ты, олух, дубина стоеросовая, квашня перезревшая, размазня недоваренная, долго ещё будешь столбом стоять и в стенку пялиться?!»

От неожиданности я переспросил, причём вслух, но оказалось, что именно такой способ общения с невидимыми собеседниками и был самым правильным.

— В стенку? Какую? Где?

«Да перед носом твоим, два шага сделать!»

— Два шага? Но там ничего нет!

«А я говорю, есть! А ну, шагай!»

— Но...

«А если ничего нет, то ничего и не потеряешь...»

Разумно.

Я шагнул, и пальцы вытянутой вперёд руки коснулись чего-то твёрдого. Верно, стенка. Вот только где она находится? Шершавая штукатурка, конечно, молчит.

Штукатурка?! Я же совсем недавно видел такую стену. На лестнице в доме... Да, там, где жила Дора Лойфель. Она ещё белого цвета... Не Дора, конечно, а штукатурка, хотя сама До тоже давно уже белая или синяя, потому что умерла. Но перед смертью она попросила меня найти убийцу. И я справился? По крайней мере, точно помню, что попытался, причём... Успешно. Да! Этот самый убийца сейчас находится здесь, потому что... Я его нокаутировал.

От болезненно быстрого проявления контуров на фотоснимке реальности голова закружилась, и пришлось опереться о стену. Что со мной произошло? Вернее, что происходило? Я едва не умер от... Потери памяти. Прямо как в анекдоте: забыл, как дышать, и... Что-то не смешно. Если бы не думающие кольца, дело закончилось бы похоронами.

Стоп.

Кольца.

Я поднёс правую ладонь поближе к лицу. Две плетёные полосы из металла, похожего на бронзу, уютно устроились на безымянном пальце и мизинце. Могу спорить, сам я их не надевал. Но как тогда...

Бред. Сумасшествие. Ещё пара таких случаев, и мне пора в лечебницу на вечное, так сказать, поселение. Нет, ребята, лучше я вас сниму.

«И что характерно, ни слова благодарности!»

Прочитанная мысль мелькнула и тут же пропала. Тишина на всех волнах. Да что же такое здесь творится?!

Герр Холле, присевший на краю площадки примерно в той же позе, что и До, шевельнулся. Значит, скоро придёт в себя. Пора вызывать полицию. А вот телефона-то я сегодня и не взял. Дурак. С такой рассеянностью нужно всё время ходить в одной и той же одежде. Ладно, выкрутимся как-нибудь, например... С помощью фрау Клозе, возвращающейся с обеденного перерыва!

— Добрый день, любезная фрау! Не позволите ли мне воспользоваться вашим...

Женщина не дослушала мой вопрос, а скорее всего и вовсе его не слышала. При виде сидящего у стены человека работница проектного бюро замерла на месте, пробормотала что-то вроде «снова одно и то же... одно... один... тот же...» и, закатив глаза, начала медленно оседать на ступени.

* * *

Федеральный инспектор Эрика Шофф угрожающе скрестила руки на груди:

— Значит, вы оказались на Альтербрауер, двадцать шесть, совершенно случайно, герр Стоун?

— Ну да. Просто решил ещё раз взглянуть на дом, где жила фройляйн Лойфель. В конце концов, как душеприказчик, я даже обязан был осмотреть её квартиру, составить опись вещей, распорядиться...

Берг, только что вошедший в кабинет с папкой, распухшей от бумаг, не удержался и прыснул. В кулак, но всё равно смешок прозвучал слишком отчётливо, чтобы оставаться тайной.

Карие глаза Эрики сузились, словно прицеливаясь в мишень на стрельбище.

— Инспектор, вам смешно?

— Простите, это нервное.

— Изо всех присутствующих в этой комнате нервничать должен

только один человек, причём не вы и не я, а почему-то всё получается ровно наоборот!

— Любезная фрау, а есть ли вообще причины для волнения?

Эрика встала и перегнулась над столом, наклоняясь ко мне:

— Я подам на вас рапорт, герр Стоун. За самовольное вмешательство в ход следствия. И поверьте, опишу всё настолько красочно, что вас больше и на пушечный выстрел не подпустят к расследованиям. Никогда. Вы в состоянии понять смысл этого слова? Никогда!

Нашла чем напугать. Я и сам не собираюсь в ближайшее время вступать в полицейские дела. Хотя не буду врать: мне было приятно снова окунуться в знакомую атмосферу.

— Сделайте милость. А герр старший инспектор всецело и с удовольствием поддержит вашу инициативу.

Эрика с подозрением посмотрела на ухмыляющегося Берга. Видимо, со стороны моя неожиданная покорность судьбе в лице рыжеволосой поборницы справедливости выглядела коварным подвохом.

— Это правда?

Йоаким кивнул, всё ещё улыбаясь:

— Даже буду вам благодарен. Видите ли, этот парень и раньше был способен причинить немало беспокойств, а теперь, когда имеет право не отвечать за любые, самые дурацкие поступки, лично мне было бы спокойнее держать его подальше от таких вещей, как убийства.

Только неосведомлённому и плохо знающему герра старшего инспектора человеку могло показаться, что Берг говорит шутливо, а я, глядя в строгие глаза, прекрасно знал: мой старый приятель взбешён не на шутку. Ну а кто бы не взбесился на его месте? Не ставя никого в известность, отправиться на встречу с предполагаемым убийцей, а потом проделать всё возможное и невозможное, чтобы нарваться на нападение... Я бы себя по голове точно не погладил.

— И что мы запишем в протоколе?

— Правду.

— Чью? — ехидно уточнила инспектор Шофф.

— Давайте подумаем. — Берг расположился за столом так, чтобы хорошо видеть и меня, и Эрику. — Пересказывать всю хитроумную комбинацию, придуманную этим беспечным субъектом, вряд ли стоит. Хотя бы потому, что он сам её не подтвердит, а других свидетелей у нас нет. Нужно изобразить что-то нейтральное и правдоподобное... Есть предложения, Джек?

— Сколько угодно. Скажем, я пришёл проверить состояние квартиры

фройляйн Лойфель, а на лестнице столкнулся с убийцей.

— И он решил напасть? Ерунда! Ни один суд не поверит, что маньяк, преследующий женщин субтильного вида, вдруг ни с того ни с сего набросится на крупного и сильного мужчину, — возразила Эрика.

— А мы перекинулись парой слов. Я высказал предположение, что он пришёл посмотреть на место убийства, причём выразился в такой форме, что воспалённая психика не выдержала и дала сбой. Проще говоря, парень решил, что мне известны какие-то подробности происшедшего. А как обычно поступают в таких случаях преступники? Убирают свидетелей.

— Преступники! — фыркнул Берг. — Знаешь, ему скорее всего даже пожизненное не назначат.

— Почему это?

— А вот почему. — Он раскрыл папку. — Душещипательнейшая история, между прочим. Молодой человек из не слишком обеспеченной семьи, с детства проявлявший способности к изобразительному творчеству. Устроить сына в студию на обучение к профессиональному скульптору мать не могла, поэтому заниматься лепкой и всем прочим Матиас Холле начал сравнительно поздно, уже в последних классах муниципального колледжа, когда устроился уборщиком в мастерскую герра Альберта Шнайдера. Слышали о таком?

Я отрицательно мотнул головой, а вот Эрика задумчиво нахмурилась:

— Шнайдер, Шнайдер... Скульптор... Что-то очень знакомое, только не могу вспомнить.

— В марте этого года Альберт Шнайдер, известный скульптор, один из признанных мэтров современного искусства, покончил с жизнью, выбросившись из окна своей мастерской.

— Убийство или сам? — заинтересованно спросила Эрика.

— Сам.

— Есть свидетели?

— Да. Инспектор полиции и офицеры сопровождения, пришедшие, чтобы арестовать герра Шнайдера.

— Всё, вспомнила! — заявила инспектор Шофф. — Любопытное было дело.

Я тоже люблю слушать и смотреть полицейскую хронику.

— А меня никто не просветит?

— Ну, поскольку это происшествие имеет прямое отношение к нашему делу, тебе будет интересно. Вот, ознакомься. — Берг протянул мне несколько скреплённых между собой листов бумаги.

Ну-ка, посмотрим.

Альберт Шнайдер, пятидесяти трёх лет, известный скульптор... Выбросился из окна через минуту после того, как инспектор предъявил ордер на арест. Самоубийство было признано судом неоспоримым доказательством вины, хотя присяжные долго не могли принять какую-либо сторону.

И в чём заключалась вина? Ага, вот. Герру Шнайдеру уже посмертно было предъявлено обвинение в неумышленном убийстве ученицы художественного колледжа, восемнадцатилетней Элизы Хильфнер, причём вина скульптора была установлена с участием сьюпа по имени... Моника Хертиг. Хм. С этого всё и началось? Почему же полиция не обратила внимания на совпадение имён? Хотя я и сам могу ответить на этот вопрос. Судя по досье, фройляйн Хертиг была активно практикующим сьупом, и в её послужной список входило уже более сотни расследований, а дело Хильфнер было отнюдь не последним на момент смерти Моники. Полиция скорее всего проверяла версии, но попросту не добралась до нужной. Не успела. Времени не хватило. Как обычно.

Что же там стряслось? Девушка попала под машину. С виду обычная авария, но по экспертному заключению сьюпа погибшая находилась в состоянии крайнего психологического возбуждения, близкого к помешательству, а причиной спутанности мыслей явились как раз действия известного скульптора. Наверняка в ходе следствия было установлено и описано множество разных подробностей, но суть, согласно краткому отчёту, сводилась к следующему.

Герр Шнайдер очень любил молоденьких девушек, увлечённых искусством, а ученицы его студии имели самые высокие шансы на успех и признание в будущем, поэтому, как можно догадаться, желающих попасть под крылышко пожилого наставника было хоть отбавляй. И разумеется, к интимной близости он успел принудить не одну только Элизу, но все прочие девицы то ли оказались устойчивее в плане психики, то ли были слишком одержимы желанием пробиться в высший свет искусства, а фройляйн Хильфнер... Она всего лишь была влюблена. В своего сверстника. Правда, человека совсем другого круга. А юноша в свою очередь намекал, что мог бы снизойти до неё, если обстоятельства изменятся. Например, если девушка из простой семьи вдруг окажется богемной звёздочкой. Элиза решалась долго. По всей видимости, ещё в процессе принятия решения она уже заработала расстройство психики, стабильности которой близость с герром Шнайдером тоже не способствовала. Но главный удар ждал впереди. Совершенно случайно, уже после роковой ночи, фройляйн Хильфнер узнала, что её возлюбленный

женится только на девственнице...

Представляю, какой бедлам возник в голове Элизы, и сочувствую Монике Хертиг, прикоснувшейся к сознанию, пылающему отчаянием. Но при чём тут наш резчик?

— Печальная история. А каким местом в ней замешан герр Холле?

— Он следил за порядком в мастерской и даже иногда получал уроки от самого великого мэтра, — ответил Берг. — А ещё наш вьюноша завидовал девушкам, о взаимоотношениях скульптора с которыми он, разумеется, знал или очень сильно догадывался.

— Завидовал, потому что ему постель помочь не могла... М-да. Жестокая шутка судьбы.

— Внешне и по поведению он всегда был неприметным, спокойным, тихим, — продолжил излагать досье герр старший инспектор. — Заподозрить вулкан страстей под этой деревянной маской было невозможно, поэтому подозрение на парня так и не пало. Тем более после смерти Шнайдера Матиас незаметно пропал из виду. Как выяснилось, устроился младшим куратором федеральной коллекции современного искусства, время от времени колесящей по стране. И знаете, что самое любопытное?

— Что же?

— Убийства по времени и по месту совершения совпадают с выставками, которые обслуживал герр Холле.

Вот ведь хитрюга! Он совершенно спокойно перемещался из города в город, не беспокоясь ни о билетах, ни об отлучках с работы. Везунчик, что ещё можно сказать.

— Теперь понятно, по какому принципу он выбирал своих жертв. Но есть пара вопросов. Я могу получить на них ответы, герр старший инспектор?

— Например?

— Процесс над Шнайдером широко освещался в прессе?

— Да, но больше на местном уровне и в специализированных программах, — ответила вместо Берга Эрика. — Провинция ведь вообще мало интересуется искусством.

Тонкий намёк на Ройменбург или на моё личное невежество? Ничего, если понадобится, обращусь за помощью к Роберто, он меня поднатаскает в любом виде хоть живописи, хоть скульптуры, хоть ландшафтного дизайна.

— Но об участии сьюпа конечно же говорилось?

— Этот случай использовали для пропаганды более широкого участия сьюпов в расследованиях.

— Можно подумать, они сейчас скучают без работы!

— И тем не менее, — сухо заметила инспектор Шофф, — общественность всё ещё очень мало доверяет медиумам, и если не принимать должные меры, разделение людей будет только усугубляться.

Да, всё правильно. В какой-нибудь другой стране мира такими вещами не морочили бы себе голову ни правительство, ни отдельные обыватели, но Германия, по-прежнему хорошо помнящая своё печальное прошлое, очень болезненно относится к кастам, слоям и классам любого толка. Могу только поаплодировать Эрике, но не буду этого делать, а то сочтёт меня насмешником.

— То есть парень мог легко узнать, кто и каким образом поспособствовал уходу из жизни его кумира?

— Несомненно.

— Узнал и решил отомстить. Всё логично и примитивно до омерзения. Хотя...

— Хотя? — переспросили хором оба инспектора.

— Он ездил вместе с выставкой, это выяснено. Но я никак не могу понять другого. Каким образом он выбирал своих жертв? Мало иметь возможность свободно перемещаться по стране, нужно ещё знать, как в произвольно взятом городе найти нужного человека.

Эрика нервно куснула губу:

— Следствие ещё работает над этим.

— О других сьюпах в прессе проходила информация?

Инспектор Шофф метнулась к компьютерному терминалу, бодро стучала по клавишам минуты три, потом обернулась к нам и разочарованно покачала головой:

— Нет, ни разу.

— Значит, воспользоваться средствами массовой информации он не мог. Утечка из полиции?

— Ни в коем случае. Матиас Холле не имел никаких связей с полицейским управлением, даже самых отдалённых, это проверено.

— М-да, задачка... А что говорит он сам?

Невинный вопрос вызвал появление крайнего уныния на лицах моих собеседников.

— Он молчит, — за двоих ответил Берг. — Зато разговорилась фрау Клозе. Она вспомнила, что сразу после убийства видела на лестнице именно этого парня.

Рад за женщину, очень рад, но другая новость, честно говоря, повергла меня в шок.

— То есть как это — молчит?!

— В прямом смысле слова. Нем как рыба.

— И его не пробовали...

— Расколоть? — усмехнулась Эрика. — Пробовали. Только, увы, разговаривать с ним теперь под силу разве что Господу.

Час от часу не легче.

— Парень что, умер?

— Нет, жив и здоров. Но его голова... Как бы это сказать? Не работает. Я моргнул, растерянно уставившись на Берга:

— Что случилось?

— Не волнуйся, это не последствия удара, сотрясения мозга не было. — Поспешил успокоить меня герр старший инспектор. — Ему словно отшибло всю память. Напрочь. И теперь он похож на растение.

— Что говорят врачи?

— Прогноз неутешительный. Можешь сам их спросить, если тебе интересно. Скорее всего парень так и закончит свои дни овощем.

— Мне нужно на него посмотреть.

— Как хочешь, — вздохнул Берг и неохотно продолжил: — Его перевезли в Доннерталь.

Знакомое место. Наполненное не самыми приятными воспоминаниями и впечатлениями, но я не боюсь туда возвращаться, потому что у меня есть пусть и всего одна, но очень хорошая причина. Макс. Мой старый приятель Макс. А добрый или недобрый, я так и не сподобился решить.

— Спасибо за разрешение.

— Было бы что разрешать, тем более ты — официальный участник... Кстати, — спохватился герр старший инспектор и, порывшись в папке, придвинул ко мне по столу разлинованный лист бумаги, — вот, подпиши, а потом зайдёшь с ней в бухгалтерию. Тебе же причитается гонорар.

Платёжная ведомость? Первый раз вижу. Вернее, первый раз вижу заполненную таким образом на моё имя.

Получатель, понятно, я со всеми своими координатами. Плательщик — полицейское управление. Назначение платежа... Оказание консультационных услуг по коду СР-12029. Всё верно, именно так обозначается участие сыюпа в расследовании.

— И куда эта бумажка потом отправится?

— В налоговую, конечно.

Я посмотрел на печатные строки ещё раз. И ещё. Поднял брови, опустил. Протёр кончиком пальца уголки глаз и только потом глупо хихикнул.

— В чём дело, герр Стоун? — недоумённо спросила Эрика.
— Я знаю, как убийца находил своих жертв.
— И как же?
— Вы проверяли его связи только с полицией?
— В основном.
— А теперь проверьте, есть ли у него контакты в каком-нибудь налоговом управлении, даже неважно, какого округа или земли.

Берг приоткрыл рот, захлопнул и снова разжал губы лишь для того, чтобы выругаться:

— Ну умельцы, ну молодцы! Конфиденциальность чёртова... Да здесь же всё как на ладони! Вот кому надо по шее надавать, и не только!

В отличие от инспектора городской полиции, давшего волю чувствам, его федеральная коллега Эрика Шофф лишь только молча провела по своему лицу растопыренными пальцами. Сверху вниз. Наверное, неосознанно пытаясь скрыть свои эмоции и заодно стряхнуть с кожи цепкие лапки невольной вины в гибели шести человек.

* * *

Персонал психиатрической клиники по вполне объективным причинам не должен меняться слишком часто, но медсестра, встретившая меня в холле, явно была новенькой. По крайней мере, на момент моего последнего визита весной этого года регистратурой заправляла фрау Эйзель, знавшая меня ещё по курсу процедур нейрорелаксации, а рядом с этой симпатичной, но совершенно чужой женщиной я чувствовал себя как-то неуютно, недаром психологический комфорт считается одним из немаловажных компонентов лечения всех болезней, начиная от простуды и заканчивая хирургическими вмешательствами. Впрочем, директору клиники виднее, когда и каким образом производить смену персонала.

— Добрый день. Чем мы можем вам помочь?

— Добрый день. Я договаривался о визите сегодня утром с доктором Шмидтом. Моё имя Джек Стоун.

Медсестра сверилась с записями и кивнула, нацепив дежурную улыбку образца номер двенадцать или тринадцать, предназначенную для специальных гостей:

— Доктор ожидает вас в восемнадцатой палате на втором этаже. Вы знаете, куда идти?

— Да, спасибо. Я уже неоднократно здесь бывал, не заблужусь.

Клиника и снаружи, и внутри выглядела как тихий частный пансион, хотя, разумеется, была оснащена по последнему слову техники. Но все новомодные приборы и инструменты прятались в комнатах подвального этажа, чтобы не нервировать ни пациентов, ни тех, кто приходит их проводить. В принципе, насколько мне известно, серьёзно здесь оперируют довольно редко и, как правило, в таком случае приглашают на операции специалистов из известных нейрохирургических центров. Почему не возят туда пациентов? Видимо, опять же для поддержания неизменного психологического комфорта. Я бы тоже гораздо меньше волновался, если бы покидал успешную свою палату только на время самой операции.

Второй этаж напомнил мне гостиницу на Унтерхюгельштрассе с той лишь разницей, что двери, выходящие в здешний коридор, были сделаны отнюдь не из фанеры. Ну да, сюда попадают и буйные больные, а что поделать? Такова жизнь.

У дверей восемнадцатой палаты дежурили два медбрата с явной борцовской выправкой. На тот случай, если герр Холле вздумает убежать? Интересно, часто ли овощи бегут с грядки? Но требования полиции по обеспечению безопасности, конечно, нужно уважить и исполнить.

— Я могу увидеть доктора Шмидта?

Дверь передо мной распахнули без вопросов, приглашений или каких-либо жестов, означающих, что меня вообще заметили. Ну и замечательно, не люблю привлекать к себе внимание. Хотя, могу поспорить на любую сумму, бесстрастные взгляды просканировали мою личность не хуже рентгена.

В палате оказалось вполне уютно, совсем по-домашнему, хотя вряд ли её обитатель замечал что-то вокруг себя. Матиас Холле сидел в кресле-каталке, придвинутом к окну, и смотрел в одну точку. Только точка эта находилась не за окном, забранном изящной решёткой, и не в комнате. Думаю, даже если бы я попытался провести трасологическую экспертизу, местонахождение объекта, на котором было сейчас сконцентрировано внимание убийцы, всё равно осталось бы неопределённым.

— Здравствуйте, герр Стоун.

Доктор Август Шмидт, лысеющий ровесник и сокурсник Макса по университету, когда-то старался привести в норму мои расстроенные нервы, и это ему удавалось плохо, пока за дело не взялся доктор Лювиг. Взялся, правда, не из любви к искусству, а из чистой корысти, но всё равно количество и качество блага в его действиях перевесили множество неприятных аспектов.

— Добрый день, доктор.

— Признаться, немного удивлён, видя вас здесь по... так сказать, профессиональному поводу.

— Я тоже в некотором недоумении. Честно говоря, лучше бы таких поводов не подворачивалось вовсе.

Август Шмидт снял очки, посмотрел через круглые стёкла на свет и пробормотал:

— Мутнеют или мне кажется?.. Скажите, этот человек в самом деле серийный убийца?

— Разве полиция не поставила вас в известность?

— Обо всех деталях? Ещё нет. А может, и вовсе не поставит... Пока их интересует только психиатрическая экспертиза.

— И каковы её результаты? Я могу узнать?

Доктор убрал очки в карман нежно-зелёного халата и, словно извиняясь, сообщил:

— Пациент полностью недоступен для общения.

— Это окончательный вердикт?

— Боюсь, что да. Дальнейшее покажет время, но хотел бы выразить сомнение, что мы дождёмся каких-либо положительных изменений.

— Всё так безнадёжно?

— Видите ли, герр Стоун... — Шмидт заложил руки за спину и неспешным, отработанно увесистым шагом прошёлся по комнате, живо напомнив мне одного университетского лектора. — Он может попросту не дожить до улучшений.

— Что вы имеете в виду?

— Буквально несколько часов назад у него случился, э-э-э... Назовём это приступом. Остановка дыхания, нарушение сердечной деятельности, словно организму был отдан приказ прекратить своё существование. К счастью, реанимационная бригада была как раз в операционной, и всё прошло удачно. Пациент снова начал дышать. Но нет никакой гарантии, что подобное не повторится. Как мне рассказал один из врачей, возвращавших это создание к жизни, ему показалось, что сердце начало биться не сразу, а... Оно словно бы училось выполнять свою работу. Училось заново, понимаете? Это звучит глупо, я знаю, можете не принимать во внимание.

Вовсе не глупо. Моё сердце тоже было недалеко от того, чтобы остановиться, потому что начало забывать, как и зачем нужно биться в груди. Неужели с герром Холле случилось то же самое, что и со мной? В любом случае мне определённо повезло больше: я выкарабкался. С помощью невесты кого.

— Можно взглянуть на него?

— Ради бога, герр Стоун. Он всё равно сейчас почти что в вакууме.

Это точно. Глаза не следят за движением света и теней, веки полузакрыты, голова безвольно откинута на подголовник, наверное, кем-то из врачей или медбратьев, усаживающих пациента в кресло. Кисти рук уложены на колени заботливо, но сразу видно, что не самим человеком, а кем-то посторонним. Датчик мозговой активности, индикатор ритма сердечных сокращений, капельница с питательным раствором... Овощ, значит? А что творится у него под кожей?

Я положил свою ладонь поверх правой ладони Матиаса. Сплёл свои пальцы с заметно похолодевшими с прошлого раза и теперь уже лишёнными силы пальцами резчика. О чём ты думаешь, парень?

Хмम्म.

С первого раза пробиться не удалось, со второго тоже, уж больно бледными чернилами была написана бесконечная строчка в сознании Матиаса.

«Ничего нет... Ничего нет... Ничего нет...»

Знакомая картинка. И несомненно, почерк того же человека, который пытался почистить моё сознание. В те же минуты или после? Вполне возможно, что сначала он закончил со мной, вернее, решил, что закончил, а потом взялся за резчика. А может быть, мы оба одновременно попали под действие этого своеобразного... Ну да, излучателя. Вот только что именно он излучал?

Постороннего вмешательства не было, могу сказать совершенно уверенно. Я был настолько погружён в свои мысли, что сразу заметил бы попытку проникновения извне. В тот момент я думал о том, что выполнил просьбу До, и всё закончилось...

Ага. Как раз на этом моменте меня и накрыло волной, у которой не было определённого содержания, зато силы имелось с избытком. А дальше мои мысли понеслись вскачь, но уже по строго заданной тропе, по направлению к окончанию всего и вся. Неужели во всём виновато моё собственное воображение? Ведь если бы я подумал о чём-то другом, приятном, хорошем или просто менее субъективном, ничего бы не случилось? М-да. Проверить невозможно. К тому же герр Холле попался в ту же ловушку, а он вряд ли мог думать о финале. Или...

Мог. Те несколько секунд после моего удара, пока сознание ещё не померкло, в голове резчика вполне могло проскочить что-то вроде «всё кончено» или «всё пропало». Но тогда он не умер, потому что потерял сознание? Да, похоже, нокаут спас его жизнь, но не память, и как только мозговая деятельность заявила о себе, процесс уничтожения, кем-то

запущенный и временно отложенный обмороком, вновь активизировался.

«Ничего нет... Ничего нет... Ничего нет...»

Ту-дум. Ту-дум. Ту-дум.

А ведь он думает в том же ритме, что бьётся его сердце. Как сказал доктор Шмидт? В процессе реанимации кому-то из врачей показалось, что пациент учится жить заново? Так оно и есть. Сердце удалось запустить, а вот всё остальное... Его зрение и слух наверняка в норме, но он не слышит и не видит. Это даже не кома, в коме человек продолжает мыслить, это... Да, пожалуй, доктор подобрал правильное слово.

Вакуум. Пустота. Отсутствие чего бы то ни было. За то время, пока Матиас был без сознания, он забыл, что значит осязать, обонять, видеть и прочими способами общаться с миром. Можно ли вернуть его обратно? Можно ли проткнуть этот вакуумный пузырь? Не знаю. Это и выглядит страшно, а если вдуматься в ситуацию, она становится во сто крат страшней. Новая разработка военных? Оружие, уничтожающее любого человека со стопроцентной гарантией? Не может быть. Если мои фантазии хоть краешком касаются истинного положения дел, то пора...

Бежать. Подальше. Так далеко, как только смогу. Если успею. Но сначала надо проконсультироваться со специалистом.

— Да, похоже, положение безнадёжное. Очень жаль.

— А стоит ли его жалеть? — Доктор Шмидт с некоторой безразличностью посмотрел на овощеподобного резчика. — Если он убийца, можно считать это карой Господней. Он ведь убийца?

— Вне всякого сомнения. Скажите, Макс Лювиг сейчас у себя в палате?

— Хотите поговорить с ним?

— Да. Раз уж я всё равно здесь.

— Он рисует. — Очки вновь покинули карман и примостились на длинном тонком носу доктора. — В парке. Вас проводить?

— Спасибо, я знаю дорогу.

Усадьбу Доннерталь, в начале прошлого века перестроенную под клинику, окружал самый настоящий парк, способный посоперничать с дворцовыми ансамблями размерами и разнообразностью растений и массой прочих достоинств, но только не ухоженностью. Нет, дорожки были тщательно вычищены и регулярно посыпались свежим речным песком, старая и больная древесная поросль своевременно вырубалась, а розы укрывали к каждой зиме, то есть обычные садовые работы велись неукоснительно и с истинно немецкой точностью. Зато всё остальное... Или правильнее сказать, оставшееся?

Необыкновенная атмосфера. Газоны с разновысокой травой, создающие впечатление самосева. Клумбы, окаймлённые неровно обтёсанными камнями. Мшистые подножия столетних дубов и плющ, медленно, но целеустремлённо перебирающийся с одной ажурной арки на другую. Гирлянды прудов с обманчиво топкими берегами. Тишина и покой, но не запустения, а дремоты: умиротворённый лик прилégшей немного отдохнуть природы, чей сон способно нарушить только одно создание. Человек. Если не научится существовать в гармонии с миром так же хорошо, как это делает, например, Макс.

Не знаю, с собаками его по вечерам ищут санитары, или на моего приятеля давным-давно повесили радиомаячок, но отыскать бывшего доктора Лювига на просторах Доннерталя может далеко не каждый. Я могу это сделать только потому, что Макс некогда сам показывал мне свои любимые закоулки парка. Вот и сейчас он располагался в компании этюдника и корзины для пикника в одном из таких уединённых местечек, спрятавшись за начинающей желтеть ивовой изгородью.

— Привет, Макс.

— О, единственный и неповторимый! Какими судьбами? Ты редко балуешь меня визитами, и, если не ошибаюсь, время следующего ещё не подошло.

«Единственный и неповторимый». Макс именует меня только так, с тех пор как подтвердил за мой счёт свою научную теорию, но по каким-то причинам не смог или не захотел размножить и упрочить достигнутый успех.

— Я приехал сюда по делам.

— А-а-а... Ну-ну. — Он сделал вид, что потерял ко мне всякий интерес, и наклонился к подрамнику, близоруко вглядываясь в только что положенный на бумагу акварельный мазок.

М-да, с весны русые локоны стали ещё длиннее, и теперь Лювиг выглядел намного богемнее, чем раньше. Просторная куртка из толстого шерстяного сукна, шарф, концы которого волочатся по земле, бархатные брюки, остроносые лакированные башмаки... и особое выражение лица, можно сказать устремлённое в невидимые простому смертному дали, — ни дать ни взять мэтр живописи в собственном загородном поместье, соизволивший запечатлеть мгновение вечного существования природы.

Впрочем, рисовать он умеет, и я точно знаю, что его работы пользуются неизменным спросом на всевозможных пейзажных выставках. А вот людей мой старый приятель не рисует. Как он сам однажды рассеянно обронил в разговоре, по той причине, что в человеке для него нет

ничего загадочного и вызывающего благоговейное восхищение.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— У тебя есть ещё четверть часа, а потом у меня начнётся второй завтрак, на который я тебя, уж извини, не приглашаю. Не взял достаточного количества припасов, — совершенно серьёзно сказал Макс.

Вот в этой убийственной серьёзности и скрывалась главная опасность общения с доктором Лювигом. Только после многих месяцев знакомства с ним можно было сделать вывод, что его беспечная улыбка означает крайнюю заинтересованность в теме беседы, а задумчивая мина — шутливое настроение.

— Я не отниму у тебя много времени.

— Только попробуй! Я не отдам! — Он выставил кисть в мою сторону, как штык.

— Может, обойдёмся без игр? Всего несколько минут, Макс. Я чертовски рад тебя видеть, но слишком устал за последние дни.

— И увидел что-то жуткое, — меланхолично улыбаясь, дополнил моё признание Лювиг.

Опять прав, чертяка! Каждый раз удивляюсь, как в первый, но спрашивать, откуда ему доподлинно известно моё психологическое состояние, глупо. В конце концов, именно он вывел меня из депрессии, грозившей перекинуться в шизофрению.

— Да. Очень жуткое. И именно об этом хочу поговорить.

— Ты немного напутал, Джек. Я не психиатр. Я псих.

Скорее умело играет психа. Ну ещё бы, с его-то опытом и знаниями! Не знаю, зачем это нужно доктору Лювику, но в меня с детства вбили уважение к чужим личным устремлениям, пока они не вредят моим собственным, и я стал невольным соучастником максовского спектакля, а теперь уходить со сцены уже слишком поздно.

— Даже не знаю, в каком качестве ты окажешься полезнее для меня.

— Итак? — Кисть вспорхнула над рядом ванночек с красками, символизируя готовность к разговору.

— Скажи, можно осуществить противоположную операцию?

— Противоположную чему?

— Извини, я неточно выразился... Можно, начну с самого начала?

— Если знаешь, где оно, — подмигнул мне Макс.

— Вот есть на свете медиумы. Они считывают информацию из сознания, но не могут её изменить в источнике ни в процессе считывания, ни во всё время с момента её возникновения до момента записи в долговременную память.

— Верно.

— А что, если бывает наоборот?

— А именно? — Рука с кистью остановилась в дюйме от бумаги, натянутой на деревянную рамку.

— Что, если существует способ, если можно так выразиться, онлайн менять информацию, находящуюся в сознании человека?

— Ты говоришь о гипнозе?

— Нет, ни в коем случае! Представь, что ты думаешь, например, о том, как тебе нравятся яблоки. А кто-то, назовём его антимедиум, усиливает эту твою мысль таким образом, что через некоторое время ты не можешь думать ни о чём, кроме яблок.

— Любопытно. — Макс отложил кисть и вытер испачканные краской пальцы прямо о куртку. — Усиление? В принципе, возможно. Но это опять же сводится к примитивному гипнозу.

— Исключи любое взаимодействие с гипнотизёром. Нет ни звукового, ни визуального, ни тактильного. Ничего.

— Хочешь сказать, точки концентрации нет?

— Есть! В том-то и дело! Она есть в сознании человека. И вполне возможно, о ней никто, кроме него самого, не знает.

— Ты придумываешь ерунду, Джек. Как можно усилить сигнал, о котором нет никакой информации? Вот если бы человек обладал параллельно и способностями медиума, тогда...

Я взглянул Максиму прямо в глаза:

— Это возможно?

Он улыбнулся невиннее младенца:

— Нет.

— Почему ты так уверен?

— Всё очень просто, мой единственный и неповторимый. У человека только одна нервная система, включающая в себя своего рода центральный процессор и периферийные устройства ввода-вывода. Человек принимает информацию и выдаёт её в пространство тем или иным образом. У медиума, скажем, основная работа идёт на приём сигнала извне, поэтому может возникать заторможенность в других так называемых передаточных функциях. Нет, ты такой опасности не подвержен, потому что время реакции и так было средненьким, — поспешил пояснить Макс, видя моё желание возразить. — Вероятно, существуют особи, способные в основном передавать сгенерированный сигнал наружу. Но приём и передача одинаково мощного уровня не могут осуществляться даже в одном и том же человеческом организме, не говоря уже о периоде времени. Количество

каналов и их пропускная способность ограничены, вот в чём проблема.

— Но ты ведь смог добавить несколько дополнительных контуров?

— Обработывающих входной сигнал? Да. Правда, при этом существенно уменьшив количество резервных цепей. И вполне возможно, мог теми же самыми методами настроить тебя на передачу. Но, увы, уже поздно. Из того, что сейчас работает в твоём теле, Джек, нельзя соорудить ещё одну параллельную систему, а она должна быть именно параллельной.

— А разве переключать функции нельзя?

Макс расхохотался:

— Ну и фантазёр ты... Нет. Нельзя. Твоя плоть состоит не из ртути, чтобы можно было перестраивать нейронные цепи на ходу. Так что не надейся измениться, а живи с тем, с чем уже научился жить.

— Значит, ты уверен, что нельзя одновременно читать мысли и усиливать нужные?

— Совершенно уверен. — Лювиг взял новую кисть с более тонким кончиком.

— Но как тогда получилось, что у человека, мимолётно подумавшего, что для него всё кончено, эта мысль усилилась до предела, вызывающего остановку сердца?

— Что именно тебе непонятно?

— Как, не *читая* сознание, можно узнать, грубо говоря, на что надавить?

Макс вздохнул, снова отложил орудие художественного труда в сторону, спрятал руки в карманы и посмотрел на меня с глубочайшим сожалением.

— А как ты раньше узнавал, сердится твоя мать на тебя или нет?

— Ну... Я смотрел на её лицо, её руки, вслушивался в её голос и...

— Внешних признаков иногда бывает более чем достаточно, Джек. Просто ты начал забывать такие простые вещи, и, пожалуй, именно за это мне стоит перед тобой извиниться.

— Макс, не надо...

— Надо. Я тоже был молод, увлечён и глуп, когда подписал тебя на эксперимент.

— Но он же удался!

— Вижу. Даже больше чем удался. Ты начал отдаляться от обычных людей, Джек, а это скальпелем уже не исправить.

Он нагнулся, поднял корзинку и размашисто зашагал прочь, оставив меня наедине с возмущением, негодованием и обидой, а ещё — с болезненным пониманием чужой правоты.

Макс шёл, всё удаляясь и удаляясь, а мне казалось, что вместе с ним от меня уходило человечество. Я ведь действительно стал чужим для многих людей, ранее окружавших меня. Но что ещё хуже, я сам стал относиться к ним как к солдатам, если не из вражеского лагеря, то как к плохо знакомым союзникам.

Возврат невозможен? Макс уверяет, что невозможен. Но он никогда не говорил мне всей правды. Догнать и попробовать *прочитать*? Нет. Потому что это станет его победой и моим полным разгромом. Как мне жилось раньше? Чужие мысли были для меня загадкой, это верно, но почему-то, вспоминая прошлое, кажется — тогда я понимал происходящее гораздо лучше. Тогда мне было достаточно взгляда, жеста, движения губ, чтобы принять приглашение или ответить отказом. Теперь же я могу доподлинно узнать, что таится за каждым словом, но кем для меня стали люди? Объектом исследований, а не живыми существами, радующимися и огорчающимися, любящими и ненавидящими. Лабораторными мышами, копошащимися где-то внизу, у меня под ногами.

Я возомнил себя высшим созданием? Похоже на то. Но мне не удалось заслужить доверие даже того клана, в который попал всеми правдами и неправдами. Хотя умеют ли медиумы вообще доверять? Да и можно ли говорить о доверии, если кроме нас и обычных людей по земле ходят те, что способны убить тебя твоими же собственными мыслями?

Кто они? Результаты жуткого эксперимента? Плоды эволюции?

«И раздастся глас тихий, и внемлют ему всё, даже от рождения лишённые слуха, и бросит он семя в людские головы, и взрастёт то семя, и принесёт плоды, и плодонося, пожрёт почву, в которую брошено...»

Ты знала, монахиня Иоанна. Знала ещё тысячелетие назад. Значит, уже тогда существовала эта угроза? Но медиумы вышли из тени, а те, другие? Конечно, они не откроют свой лик свету. Человечество не примет их. Шутка ли сказать, люди едва смирились с тем, что их самые потаённые мысли могут быть узнаны, а теперь получается, что любая мысль, даже не узнанная, способна стать орудием убийства. Есть ли выход из этого тупика? Я не вижу. Потому что не могу себе представить, как можно существовать, не думая вообще.

— Молодой человек! — прошамкали откуда-то снизу.

Я повернулся и едва не упал, наткнувшись на инвалидную коляску, в которой сидело нечто, закутанное в плед.

— Простите?

— Вы не подскажете, как мне проехать к... — Тут существо надрывно захрипело и поманило пальцем склониться поближе, чтобы, видимо не

напрягая и без того слабый голос, сказать мне что-то на ухо.

— К главному корпусу?

Отчаянное мотание головой.

— К оранжерее?

Аналогичный эффект и движения пальца, ставшие совсем судорожными.

— Вам плохо? — Я всё-таки решился наклониться над коляской. — Я могу чем-нибудь помочь?

— Может быть, — ответил неожиданно чистый молодой голос, рука, точным змеиным броском вырвавшаяся из-под пледа, ткнула щепотью пальцев или тем, что они сжимали, в мою шею, и секунду спустя я с ужасом понял, что падаю.

* * *

Чувствительность никуда не пропала: кисти рук, безвольно лежащие на коленях, ощущают тепло неподвижных ног, передающееся через ткань. Но пошевелиться... Об этом больно даже думать. Полная блокировка передающих периферийных цепей, как сказал бы Макс. Никогда не думал, что такое возможно. Казалось бы, обязательно должно присутствовать и ощутимое онемение конечностей, но они ничуть не изменились в своих характеристиках. Я просто потерял управление.

Если взять за основу теорию доктора Лювига и пойти дальше, сложившуюся ситуацию легко объяснить. Принимающие контуры нервной системы медиума намного сильнее передающих, поэтому блокировать их без блокировки собственно сознания невозможно: я всё равно буду чувствовать почти всё происходящее. А вот для исключения владения телом достаточно и небольшой дозы релаксанта, который в меня, похоже, и вкололи.

Вернее, вколол. Невысокий, ширококостный молодой мужчина, сейчас внимательно изучающий содержимое моего бумажника. Коротко подстриженные завитки чёрных волос, неброская одежда тёмных тонов и странные ботинки, похожие на форменные. В магазине такие точно не продают.

— Сьюп? — В коротких пальцах мелькнула знакомая пластиковая карточка. — Кто бы мог подумать... Но тогда ты должен был умереть. Никто не выживал. До сих пор.

Он повернулся ко мне, хмуро сдвинул густые чёрные брови. Похож на

южанина. Италия или Испания наверняка — уж больно певуче звучит голос. К тому же кожа желтовато-смуглая, но это не загар, а особенности происхождения. Пронзительные тёмные глаза, выражение которых невозможно понять. И полное отсутствие мыслей, не совпадающих с произносимыми словами.

— Почему же ты не умер?

Он подошёл ближе, сел на корточки рядом с инвалидным креслом, в котором я сейчас находился, взгляделся в моё лицо.

— Почему?

На гладком, но не слишком высоком лбу отчётливо видны крохотные капельки пота, и, кажется, их становится всё больше.

— Или я совсем выдохся? Сколько всего было за сутки? Пять, десять человек? Да ещё в лечебнице пришлось потрудиться... Нет, нужно сделать перерыв. Особенно перед тем, как займусь тобой.

Его слова дрожью всколыхнули что-то внутри меня. Заняться? Что он под этим подразумевает? Убьёт? Вряд ли, ведь один раз он уже попробовал это сделать, и теперь больше заинтересован в выяснении причин неудачи. Будет пытаться? Больше похоже на правду. Я не люблю боль, но боюсь, в моём теперешнем положении выбора у меня нет. Как нет возможности узнать, что творится в сознании моего похитителя. Но, может быть, это и к лучшему?

— Пытаешься *прочитать* вот это? — Он постучал согнутым пальцем по своему лбу и ухмыльнулся. — Нет, не получится, как ни старайся. А знаешь почему? Потому что мне нечего скрывать. Я и так расскажу всё. Ведь ты хочешь узнать своё будущее? Наверняка хочешь!

А вот тут ты ошибаешься, парень. Я его и так знаю, а что не знаю, нафантазирую. По большому счёту сейчас для меня есть всего два варианта развития событий: или странный незнакомец осуществит нечто, им задуманное, или случится чудо и меня спасут из лап маньяка. Одно из двух. Но вовсе не пятьдесят на пятьдесят, потому что вряд ли кто-то заметил мою пропажу. Так стоит ли волноваться и переживать, когда ближайшие события предопределены и неотвратимы? Да и это местечко, насколько могу понять, не из часто посещаемых людьми. Хотя сено на каменном полу подвала чистое и довольно свежее. Но это лишнее доказательство того, что его придут менять очень и очень не скоро.

Так что будущее не представляет для меня интереса, а вот прошлое хотелось бы прояснить. Например, откуда ты взялся на мою голову в парке Доннерталь? Жаль, спросить не могу.

— Нет, я тебя не убью. Ты мужчина крепкий, сильный, внушающий

доверие... Тебя полезнее приручить. Думаешь, не получится? Не торопись. Приручать легче, чем убивать. Требуется меньше сил, гораздо меньше... И времени не так уж много уйдёт. Мне всего лишь нужно дождаться момента, когда ты освободишь своё сознание, а это произойдёт довольно скоро, ведь каждый человек нуждается в отдыхе... Да-да, как только ты начнёшь засыпать, я завладею твоей головой. Предпочитаю делать это естественным путём, хотя, если будешь упорствовать, можно взять и снотворное. Ну что, страшно?

Нисколько. Особенно после того, как ты сказал, что собираешься подчинить мою личность во сне. Я всего лишь усну и проснусь, но уже совсем другим человеком, и не буду помнить ничего из своей прежней жизни. Я не буду помнить, а разве это страшно? Ведь я не смогу и осознать, что что-то забыл.

— Ты будешь исполнять мои приказы и любить меня, как родного отца, сына, брата, любовника... Как всех сразу, вместе взятых. Это нетрудно устроить. И тебе не будет больно. Вот что самое забавное: ты не будешь страдать. Если я этого не захочу.

По-моему, ты больше хочешь меня сломать в здравом рассудке, чем прибегнуть к своим сверхъестественным способностям. «Страдать», «не захочу»... Предполагаю, что скорее всего сулимые тобой страдания будут для меня чем-то вроде наслаждения, ведь ты только что обмолвился о любви, не так ли? Хочешь сделать из меня послушную собачонку? Делай. Только, судя по всему, ты никогда не держал в своём доме животных и не знаешь, что они, по-настоящему любя своих хозяев, с покорной радостью принимают даже побои.

— А ещё ты будешь сообщать мне о том, что думают другие. Будешь залезать в чужие мозги и выворачивать их содержимое наизнанку, чтобы я мог точно знать, в какое место ударить.

А вот это уже угроза посерьёзнее. Действительно, в связке с медиумом такой умелец становится разрушительнее атомной бомбы. И во много раз опаснее, потому что его невозможно будет выделить из толпы. Хотя... Невозможно ли?

Я ведь уже понял, как тебя можно опознать. И другие медиумы поймут, если успеют. Я мог бы научить их и подсказать, но... Зачем трепыхаться? Через час или день Джека Стоуна на свете не станет, а новорождённый голем вряд ли будет испытывать угрызения совести и прочие душевные муки, даже если ему прикажут убивать.

Вот скажи ты, что в любой момент можешь вернуть меня прежнего, вот тогда стоило бы испугаться. Но ты не сможешь. Ты возьмёшь чистое

сознание, наполнишь его тем, что тебе угодно, и в моей голове больше не останется свободного места. Ни для чего.

Я не боюсь. Я просто устал. И мне чертовски хочется спать, это верно. Хочется так сильно, что, пожалуй, больше не буду бороться со сном. Эй, ребята, если кто-то желает меня спасти, сделайте это прямо сейчас, иначе опоздаете!

А в следующую минуту я едва не поверил, что мои собственные мысли обрели силу вторгаться в чужие сознания, потому что дверь подвала открылась. Собственно, изнутри засова на ней и не было, так что мой похититель мог только забаррикадировать проход, но не запереть, а прилагать усилия к перетаскиванию тяжёлых мешков, видимо, показалось погонщику чужих мыслей занятием недостойным, поэтому на пути девушки, шагнувшей через порог, не оказалось ни малейших преград. Если не считать самого чернявого маньяка. Впрочем, новый персонаж, явившийся пред моими очами, тоже вызывал сомнения в нормальности.

Невысокая, поразительно хрупкая, можно сказать, кожа да кости, девушка явно происходила родом с Востока, причём совсем не Ближнего. Бледная кожа цвета подсохшей пенки на топлёном молоке, узкий разрез тёмных глаз, прямые, невероятно густые и даже на вид жёсткие чёрные волосы до плеч, подстриженные строгим каре с длинной чёлкой, нос, не выступающий вперёд, как у европейцев, а словно приплюснутый. Но всё это, как и облегающий костюмчик, похожий на спортивный, и даже кобура на поясе были вполне в рамках обыденности, а вот шейное украшение... Вернее, я только на первый взгляд решил, что это украшение, а присмотревшись, ужаснулся.

Шею девушки плотно облегал терновый венец. Ну да, совсем такой же, как у Христа на распятиях, только сделанный, по всей видимости, из медицинской стали. И шипы, похоже, были заточены на совесть, потому что в тех местах, где они касались кожи, виднелись яркие пятнышки крови.

— Он здесь, — бесстрастно сообщила девица в микрофон изящной гарнитуры, закреплённой на левом ухе.

Чернявый сплюнул в сено под своими ногами:

— Дрянь... Ты всё-таки меня нашла.

— Вы знаете правила: без резких движений, без попыток давления. — Равнодушие в голосе вновь прибывшей осталось прежним, зато её рука обзавелась пистолетом. Дамским, разумеется, но вполне убойным.

— Иначе что? Застрелишь меня?

Ответа не последовало, видимо, девица чего-то ждала, сосредоточенно-равнодушно держа чернявого на мушке. И дождалась.

Он вошёл в подвал неторопливо, как человек, знающий себе цену и привыкший получать заслуженные почести хотя бы в виде уважения. Высокий мужчина, чуть сутулящийся, но скорее от возраста, тянущего к земле, чем по старой привычке не выделяться на общем фоне. Морщинистое лицо, особенно когда я смог увидеть его в профиль, напомнило мне своим внутренним благородством портреты венецианских дождей. Но больше всего удивляло не появление благообразного старика, а его облачение. Строгий чёрный костюм с белой полоской на воротничке. Он что, священник? Настоящий?

— Ай-ай-ай, Родерико, как же надолго ты нас покинул... А мы уже соскучились по тебе. Пора домой, мальчик мой.

— Магистр так хочет меня видеть, что послал своих лучших гончих? — скривился чернявый. — Можете передать ему: я не вернусь.

— Полагаю, это решать не тебе, Родерико. Ты самовольно оставил приход и не подавал вестей о себе почти полгода. Что ты делал всё это время? Пора дать отчёт.

— Угадай сам, если ты так умён, как о тебе говорят!

— Я не гадаю там, где под рукой есть факты, — спокойно возразил священник. — Зачем ты ввязался в убийства, мальчик мой? Ты желал сражаться? Так что мешало тебе подать прошение магистру? И твоя страсть нашла бы себе достойное применение.

— Я просил, и ты знаешь об этом, старикан! Просил... Но он отказал мне. Улыбнулся и отказал.

— Значит, такова была воля Господня.

— Не Господня, а его воля, только его! — зло выкрикнул мой похититель. — Он решил, что лучше знает, кому какой путь предначертан? Так вот, свой путь я выбрал сам. Сам! И доказал, что могу пройти по нему!

— И ты ушёл слишком далеко, — с тихой скорбью, словно завершение молитвы, произнёс старик.

— А я не собираюсь останавливаться! Я понял, в чём заключается предназначение таких, как мы! Нам суждено править этим миром, а не прятаться по щелям. Править! Ты понимаешь, что это значит?

Священник посмотрел на чернявого с искренним сожалением не только во взгляде, но и в грустной улыбке.

— Теперь и я понимаю, почему магистр отказал тебе.

— Это же так просто, править! — Маньяк воздел руки к потолку. — Если Господь подарил нам такую власть, разве не самым смертным грехом будет отказываться от неё?

Старик покачал головой, тяжело вздохнул и повернулся к чернявому

спиной, показывая, что разговор окончен.

— Эй, не отворачивайся! Я хочу видеть твои глаза, когда... — Последовал судорожный взмах рукой, указывающий в мою сторону. — Когда этот человек умрёт.

О, мы передумали обзаводиться домашним питомцем? Ну конечно, сейчас речь идёт об отстаивании некоего права на личную свободу и самостоятельность, а в таких делах все средства хороши. Особенно заёмные.

— Тебя я заговорить не могу, твоя маленькая дрянь тоже приняла меры, а вот он совершенно беззащитен!

Меры? Имеет в виду шипастое ожерелье? Но как оно способно помочь? Оно всего лишь причиняет пульсирующую боль, возможно отвлекающую на себя часть мыслей, но этого ведь слишком мало, потому что основная угроза снаружи. Впрочем, если знать, что любая боль, помимо той, что причиняют шипы, будет заведомо наносной, злоумышленной, её можно разделить, идентифицировать и уничтожить... Стоп. На такое способен только тренированный медиум. Так, значит, эта девица...

«Мы коллеги. Но знакомиться не будем. Некогда».

— Магистр велел доставить меня обратно? И наверняка ведь живым? Да, живым! И я могу делать всё, что захочу, а ты не посмеешь меня остановить!

В следующее мгновение я почувствовал нарастающее давление внутри черепной коробки: лишённая каких-то осмысленных образов и форм волна собиралась накрыть моё сознание и погresti под собой. Наверное, в эту атаку чернявый вложил все имеющиеся силы, и она ужасала своей слепой и притом поразительно быстро и верно находящей дорогу мощью. Но я не успел по-настоящему испугаться, потому что гул внутри моей головы нарушился громким хлопком вовне, хлопком, эхом отразившимся от каменных стен подвала, многократно усилившимся и победившим штормовую волну в состязании голосов...

Девица вернула пистолет в поясную кобуру. Священник ласково провёл ладонью по пелене чёрных волос:

— Спасибо, Арису. Ты, как всегда, ловишь мои мысли на лету.

— Я тоже выбрала свой путь, мио падре. — Она прижалась к груди старика, став похожей в эти мгновения на маленькую беспомощную девочку, а не на опытного и невозмутимого убийцу, каким, судя по всему, и являлась. — Давным-давно.

— Это хороший путь, миа кара.

— Мне всё равно, какой он, хороший или плохой, пока мы идём рядом.

Тут девица, приподнявшись на цыпочках, дотянулась до губ священника и запечатлела на них совсем не детский и не дочерний поцелуй, а тот с видимым удовольствием ей ответил. Захотелось кашлянуть или каким-то другим способом привлечь к себе внимание, но действие релаксанта пока не желало заканчиваться. Ничего не имею против проявления на людях искренних чувств двух влюблённых, но антураж разыгрывающейся сцены мешал и растроганно всплакнуть, и получить удовольствие от зрелища.

— А вы поспите, молодой человек. Посмотрите хорошие сны, а этот забудьте... Если захотите. А если не захотите... — Священник обернулся и лукаво подмигнул мне: — Обсудим всё это в следующий раз.

Конечно. Непременно. Но сначала я как следует отосплюсь, потому что держать глаза открытыми больше нет сил. Никаких.

* * *

Крохотная площадь, окружённая островерхими домами. Аккуратно выложенная, чуть ли не любовно отполированная брусчатка. Вывески лавок яркие, сами по себе даже аляповаты, но не выбиваются из общего образа маленького городка в предгорьях Гарца. Кажется, он называется Гроттмюле? Если верить местной газете, именно так.

Часы на башенке ратуши, выглядящей такой же игрушечной, как все остальные здания, пробили полдень, и снова наступила сонная тишина. Всё правильно, в подобных местах городской рынок работает с раннего утра, а потому часам к десяти-одиннадцати весь товар, привезённый с окрестных ферм, уже распродан, домохозяйки разошлись по своим владениям, отцы семейств отправились кто на муниципальную службу, кто на частное предприятие работником и хозяином в одном лице. До семи часов вечера, как сообщает расписание междугородних автобусов, здесь ловить нечего. Если вообще можно поймать что-то вроде такси. Впрочем, куда мне торопиться? Я сейчас в положении ничуть не лучшем, чем Ева, долго не решавшаяся вернуться в салон в новом для себя качестве.

Не хочу возвращаться.

Страшно ли мне? Не без этого. Но страх, время от времени душной волной поднимающийся к горлу, служит лишь надоедливym фоном, на котором разыгрывается совсем другое действо.

Я никогда не любил спецслужбы, закрытые организации и прочие объединения людей, окутывающие свою деятельность строжайшей тайной,

потому что они живут всего лишь по одному из двух простых сценариев: либо род их занятий действительно представляет риск для спокойного существования человечества, либо под чёрными масками и длинными плащами прячется полный пшик. Но вот ведь в чём главная опасность... Пока не станешь частью тайны, не поймёшь, поистине ли она бесценна, или за неё никто не даст и гроша.

Азиатка, спокойно спустившая курок, и престарелый служитель Господа, живущий в явном грехе. При всей гротескности вида, не говоря уже о поведении, эта парочка не вызывает желания пошутить или улыбнуться. Так же как и чернявый испанец, способный с лёгкостью разрушать чужие сознания. Наверное, безопаснее было бы считать всё это привидевшимся мне от физического и психического перенапряжения кошмаром, тем более, очнувшись от долгого и крепкого сна, я не обнаружил в подвале никого, кроме себя, и, что вполне ожидаемо, никаких следов убийства. Разве только сено, покрывавшее пол примерно в том месте, куда упал застреленным мой похититель, выглядело свежее остального, а валявшийся на полу бумажник был раскрыт, и из внутреннего кармашка высовывался чёрно-серебряный край пластиковой карточки. Спасибо, хоть содержимое не тронули: и деньги, и прочая ерунда остались на месте.

Кстати о деньгах. За чем ещё можно скоротать время в ожидании, если не за чтением газет? На углу площади как раз есть киоск, похоже располагающий тем же ассортиментом печатной продукции, который поступает на столичные прилавки.

Продавец, пожилой мужчина, греющий морщинистое лицо в редких тёплых лучах осеннего солнца, лениво скользнул по мне взглядом и оторвался от своего медитативного приобщения к природе, только чтобы отсчитать сдачу, а я стал обладателем толстого ежедневника, обещающего рассказать о прошедших сутках всё-всё-всё и в красочнейших подробностях. Правда, в основном новости носили местный колорит, но, как справедливо заметила инспектор Шофф, провинциалы на самом деле активнее интересуются жизнью, что бурлит в радиусе не более чем полусотни километров. В конце концов, столица далеко, звёзды политики и эстрады отсюда выглядят едва различимыми и совершенно недостижимыми искорками, поэтому куда важнее узнать метеосводку о возможном времени наступления первых заморозков да посетовать над колонкой транспортной хроники, вот уже месяц кряду сообщающей о том, что единственный мост через Мюленбах по-прежнему закрыт из-за задержек с выделением бюджетных средств на ремонт.

Криминальная хроника, главный десерт любого печатного издания, тоже преимущественно посвящена проделкам местной шпаны, угонам сельскохозяйственной техники и прочим попыткам оживить скучную провинциальную жизнь всеми доступными и весьма ограниченными средствами. Хотя есть и раздел, касающийся убийств. Любопытно, сколько душ за прошедший день отлетело без отпущения грехов на тот свет? Хм. Видимо, много, потому что ряды священников вчера тоже поредели. На одного моего знакомого.

«Вчера вечером на трассе Тюрингия, неподалёку от Хайлигендорф была обнаружена машина с застреленным человеком. Характер ранения и пистолет, найденный рядом с телом, по заключению криминалистов, убедительно свидетельствуют, что погибший покончил жизнь самоубийством...»

Угу. Судя по фотографии, пусть не лучшего качества и сделанной скорее всего полицейским фотографом, не заботившимся о красоте композиции и выигрышности ракурса, я знал покойного. Старый священник называл его Родерико. А уж ссылка на характер ранения... Курам на смех. Любая экспертиза за пять минут докажет, что выстрел был произведён с расстояния большего, чем даже очень сильно вытянутая рука.

Хотя пуля, как ни странно, попала именно в висок чернявого, по счастливой случайности повернувшегося к стрелку вполоборота. Или поворот произошёл вовсе не случайно? Старик ведь тоже не просто так грел своим дыханием подвальный воздух. Если падре обладает тем же талантом, что и мой похититель, то, принимая во внимание ещё и многолетний опыт... Чернявого просто могли заставить повернуться должным образом, ведь для этого нужно было всего лишь усилить одну-единственную мысль. Или даже обрывок мысли. Родерико хотел убить меня, следовательно, подсознательно мог желать видеть моё лицо в момент смерти, потому что, если правильно всё понимаю, убийства медиумов он наблюдал издали, если вообще наблюдал. «Желаешь? Повернись». Просто. Примитивно. И до боли напоминает мне кое-что другое.

«Не хочешь жить? Умри». Если не ошибаюсь, именно такие мысли роились в голове Клариссы Нейман. Кто приказал ей умереть? Было ли это сделано умышленно? Наверное, я никогда уже не узнаю. Ведь известно, что моя Коллегия не располагает достоверными сведениями даже о половине латентных медиумов, а сколько их антиподов может бродить по земле незамеченными? Жутковато становится, если представить, поэтому лучше вернусь к газетным страницам.

«Версию самоубийства подтверждает и найденная рядом с телом

записка, из которой следует, что умерший, Родерико Этано, священник из пригорода Кёльна, принял решение покончить с собой по собственной воле и сознавая всю значимость своего поступка, особенно с точки зрения религии. Но, как следует из записки, именно религиозные ограничения и послужили причиной совершения самоубийства...»

Они ещё и записку состряпали? Молодцы. И когда только успели? Хотя всё произошло вчера примерно в четыре часа пополудни, меня парочка оставила отсыпаться в подвале необитаемого дома, а труп был вывезен и подброшен на удобное для обнаружения место. В связи с чем возникает один-единственный вопрос.

Для чего?

По всем законам логики разумнее было бы спрятать тело так, чтобы его не нашли, или попросту уничтожить, благо возможности для этого наверняка имелись. Но всё было сделано ровно наоборот, да ещё и освещено в прессе. Не нравится мне это. Очень уж похоже на показательную акцию.

А что, если так оно и есть? Помнится, упоминался некий магистр, а значит, есть и орден, которым он заправляет, скорее всего религиозный. Родерико же, насколько можно судить, стал кем-то вроде отступника, а посему заслуживал кары, но не простой, а предупреждающей всех прочих желающих нарушить правила. Хм. Правдоподобно, однако... Слишком наивно.

Сомневающимся братьям во Христе достаточно было бы предъявить фотографии. Или труп, если уж на то пошло. Но зачем допускать к происшествию газеты? Каратели или их начальство явно хотели поставить кого-то в известность, но не столько о случившемся, сколько... Точно. О своих реальных возможностях.

Кому интересно читать про застрелившегося священника? Большинство всего лишь пробежит взглядом по заметке и через пять минут забудет, о чём шла речь. Но тот, кто знает, как всё происходило, непременно насторожится. Самоубийство? Ага, как же. Всё ровно наоборот: убийство, которое крайне легко доказать. Но что я вижу в газете? Экспертиза мямлит ни к чему не обязывающую ерунду. А почему? Может быть, кто-то поработал с экспертами? Кто-то, умеющий внушать разные разности?

Эта заметка, похоже, предназначена лично для меня. Мол, смотри, парень, что нам под силу, смотри и... Восхищайся, ужасайся, злись — нужное подчеркнуть. Впрочем, первое и второе чувство я испытал гораздо раньше, а третье сейчас малопродуктивно. Итак, если мои предположения верны, дальше по тексту я узнаю ответ на какой-то из своих незадаанных

вопросов.

«Будучи священником, Этано исповедовал прихожан и обязан был хранить тайну исповеди, но долг пришёл в противоречие с нравственными устоями, когда исповедник узнал о намерении совершить убийство. Священник приложил все усилия, чтобы образумить и отговорить человека от греховного поступка, но убийство всё-таки было совершено, о чём Этано услышал на следующей же исповеди. Священник счёл невозможным жить дальше с тяжестью греха на своей душе и покончил с собой. Имя убийцы в предсмертной записке он не указал, тем самым до конца исполнив свой долг, что заставляет задуматься над целесообразностью сохранения таких традиций, как исповеди. Случившееся лишний раз убедительно доказывает...»

Ничего оно не доказывает. Заставить священников докладывать в полицию обо всех подозрительных субъектах, в запале или религиозном экстазе фонтанирующих на всю исповедальню безумными идеями? Это вполне реально, но тогда рухнут последние устои всех верований, потому что служители Божьи будут приравнены по сути своей к чиновникам муниципалитета. Может быть, ещё и цены начать назначать? Обычная исповедь — три евро. Исповедь с элементами психотерапии — пять евро. Исповедь без цензуры — семь евро. А уж как можно погреть руки на отпущении грехов! Мммм, просто сказка! Только боюсь, святые отцы уже давно и успешно реализовали этот механизм отъёма денег у верующих. Ведь есть пожертвования, не так ли? Просто, мило и невинно, даже если все вокруг знают, за прощение каких проступков почтенный бюргер отвалил церкви половину своего годового дохода. Но в этом смысле церковь может оказаться сговорчивее ревнивой жены, которая потребует всё без остатка.

Что ж, спасибо вам, господа. Теперь я знаю, как и где пути Родерико и Матиаса сошлись вместе. И ведь как всё просто! Герр Холле был откровенен на исповеди, а священнику только это и нужно было, чтобы начать действовать, потому что все мысли будущего убийцы оказались на ладони у субъекта, тоже крайне недовольного своим положением и сложившимися обстоятельствами, но в отличие от большинства людей обладающего неконтролируемым могуществом. Что можно сказать? Они нашли друг друга: послушное орудие и рука, его направляющая.

О, ещё одна маленькая заметка в том же разделе!

«Вчера днём в психоневрологической клинике Доннерталь скончался накануне арестованный за свои преступления серийный убийца. Смерть произошла по естественным причинам, от остановки сердца. Убийца не

успел дать показания по ведущемуся расследованию, но полиция утверждает, что имеющихся улик вполне достаточно, чтобы...»

Значит, резчик всё-таки умер. Наверное, так для него будет лучше, ведь вряд ли кто-то когда-нибудь смог бы вернуть его к полноценной жизни. Хотя, умея запускать процесс уничтожения, вполне можно уметь и поворачивать его вспять... Впрочем, это уже мои домыслы. Как сказал Макс? Лично меня, к примеру, уже переделать невозможно, разве что вернуть всё обратно, произведя спайку нейронных контуров, правда, на это доктора Лювига явно не уговорить, а лечь под скальпель кого-то другого я не соглашусь. Как бы мне ни хотелось стать прежним, что-то в глубине моего сознания удручённо качает головой и шепчет: не сможешь.

«Но когда обернётся зимой весна и тебе клетка правды станет тесна...» Да, в ту клетку я уже не смогу вернуться. Но кто поручится, что сейчас вокруг меня не смыкаются прутья новой?

— Что нового происходит в мире? — спросил из-за моего левого плеча знакомый голос.

Светло-золотистое пальто с огромным воротником, которым можно накрыть голову, как капюшоном, мягкое и нежное: лучшего контраста с идеальными, даже чуточку скуповато-правильными чертами фройляйн Штерн было бы трудно желать. Разве что ещё в качестве обрамления портрета подошла бы нежная пена кружев, непременно цвета кофе с молоком или заката накануне ветреного дня... М-да. Мир не стоит на месте и не носит подолгу одни и те же платья, но что-то в нём всё же остаётся неизменным. И это замечательно!

— Кто-то умер, кто-то родился. Как обычно.

— Значит, пока живём, — резюмировала Анна и без паузы спросила: — Какими судьбами в этом забытом богом уголке?

— По воле обстоятельств и людей, их создающих. А вы?

— Я часто бываю здесь. Это, если можно так выразиться, место моего паломничества.

— К святыням?

Улыбнувшись в ответ на моё недоумение, фройляйн Штерн кивнула:

— Да. Но конечно же для кого-то они покажутся ничего не стоящими развалинами.

Понятно. Скорее всего где-то здесь был дом её предков. Забавно, но я даже в чём-то завидую обладателям семейных руин, у меня-то нет корней, к которым можно было бы припасть. Родственники в Англии? Я толком их не знаю, а мама о своих родных вообще никогда и ничего не рассказывала. Вот и получается, что мой дом — Ройменбург. А что, очень даже неплохо:

целый город вместо семейного очага... Нет, слишком грандиозно. С этой мыслью сначала надо свыкнуться.

— Вы ещё долго собираетесь пробыть здесь, Джек?

— Нет. Собственно... Я жду вечернего автобуса.

— А мой экипаж не подойдёт? — Она взмахнула рукой, указав на серебристую «ривьеру», припаркованную неподалёку.

Странно. Ещё полчаса назад этой машины не было. Неужели я настолько зачитался газетой, что не услышал даже звука работающего двигателя? Вот растяпа! Но отказываться от столь щедрого и удобного приглашения было бы глупо.

— Буду премного благодарен, если подвезёте.

— Поверьте, это не составит мне труда. Ни малейшего. До новой встречи, герр Губер!

Кому это она? Кроме меня и человека, торгующего газетами, рядом никого нет.

— Доброго пути, фройляйн! — Киоскёр привстал со своего стульчика и с видимым удовольствием изобразил кивок, больше похожий на поклон.

Они знают друг друга? Любопытно. Нет, разумеется, если Анна часто бывает в Гроттмюле, она вполне может быть близко знакома с его обитателями. Так что же меня смутило? Взгляд. Взгляд, которым меня проводили. Мужчина словно сфотографировал моё лицо, проявил фотографию, вклеил в досье и написал рядом что-то вроде «обратить особое внимание ввиду близости к фройляйн Штерн». Прямо служба безопасности какая-то...

— Забирайтесь.

Я открыл дверь машины и устроился на сиденье. Анна, прежде чем занять место водителя, бросила снятое пальто назад, оставшись в платье хоть и свободного покроя, тем не менее подчёркивающим все линии идеальной фигуры. Интересно, когда эта женщина устанет соблазнять? Наверное, не раньше, чем станет прабабушкой.

— Немного музыки?

— Как вам будет угодно.

Она прибавила громкости проигрывателя, и салон «ривьеры» наполнился звуками.

Ты пришла сюда по осенней траве
Непреклонным шагом судьи,
Без царя в неприкаянной голове
И без Бога в пустой груди.

Тяжёлая роковая мелодия и отрывисто-гулкое исполнение. Этот голос я уже слышал однажды, правда, совсем в другой тональности.

Не просила наград, не боялась молвы,
Не кляла дурную судьбу,
Никогда не жалела, что лица живых
Можешь видеть только в гробу.

Чёткий ритм вдруг сменился тягучей патокой, сила которой всё нарастала и нарастала, грозя полностью затопить сознание:

Полукрик, полуплач, полувои, полустон
От пролога времён к эпилогу времён,
По тебе и по мне, в громе и в тишине,
В каждом прожитом дне и непрожитом дне...

Остановка. Резкий обрыв мелодии, переходящий в скупые, нарочито простые гитарные аккорды:

Лишь на тризне последней безвинной души
Губы крепко сожмёт баньши.

- Какая странная песня.
- Не менее странная, чем её героиня, — усмехнулась Анна.
- Героиня?
- Баньши. Вы знаете, кто она такая?
- Признаться, нет. Что-то ирландское, судя по звучанию?
- Да. Это персонаж легенд. Дух. Или иначе — фейри. Говорят, что баньши живут при старинных родах, опекая их и своим плачем возвещая о близкой кончине каждого члена семьи.
- А если вымрет весь род? Баньши перебирается на новое место жительства?
- Фройляйн Штерн качнула головой:
- Нет. Она гибнет вместе с последним из своих подопечных.
- Тогда в нашем мире должно было остаться очень мало этих духов.

— Наверное. Но существует старинная легенда о том, что одна баньши, оплавав смерть своей семьи, не захотела погибнуть, а заключила сделку с христианским Богом, обретя жизнь почти что вечную.

— Каким же образом?

— Получив под свою опеку вместо одного рода другой. Род человеческий. И пока не умрёт последний из людей, будет жить и она.

— Вечная жизнь в рыданиях? Стоило ли оно того?

— Спросите у неё сами, если встретите.

Неприменно спрошу. Может быть, ответ смертного духа, заполучившего бессмертие, поможет мне понять, какие вещи имеют цену, а какие нужно выбросить прочь и забыть. Осталось только найти эту плакальщицу.

То при свете дня, то в полуночной мгле
Души прочь бегут от людей.
Ты совсем одна на бескрайней земле,
Но за всеми должна глядеть.

В переливах рыданий то здесь, то там
Слышен злобной радости смех:
Не отвергнута Богом, но не свята,
Ты успеешь оплакать всех.

Полукрик, полуплач, полувовай, полустон
От пролога времён к эпилогу времён,
По тебе и по мне, в громе и в тишине,
В каждом прожитом дне и непрожитом дне...
Лишь на тризне последней безвинной души,
Губы крепко сожмёт баньши.

— Вы похожи на рыцаря, возвращающегося из похода, — вскользь заметила Анна. — Ну как, нашли свой Грааль?

— Скорее узнал, что он существует. А вот искать его или не искать... Это решение для следующего похода.

— Но прекрасная дама ждёт вас в воротах замка?

Её вопрос прозвучал странно. В нём слышался и неподдельный интерес, и какая-то обречённость, словно фройляйн Штерн знала, что место уже занято, и немного грустила об этом.

— Разве только своего. В моём женщины пока не задерживались надолго.

— Жалеете?

— Может быть.

— А они жалеют? Те, кто приходил и уходил?

Точёный профиль Анны. Уютное сиденье, перенявшее все изгибы тела. Мелькающие за окнами деревья. Тихое, еле слышное урчание двигателя. Солнечные зайчики на капоте машины. Кажется, что ничего больше нет на свете, только дорога, ведущая к...

Храму?

Но Господь терпелив и не будет торопить ни меня, ни женщину, сидящую рядом со мной. Наверное, потому, что мы оба уже давно стоим на пороге святыни и в любое мгновение можем положить ладони на дверную ручку.

— Хотите проверить?

Она приподняла бровь:

— Это предложение?

Ещё можно поменять тему и всё обратить в шутку. Но останавливаться уже нельзя, да и не хочется.

— Предложение.

— Помнится, в прошлый раз вы отказались.

— Тогда я боялся.

— А теперь? — Шины зашуршали по мелкому гравию съезда с дороги.

Теперь я знаю врага в лицо и буду искать оружие для борьбы. Но поход оказался невероятно утомительным, а что требуется рыцарю, вернувшемуся домой? Любовь и ласка.

— Теперь обстоятельства изменились.

— Вы говорили, что я привыкла подчинять.

— И не беру свои слова обратно. Но разве здесь и сейчас власть — это именно то, в чём вы нуждаетесь?

Машина остановилась. Анна убрала ладони с руля, положила затылок на подголовник и закрыла глаза:

— Сейчас мне нужно тепло. И кто-то рядом, чтобы не чувствовать себя одинокой.

Сочтены наши сроки на небесах
И в пожарах адских глубин,
Только танец под дудку смерти плясать

Человек не будет один.

По мгновению, как в песочных часах,
Утекает шальная жизнь,
Но всегда последнюю горстку песка
Согревает ладонь баньши.

Полукрик, полуплач, полувои, полустон
От пролога времён к эпилогу времён,
По тебе и по мне, в грое и в тишине,
В каждом прожитом дне и непрожитом дне...
Лишь на тризне последней безвинной души,
Губы крепко сожмёт баньши.

Одинокой? А певица уверяет, что даже встречаться со смертью мы будем не один на один. Так стоит ли бояться, когда разумнее спокойно ждать?

У каждого из нас свой путь. Кто-то убивает, кто-то ловит убийц, кто-то грешит, кто-то отпускает грехи. Когда-нибудь баньши возвестит приход и нашей смерти, но пока тишина не разорвана плачем, её можно наполнить теми песнями, что обычно поются без слов.

Вместо эпилога

— И как вам это удаётся, синьоре Джек?

— Что именно, Бобби?

— Выглядеть одновременно уставшим и воодушевлённым.

Я невольно посмотрел в мутное стекло антикварного зеркала. Воодушевлённый? Немного расслабленный, это точно. И определивший, в какую сторону нужно двигаться дальше, но при этом жутко ленившийся начинать движение.

— А-а-а! — вдруг всплеснул руками Аньяри. — Кажется, я угадал ваш секрет!

— Да нет никакого секрета. Это просто...

— Женщина! — Итальянец понимающе закивал головой. — Какая-нибудь прекрасная донна, ибо никто больше не способен одновременно отнять у мужчины силы и вселить надежду!

Тогда получается, что женщин было целых две и каждая занималась своим собственным делом, но в такие тонкости я посвящать посторонних не буду.

— Что-то прояснилось с Несвященным писанием?

— С писанием? О да, конечно! — спохватился Роберто. — Оказывается, заказ не был вручён, потому что заказчик передумал.

— Не захотел платить?

— О нет, ни в коем случае! Он заплатил вдвое больше с условием, что писание будет храниться в нашей семье, пока кто-то не пожелает его прочитать. Так что, синьоре Джек, теперь оно ваше! — Аньяри торжественно достал из шкафа деревянный ларец и протянул мне.

— Прочитать? Я не знаю латинского языка, а оно ведь наверняка написано на латыни.

— К нему приложен и перевод на нескольких других языках, синьоре, не беспокойтесь. Его делали лучшие латинисты, как мне сказал отец.

— Тогда всё это должно стоить немалых денег, верно?

Итальянец важно надул щёки:

— Обижаете, синьоре! Разве я произнёс хоть слово о деньгах? Разве я хоть единой мыслью подумал о них? Мужчины из рода Аньяри свято выполняют пожелания клиентов. Если было сказано передать по первому требованию и безо всякой платы, так тому и быть!

Спорить, похоже, бесполезно. В любом случае я ведь могу

удовольствоваться переводом, а оригинал вернуть в лавку. До следующего любопытствующего, к примеру. Но сначала...

Сначала я хочу прикоснуться к тайне, чтобы понять, сколько соглашусь за неё заплатить.